10. Ef. 111

10.С.1.111.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

и

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ.

2

Томъ второй:

Х. Инсаровъ: Болгарія.
П. Звѣздичъ: Венгрія.
А. Ковровъ: Германія.
Ю. Стекловъ: Голландія.
Д. Григорьевъ: Греція.

Приложеніе:
Е. Смирновъ: Пропорціональное представительство.

РЕДАКЦІЯ

Є. Смирнова.

10 фот. 125 3

13 портретовъ и 5 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ Н. ГЛАГОЛЕВА:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

въ Западной Европѣ и Сѣв.-Амер. Соединен. Штатах

Редакція *Е. Смирнова.*—Предисловіе проф. *Ю. Гамбарова.*

Четыре тома, свыше 1500 стр. текста и 80 рисунковъ и портретовъ выд
ющихся политическихъ дѣятелей на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаг

Содержаніе:

Томъ I: Проф. **Ю. Гамбаровъ:** Предисловіе.—**П. Звѣздичъ**
Австрія.—**Д. Сатуринъ:** Англія.—**Ю. Стекловъ:** Бельгі
XXXII+322 стр. текста.

Рисунки и портреты:

***Австрійскій рейхсратъ, Англійскій парламентъ, Бельгійска
палата депутатовъ** (два снимка); **Адлеръ, Бальфуръ, Бемъ-Баверк
Бернсъ, Вандервельдъ, Вустъ, Гроссъ, Жансонъ, Лехеръ, Кайер
Гарди, Крамаржъ, Морлей, Нежанъ, Розбери, Чемберленъ, Шенерер*

Томъ II: **Х. Инсаровъ:** Болгарія.—**П. Звѣздичъ:** Венгрія.—
А. Ковровъ: Германія.—**Ю. Стекловъ:** Голландія.—**Д. Гри
горьевъ:** Греція.—*Приложеніе*: **Е. Смирновъ**: Пропорціональ
ное представительство.—IV+333 стр. текста.

Рисунки и портреты:

***Болгарская палата депутатовъ, Венгерскій парламентъ** (дв
снимка), **Германскій рейхстагъ, Голландскій парламентъ; Балл
стремъ, Даневъ, Деллianисъ, Домела-Ньювенхейсъ, Каниц
Кардофъ, Кошутъ, Куперъ, Пааше, Петровъ, Рихтеръ, Селл
Штекеръ.***

Томъ I и II вышли изъ печати и поступили въ продажу.

Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ **2** р. **25** к.

Томъ III (печатается): **Е. Линденъ:** Данія.—**А. Литинскій**
Испанія.—**Л. Шейнисъ:** Италія.—**А. Литинскій:** Порт
галія.—**Х. Инсаровъ:** Румынія.—**Х. Инсаровъ:** Сербія.—
И. Гурвичъ: Сѣв.-Америк. Соединен. Штаты.—*Приложеніе*
В. Водовозовъ: Избират[illegible] право.—*Рисунки и портреты*

Томъ IV: Турція.—Франц[illegible]и.—Швеція. *Съ прило
женіемъ статьи:* „Избират[illegible]а“ и общаго предметна
и именного указателя.—*Рису[illegible]ты.*

Подписная цѣна бе[illegible] . . . **6** р. — к.
„ „ съ[illegible]нкою . **7** „ **50** „
За тисненый золото[illegible]о 50 коп. за томъ.

Допускается разсрочка: при п[illegible]ученіи I, II, и III т.т. п
2 р. 50 к. или—при подпискѣ [illegible]полной уплаты подписно
цѣны ежемѣсячные взносы от[illegible]

Съ требованіями просятъ [illegible]*ключительно* въ контор
книгоиздательства Н. Глаголе[illegible]*ргъ, Невскій пр., 92.*

Ma. 67.
10.E.f.III.
256808

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

и

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ

въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ.

Томъ второй.

РЕДАКЦІЯ

Е. Смирнова.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

10Ef 111

18л.

256808 кр04

ПР

Типо-литографія Е. М. Вольфа, Разъѣзжая, д. 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Болгарія. Очеркъ *Х. Инсарова.*

Глава I: Болгарская конституція 3
„ II: Соціально-экономическій бытъ 6
„ III: Политическія партіи 12

Венгрія. Очеркъ *П. Звѣздича.*

Глава I: Національный вопросъ въ Венгріи 41
„ II: Австро-венгерскія отношенія 51
„ III: Конституція 64
„ IV: Политическія партіи 79

Германія. Очеркъ *А. Коврова.*

Глава I: Имперская конституція 95
„ II: Всеобщее избирательное право 107
„ III: Народно-хозяйственная жизнь. 123
„ IV: Консервативная партія 134
„ V: Либеральная партія 155
„ VI: Центръ. 175
„ VII: Рабочая партія. 184
„ VIII: Національныя группы 207

Голландія. Очеркъ *Ю. Стеклова.*

Глава I: Народно-хозяйственная жизнь и государственный строй. . 221
„ II: Конфессіональныя партіи. 231
„ III: Либеральная партія 249
„ VI: Рабочая партія. 263

Греція. Очеркъ *Д. Григорьева.*

Глава I: Общія свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи 273
„ II: Политическія учрежденія 276
„ III: Партіи и политическая борьба 280

Приложеніе:

Пропорціональное представительство. Очеркъ *Е. Смирнова.* 293

Болгарская палата депутатовъ.

БОЛГАРІЯ.

I.

Болгарская конституція.

Пятивѣковое турецкое иго, вмѣстѣ съ разными дурными послѣдствіями, привело и къ одному неожиданному результату, который уже игралъ и будетъ еще играть важную роль въ политической жизни страны. Мы имѣемъ въ виду демократическій характеръ болгарскаго народа. Слово „демократическій“ не нужно понимать здѣсь въ его политическомъ смыслѣ,—ибо пока не было политической свободы, нельзя было и думать о какомъ бы то ни было политическомъ сознаніи массъ,—а въ смыслѣ отсутствія сословныхъ различій. Сословіе боляровъ — соотвѣтствующее западнымъ феодаламъ— исчезло, слившись съ турецкимъ племенемъ, потерявъ и свою національность, и религію и сохранивъ лишь свои привилегіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно порвало духовныя связи съ массой и потеряло всякое вліяніе на нее. Это сліяніе произошло въ теченіе первыхъ-же вѣковъ турецкаго господства, такъ что для послѣдующихъ поколѣній исчезло даже и воспоминаніе о существованіи болярскаго сословія. Освобожденіе застало Болгарію страной полуземледѣльческой, полупастушеской, съ развитымъ мелкимъ ремесленнымъ производствомъ, въ которой, какъ увидимъ дальше, классовыя различія и классовая борьба только начинала намѣчаться. Неудивительно, поэтому, что конституція вновь учрежденнаго княжества носила ярко-демократическій характеръ.

Болгарія—конституціонная монархія. Въ силу конституціонной фикціи, князь „царствуетъ, но не управляетъ“. Исполнительная власть находится въ рукахъ министровъ, а законодательная—палаты депутатовъ, выбираемой тайной, прямой и всеобщей подачей голосовъ на пятилѣтній срокъ,

по одному депутату на 20.000 жителей. Активнымъ избирательнымъ правомъ пользуется каждый совершеннолѣтній болгарскій гражданинъ, безъ различія религіи и національности; пассивнымъ—каждый гражданинъ, имѣющій 30 лѣтъ отроду и умѣющій читать и писать. Избраннымъ считается тотъ, кто при первомъ-же голосованіи получаетъ относительное большинство голосовъ, такъ что въ Болгаріи—какъ и въ Англіи—нѣтъ перебаллотировокъ. Процедура выборовъ опредѣляется спеціальнымъ закономъ, который уже нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ, имѣвшимъ цѣлью обезпечить независимость избирателей. Въ силу нынѣ дѣйствующаго закона, предсѣдателемъ выборнаго бюро является назначенный по жребію членъ суда, который распоряжается и охраненіемъ порядка. Провѣрка депутатскихъ полномочій принадлежитъ самому Народному Собранію.

Болгарія распредѣлена административно на 20 департаментовъ (округи). Во главѣ каждаго изъ нихъ находится окружной управитель (префектъ). Округи раздѣляются на околіи, соотвѣтствующія французскимъ arrondissements, а околія—на общины. Во главѣ околіи находится околійскій начальникъ (су-префектъ), а во главѣ общины—кметъ (мэръ), выбираемый общиннымъ совѣтомъ, который, съ своей стороны, избирается населеніемъ всеобщей и прямой подачей голосовъ. Подобныя-же учрежденія существуютъ и въ городахъ и называются градски совѣты.

Общинные и городскіе совѣты занимаются хозяйственной администраціей городовъ и общинъ. Ихъ постановленія подлежатъ санкціи префектовъ и министра внутреннихъ дѣлъ. Въ извѣстномъ отношеніи коммунальное самоуправленіе въ Болгаріи шире и пользуется большими гарантіями, чѣмъ, напр., во Франціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ права уволить или временно отставить отъ должности мэра,—какъ это бываетъ во Франціи,—если онъ не заручился согласіемъ такъ называемой Постоянной Комиссіи, т. е. постояннаго присутствія окружныхъ совѣтовъ (Conseils Généraux), также выбираемыхъ всеобщей подачей голосовъ и завѣдующихъ экономическими интересами округа. Полномочія какъ окружныхъ, такъ и городскихъ и общинныхъ совѣтниковъ продолжаются три года. Въ Болгаріи насчитываютъ 1795 общинныхъ совѣтовъ. Впрочемъ, детальная организація этихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія опредѣляется не самой конституціей, а спеціальными законами.

Изъ другихъ параграфовъ конституціи отмѣтимъ еще слѣдующіе.

Параграфъ 79 обезпечиваетъ полную свободу печати. Со-

гласно конституціи, каждый болгарскій гражданинъ имѣетъ право издавать и печатать газеты и журналы, не испрашивая на это никакого предварительнаго разрѣшенія. Конституція воспрещаетъ требовать отъ издателей залога, или же облагать издателей какимъ бы то ни было налогомъ. Кромѣ того, для проступковъ, совершаемыхъ путемъ печати, установлена личная отвѣтственность автора, а не коллективная, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ отвѣчаетъ и авторъ, и отвѣтственный редакторъ. По болгарской конституціи, послѣдній отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ, если авторъ не находится на болгарской территоріи или же неизвѣстенъ [1]). § 83 обезпечиваетъ свободу союзовъ и сообществъ, преслѣдующихъ цѣли, не находящіяся въ противорѣчіи съ основными законами страны.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ установленіяхъ конституціи, но уже изъ того, что было сказано о послѣдней, видно, какіе широкіе демократическіе принципы формально легли въ ея основу. Но на практикѣ эта конституція проводится постольку, поскольку дозволяетъ данное соотношеніе фактическихъ силъ. Во время Стамбулова, когда въ странѣ не существовало никакой серьезной оппозиціи, она была сведена до жалкаго минимума. Вмѣсто свободы печати, дѣйствовала цензура—вопреки конституціи, конечно—околійскихъ начальниковъ. Свобода собраній и союзовъ точно также фактически не существовала. О свободѣ выборовъ и независимости избирателей нечего и говорить, такъ какъ еще и теперь болгарская практика сильнѣе болгарской конституціи. Находящаяся у власти партія, благодаря практикѣ оффиціальной кандидатуры, всегда побѣждаетъ на выборахъ. Со времени введенія конституціи оппозиція только два раза одерживала верхъ на выборахъ: въ 1884 году, при министерствѣ Цанкова, когда побѣдила либерально-радикальная фракція Каравелова, и въ 1900 году, при министерствѣ генерала Петрова, когда точно также побѣдили оппозиціонныя фракціи. Мы увидимъ, что причина этой политической неурядицы скрывается глубоко въ общественно-экономическихъ отношеніяхъ страны.

---

[1]) Когда этотъ очеркъ уже былъ набранъ, палата депутатовъ приняла, по настоянію стамбуловистовъ, законъ, наказующій тюремнымъ заключеніемъ до пяти лѣтъ и штрафомъ до 3,000 фр. оскорбленіе въ печати князя и членовъ его фамиліи. Законъ этотъ, которому, по общему убѣжденію, не суждено долго оставаться въ силѣ, вызванъ былъ рѣзкими нападками въ печати на князя, вручившаго власть стамбуловистамъ, не имѣющимъ большинства въ странѣ,—что противорѣчитъ конституціи.

Наконецъ, князь не ограничивается своей декоративной ролью конституціоннаго монарха, а является фактическимъ руководителемъ и внутренней, и иностранной политики Болгаріи. Такъ какъ, въ силу конституціи, онъ назначаетъ министровъ, а министры, съ своей стороны,—уже не въ силу конституціи, а административнымъ давленіемъ,—опредѣляютъ политическую физіономію палаты, то становится очевиднымъ, какое громадное вліяніе имѣетъ князь на ходъ политическихъ событій. Пока ему выгодно, онъ удерживаетъ данную партію у власти. Потомъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ,—въ большинствѣ случаевъ далеко не конституціоннымъ,—онъ отставляетъ министровъ, назначаетъ новыхъ, которые, со своей стороны распускаютъ палату и подготовляютъ новые выборы. Такимъ образомъ, несмотря на то, что конституціонныя полномочія палаты должны нормально длиться пять лѣтъ, не проходитъ почти года, чтобы въ Болгаріи не было общихъ законодательныхъ выборовъ. Такъ, со времени паденія Стамбулова, т. е. съ половины 1894 г., до настоящаго времени, составъ палаты мѣнялся семь разъ. Политическія партіи, зная, что достиженіе ими власти зависитъ отъ степени симпатіи князя, не осмѣливаются рѣшительно стать на путь опредѣленной демократической политики, въ результатѣ которой явилось бы уничтоженіе или уменьшеніе до минимума произвола верховной власти.

II.

Соціально-экономическій бытъ.

Борьба политическихъ партій въ Болгаріи будетъ для насъ неясна, ихъ развитіе, перемѣна въ ихъ программахъ ничѣмъ необъяснимымъ или, во всякомъ случаѣ, очень произвольнымъ, если мы не ознакомимся предварительно съ соціально-экономическимъ бытомъ болгарскаго населенія. Лишь прослѣдивъ эволюцію, происходившую въ средѣ различныхъ классовъ болгарскаго народа, въ связи съ экономическимъ развитіемъ страны, мы сумѣемъ выяснить себѣ и идеологію болгарскихъ политическихъ партій.

Какъ въ странѣ преимущественно земледѣльческой, и притомъ еще примитивно-земледѣльческой, совокупность природныхъ стихійныхъ условій играетъ въ экономической жизни Болгаріи преобладающее вліяніе. Если, напримѣръ, мы бросимъ бѣглый взглядъ на таблицу болгарскаго вывоза, то замѣтимъ такія значительныя колебанія: въ 1896 г. вывезено продуктовъ на 109 милліоновъ франковъ, а три года спустя,

въ 1899, вдвое меньше, т. е. всего на 54 милл. Но это неудивительно, если принять во вниманіе, что годъ былъ неурожайнымъ, и что болгарскій вывозъ заключается, главнымъ образомъ, въ земледѣльческихъ продуктахъ. Земледѣліемъ занимается 72% всего болгарскаго населенія. Что касается распредѣленія земельной собственности среди этихъ 72% населенія, то въ Болгаріи преобладаетъ и относительно, и абсолютно мелкая собственность. По аграрной статистикѣ 1897 г., на категорію мелкой собственности (такой считаются участки отъ 5 до 100 декаровъ) приходится $19^1/_2$ милліоновъ декаровъ, распредѣленныхъ между 698,000 владѣніями. На среднюю собственность (отъ 100 до 1000 дек.) приходится 17,7 мил. дек., принадлежащихъ 100,610 владѣніямъ. Наконецъ, крупная собственность (отъ 1000 до 5000 дек.) охватываетъ площадь въ $2^1/_2$ милл. декаровъ, составляющихъ 948 владѣній.

Мелкая собственность образовалась въ Болгаріи еще во время турецкаго владычества. По государственнымъ соображеніямъ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, турецкій управитель дунайской области, извѣстный Мидхадъ Паша, распредѣлилъ въ 1868 г. всѣ государственныя земли между всѣми крестьянами какъ турками, такъ и болгарами, причемъ каждый крестьянинъ получилъ надѣлъ соотвѣтственно имѣвшемуся у него въ то время инвентарю—количеству скота и земледѣльческихъ орудій.

Другимъ важнымъ періодомъ въ исторіи образованія мелкой собственности въ Болгаріи является первое десятилѣтіе послѣ освободительной войны 1877—78 г. Война послужила сигналомъ бѣгства турецкихъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ; они боялись мести мѣстнаго христіанскаго населенія, среди котораго была жива память объ ихъ притѣсненіяхъ, грабежахъ и убійствахъ. Послѣ образованія независимаго болгарскаго княжества, эмиграціонное движеніе захватило и турецкую массу мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ. Турецкое населеніе не могло примириться съ мыслью, что вчерашніе христіанскіе „райи“, къ которымъ оно питало глубочайшее призрѣніе, становились господами. Варварскія племена, со своей наивной душой, всецѣло преданной одной извѣстной религіозно-фанатической идеѣ, труднѣе примиряются съ политическими перемѣнами, нежели цивилизованные народы. Въ данномъ случаѣ турецкое правительство привлекало эмигрантовъ обѣщаніемъ дать имъ землю въ Малой Азіи, а болгарское правительство не дѣлало, со своей стороны, ничего, чтобы ихъ удержать. Болгарское же населеніе прибѣгало къ насиліямъ, желая ускорить выселе-

ніе турокъ и завладѣть ихъ землею, которую турецкіе эмигранты продавали за безцѣнокъ. Тѣ изъ турецкихъ помѣщиковъ, которые среди пожаровъ и смуть могли сохранить свои документы на владѣніе землею, впослѣдствіи вернулись, чтобы продать свои участки.

Такимъ образомъ, всѣ болгарскіе крестьяне оказались собственниками. Врядъ-ли есть въ Европѣ другая страна, исключая Францію временъ великой революціи, въ которой народъ такъ быстро пріобрѣлъ главное орудіе труда, землю, какъ это произошло въ Болгаріи. Мы ограничимся одной цифрой, показывающей, какія широкіе размѣры приняло это превращеніе вчерашнихъ рабочихъ въ собственниковъ. Такъ въ Тырново-Сейменскомъ округѣ $^{9}/_{10}$ земледѣльческихъ рабочихъ, работавшихъ раньше у крупныхъ помѣщиковъ, въ короткое время сами стали собственниками.

Судя по этимъ цифрамъ, Болгарію можно было бы считать обѣтованной землей мелкой собственности. Однако не нужно упускать изъ виду, что эти цифры соотвѣтствуютъ лишь одному моменту экономическаго развитія страны и что, если ихъ сравнить съ статистическими данными другихъ моментовъ, изображаемая ими идиллическая картина значительно утеряетъ свою привлекательность. Мелкая собственность въ Болгаріи страдаетъ всѣми пороками, присущими мелкой собственности вообще, которая, какъ извѣстно, затрудняетъ введеніе раціональнаго хозяйства. На нее падаетъ, съ другой стороны, тяжелое бремя государственнаго бюджета. Мелкій собственникъ принужденъ все больше и больше прибѣгать къ ростовщическому капиталу, который въ бѣдныхъ странахъ, какъ Болгарія, отличается невѣроятной жадностью. По вычисленію бывшаго министра финансовъ, Ив. Гешова, долгъ болгарскихъ крестьянъ однимъ только частнымъ ростовщикамъ достигаетъ 91 милл. франковъ. Но, помимо этого крестьяне должны земледѣльческимъ кассамъ (мелкій крестьянскій кредитъ) около 30 милл. франковъ. Считая, что въ Болгаріи есть около 500.000 земледѣльческихъ семействъ, состоящихъ изъ пяти членовъ, мы получаемъ, что каждая семья должна частнымъ ростовщикамъ по 182 фр., а земледѣльческимъ кассамъ по 60 фр.

Подъ вліяніемъ этихъ невыгодныхъ условій и происходитъ то обезземеленіе крестьянъ, о которомъ говоритъ оффиціальная статистика. Такъ, сравнивая результаты общей переписи 1888 и 1893 гг., мы видимъ, что число независимыхъ сельскихъ хозяевъ уменьшилось въ необыкновенно большой пропорціи—21,5%. Въ 1888 г. такихъ хозяевъ было 529,777, а въ 1893 г. — 416,199. Въ то время, какъ число самостоя-

тельныхъ хозяевъ такъ уменьшилось, категорія „слугъ и помощниковъ“ выросла за тотъ же періодъ на 26%, съ 715,368 человѣкъ (мужчинъ и женщинъ) до 955,282. Разница такая громадная, что многіе склонны были бы приписать ее какой-нибудь ошибкѣ статистиковъ, если бы фактъ обезземеленія крестьянъ не подтверждался ежегодной статистикой отдѣльныхъ округовъ. Такъ, въ Ломскомъ округѣ въ 1894—1895 г. было 12% безземельныхъ крестьянъ, а 11,2% владѣющихъ 1—10 декар. земли. Но такъ какъ 10 декаровъ составляютъ меньше одной десятины (0,915), то при экстенсивной культурѣ, господствующей въ Болгаріи, эти 11,2% также могутъ считаться безземельными. За 1895 — 1896 годъ въ Шуменскомъ округѣ 19% безземельныхъ, 24% имѣли отъ одного до 5 декаровъ, 27% отъ 5 до 10 и т. д.

Ростовщики, скупающіе землю у крестьянъ, продаютъ ее крупнымъ собственникамъ. Большинство изъ нихъ сдаютъ въ аренду землю опять тѣмъ же крестьянамъ, исключая восточную Болгарію, гдѣ крупное земледѣліе является преобладающимъ типомъ.

Если отъ земледѣлія мы перейдемъ къ обработывающей промышленности, мы увидимъ тотъ же процессъ разложенія старыхъ формъ. Только здѣсь онъ, подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, идетъ болѣе быстрымъ темпомъ. Мы увидимъ, что именно перемѣны, происшедшія въ этой области, оказали огромное вліяніе на борьбу политическихъ партій въ Болгаріи. Чтобы понять все значеніе очерченнаго выше экономическаго процесса, мы сперва должны бросить взглядъ на положеніе промысловъ въ Болгаріи во время турецкаго ига и на то положеніе, въ которомъ они очутились послѣ освобожденія.

Среди всѣхъ турецкихъ провинцій Болгарія, по своему производству, занимала особое мѣсто. Въ ней особенно развито было домашнее ткацкое производство. Для его развитія требовались большія количества шерсти, и мы видимъ, что, дѣйствительно, скотоводство начинаетъ развиваться и процвѣтать независимо отъ традиціоннаго земледѣлія. Позднѣе изъ этой шерсти стали вырабатывать—и сейчасъ еще употребляемый на Балканскомъ полуостровѣ фабрикатъ—„гайтанъ“—черныя, толстыя тесемки, которыми турки обшивали платье, въ видѣ украшенія. Центрами этихъ различныхъ индустрій явились балканскіе города, стоящіе на рѣкахъ и богатые водою, которая была необходима и какъ двигательная сила, и для промыванія шерсти.

Кромѣ ткацкихъ промысловъ, въ балканскихъ городахъ появилось и множество другихъ промысловъ. Каждый го-

родъ сдѣлался центромъ какой-нибудь особой индустріи. Въ Котелѣ, Карловѣ, Колоферѣ, Трявнѣ привилась ткацкая промышленность; въ Самоковѣ обработывали желѣзную руду, которая въ Габровѣ и Шипкѣ передѣлывалась въ фабрикаты—ножи, ножницы и другія простѣйшія орудія; въ Габровѣ и, главнымъ образомъ, въ Севліевѣ, Ловчѣ и Тырновѣ, появились большія мастерскія, въ которыхъ выдѣлывались кожи. На берегахъ большихъ и быстрыхъ рѣкъ—Янтры, Россицы—выстроилось множество мельницъ, чесаленъ для шерсти и такъ называемыхъ тепавицъ, гдѣ вода прогоняла, подъ гигантскими деревянными молотками, новосотканныя матеріи, чтобы придать имъ большую прочность. По берегамъ стремительныхъ горныхъ потоковъ были расположены точильни и особой системы станки мѣстнаго происхожденія для вязанія тесемокъ „гайтана“. Всѣ Балканы шумѣли гуломъ непрерывной работы и зеленѣли просыпавшимися надеждами болгарскаго народа. Простые, прочные фабрикаты спускались съ горъ на спинахъ маленькихъ муловъ, которые отвозили ихъ въ придунайскіе города и въ Константинополь. Изъ придунайскихъ городовъ продукты отправлялись въ Румынію, Трансильванію и даже въ Россію, а изъ Константинополя—въ Малую Азію и въ Египетъ. Между Болгаріей и всѣми другими европейскими, азіатскими и африканскими областями тогдашней громадной Турецкой имперіи существовали прямыя сношенія.

И вотъ, среди этого безоблачнаго неба экономическаго процвѣтанія разыгрались бурныя политическія событія, которыя рѣзко измѣнили картину. Такъ долго лелѣянная болгарами мечта о политической независимости осуществлена была цѣною ихъ экономическаго благосостоянія. Послѣ освобожденія широкій рынокъ Турецкой имперіи закрылся для болгарскихъ промысловъ: Сербія и Румынія сдѣлались независимыми и наложили запретительныя пошлины на болгарскіе фабрикаты. Боснія и Герцеговина, потреблявшія огромныя количества болгарскихъ шерстяныхъ тесемокъ „гайтана“ и шерстяныхъ и желѣзныхъ издѣлій, стали австрійскими провинціями. Болгарскіе продукты отнынѣ должны были платить громадныя пошлины. Жители этихъ мѣстностей, нуждавшіеся въ болгарскихъ продуктахъ, стали перевозить изъ Болгаріи станки для вязанія гайтана и начали приготовлять его у себя. Болгарское правительство попыталось помѣшать этому, запретивши вывозъ станковъ, но это только ускорило процессъ разоренія: австрійскіе фабриканты стали приноровляться ко вкусу босняковъ и приготовлять такія же тесемки. Оставшись при одномъ лишь собственномъ рынкѣ,

болгарскіе промыслы разорились. Отъ этого общаго крушенія спаслись только нѣкоторые отдѣльные промыслы, въ которыхъ удалось удешевить фабрикацію продуктовъ, благодаря введенію новыхъ способовъ производства. Въ это время были основаны ткацкія фабрики въ Сливнѣ и Габровѣ. Чтобы дать читателю возможность судить о степени паденія ремеслъ и о количествѣ образовавшагося ремесленнаго пролетаріата, мы приведемъ нѣкоторыя цифры. Такъ напр., въ балканскомъ городѣ Пирдопѣ въ 1876 году существовало 800 станковъ для вязанія гайтана, въ 1896 г. ихъ оставалось всего 30! Въ Сопотѣ изъ 100 мастерскихъ, въ которыхъ ткались тонкіе бумажные платки, въ 1896 г. уцѣлѣла только одна. Въ Казанлыкѣ изъ 25 мастерскихъ, приготовлявшихъ пажи, сохранилось 3. Въ Карловѣ въ 1876 г. было 40 мастерскихъ, гдѣ изготовлялись бронзовыя издѣлія; теперь ихъ осталось 6. Въ Самоковѣ передъ освобожденіемъ шесть различныхъ ремесленныхъ корпорацій насчитывали 456 мастерскихъ, а послѣ освобожденія эта цифра упала до 58-ми!

На развалинахъ этихъ старыхъ промысловъ выросла кое-гдѣ крупная промышленность. Мы уже упомянули выше о ткацкой промышленности. По нѣкоторымъ даннымъ, въ Болгаріи работаютъ теперь около 60 ткацкихъ фабрикъ съ 6,000 рабочихъ. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1894 году въ Болгаріи было всего 501 фабрика съ капиталомъ въ 34 милл. фр. и 5732 рабочихъ; въ 1897 г. было 566 фабрикъ, капиталъ которыхъ увеличился на 3 милл., а число рабочихъ на 1,000 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ были открыты еще нѣкоторыя новыя заведенія, а теперь строятся новыхъ 16 фабрикъ съ капиталомъ въ 7 милл. франковъ. По вычисленіямъ болгарскаго экономиста Благоева, общее число городскихъ наемныхъ рабочихъ и прислугъ достигаетъ 266,000 человѣкъ, изъ которыхъ 20,250 работаютъ на фабрикахъ и мануфактурахъ, 151,121—портные, сапожники, столяры и т. д. и 89,044—служащіе въ магазинахъ, въ гостиницахъ и пр.

Для выясненія тенденціи экономическаго развитія Болгаріи очень характернымъ является сравненіе населенія по занятіямъ за 1888 и 1893 годы. Изъ этого сравненія явствуетъ, что населеніе, живущее промышленностью, увеличилось на 7,57%, торговое населеніе на 5,46%, въ то время какъ земледѣльческое—всего на 2,55%. Но если принять во вниманіе, что общая цифра населенія увеличилась на 5% за то же время (съ 3,154,000 до 3,310,000), то оказывается, что земледѣльческое населеніе относительно уменьшилось. Самое же большое увеличеніе (всѣ эти цифры сообщены бывшимъ директоромъ статистическаго отдѣла Иванчевымъ) приходится все-таки

на долю чиновничества и свободныхъ профессій (31,11%) и служащихъ при путяхъ сообщенія (19%).

III.

Политическія партіи.

Отсутствіе острыхъ классовыхъ противорѣчій въ Болгаріи придаетъ политической борьбѣ характеръ безпринципныхъ ссоръ и интригъ, гдѣ, вмѣсто столкновенія принциповъ, можно наблюдать взаимныя обвиненія въ расхищеніи государственной казны и въ продажности. Вмѣсто всякихъ программъ, вы найдете личную полемику, частные инциденты, воздвигаемые до степени принциповъ, демагогическіе пріемы и безсмысленныя слова, заступающія мѣсто политическихъ убѣжденій. Къ этому положенію вполнѣ примѣнимы слова Мефистофеля: „Denn eben wo Begriffe fehlen,— Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein."

Это доказывается еще бѣглымъ обзоромъ тѣхъ политическихъ платформъ, которыя выдвигались болгарскими политическими партіями въ теченіе двадцатипятилѣтняго независимаго существованія княжества. Ихъ невѣроятно мало. Сейчасъ послѣ освобожденія лозунгомъ партій сталъ вопросъ о соединеніи болгарскаго княжества съ такъ называемой Восточной Румеліей (южная Болгарія)—провинціей, которая, въ силу Берлинскаго трактата, получила отдѣльное, юридически тѣсно зависящее отъ Турціи, существованіе. Казалось бы, что не должно было бы быть политическихъ партій, которыя не хотѣли бы сліянія двухъ областей одной и той же страны. И дѣйствительно, въ принципѣ всѣ партіи этого требовали. Разница между ними была та, что партія, находившаяся въ оппозиціи въ южной Болгаріи, обвиняла своихъ противниковъ, находившихся у власти, что они своимъ поведеніемъ отдаляютъ осуществленіе этого сліянія, что имъ выгоднѣе сохранить настоящее положеніе вещей. Поэтому партія, находившаяся у власти, была названа казенной. Когда же эта партія лишилась власти и во главѣ очутились соединисты, т. е. приверженцы сліянія quand-même, послѣдніе тоже стали находить болѣе выгоднымъ сохраненіе statu quo и были названы лже-соединистами. Такое положеніе продолжалось до конца 1885 г., когда вслѣдъ за филиппопольской революціей, произошедшей 6-го сентября, было провозглашено соединеніе южной Болгаріи съ сѣверной.

Другой политической платформой 1881 — 1882 г.г. была

борьба противъ автократическихъ поползновеній князя Батенбергскаго.

Программы болгарскихъ партій, отчасти и въ наше время, но въ особенности нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опредѣлялись ихъ отношеніемъ къ внѣшней политикѣ. За Россію или противъ Россіи, за тройственный союзъ или противъ него— вотъ чѣмъ руководились, главнымъ образомъ, всѣ партіи въ своей политической агитаціи. Борьба за то или иное внѣшнее вліяніе поглощала всѣ силы молодого политическаго организма. Лишь послѣ паденія Стамбулова мы видимъ, что чисто внутренніе вопросы экономическаго и общественнаго характера начинаютъ занимать то важное мѣсто въ политической борьбѣ, которое они должны были бы занимать всегда. Финансовые и экономическіе вопросы являлись почвой, на которой пали министерства Стоилова, Иванчова-Радославова и, наконецъ, министерство Каравелова. Составившееся вслѣдъ за послѣднимъ министерство Данева пало изъ-за македонскаго вопроса, начинающаго играть въ современной болгарской политической жизни ту роль, которую въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ игралъ вопросъ о „соединеніи".

Но ошибочно было бы думать, что по всѣмъ этимъ вопросамъ существуютъ среди болгарскихъ партій принципіальныя различія. Ихъ отношеніе къ тому или другому вопросу опредѣляется не ихъ политическими убѣжденіями, а ихъ политическимъ положеніемъ, т. е. тѣмъ, находится ли данная партія у власти или въ оппозиціи. Непримиримые въ оппозиціи, они становятся мягкими и уступчивыми, какъ только попадаютъ на министерскія скамьи. Политическая борьба ведется не за преобладаніе того или другого класса — это трудно вслѣдствіе отсутствія ясной классовой дифференціаціи, а за преобладаніе той или другой группы „политикановъ". Князь Фердинандъ ловко эксплуатируетъ личныя честолюбія политическихъ дѣятелей и заставляетъ всѣхъ служить его личнымъ цѣлямъ. Онъ осуществилъ такимъ образомъ программу, которую онъ развилъ передъ однимъ нѣмецкимъ журналистомъ послѣ паденія Стамбулова: „Я хочу быть своимъ собственнымъ министромъ-президентомъ".

Это положеніе вещей неудивительно. Мы видѣли, какое громадное количество безработныхъ создало разрушеніе доосвободительныхъ экономическихъ формъ. Куда же дѣлись всѣ эти мелкіе хозяева и рабочіе? Фабричная промышленность, гдѣ эти разорившіеся ремесленники могли бы искать средства къ жизни, была въ зачаточномъ состояніи, и весь этотъ классъ людей превратился бы въ сплошную массу нищихъ, Lumpen, если бы имъ не представлялись слѣдующіе два вы-

хода. Первымъ изъ нихъ была возможность заняться земледѣліемъ. Многіе это и сдѣлали. Вторымъ—появленіе бюрократіи. Для новаго національнаго государства понадобилось нѣсколько десятковъ тысячъ всякихъ чиновниковъ—отъ городового до министра,—все мѣста, которыя раньше были заняты турками. И разорившіеся болгарскіе ремесленники стали импровизировать изъ себя судей и адвокатовъ, администраторовъ и финансистовъ. Наконецъ, оставалась все-таки еще громадная масса не занятыхъ настоящихъ Lumpen, голодная толпа кандидатовъ на всевозможныя должности, которые сыграли немаловажную роль въ политическихъ событіяхъ Болгаріи.

Вотъ на какой реальной экономической почвѣ выросли политическія отношенія свободной Болгаріи. Въ политической борьбѣ партій участвовали, съ одной стороны, сплошная масса мелкой буржуазіи, городской и деревенской, съ другой—политическіе Lumpen. Эти послѣдніе всегда пребываютъ въ выжидательномъ положеніи. Они ждутъ паденія министерства, потому что съ нимъ вмѣстѣ падутъ и всѣ чиновники—отъ городового до министра, и откроются вакансіи. Политическая борьба для Lumpen у власти, такъ же какъ и для Lumpen въ оппозиціи,—ремесло, борьба за кусокъ хлѣба.

Ну, а что дѣлали мелкіе буржуа, союзники Lumpen'а? Ловкіе и вліятельные изъ нихъ старались воспользоваться своимъ избраніемъ въ коммунальные, муниципальные и окружные совѣты, въ парламентъ, чтобы подняться еще выше по лѣстницѣ буржуазной іерархіи. Имѣя на своей сторонѣ чиновниковъ, судей, полицію, они могли обдѣлывать дѣла, принимать на себя, конечно—подъ чужимъ именемъ, государственныя поставки и расхищать государственную казну. Въ такихъ молодыхъ государствахъ, какъ Болгарія, участіе въ управленіи страной является однимъ изъ способовъ первоначальнаго накопленія капитала.

Нигдѣ жадная и малодушная природа этого мелкаго буржуа не изображена такъ ярко, какъ въ безсмертной сатирѣ трагически умершаго болгарскаго писателя Алеко Константинова: „Бай Ганю"—имя, сдѣлавшееся теперь нарицательнымъ. Идеалъ героя—быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми министерствами и Бай Ганю, вчерашній ярый руссофобъ и приверженецъ Стамбулова, узнавъ, что идутъ слухи о скоромъ паденіи диктатора, готовитъ двѣ депеши, въ одной изъ которыхъ онъ привѣтствуетъ новое министерство, „спасшее отечество отъ безстыднаго тирана", а въ другой, на случай, если „тиранъ" останется у власти, привѣтствуетъ его, какъ „спасителя отечества". Этотъ союзъ Lumpen и кулачества на-

ложилъ свою печать на политическіе нравы Болгаріи. Въ другихъ странахъ Lumpen выступаютъ на политическую арену послѣ того, какъ всѣ другіе активные классы политически обезсилены по той или другой причинѣ; и тогда въ рукахъ какого-нибудь декабрьскаго авантюриста Lumpen становятся могучимъ историческимъ факторомъ. Передъ Болгаріей — страной отсталой экономически, — стали сразу крупныя политическія задачи, и Lumpen—сдѣлался политическимъ факторомъ сразу. Политическія учрежденія были впереди политическаго воспитанія массъ, находившихся въ теченіе пяти вѣковъ подъ игомъ, сокрушавшимъ всякое гражданское сознаніе. Страна очутилась сразу передъ всеобщей подачей голосовъ, и прежде чѣмъ это демократическое учрежденіе привилось въ массахъ, прежде чѣмъ настоящіе защитники народныхъ интересовъ научились лѣчить этимъ могучимъ „копьемъ“ раны, которыя оно же наносило, Болгарія по необходимости должна была пройти періодъ, когда Lumpen, съ помощью этого копья, защищалъ свою политическую позицію. Но прошло нѣкоторое время, и господство послѣдняго начало падать. Не нужно забывать, что мы описываемъ Болгарію въ ея развитіи, и что уже теперь на общественно-политическомъ горизонтѣ начинаютъ очерчиваться контуры различныхъ фигуръ, издавна знакомыхъ изъ исторіи другихъ странъ, хаосъ начинаетъ просвѣтляться и, если можно такъ выразиться, въ политическомъ спектрѣ показываются уже опредѣленныя классовыя линіи.

Въ прежнее время болгарскій руссофилъ говорилъ: „я руссофилъ, потому что Россія насъ освободила, и мы должны быть ей признательны; она наша старшая сестра—мать, и мы должны ее любить и слушаться ея“. Теперь руссофилъ оставилъ сентиментальность. Теперь онъ заявляетъ себя руссофиломъ на основаніи изученія Листа. „Я руссофилъ,—говоритъ онъ теперь,—потому что этого требуютъ наши экономическіе и политическіе интересы. Самый опасный врагъ нашей нарождающейся индустріи и, вообще, нашего экономическаго развитія—это австрійская конкурренція, и, чтобы бороться съ нею, намъ нуженъ покровитель; таковымъ можетъ быть только Россія, не преслѣдующая у насъ никакихъ экономическихъ цѣлей. Русской индустріи намъ нечего бояться, потому что ей много дѣла въ самой Россіи, на ея внутреннемъ рынкѣ“. Тамъ, гдѣ раньше въ аргументаціи были слова „признательность“, „любовь“, „послушаніе“, мы встрѣчаемъ теперь „интересъ“ или „прибыль“.

Съ теченіемъ времени среди различныхъ экономическихъ слоевъ болгарскаго населенія начинаетъ появляться стремленіе

къ защитѣ коллективныхъ профессіональныхъ интересовъ. За послѣднія пять лѣтъ мы присутствуемъ при возникновеніи крестьянскаго движенія и движенія ремесленниковъ.

Всеобщая подача голосовъ за свое двадцатипятилѣтнее существованіе, несмотря на всѣ злоупотребленія, которымъ она дала мѣсто со стороны политическихъ демагоговъ, сыграла крупную историческую роль. Она все больше и больше воспитываетъ политическое сознаніе въ массахъ. На Болгаріи мы видимъ примѣръ страны, приспособляющейся медленно, но вѣрно къ извѣстному политическому учрежденію.

Наконецъ, какъ на крупный фактъ, сыгравшій огромную воспитательную роль, мы должны указать на существованіе рабочей партіи. Ея вліяніе отразилось и на массѣ, и на политическихъ партіяхъ, т. е. на ихъ программахъ и на ихъ тактикѣ.

Теперь мы можемъ перейти къ исторіи политическихъ партій и къ ихъ современному положенію.

Мы видѣли, что экономическая жизнь Болгаріи во время турецкаго владычества сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ прибалканскихъ городахъ. Здѣсь же появились и первые проблески національнаго пробужденія болгаръ. Изъ одного только маленькаго городка съ горстью жителей, Котела, вышли не только первые дѣятели болгарскаго освобожденія, но и извѣстные политическіе дѣятели Турецкой имперіи.

Умственная и общественная жизнь балканскихъ городовъ ограничивалась вначалѣ узкими предѣлами городскихъ стѣнъ. Хотя все болгарское населеніе страдало подъ однимъ и тѣмъ же турецкимъ гнетомъ, но въ первой половинѣ XIX в. оно еще не сознавало солидарности своихъ интересовъ. Болѣе того: жители двухъ сосѣднихъ городовъ относились другъ къ другу въ высшей степени презрительно и взаимно давали другъ другу самыя обидныя прозвища. Съ накопленіемъ богатствъ въ городахъ среди городскихъ жителей произошла извѣстная дифференціація: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зажиточные и жившіе въ центральныхъ кварталахъ городовъ жители стали называться болярами—какъ въ старомъ Болгарскомъ царствѣ—а бѣдная часть населенія называлась край-селенчанами; эта послѣдняя составилась, повидимому, изъ жителей окрестныхъ деревень, которые стали стекаться въ города, когда тамъ понадобились рабочія руки, и селились на окраинахъ.

Въ своемъ историческомъ развитіи балканскіе города не могли избѣжать дѣйствія всемірнаго закона внутреннихъ противорѣчій: на ограниченной почвѣ мѣстныхъ интересовъ по временамъ развивалась борьба, пріобрѣтавшая характеръ

Рачо Петровъ,
вождь консерваторовъ.

настоящей исторической драмы. Во всѣхъ городахъ мало по малу населеніе раздѣлилось на двѣ партіи: партію богатыхъ—пастуховъ, владѣльцевъ большихъ стадъ, поземельныхъ и другихъ собственниковъ, партію чорбаджіевъ—и на партію ремесленниковъ—демократическую партію. Позднѣе вся болгарская нація раздѣлилась на эти двѣ партіи, и антагонизмъ между ними доходилъ до того, что болгары-демократы проявляли къ чорбаджіямъ не меньше ненависти, чѣмъ къ туркамъ или грекамъ. Чорбаджіи, съ своей стороны, все больше и больше сближались съ оффиціальной Турціей, въ особенности послѣ реформы 1856 года, давшей христіанамъ широкую автономію въ веденіи ихъ мѣстныхъ дѣлъ и открывшей имъ нѣкоторый доступъ къ государственнымъ службамъ. Болгарская революціонная эмиграція въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, подготовлявшая за-границей—въ Румыніи и Сербіи—освободительное возстаніе, встрѣчала поддержку демократическихъ промышленныхъ слоевъ населенія и наталкивалась на противодѣйствіе чорбаджіевъ.

Это политическое раздѣленіе болгарскаго народа на чорбаджіевъ и демократовъ сказалось въ первомъ же, послѣ освобожденія, Болгарскомъ Народномъ Собраніи. Когда на Тырновскомъ Великомъ (учредительномъ) Народномъ Собраніи 1879 года князь Дондуковъ (русскій комиссаръ) представилъ проектъ конституціи новообразовавшагося княжества, онъ нашелъ поддержку со стороны депутатовъ, принадлежавшихъ къ партіи чорбаджіевъ, которая теперь себя стала называть партіей консерваторовъ.

Либералы, представители демократическихъ слоевъ, отказались принять проектъ Дондукова, хотя онъ былъ несравненно либеральнѣе самобытной конституціи, изготовленной княземъ Черкасскимъ, которому только внезапная смерть помѣшала сдѣлаться русскимъ комиссаромъ въ Болгаріи. Въ проектѣ Дондукова, между прочимъ, предвидѣлось учрежденіе такъ называемаго Государственнаго Совѣта, который долженъ былъ играть роль посредника между княземъ и народнымъ представительствомъ. Князю-же принадлежала, главнымъ образомъ, инициатива составленія и предложенія законовъ. Либералы увидѣли въ этомъ ограниченіе демократическаго принципа и возстали противъ проекта. По тѣмъ или инымъ соображеніямъ, князь Дондуковъ не настаивалъ на своемъ проектѣ, и проектъ либераловъ, по которому предполагалась толко одна палата депутатовъ, избираемыхъ всеобщей подачей голосовъ, прошелъ цѣликомъ.

Эта конституція соотвѣтствовала характеру страны, гдѣ преобладала демократическая масса. Консерваторы, представ-

ляющіе незначительную кучку богатыхъ собственниковъ, не имѣли никакихъ шансовъ играть видную политическую роль. Вотъ почему, послѣ еще одной неудачной попытки съ ихъ стороны ограничить конституцію, они должны были прекратить свое существованіе, какъ отдѣльная историческая партія. Это было въ 1881 году, когда Батенбергъ, желавшій усилить свою власть монарха, совершилъ насильственный государственный переворотъ, распустивъ либеральное народное собраніе и либеральное министерство, и призвалъ консерваторовъ къ власти. Министромъ-президентомъ этого консервативнаго кабинета былъ назначенъ сначала генералъ Эрнротъ, а потомъ Каульбарсъ, которыхъ князь Батенбергъ, какъ и всю русскую дипломатію, успѣлъ убѣдить въ необходимости пересмотра конституціи въ интересахъ сохраненія русскаго вліянія на Балканахъ. Съ одной стороны, энергичный отпоръ либераловъ, съ другой—недоразумѣнія, возникшія между русскими генералами, членами кабинета, и ихъ болгарскими коллегами (Начевичъ, Бурмовъ и др.), заставили Батенберга убѣдиться въ нецѣлесообразности своей политики. Конституція была возстановлена въ ея цѣлости, и либералы приглашены составить министерство. Вожаки консерваторовъ отнынѣ стали входить въ различные либеральные кабинеты, а политическая исторія Болгаріи до паденія Стамбулова была исторіей борьбы различныхъ фракцій одной лишь либеральной партіи. Первое либеральное министерство, составленное послѣ возстановленія конституціи, было министерство Цанкова, принявшаго, чтобы угодить Батенбергу, нѣсколькихъ консерваторовъ въ свой кабинетъ. Боровшійся еще раньше за преобладаніе въ руководствѣ либеральной партіей Петко Каравеловъ выступилъ съ открытой оппозиціей противъ Цанкова. Въ фракціи Каравелова принималъ участіе, между прочимъ, и Стамбуловъ. Онъ же былъ выбранъ предсѣдателемъ народнаго собранія, когда былъ составленъ кабинетъ Каравелова (въ 1884 г.). При послѣднемъ произошли самыя важныя и роковыя событія въ современной болгарской исторіи: присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи (6 сент. 1885 г.), война съ сербами (ноябрь того же года), пронунціаменто, т. е. детронированье князя Батенберга (9 августа 1886 г.), непосредственными виновниками котораго являлись нѣкоторые болгарскіе офицеры. Какъ извѣстно, громадная часть арміи протестовала противъ этого акта. Батенбергъ былъ возвращенъ снова на престолъ, но онъ теперь самъ добровольно отказался отъ короны, послѣ извѣстной телеграммы Александра III, назначивъ, согласно конституціи, регентство, состоявшее изъ Стамбулова, Каравелова и генерала Муткурова.

Скоро изъ состава регентства вышелъ Каравеловъ, какъ морально причастный къ пронунціаменто 9 августа, и его мѣсто занялъ Георгій Живковъ. Съ тѣхъ поръ начинается фактическая диктатура Стамбулова, продолжавшаяся и послѣ избранія новаго князя Фердинанда (1888 г.) до самаго его паденія (18 мая 1894 г.).

Какъ государственный дѣятель, Стамбуловъ отличался необыкновенной энергіей и рѣшительностью. Это признается и его политическими противниками. Такъ, напр., въ 1901 г. Стоянъ Михайловскій, въ настоящее время депутатъ, а тогда предсѣдатель Центральнаго Македонскаго Комитета, разсказалъ слѣдующій характерный случай. Лѣтомъ 1891 года, будучи преподавателемъ французскаго языка въ Тырновской гимназіи, онъ получилъ черезъ полицію приглашеніе явиться къ Стамбулову, находившемуся въ то время въ Тырновѣ (родной городъ Стамбулова). Михайловскій, считавшійся членомъ оппозиціи, предположилъ, что диктаторъ приглашаетъ его вслѣдствіе какого-нибудь доноса. На самомъ дѣлѣ его потребовали совсѣмъ по другому дѣлу.

— Вы, кажется, учитель французскаго языка?—сказалъ Стамбуловъ, встрѣчая его.—Садитесь, пожалуйста, и пишите, что я вамъ буду диктовать.

И онъ продиктовалъ Михайловскому телеграмму слѣдующаго содержанія: „Прошу довести до свѣдѣнія Его Величества Султана, что если въ теченіе сорока восьми часовъ не будетъ выдана инвеститура двумъ болгарскимъ митрополитамъ въ Македоніи, что Турецкое Правительство давно обѣщало сдѣлать, я дамъ приказаніе болгарскому войску вступить въ турецкую территорію“. Эта телеграмма, посланная открыто, безъ шифра, болгарскому агенту въ Константинополѣ, возымѣла свое дѣйствіе: инвеститура была дана, и газеты Стамбулова торжествовали побѣду.

Этотъ фактъ рисуетъ и рѣшительность Стамбулова, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способность не останавливаться ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Его воля была выше всякихъ законовъ и парламентскихъ процедуръ. Фактически конституція при немъ потеряла всякую силу; цензура, запрещенная конституціей, наложила свою тяжелую руку на свободную печать; судъ сдѣлался какимъ то продолженіемъ полицейскихъ участковъ, наполненныхъ „подозрительными личностями“, которыхъ подвергали самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы вынудить у нихъ признаніе въ взводимой на нихъ винѣ.

Стамбуловъ открыто сознавался въ нарушеніяхъ законовъ, оправдывая это необходимостью „спасти отечество“. Однажды

онъ заявилъ, что выше закона онъ ставитъ свое „внутреннее убѣжденіе“. Вотъ почему режимъ бѣлаго террора Стамбулова остался въ болгарской современной исторіи еще извѣстнымъ подъ названіемъ режима „внутренняго убѣжденія“. Послѣднее было альфой и омегой болгарской государственности. Палата депутатовъ, избираемая исключительно помощью полиціи, была сведена до учрежденія, имѣющаго задачей лишь регистрировать рѣшенія Стамбулова. Князь былъ точно такъ же чисто декоративной личностью. Стамбуловъ старался, между прочимъ, оградить его отвѣтственность за такіе факты, которые умаляли его и безъ того небольшую популярность. Такъ, напр., каждый разъ, когда нужно было подписать смертный приговоръ надъ политическими врагами (Паница, Миларовъ, Карагюловъ и др.), князь уѣзжалъ за-границу, а остававшійся въ качествѣ его замѣстителя Стамбуловъ подписывалъ вмѣсто него.

Первые два или три года болгарскіе граждане терпѣливо переносили управленіе знаменитаго диктатора. Это было поистинѣ тревожное время, когда всѣ чувствовали необходимость твердой руки. Нетактичное поведеніе нѣкоторыхъ иностранныхъ агентовъ, которымъ приписывалось и низверженіе князя Батенберга, и послѣдующіе заговоры, вызвали въ странѣ сильное націоналистическое движеніе, выразившееся въ основаніи по всѣмъ городамъ и по многочисленнымъ деревнямъ политическихъ обществъ, выставлявшихъ лозунгомъ „Болгарія для себя“ („България за себѣ си“). Это движеніе именно и выдвинуло Стамбулова. Но власть сама по себѣ представляла много преимуществъ, чтобы Стамбуловъ не старался удержать ее даже и тогда, когда миновали исключительныя обстоятельства. Тогда уже онъ самъ пытался сохранить атмосферу недовѣрія и подозрѣнія—въ оправданіе своего произвола. Своими диктаторскими поползновеніями онъ отдалилъ отъ себя всѣ болѣе или менѣе честные и независимые элементы и остался съ кучкой политическихъ Lumpen-авантюристовъ, видѣвшихъ въ политикѣ лишь искусство создать себѣ личное положеніе и мстить своимъ личнымъ врагамъ. Вотъ почему, если въ политическомъ отношеніи режимъ Стамбулова былъ эпохой полицейскаго произвола, въ экономическомъ онъ совпалъ съ самымъ безконтрольнымъ расхищеніемъ государственной казны, усиленіемъ податного бремени и разграбленіемъ крестьянскихъ имуществъ. Въ странѣ подготовлялось сильное оппозиціонное движеніе, которое не была въ состояніи остановить полиція Стамбулова, хотя она и прибѣгала для этого къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Съ другой стороны, князь Фердинандъ,

чувствуя, что государственный корабль Стамбулова идетъ ко дну, сталъ тайно поддерживать оппозицію, состоявшую изъ различныхъ фракцій либеральной партіи (въ особенности фракціи Радославова), къ которой присоединились и всѣ другія политическія группы, признававшія принца Фердинанда законнымъ болгарскимъ княземъ. Наконецъ, послѣднему было желательно паденіе Стамбулова еще и потому, что оно являлось необходимымъ условіемъ для признанія законности его избранія со стороны Россіи. Таковы причины паденія Стамбулова.

Во главѣ новаго правительства оказался Стоиловъ. Образовалась новая партія, назвавшая себя народной партіей. Въ нее входили слѣдующіе элементы: остатки старой консервативной партіи; либеральная фракція Радославова; бывшая „казенная партія“ Восточной Румеліи, представляемая Тончевымъ и соотвѣтствующая болгарской либеральной партіи; бывшая партія той же Восточной Румеліи лже-соединистовъ, во главѣ съ Величковымъ, Вазовымъ и др. Эти разнородные по своему прошлому элементы могли ужиться вмѣстѣ до поры, до времени, благодаря такту и умѣлости Стоилова, который, хотя когда-то самъ принадлежалъ къ консервативной партіи, но потомъ фактически перешелъ къ либераламъ. (Онъ былъ, между прочимъ, министромъ президентомъ второго кабинета, составленнаго при регентствѣ Стамбулова). Кромѣ того, Стоиловъ былъ извѣстенъ, какъ очень лойяльный и преданный служитель сперва Баттенберга, у котораго онъ былъ долгое время частнымъ секретаремъ, а впослѣдствіи Фердинанда, а такъ какъ послѣдній хотѣлъ теперь самъ руководить болгарской политикой,— мы видѣли, что это было его главнымъ побужденіемъ освободиться отъ Стамбулова, — то личность Стоилова, какъ послушнаго министра, соотвѣтствовала новому положенію.

Цѣлью новаго кабинета было добиться примиренія съ Россіей и, какъ слѣдствія этого примиренія, признанія князя Фердинанда законнымъ государемъ Болгаріи. Но при жизни императора Александра III воспоминанія о прежнихъ болгаро-русскихъ отношеніяхъ были еще слишкомъ живы, чтобы можно было надѣяться на скорое забвеніе со стороны Россіи и, поэтому, Болгаріи не слѣдовало пока терять расположенія Австріи и тройственнаго союза вообще. Князь Фердинандъ началъ тогда вести двойную политику. Съ одной стороны— онъ заигрываетъ съ Россіей, говоритъ въ Казанлыкѣ корреспонденту „Новаго Времени“, что „Болгарія не можетъ обойтись безъ Россіи“; оффиціальная болгарская депутація, по-

сланная въ Петербургъ на похороны Александра III, объявляетъ различнымъ столичнымъ репортерамъ, что Болгарія имѣетъ „150.000 храбрецовъ“, которые всегда будутъ къ услугамъ Россіи, если послѣдняя проститъ князя Фердинанда; въ то же время Стоиловъ произноситъ въ Плевнѣ рѣчь, въ которой заявляетъ, что всѣ выгоды Болгаріи быть на сторонѣ русско-французскаго союза противъ средне-европейскаго. Но съ другой стороны, когда иностранные дипломатическіе агенты спрашиваютъ Стоилова, правда-ли, что онъ произнесъ такую рѣчь, онъ спѣшитъ объявить въ оффиціозной газетѣ жирнымъ шрифтомъ, что это выдумка. Еще раньше онъ объявляетъ въ Народномъ Собраніи, что Болгарія перемѣнила только свою внутреннюю политику и что внѣшняя остается той же, что и при Стамбуловѣ; еще раньше правительственная газета „Свободное Слово“ писала, что нѣтъ надежды на примиреніе съ Россіей, пока въ послѣдней не будетъ конституціоннаго режима. Когда же руссофилы (лжесоединисты), союзники Стоилова, потребовали отъ послѣдняго объясненія за эту статью, то онъ отвѣтилъ имъ, что это мнѣніе редакторовъ, а отнюдь не его, и еще менѣе—князя. И въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ Начевичъ пишетъ корреспонденцію въ „Neue Freie Presse“, гдѣ увѣряетъ, что Болгарія и при новомъ правительствѣ такъ-же будетъ преданна тройственному союзу, какъ и при Стамбуловѣ.

Но новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ въ Россіи князь Лобановъ, бывшій русскій посолъ въ Вѣнѣ, о которомъ ходили слухи, какъ о лично симпатизирующемъ князю Фердинанду. По тѣмъ или другимъ соображеніямъ общаго характера, онъ отнесся съ большой снисходительностью къ домогательствамъ Болгаріи. Это проявилось въ первый разъ въ отвѣтѣ Николая II на телеграмму Фердинанда, посланную послѣ смерти императора Александра III. Еще больше проявилось это при пріемѣ болгарской делегаціи, посланной въ Петербургъ на похороны. Съ тѣхъ поръ и политика князя приняла болѣе руссофильскую окраску. Прежде всего онъ устранилъ изъ кабинета радославистовъ, считавшихся руссофобами, а потомъ и консервативнаго министра Начевича, который слылъ приверженцемъ Австріи. Наконецъ, онъ рѣшился крестить наслѣдника престола.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о внутренней политикѣ министра Стоилова.

Выборы, послѣдовавшіе за паденіемъ Стамбулова, прошли безъ сравнительно большого вмѣшательства полиціи. Кабинетъ переживалъ свой медовый мѣсяцъ, чувствовалъ себя

популярнымъ и надѣялся на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ противъ себя никакой боевой оппозиціи: Каравеловъ былъ еще въ тюрьмѣ, куда его бросили судьи Стамбулова; Цанковъ—за границей; стамбуловисты были слишкомъ непопулярны,—ихъ оппозиція противъ кабинета могла быть только выгодна послѣднему,—а радословисты были представлены въ кабинетѣ и составляли вмѣстѣ съ консерваторами и соединистами правящую партію. Однако и тутъ совсѣмъ безъ насилій дѣло не обошлось: въ Бѣлой Слатинѣ, врачанскаго округа, была поставлена кандидатура вождя одной руссофильской фракціи—Цанкова. Послѣдній, будучи еще въ 1881 г., во время государственнаго переворота Батенберга, сосланъ въ Врацу, пользовался въ округѣ извѣстной популярностью. Но правительству и, въ частности, князю Фердинанду казалось принципіально-важнымъ помѣшать выбору Цанкова, жившаго въ это время въ Россіи и занимавшагося антидинастическою пропагандою въ основанной имъ газетѣ „Согласіе“. Друзья-же Цанкова напрягали всѣ усплія, не останавливаясь ни передъ какими средствами, чтобы провести его кандидатуру. Правительство, съ своей стороны, послало по телеграфу цѣлый рядъ инструкцій бѣлослатинскому околійскому начальнику, чтобы во что бы то ни стало помѣшать избранію Цанкова. Исправникъ сообщаетъ по телеграфу, что избраніе Цанкова почти обезпечено. На это Стоиловъ отвѣчаетъ, что лучше всего будетъ „погасить“ свѣчи „на столѣ, гдѣ происходитъ подсчетъ бюллетеней послѣ того, какъ кончается подача голосовъ, и, воспользовавшись этой минутой, украсть избирательныя урны“. Эти подлинные документы были опубликованы въ газетѣ „Согласіе“, и оказалось, что передъ опубликованіемъ Стоиловъ предлагалъ большую сумму, чтобы не допустить ихъ напечатаніе.

Этимъ ограничивались во время первыхъ выборовъ крупныя беззаконія правительства. Но уже на вторыхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1895 г. и вызванныхъ выходомъ радословистовъ изъ кабинета Стоилова, „политика тушенія свѣчей“ примѣнялась повсемѣстно. Было бы лишней тратой времени описывать злоупотребленія правительства во время этихъ выборовъ; достаточно сказать, что выборы произошли по давно извѣстному въ Болгаріи рецепту: „справа солдатъ, слѣва жандармъ, а въ серединѣ избиратель“,—какъ остроумно формулировалъ болгарскую избирательную практику одинъ вѣнскій журналистъ.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что, на практикѣ эта формула примѣнялась болѣе мягко и скрыто, чѣмъ при Стамбуловѣ, и въ меньшихъ размѣрахъ. Многія

злоупотребленія уже стали невозможны. Время и люди перемѣнились. Побѣда, одержанная демократическими элементами надъ Стамбуловымъ, подняла ихъ вѣру въ свои собственныя силы, и борьба со Стоиловымъ должна была казаться имъ сравнительно легкой. И если политическая борьба болгарскихъ партій продолжаетъ еще и въ настоящее время быть ожесточенной, то вина въ этомъ падаетъ не только на вожаковъ, но и на самое массу, въ которой сказывается вліяніе пятивѣкового варварскаго турецкаго режима. Проявленія этихъ дикихъ инстинктовъ особенно видны въ двухъ трагическихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто во время министерства Стоилова: мы говоримъ объ убійствѣ Стамбулова и объ убійствѣ Алека Константинова. Первый, какъ извѣстно, былъ убитъ среди бѣлаго дня на одной изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ Софіи молодыми людьми, принадлежавшими, какъ потомъ установлено было, къ македонскимъ сферамъ, въ присутствіи снисходительной полиціи, погнавшейся не за убійцами, а за тѣми, которые защищали Стамбулова. Послѣдній, предъ смертью, обвинялъ въ соучастіи въ позорномъ преступленіи, жертвою котораго онъ палъ, не только правительство, но и самого князя. Г-жа Стамбулова, какъ извѣстно, отказалась принять вѣнокъ, посланный княземъ, находившимся тогда, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, за-границею. Долгое время теперешній министръ Петковъ поддерживалъ то же обвиненіе въ „Свободѣ“, органѣ стамбуловской партіи. Приверженцы-же правительства объясняли это убійство, какъ личное дѣло македонца Тюфекчіева, мстившаго Стамбулову за своего брата, умершаго въ участкѣ послѣ страшныхъ пытокъ. Въ дѣйствительности, и то, и другое объясненіе одинаково справедливо: они далеко не исключаютъ другъ друга.

Мы набросали выше нѣкоторыя черты личности Стамбулова. Позволимъ себѣ ихъ дополнить нѣкоторыми біографическими данными. Онъ родился въ 1853 году въ Тырновѣ. Пятнадцатилѣтнимъ юношей, послѣ окончанія мѣстной школы, онъ спѣшитъ уѣхать за-границу, въ Бухарестъ, къ находившемуся тогда уже на смертномъ одрѣ вожаку болгарской революціонной эмиграціи Саввѣ Раковскому, въ огненныхъ писаніяхъ и рѣчахъ котораго болгарская молодежь искала патріотическаго вдохновенія. Позже мы находимъ Стамбулова ученикомъ одесской семинаріи; послѣ студенческихъ безпорядковъ онъ снова возвращается въ Румынію, присоединяется къ эмиграціи, пишетъ патріотическіе стихи, ставшіе очень популярными, а въ 1876 году переходитъ тайнымъ образомъ въ Болгарію, чтобы въ качествѣ агента революціоннаго комитета организовать возстаніе Старозагорскаго

района. Возстаніе, въ особенности въ этой мѣстности, потерпѣло полное крушеніе, и Стамбуловъ возвращается опять въ Румынію и вмѣстѣ съ русской арміею, въ слѣдующемъ году, переходитъ въ Болгарію и начинаетъ заниматься въ своемъ родномъ городѣ адвокатской практикой. Онъ былъ выбранъ депутатомъ уже въ первое народное собраніе, принадлежалъ къ либеральной партіи, и когда послѣдняя, послѣ состоявшагося компромисса между Цанковымъ и консерваторами, въ 1883 году, раздѣлилась на два лагеря, Стамбуловъ присталъ къ новому радикальному крылу, во главѣ котораго находился Каравеловъ. Когда же на депутатскихъ выборахъ 1884 года побѣдили каравелисты, онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ Народнаго Собранія.

Далеко менѣе вызывающій характеръ имѣла финансово-экономическая политика министерства Стоилова. Во главѣ департамента финансовъ находился Иванъ Гешевъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность ловкаго финансиста. А консервативный элементъ народной партіи долженъ былъ стараться чѣмъ-нибудь привлечь къ себѣ населеніе, среди котораго эта партія не пользовалась никакой популярностью. Результатомъ этого явилось пониженіе поземельной десятины. Но то, что правительство давало крестьянамъ одной рукой, оно отчасти само-же отнимало у него другой. При министерствѣ Стоилова были установлены высокіе налоги на керосинъ, соль, спички, кофе, сахаръ, табакъ.

Въ области промышленнаго законодательства кабинетъ Стоилова издалъ законъ, покровительствующій „отечественной индустріи“ и дающій большія привилегіи фабрикантамъ, вложившимъ въ свое дѣло не менѣе 10,000 рублей и занимающимъ не меньше 25-ти рабочихъ. Позже, въ 1897 г., былъ изданъ законъ, обязывающій чиновниковъ носить платье и обувь производства отечественной индустріи. Наконецъ, былъ изданъ законъ о ремесленныхъ союзахъ.

Всѣ эти экономическія мѣропріятія являлись не столько результатомъ какой-нибудь опредѣленной экономической концепціи, сколько вопросомъ самосохраненія. И дѣйствительно, въ составъ народной партіи входили тѣ слои, которые можно назвать болгарскимъ капиталистическимъ классомъ. Большинство министровъ—и, въ особности, министръ финансовъ, архимилліонеръ, получившій 20 милліоновъ франковъ наслѣдства отъ болгарскаго креза Еврогія Георгіева,—и большинство депутатовъ находились во главѣ всевозможныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій. Годы министерства Стоилова были періодомъ быстраго роста и про-

цвѣтанія этихъ обществъ, а также и постройки желѣзныхъ дорогъ и портовъ.

Министерство Стоилова оставило своимъ преемникамъ тяжелое наслѣдство финансоваго кризиса. Ему не удалось провести конверсію займовъ, такъ какъ всѣ находили, что она реализована была бы на невыгодныхъ для государства условіяхъ. Оно оставило крупный неконсолидированный долгъ и нѣсколько начатыхъ предпріятій, для продолженія которыхъ требовались наличныя средства. Ликвидаціею всѣхъ этихъ дѣлъ должно было заняться министерство Иванчова-Радославова. Къ сожалѣнію, это министерство оказалось несравненно ниже своей задачи, и его управленіе кончилось ликвидаціей не финансоваго кризиса, а самой радославистской партіи и преданіемъ суду ея вожаковъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ событіямъ, мы должны сказать нѣсколько словъ объ исторіи самой партіи и ея вожака.

О личности Радославова приходится мало говорить, ибо это совсѣмъ не выдающійся человѣкъ. Онъ лишенъ большихъ дарованій, плохо пишетъ, еще хуже говоритъ, почему онъ чрезвычайно рѣдко выступалъ въ парламентѣ. Но онъ обладаетъ все-таки извѣстнымъ тактомъ вожака, мягкимъ покладистымъ характеромъ, совѣтуется со своими партизанами, слушается ихъ и часто идетъ за ними. Это имъ нравится, и они охотно считаютъ его своимъ вождемъ. „Je les suis, parceque je suis leur chef“—можетъ онъ сказать словами Ледрю-Роллена. Противники Радославова часто осмѣивали его за различные лапсусы, рисующіе его образованность въ очень незавидномъ свѣтѣ.

И если этотъ человѣкъ все-таки выдвинулся, былъ нѣсколько разъ министромъ и сталъ, наконецъ, вожакомъ партіи, то это показываетъ только, что не народились еще настоящіе политическіе дѣятели въ Болгаріи. Какъ министръ, Радославовъ выступилъ въ первый разъ въ кабинетѣ Каравелова (1885 г.), поручившаго ему портфель юстиціи (Радославовъ — докторъ юридическихъ наукъ гейдельбергскаго университета). Скоро, по различнымъ причинамъ, а главнымъ образомъ за неспособность, Радославовъ долженъ былъ выйти въ отставку и началъ будировать противъ своего бывшаго шефа. Между тѣмъ произошло низверженіе Батенберга, стали раздаваться угрозы чужой оккупаціи, и Радославовъ, въ это смутное время, снова выплылъ на поверхность въ качествѣ министра-президента перваго кабинета при регентствѣ Стамбулова. Черезъ годъ онъ долженъ былъ выйти снова въ отставку: Стамбуловъ обвинилъ его въ намѣреніи организовать заговоръ за отнятіе у него регентской власти. Радосла-

вовъ снова перешелъ въ оппозицію и началъ издавать газету „Народныя Права“. Въ отличіе отъ другихъ представителей оппозиціи—либераловъ, цанковистовъ и каравелистовъ—Радославовъ стоялъ на почвѣ признанія существующаго порядка вещей въ Болгаріи, т. е. признанія князя Фердинанда. Это была такъ называемая легальная оппозиція. Но Стамбуловъ своими драконовскими мѣрами разбилъ оппозицію Радославова. Противъ его газеты возбуждали одинъ процессъ за другимъ, такъ что она скоро должна была прекратить свое существованіе, и радославистская оппозиція притихла. Въ послѣдніе годы господства знаменитаго диктатора мы находимъ Радославова, вмѣстѣ съ консерваторомъ Начевичемъ, во главѣ новой оппозиціонной газеты „Свободное Слово“, сыгравшей видную роль въ низверженіи Стамбулова. Когда послѣдній былъ сверженъ, Радославовъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, вошелъ въ смѣшанный кабинетъ Стоилова. Онъ безпрекословно повиновался князю и Стоилову, но за нимъ числилось руссофобское прошлое, которое могло помѣшать примиренію съ Россіей, и радослависты должны были покинуть министерство. Радославовъ снова началъ издавать газету „Народныя Права“ и вести оппозицію противъ правительства.

Какъ ко всѣмъ кандидатамъ въ министры, къ Родославову присталъ штабъ Lumpen, судьба которыхъ связана съ успѣхомъ данной личности. Съ другой стороны, за Радославовымъ была еще заслуга, что онъ боролся противъ Стамбулова, въ то время какъ другіе оппозиціонные вожаки либеральной партіи проживали спокойно за-границей подъ теплымъ покровительствомъ Славянскаго благотворительнаго общества. Кромѣ того, Радославовъ пользовался симпатіей общественнаго мнѣнія, какъ человѣкъ политически не скомпрометированный. Какъ вождь партіи, онъ еще не бывалъ ни разу у власти, если не считать смутнаго времени 1886—1887 г.г., когда само положеніе не давало ему развернуться въ области государственнаго творчества. Такимъ образомъ, на его счетъ могли быть иллюзіи. Наконецъ, посредственность самой личности Радославова являлась какъ бы гарантіей, что онъ будетъ искать опоры въ самомъ общественномъ мнѣніи. Вотъ почему, кромѣ традиціоннаго штаба радославистовъ, къ нему присоединились перебѣжчики изъ партіи стамбуловистовъ, потерявшіе, въ особенности послѣ смерти диктатора, надежду на скорое достиженіе власти ихъ партіею. Къ родославовской или народно-либеральной партіи—какъ она еще называется—присоединилась и часть мелкой буржуазіи, видѣвшей въ ней отпоръ противъ предпринима-

телей, капиталистовъ и банкировъ народной партіи. Въ 1898—99 году партія Радославова казалась самой сильной политической партіею въ странѣ. На двухъ ея съѣздахъ присутствовали сотни делегатовъ изъ провинціи, представлявшіе мѣстные комитеты партіи (либеральныя дружины). На этихъ съѣздахъ читались доклады по различнымъ государственнымъ вопросамъ, составлена была программа требованій, представлявшая, какъ и сама ихъ организація, до извѣстной степени подражаніе болгарской соціалъ-демократической партіи.

Какъ бы то ни было, но послѣ паденія Стоилова партія Радославова стояла ближе другихъ партій къ власти. Радославистамъ поручено было составить новое министерство, но князь Фердинандъ поставилъ условіемъ, чтобы во главѣ министерства было поставлено лицо, пользующееся его личнымъ довѣріемъ. Такимъ былъ сначала Грековъ, ставшій вожакомъ стамбуловистовъ, а позже, когда радослависты различными интригами вынудили его уйти, князь заставилъ ихъ принять министромъ-президентомъ Иванчова, занимавшаго до тѣхъ поръ постъ директора департамента статистики и стоявшаго внѣ всякихъ партій.

Кабинету Иванчова-Радославова пришлось ликвидировать тяжелый финансовый кризисъ, унаслѣдованный отъ прежняго министерства. Мы уже упомянули выше, какъ неудачно онъ справился съ этой задачей. Вмѣсто урегулированія болгарскихъ финансовъ, онъ привелъ ихъ въ еще болѣе печальное состояніе. Причины этой неудачи двойного характера: однѣ, независѣвшія отъ воли министровъ, а въ другихъ сказалась ихъ неумѣлость и ихъ узко-партійный эгоизмъ. Къ категоріи первыхъ причинъ нужно отнести полный неурожай 1899 года, который еще больше способствовалъ паденію болгарскаго кредита. Кабинетъ Иванчова-Радославова долженъ былъ отказаться отъ мечты совершить конверсію болгарскаго долга и искать лишь возможности заключить новый заемъ, чтобы покрыть государственный дефицитъ и неконсолидированный долгъ. Заемъ и былъ сдѣланъ на очень невыгодныхъ условіяхъ, причемъ правительству пришлось отказаться отъ выкупа той части Восточной жел. дороги, которая находится на болгарской территоріи. Это вызвало противъ него справедливыя нареканія. Но это была только первая изъ совершеннаго имъ ряда ошибокъ.

Настоящая же буря протестовъ поднялась противъ него—буря, приведшая къ кровавымъ столкновеніямъ,—когда оно возстановило возмутительный со всѣхъ точекъ зрѣнія налогъ десятину. Этотъ налогъ установленъ былъ еще при

турецкомъ режимѣ и состоялъ въ томъ, что крестьянинъ долженъ былъ отдавать государству каждый годъ 13% своего валового земледѣльческаго продукта. Послѣ учрежденія княжества норма д е с я т и н ы сведена была до 10%. Но впослѣдствіи правительство убѣдилось въ несовмѣстимости этой системы съ интересами земледѣлія, — крестьянинъ не можетъ убрать хлѣбъ, пока не придетъ счетчикъ сосчитать число сноповъ,— и перевело ее, принимая въ соображеніе среднюю цифру за пятилѣтній періодъ 1885—1890 г., въ денежный налогъ. Это осуществлено было еще при Стамбуловѣ; при министерствѣ Стоилова общая сумма налога была понижена съ 18 милл. фр. до 15 м., и такъ какъ земледѣльческое производство все увеличивалось и та же самая сумма налога распредѣлялась на все болѣе растущій размѣръ посѣянной площади, то норма налога постоянно понижалась. Но вотъ власть переходитъ къ министерству Радославова, и послѣднее, желая найти новые источники доходовъ, вноситъ проектъ, принятый палатою, о возстановленіи десятины въ прежнемъ ея видѣ, т. е. въ видѣ натуральной подати.

Сельское населеніе Болгаріи сильно взволновалось. Во всѣхъ земледѣльческихъ центрахъ крестьяне собирались тысячами, устраивали собранія подъ открытымъ небомъ и выносили антиправительственныя резолюціи. Движеніе охватило и тѣ округа, гдѣ большинство населенія было на сторонѣ правительственной партіи. Эти громадные „митинги“ проходили сначала очень спокойно, крестьяне отлично владѣли собою, и присутствующіе на этихъ собраніяхъ выносили впечатлѣніе, что новая сознательная сила выступаетъ на болгарской политической аренѣ. Иниціаторами движенія являлись члены Земледѣльческаго Союза, имѣвшаго уже нѣсколько съѣздовъ и старавшагося всѣми силами удержать возмущеніе массъ въ конституціонно-легальныхъ предѣлахъ. Министерство, остававшееся въ началѣ движенія на законной почвѣ, скоро, почуявъ въ немъ опасность для своего существованія, прибѣгло къ репрессаліямъ. Послѣдовалъ рядъ кровавыхъ схватокъ въ Варнѣ, Трѣстеникѣ, Дуранъ-Кулакѣ и другихъ мѣстностяхъ. Въ правительственныхъ рядахъ уже началось то sauve-qui-peut, когда министры, высшіе чиновники и вліятельные люди партіи стараются лишь использовать послѣдніе дни господства для личныхъ выгодъ. Мы не будемъ описывать всѣ крупныя и мелкія прямо уголовныя преступленія кабинета Иванчова-Радославова, за которыя министры должны были очутиться вскорѣ на скамьѣ подсудимыхъ. Достаточно сказать, что какъ финансовая политика этого министерства, такъ и явное нарушеніе конституціи и

уголовнаго кодекса сдѣлали его положеніе невозможнымъ, и оно должно было выйти въ отставку.

Новый кабинетъ, во главѣ котораго находится личный любимецъ князя, генералъ Петровъ, представлялъ собою такъ называемый на Западѣ „дѣловой кабинетъ“. Оффиціально его задачей было произвести новые законодательные выборы. Фактически же князь надѣялся, что утомленный политической борьбой болгарскій народъ дастъ большинство этому безцвѣтному кабинету, являвшемуся какъ-бы продолженіемъ княжеской канцеляріи. Петровъ стремился создать свою отдѣльную партію, приступившую къ изданію газеты „Реформа“, во главѣ которой былъ поставленъ бывшій стамбуловистъ Дико Іовевъ. Эта попытка основать особую княжескую партію потерпѣла полное фіаско.

Произведенные сравнительно очень свободно выборы дали подавляющее большинство оппозиціоннымъ фракціямъ, главнымъ образомъ—каравелистамъ и цанковистамъ. Кабинетъ Петрова вышелъ въ отставку, и былъ составленъ смѣшанный кабинетъ Каравелова-Данева. Но ему тоже не суждено было долго просуществовать. Урегулированіе финансоваго положенія составляло его главную задачу. Онъ вошелъ въ переговоры съ французскимъ синдикатомъ для конверсіи болгарскаго долга. Синдикатъ согласился на очень тяжелыхъ для экономической независимости Болгаріи условіяхъ, которыя были приняты министерствомъ. Часть каравелистовъ, „молодые демократы“, выдѣлившіеся въ отдѣльную фракцію, голосавали, вмѣстѣ съ другими оппозиціонными элементами, противъ правительственнаго проекта. Послѣдній провалился, и кабинетъ Каравелова, въ свою очередь, долженъ былъ выйти въ отставку.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности и дѣятельности Каравелова, тѣмъ болѣе, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своей отставки онъ внезапно скончался отъ разрыва сердца.

Каравеловъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію, выросшему въ борьбѣ за освобожденіе отъ турецкаго ига. Онъ родился въ балканскомъ городѣ Копривщицѣ въ 1847 г., воспитывался въ Россіи, гдѣ и кончилъ университетъ (въ Москвѣ). Наканунѣ войны 1877—78 г.г. онъ присоединился къ революціонной болгарской эмиграціи. По окончаніи войны, благодаря своему образованію и связямъ—онъ братъ извѣстнаго болгарскаго патріота и писателя, Любена Каравелова—онъ занялъ видное мѣсто въ либеральной партіи, однимъ изъ вождей которой и считался. Во время государ-

ственнаго переворота Батенберга онъ эмигрировалъ въ Восточную Румелію, столица которой выбрала его своимъ мэромъ. Послѣ возстановленія конституціи онъ снова возвращается въ Болгарію и становится во главѣ лѣваго („радикальнаго“) крыла либеральной партіи, правое крыло которой, въ лицѣ Цанкова, находилось тогда у власти. На законодательныхъ выборахъ 1884 г. радикальная фракція вышла побѣдительницей, и Каравелову было предложено составить свое министерство.

При этомъ министерствѣ Каравелова произошелъ разрывъ русско-болгарскихъ отношеній, такъ какъ при немъ состоялось присоединеніе Восточной Румеліи къ болгарскому княжеству—фактъ, отмѣчающій крупную перемѣну въ болгарской внѣшней политикѣ, которая изъ руссофильской стала англофильской. Каравеловъ велъ удачно сербско-болгарскую кампанію. Но онъ скоро испугался своей смѣлой иностранной политики и, чтобы добиться примиренія съ Россіей, способствовалъ низверженію князя Батенберга, которое должно было означать возвращеніе Болгаріи къ руссофильской политикѣ.

Онъ очень сильно пострадалъ во время стамбуловскаго режима. Когда, 13-го февраля 1887 года, въ Силистрѣ и въ Рущукѣ войска устроили бунтъ противъ регентства, наиболѣе извѣстные руссофилы въ Софіи, и между ними Каравеловъ, были арестованы и посажены въ Черную Джамію (извѣстная тюрьма въ Софіи). Тамъ ихъ подвергли истязаніямъ. Извѣстный капитанъ Паницза, позже разстрѣлянный его же другомъ Стамбуловымъ, но въ то время еще бывшій руссофобомъ и въ хорошихъ отношеніяхъ съ регентствомъ, собственными руками билъ Каравелова.

Черезъ нѣкоторое время Каравеловъ былъ выпущенъ, но Стамбуловъ, боясь его вліянія, воспользовался первымъ предлогомъ, чтобы снова его арестовать по обвиненію въ соучастіи въ убійствѣ министра Бельчева (1890 г.). Каравеловъ вышелъ изъ тюрьмы по амнистіи осенью 1895 г. На первыхъ же дополнительныхъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ паденія Стамбулова, онъ былъ выбранъ депутатомъ въ Разградѣ.

За Каравеловымъ осталась слава честнаго и твердаго борца. По своимъ взглядамъ, онъ былъ крайнимъ демократомъ, но его репутація хорошаго финансиста болѣе чѣмъ сомнительна. Его финансовая политика сводилась къ тому, что онъ требовалъ строгой правильности отчетности въ государственныхъ расходахъ, но, будучи самъ большимъ націоналистомъ и сторонникомъ „Великой Болгаріи—отъ Дуная до

Адріатическаго моря", онъ имѣлъ большую слабость къ милитаризму и отрѣзывалъ себѣ такимъ образомъ возможность къ серьезнымъ бюджетнымъ реформамъ.

Вернемся къ описанію событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ министерства Каравелова. Палата депутатовъ была снова распущена и назначены новые выборы. Новая палата отмѣнила законъ Радославова о десятинѣ и возстановила старый, болѣе справедливый денежный поземельный налогъ; кромѣ того, она рѣшила, на основаніи конституціи, предать Верховному Суду[1]) министровъ кабинета Иванчова-Радославова за нарушеніе конституціи и уголовнаго кодекса.

Послѣ паденія министерства Каравелова-Данева составленіе новаго кабинета было поручено одному изъ членовъ прошлаго министерства, а именно Даневу, представлявшему цанковистскую фракцію. Палата снова была распущена, и новые выборы дали большинство цанковистамъ. Цанковъ, 70-лѣтній старикъ, былъ выбранъ предсѣдателемъ палаты, а властью фактически распоряжались его политическіе адъютанты, съ Даневымъ во главѣ.

О политической дѣятельности послѣдняго приходится очень мало говорить, ибо онъ началъ играть нѣкоторую политическую роль только въ послѣднее время, тогда какъ Цанковъ теперь, послѣ смерти Стамбулова, Грекова, Стоилова, Каравелова, остается единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ, начавшимъ свою политическую карьеру еще въ отдаленное время доосвободительнаго періода. Его долгая политическая дѣятельность отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ и непостоянствомъ. Онъ метался изъ одного лагеря въ другой, изъ одного царства въ другое, отъ одной религіи къ другой. Политическія волны бросали его, какъ щепку, и выбросили, наконецъ, на одесскій берегъ. Передъ освобожденіемъ Болгаріи онъ сдѣлался католикомъ и на деньги іезуитской пропаганды сталъ издавать газету „Болгарія".

Онъ былъ и вдохновителемъ уніатскаго движенія, поставившаго себѣ цѣлью присоединеніе болгарской церкви къ западной. Но за нимъ послѣдовало ничтожное число людей, и это движеніе потерпѣло полное фіаско.

Послѣ освобожденія Болгаріи Цанковъ сдѣлался руссофиломъ, но въ 1881 г., во время государственнаго переворота, написалъ разъѣзжавшему съ Батенбергомъ по Болгаріи для агитаціи русскому дипломатическому агенту въ Софіи, Хитрово, извѣстное письмо, въ которомъ говоритъ по

---

[1]) Министры предаются суду, по болгарской конституціи, лишь постановленіемъ народнаго представительства.

Д Даневъ,
вождь либеральной партіи.

адресу Россіи: „не хотимъ ни вашего меда, ни вашего жала“. Тогда же Цанковъ боролся и противъ консерваторовъ, поддерживавшихъ Батенберга, но въ слѣдующемъ году онъ уже вошелъ въ компромиссъ съ ними и составилъ смѣшанное министерство изъ либераловъ и консерваторовъ, противъ котораго, какъ мы упомянули выше, и выступилъ Каравеловъ. Съ тѣхъ поръ либеральная партія раскололась, и началась та личная вражда между Цанковымъ и Каравеловымъ, которая кончилась только со смертью послѣдняго и которая немало способствовала паденію коалиціоннаго министерства Каравелова-Данева.

Когда, въ 1884 г. Каравеловъ, получивъ большинство на выборахъ, вытѣснилъ Цанкова, послѣдній сталъ издавать газету „С в ѣ т л а н а“ (свѣтъ) съ ярко-руссофильскимъ направленіемъ и строго антидинастической тенденціей. Ожесточенныя нападки на Батенберга кончились, какъ извѣстно, низверженіемъ Батенберга. Когда началась анти-русская реакція, Цанковъ бѣжалъ въ Россію, гдѣ, вмѣстѣ съ другими болгарскими эмигрантами, былъ на содержаніи у Славянскаго благотворительнаго общества. Послѣ паденія Стамбулова онъ снова вернулся въ Болгарію и занялся организаціей остатковъ своей партіи, которая, наконецъ, въ 1902 г., въ лицѣ Данева, очутилась у власти.

Новое министерство было счастливѣе предшествующаго въ переговорахъ съ заграничнымъ финансовымъ синдикатомъ. Послѣдній самъ, увидѣвъ, какое сопротивленіе встрѣчаетъ со стороны всѣхъ болгарскихъ партій его большія претензіи, сдѣлался болѣе уступчивымъ. Съ другой стороны, 1901 и 1902 гг. были урожайными, что способствовало увеличенію болгарскаго вывоза и, такимъ образомъ, подняло кредитоспособность страны. Но предъ кабинетомъ Данева выступила другая задача, которая и рѣшила его участь. Мы имѣемъ въ виду македонскій вопросъ, выдвинутый возстаніями осени 1902 и весны 1903 гг. и послѣдовавшими за ними турецкими репрессаліями. Даневъ, желая сохранить за Болгаріею симпатіи русской дипломатіи, старался держаться въ этомъ вопросѣ нейтральной почвы, предоставляя его разрѣшеніе Россіи и Австріи. Болгарская же оппозиція различныхъ направленій и, въ особенности, македонскіе комитеты стали обвинять Данева въ неактивности и недостаточной преданности интересамъ братьевъ „по ту стороны Рилп“. Нападки были перенесены и на князя Фердинанда. Послѣдній только того и ждалъ, чтобы разстаться со своими новыми сотрудниками, къ которымъ онъ никогда не питалъ большой симпатіи. Онъ воспользовался незначитель-

нымъ предлогомъ, чтобы демонстративно выразить свое недовѣріе министерству Данева, которое послѣ этого вышло въ отставку. Миссія составить новый кабинетъ была снова поручена генералу Петрову, но теперь составлено было уже не безпартійное министерство, а чисто стамбуловистское. Портфель министерства внутреннихъ дѣлъ былъ данъ Петкову, замѣнившему Грекова послѣ его смерти во главѣ стамбуловистской партіи.

Новое министерство энергически стало подготовлять свою избирательную побѣду, прибѣгая не только къ административному давленію, но и къ организаціи настоящихъ шаекъ, которыя терроризировали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ страну, мѣшая вождямъ оппозиціи созывать собранія и запугивая оппозиціонныхъ избирателей. Съ другой стороны, оно заигрывало съ національнымъ чувствомъ массъ, выставляя себя сторонникомъ рѣшительной политики противъ Турціи въ пользу македонцевъ. Съ этой цѣлью началось усиленное вооруженіе болгарскаго войска, на что было затрачено сверхсмѣтныхъ 25 милл. франковъ, вопреки конституціи, недопускающей подобныхъ расходовъ безъ предварительнаго разрѣшенія Народнаго Собранія.

Выборы, какъ и слѣдовало ожидать, дали большинство стамбуловистамъ. Изъ 189 депутатскихъ мѣстъ оппозиція получила всего 43, изъ которыхъ 29 достались Народной Партіи, 7—цанковистамъ и 7—демократамъ (каравелистамъ и молодымъ демократамъ). Остальныя 145 мѣстъ получили стамбуловисты въ союзѣ съ радославистами (послѣднимъ досталось только 17 мѣстъ).

Первымъ дѣломъ новаго Народнаго Собранія была амнистія бывшихъ министровъ кабинета Иванчова-Радославова, которыхъ Верховный Судъ приговорилъ къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія и къ лишенію всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Стамбуловисты этой амнистіей платили Радославистамъ за поддержку, которую послѣдніе имъ оказали во время выборовъ. Вторымъ дѣломъ новой палаты было утвержденіе чрезвычайныхъ расходовъ, сдѣланныхъ новымъ министерствомъ. Кромѣ того, она голосовала новые военные кредиты. Всѣ эти непосильные для Болгаріи расходы, это необыкновенное усиленіе милитаризма оправдывались правительственными людьми возможностью войны съ Турціею; оппозиція же видѣла и не могла не видѣть въ этомъ желаніе князя Фердинанда усилить ту единственную опору, въ которой онъ, не пользующійся искренной поддержкой ни одной партіи, видитъ залогъ усиленія своей монархической власти. Но всѣ протесты оппозиціи остава-

лись безъ результата. Больше того, правительственное большинство систематически мѣшало оппозиціоннымъ депутатамъ высказывать свое мнѣніе. Чтобы протестовать противъ этого возрожденія стамбуловскаго режима, оппозиціонные депутаты покинули Народное Собраніе.

Этими событіями, имѣвшими мѣсто уже въ самое послѣднее время, мы и закончимъ нашъ историческій очеркъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ, чтобы подвести итоги исторіи политическихъ партій въ Болгаріи.

Какъ мы видѣли въ самомъ началѣ, въ Болгаріи существовали двѣ партіи: консервативная и либеральная. Въ 1883 г. либеральная партія раздѣляется на двѣ фракціи: на цанковистовъ и каравелистовъ. Консервативная партія сходитъ со сцены.

Въ то же время въ Восточной Румеліи также существуютъ двѣ партіи: „казенная“—соотвѣтствующая болгарской либеральной, и соединисты или лже-соединисты, соотвѣтствующіе болгарскимъ консерваторамъ. Послѣ присоединенія этой провинціи къ Болгаріи, въ 1885 г., „казенная“ партія пристала къ партіи Каравелова, а соединисты—къ партіи Цанкова.

Событія 1886 года снова вносятъ расколъ въ среду каравелистовъ. Ничтожная часть руссофиловъ остается съ Каравеловымъ, а другая—руссофобовъ—присоединяется къ Стамбулову. Позже, съ избраніемъ князя Фердинанда, въ средѣ самой руссофобской либеральной фракціи происходитъ новое дѣленіе на настоящихъ стамбуловистовъ и радославистовъ.

Борьба противъ Стамбулова объединила радославистовъ съ остатками консервативной партіи, соединистами и съ „казенной“ партіей. Въ нее входили и руссофобы, и руссофилы. Но всѣ они считали князя Фердинанда законнымъ государемъ страны, тогда какъ каравелисты и цанковисты составляли еще антидинастическую оппозицію. Вслѣдъ за паденіемъ Стамбулова эта оппозиціонная коалиція составляетъ министерство, во главѣ котораго находится Стоиловъ, и организуетъ общую партію, называемую народной. Нѣкоторое время спустя изъ народной партіи выступаютъ руссофобскіе элементы Радослава и Тончева (послѣдній считается представителемъ старой южно-болгарской „казенной“ партіи). Народная партія, оставшаяся у власти, составилась изъ консерваторовъ и соединистовъ.

Послѣ того какъ Россія признала Фердинанда законнымъ княземъ Болгаріи, цанковисты и каравелисты отказались отъ своей антидинастической программы и стали тоже правя-

щими партіями. Если прибавить, наконецъ, что и партія Каравелова раскололась на настоящихъ каравелистовъ—демократовъ и молодыхъ домократовъ, то мы получимъ списокъ политическихъ партій въ Болгаріи. Въ немъ отсутствуетъ только одна партія, о которой будемъ говорить ниже.

Что же отличаетъ эти партіи другъ отъ друга? Исключая народную партію, которая имѣетъ значительную организацію и болѣе или менѣе опредѣленную протекціонистско-буржуазную физіономію, всѣ остальныя партіи лишь политическія разновидности мелкой буржуазіи. Стамбуловисты или національ-либералы, какъ они еще называются, имѣютъ вмѣстѣ съ радославистами (народно-либералы) ту общую черту, что они сохраняютъ еще отчасти старое недовѣрчивое отношеніе къ Россіи. Цанковисты (прогрессивные либералы) ничѣмъ не отличаются отъ народной партіи ни по своему составу, ни по своему духу. Они только болѣе рѣзко подчеркиваютъ свои руссофильскія симпатіи. Но это не могло бы явиться препятствіемъ къ ихъ сліянію. Вотъ почему они и ведутъ въ настоящее время переговоры объ этомъ. Наконецъ, настоящіе каравелисты не имѣютъ никакого политическаго значенія. Молодые же демократы, отдѣлившіеся отъ Каравелова, скорѣе идеологическій кружокъ, сильно проникнутый западнымъ мелко-буржуазнымъ радикализмомъ. Эта эволюція части каравелистовъ совершилась подъ вліяніемъ болгарской рабочей соціалъ-демократической партіи.

Соціалистическое движеніе въ Болгаріи, какъ опредѣленная доктринальная группа, возникло въ началѣ девяностыхъ годовъ. Сперва оно охватывало, главнымъ образомъ, кружки интеллигенціи и незначительное число рабочихъ. Но уже въ то время оно играло важную роль въ развитіи культурной жизни Болгаріи. Во время Стамбулова — не говоря о послѣднихъ двухъ годахъ его господства, когда открыто выступила противъ него и буржуазная оппозиція — соціалъ-демократическая партія являлась самымъ ярымъ борцомъ противъ диктатора. Въ низверженіи Стамбулова она сыграла крупную роль. Своей методической дѣятельностью соціалъ-демократическая партія оказала вліяніе и на народныя массы, и на политическія партіи. Она завоевала себѣ, такимъ образомъ, большія симпатіи среди болгарской демократіи, чѣмъ и объясняются ея политическіе успѣхи, главными изъ которыхъ нужно считать выборы 1902 года, когда ей удалось провести восемь депутатовъ и получить, въ общемъ, 20,000 голосовъ. Но такъ какъ эти успѣхи не происходили безъ ущерба для ея программы и доктрины, то въ средѣ самой партіи начался пересмотръ пріемовъ ея дѣя-

тельности, приведшій въ 1903 г. къ расколу. Такимъ образомъ, въ настоящее время существуетъ двѣ соціалъ-демократическія партіи—ортодоксальная и оппортунистическая. Эта взаимная борьба двухъ теченій и объясняетъ то, что на послѣднихъ выборахъ во многихъ мѣстахъ соціалъ-демократы не выставили своихъ кандидатовъ, а тамъ, гдѣ поставили, не умѣли провести ни одного. Но изъ всѣхъ политическихъ партій соціалъ-демократы являются самыми дѣятельными. Теперь всѣ ихъ усилія сосредоточены на пропагандѣ среди рабочихъ элементовъ. Они успѣли уже основать множество синдикатовъ во всѣхъ городахъ Болгаріи, политическія организаціи, вечерніе курсы и т. д. Они располагаютъ богатой періодической и другой литературой. „Работнически Вѣстникъ“—еженедѣльная газета, съ тиражемъ въ 3,000 экз., является органомъ ортодоксальной фракціи. Кромѣ того, у нея теоретическій еженедѣльный журналъ „Новое Время“ и другой болѣе популярный „Работнишко Дѣло“. Изъ другихъ періодическихъ изданій нужно отмѣтить „Червенъ Народенъ Календарь“, выпускаемый ежегодно въ 25,000 экз. „Оппортунисты“ также имѣютъ свои органы: „Работническа Борьба“—газета, выходящая два раза въ недѣлю, и „Общо Дѣло“—ежемѣсячный журналъ. Такъ какъ разногласія между этими двумя фракціями не настолько велики, чтобы оправдывать существованіе двухъ отдѣльныхъ партій, можно предвидѣть недалекое ихъ сліяніе.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя объ участіи избирателей въ законодательныхъ выборахъ и являющіяся до извѣстной степени барометромъ свободы этихъ выборовъ. Тогда какъ, напр. при Стамбуловѣ въ законодательныхъ выборахъ 1893 года участвовало всего 19% всѣхъ избирателей, при несравненно болѣе свободныхъ выборахъ участвовало 50,10% въ 1899 г. при министерствѣ генерала Петрова), 43,47% въ 1901 г. (министерство Каравелова) и 50,15% при министерствѣ Данева въ 1902 г. А какъ мала была свобода во время послѣднихъ выборовъ, давшихъ большинство стамбуловистамъ, можно судить по одному тому, что изъ 839,949 избирателей участвовало всего 345,973, т. е. 41,19%.

Х. Инсаровъ.

ВЕНГРІЯ

I.

Національный вопросъ въ Венгріи.

„Австро-Венгрія—классическая страна политическихъ проблемъ, и нигдѣ изслѣдователь противоположностей и сомнительнаго не найдетъ такого embarras de richesses „вопросовъ“, какъ въ государствѣ Габсбурговъ, которое само по себѣ сплошной вопросительный знакъ“,—говоритъ въ своей статьѣ: „Die Krise des Dualismus in Oesterreich“ талантливый вѣнскій публицистъ, Аустерлицъ.

Въ этой имперіи, которой пришлось для своего опредѣленія построить искусственный терминъ „двуединой“, дѣйствительно все стоитъ подъ знакомъ вопроса. Первый вопросъ это—можно ли говорить „Австро-Венгрія“ или должно говорить Австрія и Венгрія? И уже изъ одного этого вопроса вытекаетъ такое множество новыхъ вопросовъ, что ихъ хватило бы на цѣлые томы изслѣдованій, а, главное, хватаетъ на цѣлые годы борьбы между Австріею и Венгріею.

А терминъ: Венгрія? Обозначаетъ онъ народность или государство? „Мы—венгерцы, т. е. имѣемъ права на венгерское государство, но мы—не мадьяры!“—заявляютъ венгерскіе словаки, сербы, румыны, нѣмцы. „Кто противъ мадьярской Венгріи, тотъ—не венгерецъ, тотъ—измѣнникъ и предатель“,—отвѣчаетъ господствующее въ Венгріи мадьярство и упорно проводитъ эту тенденцію въ общественно-политической жизни Венгріи.

Существуетъ, впрочемъ, довольно простое средство быстро оріентироваться въ пестромъ переплетѣ австро-венгерскихъ отношеній и уловить ихъ отличительныя стороны. Такое средство предоставляетъ въ наше распоряженіе, какъ и слѣдовало ожидать въ нашъ вѣкъ всесилія денежнаго знака, государственный кредитный билетъ, выпускаемый для обращенія общимъ для обѣихъ половинъ имперіи австро-венгерскимъ банкомъ.

На одной сторонѣ такого билета (въ 10 кронъ, напр.) центръ поля занимаетъ нѣмецкій текстъ, среди котораго выдѣляются отпечатанныя жирнымъ шрифтомъ слова: „Zehn Kronen“; бордюръ состоитъ изъ кружочковъ и квадратиковъ, составленныхъ изъ нѣмецкихъ опять-таки словъ: „Zehn Kronen“. Но на этой сторонѣ билета отведено всетаки отдѣльное мѣсто для обозначенія цѣнности его и на языкахъ всѣхъ остальныхъ населяющихъ Австрію народностей; кромѣ словъ „Zehn Kronen“, здѣсь можно видѣть поэтому и обозначенія: „deset korun“ „dziesieć koron“ „десять корон“ „deset kron“ и т. д. Обратная сторона билета представляетъ собою въ одномъ отношеніи точнѣйшую копію лицевой стороны. Но въ то же время обѣ стороны билета сильно отличаются другъ отъ друга: вмѣсто двуглаваго орла на австрійской сторонѣ билета, красуется на венгерской сторонѣ венгерскій гербъ въ формѣ короны св. Стефана; центръ поля занятъ исключительно венгерскимъ текстомъ, среди котораго выдѣлено жирнымъ шрифтомъ венгерское обозначеніе цѣнности билета: „Tiz koronat“; этою же венгерскою записью заполнены и всѣ кружочки и квадратики, образующіе бордюръ. И нигдѣ на этой венгерской сторонѣ билета нельзя найти обозначенія его цѣнности на другомъ языкѣ, какъ если бы во всей Венгріи дѣйствительно не было ни одной другой національности, кромѣ венгерской (мадьярской). Эта разница въ текстированіи денежнаго знака лучше, чѣмъ десятки трактатовъ, иллюстрируетъ, въ какомъ направленіи развились, съ одной стороны, отношенія между Австріею и Венгріею, съ другой—національныя отношенія въ обѣихъ половинахъ монархіи.

Во-внѣ Венгрія требуетъ и добилась полнаго паритета съ Австріею,—говоритъ эта форма текстированія государственныхъ билетовъ;—столько же мѣста, сколько отводится Австріи, должно быть отведено и Венгріи; такія же эмблемы и въ томъ же расположеніи должны украшать обѣ стороны билета.

Если эти билеты даютъ, такимъ образомъ, наглядное представленіе о полномъ паритетѣ, установившемся между Австріею и Венгріею, то они въ то же время могутъ служить наглядымъ изображеніемъ и національныхъ отношеній, установившихся въ каждой половинѣ имперіи. Въ Австріи всѣ національности добились того, что о нихъ упоминается въ оффиціальныхъ документахъ, какъ о составныхъ частяхъ монархіи. Нѣмцы требуютъ для себя только, чтобы они занимали центръ, чтобы на нѣмецкомъ языкѣ Австрія сносилась съ остальнымъ міромъ, чтобы нѣмецкій языкъ признавался на всемъ пространствѣ Австріи. И разъ это будетъ признано, Австрія готова предоставлять всѣмъ своимъ „дву-

надесяти языкамъ“ право „пѣть славу“ или выражать свое недовольство на родномъ языкѣ. Венгрія, наоборотъ, самонадѣянно и категорически заявляетъ, что она — единонаціональное венгерское государство, которое въ вопросахъ государственныхъ никого, кромѣ венгерской національности, не признаетъ.

А между тѣмъ, если посмотрѣть на составъ венгерскаго населенія, то придется признать, что Венгрія, какъ и Австрія, представляетъ собою конгломератъ изъ разноплеменныхъ группъ населенія и что въ Венгріи, какъ и въ Австріи, нѣтъ въ наличности такой національной группы, которая—по своему численному составу—могла бы считаться первенствующею или преобладающею въ странѣ. Такъ, согласно даннымъ переписи 1890 г., населеніе Венгріи распредѣлялось по своему составу слѣдующимъ образомъ:

	Во всей Венгріи:	Въ %:
Венгерцевъ (мадьяръ).	7,426,730	42,8
Кроатовъ съ сербами	2,604,260	15,01
Словаковъ	1,896,641	11,01
Румынъ	2,591,905	14,94
Нѣмцевъ	2,107,577	12,15
Русинъ	383,392	2,21

Остальное населеніе образуютъ венды (лужицкіе сербы), цыгане, армяне, болгары, греки, албанцы, куцовлахи.

Во всей Венгріи чисто-венгерское населеніе составляетъ, такимъ образомъ, лишь 42% общаго числа населенія, т. е. образуетъ меньшинство въ сравненіи съ остальнымъ не-мадьярскимъ населеніемъ. Но если даже взять Венгрію въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. выключивъ изъ нея Кроатію, которая образуетъ автономную область, то и въ этомъ случаѣ составъ населенія выразится въ цифрахъ:

	Въ собственно Венгріи:		Въ %:
Венгерцевъ. . . .	7,356,874	или	48,6
Словаковъ	1.896.641	„	12,53
Нѣмцевъ	1,988,589	„	13,14

И въ Венгріи въ тѣсномъ смыслѣ венгерцы образуютъ, слѣдовательно, еле половину всего населенія. Статистика позднѣйшихъ лѣтъ нѣсколько благопріятнѣе венгерскому элементу и относительно 1897 г. констатируетъ, напр., что на 18,525,848 душъ населенія во всей Венгріи насчитывались 8,167,733 мадьяръ или 44%; въ собственно Венгріи мадьяр-

ское населеніе въ количествѣ 8,077,044 человѣкъ составляло даже 50,4% всего населенія, а по статистикѣ 1899 г. даже 52%.

Эти данныя не признаются, однако, національными противниками мадьяръ соотвѣтствующими истинному положенію дѣлъ; и въ манифестѣ не-мадьярскихъ національностей, съ которыми послѣднія въ 1898 г. обратились къ общественному мнѣнію Европы, чтобы протестовать противъ исключительнаго господства мадьяръ въ Венгріи, указывается, что почти 10-милліонное не-мадьярское населеніе образуетъ большую половину всего населенія страны.

Мадьярскому элементу, однако, болѣе посчастливилось въ разноплеменной Венгріи, чѣмъ нѣмецкому въ Австріи, и удалось такъ прочно закрѣпить за собою роль господствующей національности, что попытки остальныхъ венгерскихъ національностей занять соотвѣтственное своей численности положеніе въ политической жизни страны оказывались до сихъ поръ обреченными на полную неудачу. Среди этихъ не-мадьярскихъ національностей Венгріи дѣйствительно сильнымъ и опаснымъ противникомъ мадьяръ могла-бы, впрочемъ, явиться только Кроатія съ ея компактнымъ 2-милліоннымъ хорватско-сербскимъ населеніемъ, стоящимъ на значительно болѣе высокой степени культуры, чѣмъ остальныя славянскія народности Венгріи.

Но размежевываясь съ Австріею въ 1867 г., когда устанавливался новый базисъ австро-венгерскихъ отношеній, мадьяры благоразумно помнили объ исконной враждѣ къ нимъ Кроатіи, которая въ 1848 г. помогла Австріи подавить венгерское возстаніе; и, считаясь съ сложившимися въ виду этого отношеніями, Венгрія нашла тогда цѣлесообразнымъ согласиться на предоставленіе Кроатіи полной автономіи. Кроатія получила свой сеймъ (ландтагъ), вполнѣ самостоятельный въ вопросахъ внутренняго управленія, своего „бана", т. е. правителя Кроатіи, утверждаемаго императоромъ-королемъ съ согласія Венгріи и считающагося отвѣтственнымъ передъ загребскимъ (Загребъ или Аграмъ—столица Кроатіи) ландтагомъ. Она имѣетъ самостоятельные департаменты юстиціи и народнаго просвѣщенія на правахъ министерствъ, и законодательство по этимъ вопросамъ предоставлено всецѣло автономной Кроатіи.

Выдѣливъ, такимъ образомъ, Кроатію въ государственно-національномъ отношеніи, Венгрія не преминула позаботиться о томъ, чтобы въ остальныхъ отношеніяхъ наложить властную руку на нее, и прекрасное средство для этого нашла въ объявленіи общими для Венгріи и Кроатіи вопросовъ

военнаго и финансоваго управленія, морского, торговаго и горнаго права, вопросовъ, касающихся путей сообщенія, торговли, промышленности и банковыхъ учрежденій, при помощи которыхъ Венгрія получала возможность оказывать сильнѣйшее давленіе на политическую жизнь Кроатіи, направляя ее въ желательное Венгріи русло.

Для обсужденія этихъ общихъ вопросовъ Кроатія посылаетъ въ Будапештскій парламентъ 40 депутатовъ, которые имѣютъ, однако, право принимать участіе въ дебатахъ и голосовать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждаются общіе для Венгріи и Кроатіи вопросы. Въ этихъ же цѣляхъ засѣдаетъ въ венгерскомъ совѣтѣ министровъ министръ „за Кроатію“ безъ портфеля. Для покрытія расходовъ по этимъ общимъ надобностямъ Кроатія обязана отдавать Венгріи 56% своихъ доходовъ, и лишь остальные 44% остаются для покрытія нуждъ Кроатіи по ея внутреннему управленію. Этимъ путемъ венгерскимъ политикамъ удалось поставить Кроатію въ полную экономическую зависимость отъ Венгріи. Насколько этимъ недовольны въ Кроатіи, можно судить по часто вспыхивающимъ и въ столицѣ, и въ различныхъ ея округахъ антимадьярскимъ движеніямъ, принимающимъ нерѣдко характеръ опасныхъ возстаній и кровопролитныхъ столкновеній.

Но такъ какъ Кроатія выдѣлена въ автономную часть государства, и депутаты ея, ограниченные въ своей компетенціи лишь вопросами, непосредственно касающимися Кроатіи, не имѣютъ возможности веста агитацію въ самомъ Будапештскомъ парламентѣ и, такимъ образомъ, будить готовность къ энергичной борьбѣ среди другихъ не-мадьярскихъ національностей Венгріи, то борьба съ Кроатіею приняла форму внѣшней распри, не врывающейся слишкомъ рѣзкими пертурбаціями во внутренне-венгерскія отношенія.

Изъ остальныхъ не-мадьярскихъ національностей извѣстную численную силу представляли, главнымъ образомъ, словаки, которые въ количествѣ свыше 2 милліоновъ живутъ компактными массами въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ комитатахъ Венгріи. Но эта наиболѣе многочисленная славянская народность Австріи сильно отстала въ культурномъ отношеніи и не выдѣлила еще изъ себя достаточно замѣтнаго слоя интеллигенціи, который могъ-бы вступить въ дѣйствительное состязаніе съ мадьярскимъ элементомъ. Немногочисленная интеллигенція словаковъ дѣлаетъ много для пробужденія національнаго самосознанія и признанія національныхъ правъ словаковъ; но массы словацкаго населенія, занимающіяся почти исключительно земледѣліемъ и обра-

зующія незначительный процентъ городского населенія, слишкомъ инертны для того, чтобы принять близкое участіе въ этомъ движеніи.

Гораздо болѣе опаснымъ для исключительнаго господства мадьяръ могъ-бы оказаться ростъ румынскаго (румыны въ числѣ около 3 милліоновъ живутъ главнымъ образомъ въ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ комитатахъ), нѣмецкаго (въ числѣ около $2^1/_2$ милліоновъ живутъ компактною массою въ Семиградіи (Siebenbürgen) и спорадически разсѣяны по всей Венгріи) и отчасти сербскаго движенія, такъ какъ эти народности въ состояніи противопоставить венгерскому элементу довольно сильную собственную національную культуру. Но съ этими движеніями мадьярскій элементъ считаетъ себя вправѣ вести энергичную борьбу, всѣми мѣрами подавляя ихъ, и въ этой борьбѣ даже лучшіе элементы венгерской интеллигенціи, способные подняться надъ узко-національными стремленіями въ политикѣ, не рѣшаются однако оказать достаточное противодѣйствіе оффиціальной венгерской политикѣ, стремящейся подчинить эти не-мадьярскія національности венгерской „государственной идеѣ“. Ибо, и по мнѣнію этой лучшей части мадьярской интеллигенціи, внесеніе принципа полной равноправности національностей въ государственный строй Венгріи можетъ скорѣе привести къ разложенію Венгріи, чѣмъ къ консолидаціи ея государственнаго быта. Если относительно Австріи, напр., можно допустить, что борющіяся тамъ за равноправіе національности могутъ дѣйствительно вполнѣ искренно желать оставаться и впредь членами австрійскаго государственнаго союза, то въ примѣненіи къ Венгріи вопросъ полной политической равноправности долженъ быть разсматриваемъ подъ другимъ угломъ зрѣнія,—увѣряетъ мадьярская интеллигенція.

Для Венгріи торжество румынской, напр., національной идеи обозначаетъ возсоединеніе венгерскихъ румынъ съ Румыніею; торжество сербской идеи—возсоединеніе съ самостоятельною единовѣрною Сербіею, такъ какъ для этихъ народностей сосѣднія единоплеменныя имъ самостоятельныя государства будутъ всегда неотразимымъ центромъ притяженія.

Всякій „истый венгерскій патріотъ“, при присущемъ мадьяру сильно развитомъ чувствѣ національной гордости, предпочтетъ поэтому—несмотря на всѣ исповѣдуемые имъ принципы либерализма и толерантности—смотрѣть сквозь пальцы на допускаемыя правительствомъ правонарушенія въ отношеніи не-мадьярскихъ національностей, чѣмъ толкать свою

родину на путь, который, по его мнѣнію, можетъ привести къ умаленію нынѣшняго значенія и престижа Венгріи.

Безъ этого надъ всѣмъ и вся превалирующаго господства мадьярско-національной государственной идеи, которая пользуется авторитетомъ непреложной догмы въ глазахъ всякаго мадьяра, къ какой-бы сословной и соціальной группѣ онъ ни принадлежалъ, нельзя понять ни исторіи Венгріи, ни ея нынѣшнихъ политическихъ отношеній. Явилось-ли несокрушимое господство этой идеи въ результатѣ многовѣковой борьбы за государственную самостоятельность Венгріи, борьбы, которую отъ имени всѣхъ населявшихъ Венгрію національностей вела именно мадьярская національность; или она является результатомъ какой-нибудь особенной черты національнаго характера мадьяръ, сохранившихъ еще и въ своемъ быту, и въ своемъ характерѣ многія наклонности необузданныхъ, свободолюбивыхъ „сыновъ степей“, или-же способность этой идеи до сихъ поръ владѣть чувствами мадьяра объясняется тѣмъ, что ее еще не перестаетъ питать чувство вражды къ былой поработительницѣ — Австріи, тяжба съ которою еще не совсѣмъ закончена, по крайней мѣрѣ, формально,—во всякомъ случаѣ эта идея продолжаетъ оставаться по-днесь самоцѣлью для всякаго мадьяра.

Ею именно объясняется и многое изъ того хорошаго, и еще большее изъ того дурного, что успѣла создать венгерская жизнь. На почвѣ этой преданности національной идеѣ и готовности приносить ради торжества ея самыя тяжелыя жертвы и окрѣпла любовь венгерцевъ къ политической свободѣ, создалось то рыцарство духа, которое является такою привлекательною чертою венгерскаго національнаго характера; выросъ и окрѣпъ венгерскій парламентаризмъ, сумѣвшій сдѣлаться несокрушимымъ оплотомъ венгерской конституціи, о который разбивались всѣ натиски надвигавшейся изъ Вѣны реакціи; выросла и окрѣпла любовь народа къ защищающей его права конституціи, которую онъ готовъ грудью отстаивать передъ врагомъ.

„Дѣйствіе конституціи въ Венгріи никогда не прекращается“,—гласитъ политическое credo всякаго венгерскаго патріота. Иными словами, насильственными мѣропріятіями, противъ которыхъ Венгрія можетъ оказаться безсильною, можетъ быть прервано дѣйствіе этой конституціи; въ нее могутъ быть внесены противорѣчащія ей постановленія; все это Венгрія можетъ претерпѣть; но признать это она никогда не можетъ, и возстановленіе нормальныхъ отношеній въ Венгріи, примиреніе ея съ нарушителями возможно лишь послѣ того, какъ всѣ эти нарушенія конституціи оконча-

тельно вычеркнуты и возстановлено планомѣрное дѣйствіе ея и закономѣрный ходъ ея развитія.

Эта сознательная привязанность венгерцевъ къ создавшейся историческимъ путемъ конституціи страны и помогла имъ пронести это ихъ „наивысшее сокровище“ чрезъ всѣ испытанія, которыя пришлось перенести Венгріи, черезъ всѣ пучины бѣдствій, которыми такъ богата ея исторія. Сколько для этого требовалось сознательной любви къ своему историческому и политическому достоянію, сколько сознательнаго самопожертвованія при тѣхъ неутомимыхъ и жестокихъ гоненіяхъ, которыя воздвигала противъ этихъ священныхъ традицій сильная тогда Австрія! Но за то какая сильная доза той специфической политической морали, къ которой больше подходитъ эпитетъ политической безнравственности, понадобилась для того, чтобы, столь глубоко проникшись сознаніемъ права на національное самоопредѣленіе, ведя отчаянную борьбу во имя этого права съ Австріею, въ тоже время не признавать этого права за другими не-мадьярскими національностями, населяющими Венгрію!

„Не признавать“—это, впрочемъ, будетъ не точное опредѣленіе, противъ котораго всякій венгерецъ подниметъ самый энергичный протестъ. „Свободная“ венгерская конституція, которою такъ гордится всякій мадьяръ, которая въ своемъ чистомъ видѣ содержала формальное постановленіе о правѣ оказывать вооруженное сопротивленіе незаконнымъ постановленіямъ короля (т. н. Resistenzclausel) и до сихъ поръ пропитана, какъ мы еще увидимъ ниже, этимъ духомъ, — эта конституція не можетъ „не признавать“ такого основного права личности, какъ право сознавать себя членомъ той или другой національности.

И она, дѣйствительно, признаетъ его, дала ему признаніе въ самой торжественной формѣ. Спеціальнымъ закономъ о равноправіи національностей (§ XLIV) устанавливается, что въ общинныхъ собраніяхъ и муниципальныхъ совѣтахъ каждый ораторъ можетъ произносить свои рѣчи и принимать участіе въ дебатахъ на родномъ языкѣ; что по желанію $^1/_5$ собранія каждый изъ мѣстныхъ языковъ можетъ быть признанъ языкомъ протокола, который ведется засѣданіямъ совѣта данной мѣстности; что общины могутъ сноситься между собою на языкѣ своихъ протоколовъ; что въ актахъ, адресуемыхъ правительству, также можетъ употребляться рядомъ съ венгерскимъ языкомъ и языкъ протокола; что чиновники первой инстанціи обязаны говорить со сторонами, т. е. съ имѣющими къ нимъ дѣло, на языкѣ послѣднихъ. Каждой національности законъ разрѣшаетъ пользоваться въ школѣ,

Венгерскій парламентъ.

въ церкви собственнымъ языкомъ, разрѣшаетъ ей на собственныя средства создавать свои національныя школы; и въ Венгріи дѣйствительно можно встрѣтить національныя (немадьярскія) низшія и среднія школы, въ которыхъ венгерскій языкъ, какъ не обязательный, совсѣмъ даже не изучается.

Такимъ образомъ, если не государственно-политическія, то національныя права не-мадьярскихъ національностей Венгріи могутъ считаться формально признанными и обезпеченными, урегулированными настолько, что столкновенія, хотя-бы на почвѣ пользованія этими національными правами, могли-бы считаться устраненными. Откуда-же эти постоянныя обвиненія противъ мадьяръ въ грубо-насильственной, безпощадной, сопровождающейся жестокостями мадьяризаціи—немадьярскихъ національностей Венгріи?

Изъ устъ сторонниковъ мадьяризма въ Венгріи можно, правда, слышать такія мнѣнія, будто мадьяры меньше всего способны и склонны заниматься мадьяризаціею соприкасающихся съ ними не-мадьярскихъ элементовъ. Для этого мадьяръ, какъ и турокъ, слишкомъ гордъ. Онъ считаетъ себя представителемъ высшей расы въ сравненіи съ сосѣдними словаками или сербами. Создавъ свое собственное независимое государство, мадьяры теперь твердо убѣждены, какъ и бѣлые въ Америкѣ, что о сокрушеніи ихъ господства не можетъ быть и рѣчи. Они поэтому „не гонятся за другими національностями“, предоставляя послѣднимъ стремиться, какъ къ идеалу, къ ассимиляціи съ господствующимъ мадьярскимъ элементомъ.

Отчасти такой процессъ и можно наблюдать въ Венгріи, гдѣ мадьярскій элементъ уже одною силою своего господства, т. е. безъ спеціальныхъ усилій, играетъ роль аттракціонной силы, каковая роль всюду выпадаетъ на долю господствующаго элемента. Особенно сильному воздѣйствію въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно, подвергаются средніе классы, которые вообще не обладаютъ достаточною силою сопротивленія факторамъ государственной власти и охотно подчиняются вліянію господствующаго класса, нравы и обычаи котораго они быстро перенимаютъ; а такъ какъ въ Венгріи господствующимъ классомъ и обладателемъ государственной власти является мадьярскій элементъ, то средніе классы, поставляющіе государству его многочисленный штатъ чиновниковъ, выдѣляющіе изъ своихъ рядовъ поставщиковъ всего необходимаго государству и находящіеся въ постоянномъ соприкосновеніи съ распредѣлителями благъ земныхъ, стараются во всемъ походить на этотъ господствующій классъ, и про-

цессъ мадьяризаціи здѣсь безъ труда и быстро подвигает[ся] впередъ. Очень многіе изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей Венгріи или лицъ, выдѣлявшихся на другихъ поприщахъ, какъ Влассичъ, Лукачъ, Гіеронимп или извѣстнѣйшій венгерскій поэтъ, Петэфи, (настоящее его имя—Петровичъ), по происхожденію своему не могутъ быть причисляемы, какъ уже показываютъ ихъ имена, къ мадьярской національности, что не помѣшало имъ вполнѣ ассимилироваться съ мадьярствомъ и сдѣлаться добровольными носителями и поборниками мадьярской національной идеи.

Но само собою разумѣется, что правительство не довольствуется этимъ естественнымъ, безболѣзненнымъ процессомъ мадьяризаціи, несмотря на то, что именно такая форма вѣрнѣе, чѣмъ всякая другая, могла-бы привести къ преслѣдуемой цѣли созданія мадьярской Венгріи.

И сколько-бы мадьяры, такъ много заботящіеся о томъ, чтобы Венгрія пользовалась въ Европѣ репутаціею одной изъ свободнѣйшихъ странъ, ни ссылались на свободные параграфы своей конституціи, какъ на неопровержимое доказательство того, что въ Венгріи всѣ равны передъ закономъ и что послѣднимъ въ достаточной мѣрѣ ограждены права всѣхъ живущихъ въ Венгріи, возможность появленія извѣстнаго протеста отъ имени конгресса не-мадьярскихъ національностей должна быть признана сильнѣйшимъ опроверженіемъ такихъ утвержденій со стороны мадьяръ. Ибо еслибы изъ всѣхъ указанныхъ въ этомъ протестѣ правонарушеній согласнымъ съ истиною оказался хотя-бы одинъ только фактъ исключенія ихъ представительства въ парламентѣ 10-милліоннаго не-мадьярскаго населенія, то одного этого факта былобы достаточно для того, чтобы фальшь громкихъ фразъ о „свободной Венгріи“ сдѣлалась вполнѣ очевидною. А это отсутствіе въ парламентѣ представителей, не-мадьярскихъ національностей—дѣйствительный фактъ!

Какимъ образомъ такой вопіющій фактъ оказывается возможнымъ въ странѣ, въ которой яко-бы признано даже всеобщее избирательное право? Возможно-ли такое ненормальное явленіе, какъ результатъ нормальныхъ отношеній? Не являются-ли оно доказательствомъ того, что для достиженія этого результата пускаются въ ходъ беззастѣнчивыя мѣры воздѣйствія, не останавливающіяся и передъ насиліемъ?

Все это дѣйствительно практикуется, и, что всего печальнѣе—все это облекается въ формы строгой конституціональности, ибо въ Венгріи, какъ странѣ конституціонной, правонарушенія не могутъ, конечно, носить характера просто грубаго произвола, а должны быть такъ или иначе введены въ

рамки конституціи. И, дѣйствительно, венгерская конституція стремится дать *законное* выраженіе этимъ правонарушеніямъ, возводитъ ихъ въ политическую систему. Эта-то необходимость руководиться такими стремленіями и есть тотъ ядъ, которою отравлена вся политическая система, дѣйствующая нынѣ въ Венгріи и извратившая естественный ходъ развитія политической мысли и политической жизни въ этой странѣ со столь богатымъ политическимъ прошлымъ и столь богатыми политическими задатками.

II.

Австро-венгерскія отношенія.

Если считать началомъ венгерской конституціи знаменитую „золотую буллу“, то эта конституція должна быть признана одною изъ древнѣйшихъ въ Европѣ. Дѣйствительно, „золотая булла“ была дана еще въ 1222 г. (почти одновременно съ тѣмъ, какъ Англіи была дана „Magna Charta libertatum“) однимъ изъ потомковъ первой венгерской династіи Арпада, подъ предводительствомъ которыхъ угры или унгры (мадьяры), жившіе дотолѣ между Дунаемъ и Дономъ и вытѣсненные оттуда печенѣгами, заняли въ 890 или 896 г. римскую провинцію Панонію и часть Дакіи, образовавшія нынѣшнюю Венгрію.

Одинъ изъ потомковъ этого Арпада, Андрей II, согласился или былъ вынужденъ послѣ неудачи предпринятаго имъ крестоваго похода дать высшему дворянству и духовенству „золотую буллу“, коею за этими сословіями, освобожденными на основаніи этой буллы отъ всякихъ налоговъ, признавалось право оказывать королю вооруженное сопротивленіе въ случаѣ нарушенія послѣднимъ основныхъ законовъ. Уничтожена была эта булла лишь въ 1687 г., когда Венгрія была уже крайне обезсилена вѣчною борьбою съ Турціею и внутренними междуусобицами изъ-за споровъ о престолѣ, который послѣ прекращенія династіи Арпада переходилъ, на основаніи родственныхъ связей, къ разнымъ королямъ и, наконецъ, въ 1526 г., достался Габсбургамъ, которыхъ венгерскій рейхстагъ, собравшійся послѣ пораженія Венгріи Турціею, пригласилъ занять престолъ, оставшійся вакантнымъ послѣ умершаго бездѣтнымъ послѣдняго венгерскаго короля.

Часть венгерской аристократіи, опасавшейся строго-католическихъ Габсбурговъ, вездѣ защищавшихъ интересы Рима, были недовольны Габсбургами, и съ самаго момента призванія въ Венгрію Габсбурговъ борьба противъ нихъ и про-

тивъ Австріи становится, можно сказать, главнымъ содержаніемъ политической исторіи Венгріи; во всякомъ случаѣ она проходитъ красною нитью черезъ всю политическую исторію Венгріи, окрашивая ее въ извѣстный цвѣтъ и не переставая оказывать все время сильнѣйшее давленіе на развитіе политическихъ отношеній въ этой половинѣ Габсбургской монархіи.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на этой богатой высокодраматическими эпизодами многовѣковой борьбѣ, доведшей до знаменитаго венгерскаго возстанія 48-го года, во время котораго былъ даже моментъ, когда Венгрія, руководимая пріобрѣтшимъ огромный авторитетъ и вліяніе на умы Людвигомъ Кошутомъ, объявила Габсбургскую династію лишенною престола, а Кошута—правителемъ страны. Извѣстно, какъ печально для Венгріи кончилась эта борьба. Несмотря на рядъ блестящихъ побѣдъ воодушевленныхъ борьбою за свою свободу венгерскихъ полковъ, которыя, казалось, окончательно сокрушили власть Австріи, послѣдняя, подавивъ возстаніе въ собственныхъ границахъ, обрушилась со всею силою на Венгрію, противъ которой былъ двинутъ и стотысячный русскій корпусъ по приказанію императора Николая I, рѣшившаго, по личной просьбѣ императора Францъ-Іосифа, оказать поддержку Габсбургамъ въ ихъ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ.

Съ этими огромными военными силами на-скоро организованная венгерская армія не могла справиться, тѣмъ болѣе, что ей приходилось бороться и съ внутреннимъ врагомъ въ лицѣ славянскихъ народностей, которыя были недовольны тѣмъ, что мадьярскій элементъ не хотѣлъ дѣлать уступокъ національнымъ требованіямъ славянъ, и банъ Кроатіи, Елачичъ, во главѣ 40-тысячнаго отряда поддерживалъ операціи двинутыхъ противъ Венгріи войскъ. Въ концѣ сентября 1849 г. предводительствовавшій проникшимъ въ Венгрію русскимъ корпусомъ Паскевичъ могъ сообщить императору Николаю I: „Венгрія у ногъ вашего величества“.

Венгрія, казалось, была дѣйствительно повержена во прахъ. За возстаніе было жестоко отомщено; неуспѣвшіе бѣжать руководители его были казнены; всѣ болѣе или менѣе видные политическіе дѣятели Венгріи обречены на долгіе годы тюремнаго заключенія; имѣнія конфискованы. Наказанію была подвергнута и сама страна. Такъ какъ теченіемъ революціонной борьбы были сдвинуты съ мѣста прежнія правовыя отношенія, и временное правительство Венгріи рѣшилось объявить Габсбурговъ лишенными венгерскаго престола, т. е. само отмѣнило дѣйствующую конституцію, то Австрія, вновь завоевавшая теперь Венгрію, объявила древнюю

конституцію ея прекратившею свое существованіе; Венгрія объявлена австрійскою областью, на которую должны быть распространены дѣйствующіе въ Австріи законы; она была наводнена нѣмецкими администраторами и чиновниками, проводившими здѣсь „австрійскую“ идею.

Казалось, Венгріи не воскреснуть больше, какъ государственному организму. Но заставить забыть о событіяхъ, всколыхнувшихъ въ 48 г. страну, и о сдѣланныхъ въ это время завоеваніяхъ было уже невозможно. На всѣ давленія со стороны Австріи Венгрія отвѣчала глухимъ „пассивнымъ“ сопротивленіемъ, которое парализовывало всю дѣятельность австрійскаго чиновничества и въ которомъ было столько грознаго и зловѣщаго для Австріи, что вѣнское правительство начало само дѣлать попытки примирить съ собою Венгрію. Особенно въ моменты внѣшнихъ осложненій Австрія слишкомъ ясно осязала, какъ опасно имѣть за спиною вѣчно недовольную и во всякій моментъ готовую поднять знамя возстанія страну.

Вѣнское правительство послѣ неудачъ итальянской кампаніи начало, поэтому, само дѣлать поблажки Венгріи; прежній рейхстагъ началъ снова созываться подъ именемъ венгерскаго ландтага. Но Венгрія не хотѣла знать никакихъ компромиссовъ, въ основѣ которыхъ лежало отрицаніе ея государственной самостоятельности. На всѣ приглашенія посылать своихъ депутатовъ въ вѣнскій парламентъ Венгрія отвѣчала упорнымъ отказомъ, ссылаясь на свою конституцію и требуя возстановленія положенія, которое создалось въ 1848 г. Вѣнское правительство очень долго не соглашалось на это, пока, наконецъ, разгромъ Австріи въ 1866 г. не заставилъ его сдѣлаться уступчивѣе и подготовить дуалистическое соглашеніе 1867 г., создавшее нынѣшнюю двуединую Австро-Венгрію.

Этимъ дуалистическимъ соглашеніемъ Венгрія признана въ государственно-правовомъ отношеніи автономнымъ королевствомъ, управляющимся на основаніи собственнаго государственнаго стастута. Во главѣ государства стоитъ „апостолическій король“ Венгріи, который раздѣляетъ свою власть съ парламентомъ. Венгрія имѣетъ собственное министерство, отвѣтственное только передъ венгерскимъ парламентомъ; и внутреннее управленіе зиждется исключительно на основаніи законовъ, вырабатываемыхъ венгерскимъ парламентомъ.

Но уже въ ходъ этой законодательной дѣятельности могутъ врываться ноты, являющіяся результатомъ дуалистическаго единства, соединяющаго Венгрію съ Австріею, такъ

какъ австро-венгерскій дуализмъ обозначаетъ не *персональную* унію, а *реальную* унію обѣихъ половинъ имперіи.

Дуалистическимъ соглашеніемъ 1867 г. взаимно-обязательныя отношенія урегулированы слѣдующимъ образомъ. Оставаясь совершенно самостоятельными въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ, обѣ половины имперіи признаютъ общими для обоихъ этихъ государствъ и подлежащими, слѣдовательно, ихъ совмѣстному вѣдѣнію: 1) вопросы внѣшней политики (дипломатическое и коммерческое представительство всей австро-венгерской имперіи; заключеніе торговыхъ договоровъ, переговоры о которыхъ ведутся отъ имени всей имперіи и которые становятся поэтому обязательными для обѣихъ половинъ ея и т. п.); 2) вопросы, касающіеся военной защиты страны, т. е. армія и флотъ; 3) финансовые вопросы, относящіеся къ покрытію расходовъ по этимъ общимъ для обѣихъ половинъ имперіи обязательствамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и учреждено—рядомъ съ самостоятельными австрійскимъ и венгерскимъ правительствами—еще и обще-имперское правительство, состоящее изъ обще-имперскаго министра иностранныхъ дѣлъ, обще-имперскаго военнаго министра и обще-имперскаго министра финансовъ.

Передъ кѣмъ-же отвѣтственно за свои дѣйствія это обще-имперское министерство? Кому отдаетъ оно отчетъ? Кто его контролируетъ? Отъ кого получаетъ оно указанія? Для выполненія этой функціи и учрежденъ—рядомъ съ австрійскимъ рейхсратомъ, контролирующимъ дѣйствія своего австрійскаго правительства, и венгерскимъ рейхстагомъ, контролирующимъ дѣйствія венгерскаго правительства—еще одно своеобразное парламентское учрежденіе, извѣстное подъ именемъ „Делегаціи“. Оно функціонируетъ въ составѣ австрійской делегаціи, выбираемой австрійскимъ парламентомъ, и венгерской делегаціи, посылаемой венгерскимъ парламентомъ. Каждая делегація состоитъ изъ 60 делегатовъ, изъ коихъ 40 выбираются ежегодно изъ числа депутатовъ (рейхстага въ Венгріи, рейхсрата въ Австріи) и 20 изъ числа членовъ Верхнихъ палатъ („Палаты магнатовъ“ въ Венгріи, „Палаты господъ“ въ Австріи).

Делегаціи созываются ежегодно и засѣдаютъ попеременно то въ Вѣнѣ, то въ Будапештѣ. Вѣдѣнію делегаціи подлежатъ вышеозначенныя обще-имперскія дѣла и установленіе обще-имперскаго бюджета. Но засѣдаетъ каждая делегація отдѣльно, отдѣльно выслушиваетъ отчетъ обще-имперскихъ министровъ, возбуждаетъ относящіеся къ этимъ отчетамъ вопросы, принимаетъ резолюціи, выражаетъ порицаніе или

одобреніе дѣйствіямъ обще-имперскаго правительства. Обѣ делегаціи сносятся между собою только письменно, сообщая одна другой о принятыхъ каждою изъ нихъ рѣшеніяхъ. Въ случаѣ разногласія, обѣ делегаціи, послѣ троекратнаго обмѣна письменными сообщеніями (нунціями), имѣютъ право назначить совмѣстное засѣданіе для общаго голосованія по спорному вопросу. Но и въ этомъ случаѣ каждая делегація засѣдаетъ подъ предсѣдательствомъ своего собственнаго президента.

Уже по этой процедурѣ обсужденія общихъ вопросовъ можно видѣть, какъ медленно работаетъ этотъ аппаратъ даже въ томъ случаѣ, когда обѣ делегаціи готовы итти навстрѣчу другъ другу. Не трудно себѣ представить въ виду этого, какъ легко при помощи этого института задерживать обсужденіе обще-имперскихъ вопросовъ и воздвигать препятствія на этомъ пути, если одна изъ делегацій имѣетъ основаніе „бросать палки въ колеса“ этой малоподвижной правительственной колесницы.

Это обстоятельство нужно имѣть въ виду, для того чтобы лучше понимать тактику различныхъ политическихъ партій въ Австріи и въ Венгріи и различные моменты политической жизни въ этихъ странахъ. Дѣло въ томъ, что если делегаціи и являются единственнымъ пунктомъ, въ которомъ сходятся узлы политики обѣихъ половинъ имперіи и имѣютъ возможность вступать въ непосредственное между собою соприкосновеніе депутаты австрійскаго и венгерскаго парламентовъ, то всетаки не въ одной только формѣ этихъ делегацій получаетъ свое выраженіе двуединство Австріи и Венгріи.

Кромѣ тѣхъ „средствъ совмѣстной и солидарной обороны, вытекающихъ изъ прагматической санкціи“ и получившихъ свое выраженіе въ институтѣ общей австро-венгерской арміи и общаго дипломатическаго представительства, двуединство выразилось еще въ созданіи общетаможенной линіи. Правда, послѣднее условіе считается не органически необходимымъ для дуализма. Въ то время, какъ общая армія и общее дипломатическое представительство, основанныя на прагматической санкціи, объявлены органическимъ, незыблемымъ началомъ дуализма, не подлежащимъ измѣненіямъ, таможенная общность считается только временнымъ соглашеніемъ, заключаемымъ каждый разъ лишь на десять лѣтъ и подлежащимъ обновленію только въ томъ случаѣ, если оба парламента выразятъ на то свое согласіе.

Но именно это-то якобы полюбовное соглашеніе и сдѣлалось источникомъ непрекращающихся конфликтовъ между

Австріею и Венгріею. Ибо таможенное соглашеніе необходимо должно было повлечь за собою цѣлый рядъ новыхъ соглашеній, обязывающихъ оба парламента и во многихъ вопросахъ внутренней политики придерживаться одной общей директивы и сдѣлавшихъ, такимъ образомъ, извѣстнаго рода вмѣшательство одного парламента въ жизнь другого прямо неизбѣжнымъ. Такъ, напр., хотя каждая изъ обѣихъ половинъ имперіи совершенно самостоятельно завѣдуетъ приходящеюся на ея государственную территорію частью таможенной линіи, тѣмъ не менѣе таможенная общность должна была, конечно, породить тождественность таможенныхъ постановленій и тарифныхъ ставокъ; далѣе, тождественность постановленій, касающихся желѣзнодорожнаго и почтово-телеграфнаго дѣла, постановленій, касающихся санитарно-полицейскихъ мѣръ въ пограничныхъ портахъ и т. п., такъ какъ отсутствіе полной одинаковости этихъ условій ставило бы одну изъ участвующихъ въ таможенной общности половинъ въ болѣе выгодныя или менѣе выгодныя условія, чѣмъ другую. Съ другой стороны, таможенная общность, въ силу которой Австрія и Венгрія выступаютъ въ вопросахъ торговой политики, какъ одна территорія, сдѣлала неизбѣжнымъ, чтобы и налоговая система въ обѣихъ половинахъ имперіи была приведена въ извѣстное соотвѣтствіе. Такъ, напр., въ полномъ соотвѣтствіи должны быть въ Австріи и Венгріи налоги на пиво, спиртъ, сахаръ и др. предметы, находящіеся въ непосредственномъ отношеніи къ промышленному производству. Общими для обѣихъ половинъ имперіи должны были сдѣлаться: монетная система, вѣсъ и мѣра и т. д. Въ извѣстное соотвѣтствіе должна ставиться и желѣзнодорожная политика, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ линій, которыя задѣваютъ интересы обѣихъ половинъ имперій.

Словомъ, оставаясь независимыми другъ отъ друга государствами, Австрія и Венгрія, въ силу общности торговыхъ интересовъ, врывающихся во всѣ области хозяйственной и политической жизни, вынуждены на каждомъ шагу прислушиваться къ мнѣнію сосѣда, спрашивать его разрѣшенія и сознавать себя такими же соподчиненными чему-то надъ ними обѣими стоящему частями, какими обязаны сознавать себя различныя области одного и того же государства.

Но именно съ этимъ положеніемъ никогда не желала и не желаетъ мириться значительная часть общественнаго мнѣнія Венгріи, а въ послѣдніе годы перестаетъ мириться и Австрія. И это нежеланіе не подсказывается какимъ-нибудь капризомъ, а довольно вѣскими соображеніями. Дѣло въ томъ, что дуалистическое соглашеніе являлось попыткой за-

крѣпить такія отношенія, которыя представляютъ собою далеко не постоянную величину, а нѣчто самой судьбой предназначенное подвергаться измѣненіямъ. Если для своего времени они, можетъ быть, и соотвѣтствовали соотношенію обѣихъ договаривавшихся частей, то съ теченіемъ времени условія ихъ жизни подверглись такимъ измѣненіямъ, что въ рамки дуализма они не могли больше укладываться.

Венгрія въ моментъ заключенія таможеннаго соглашенія могла считаться почти исключительно земледѣльческою страною, въ то время какъ Австрія значительно опередила ее въ смыслѣ промышленнаго развитія. Могло, поэтому, считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ взаимнымъ интересамъ обѣихъ половинъ имперіи, чтобы Венгрія открыла свои границы австрійскимъ фабрикатамъ, сама же сдѣлалась поставщицею земледѣльческихъ и вообще сырьевыхъ продуктовъ, въ которыхъ нуждалась Австрія. Казалось, такимъ образомъ, что обѣ страны какъ бы гармонически дополняютъ другъ друга, и именно солидарность интересовъ подсказываетъ имъ мысль о таможенномъ союзѣ. Оппозиція этому соглашенію, правда, была уже и тогда на лицо, но она исходила изъ иныхъ, такъ сказать, постороннихъ мотивовъ, о которыхъ будетъ еще рѣчь ниже, и во всякомъ случаѣ не находила въ жизненныхъ интересахъ страны такого отклика, чтобы явиться серьезнымъ препятствіемъ.

Нужно прибавить еще къ этому, что соглашеніе заключалось тогда не между двумя равноправными, равнонезависимыми и находящимися другъ съ другомъ только въ договорныхъ отношеніяхъ странами. Въ то время Венгрія находилась лишь на порогѣ осуществленія своей многовѣковой мечты о возсозданіи независимаго венгерскаго королевства. И если окончательное признаніе ея независимою, равноправною половиною имперіи могло осуществиться только при томъ условіи, что съ Австріею будетъ заключаться каждый разъ на десять лѣтъ таможенное соглашеніе, то рѣшеніе подсказывалось само собою. Но по мѣрѣ того, какъ Венгрія политически крѣпла и проникалась сознаніемъ своего политическаго значенія и увѣренностью, что со стороны все болѣе слабѣющей Австріи не приходится больше опасаться покушеній на самостоятельность венгерскаго королевства, она обнаруживала все менѣе и менѣе склонности мириться съ ролью исключительно земледѣльческой страны, на которую обрекалъ ее союзъ съ Австріею. И политическіе дѣятели Венгріи, и экономисты ея все болѣе проникались сознаніемъ, что дѣйствительно независимою Венгрія можетъ сдѣлаться, лишь развивъ собственную промышленность. При исключительно зем-

ледѣльческомъ строѣ Венгрія—доказывали ея экономисты,—обречена была оставаться бѣдною страною съ рѣдкимъ населеніемъ и находилась бы всегда въ экономической зависимости отъ освободившей ее политически, но поработившей ее экономически Австріи.

Начиная съ 1876 г., т. е. къ истеченію перваго десятилѣтія существованія соглашенія, венгерскія правительства начинаютъ, поэтому, прилагать особыя усилія къ насажденію собственной промышленности въ Венгріи. Въ 1881 г. появляется законъ, предоставляющій промышленнымъ предпріятіямъ въ Венгріи широчайшія льготы: новыя промышленныя предпріятія освобождаются на срокъ до 1895 г. отъ промысловаго налога, отъ налоговъ съ дохода, отъ штемпельнаго налога на подлежащія регистраціи сдѣлки и т. п. Въ 1887 г. законъ этотъ распространенъ и на предпріятія, имѣющія въ виду разработку минеральныхъ богатствъ. Лицамъ, изъявляющимъ желаніе основать въ Венгріи промышленное предпріятіе, отводятся безвозмездно участки земли подъ строенія, нерѣдко выдаются огромныя субсидіи деньгами, или за ними закрѣпляются на много лѣтъ казенныя поставки и подряды. Въ 1890 г. срокъ закона о льготахъ, которыми пользуются промышленныя предпріятія, продолженъ еще на 14 лѣтъ. И результатомъ этихъ усилій является то, что уже въ 1891 г. Венгрія насчитываетъ подлежащихъ надзору фабричной инспекціи 1092 промышленныхъ предпріятія, изъ коихъ въ 933 работаютъ 1584 мотора въ 61,153 лошадиныхъ силъ, и въ этихъ предпріятіяхъ насчитывается 73,643 рабочихъ. А въ цифрахъ государственнаго хозяйства результаты этой политики сказываются тѣмъ, что за періодъ 1870—1893 г. государственный бюджетъ Венгріи возрастаетъ съ 158 милліоновъ гульденовъ на 421 милл., т. е. на 168,3%, въ то время какъ бюджетъ Австріи за тотъ-же періодъ возрастаетъ съ 320 на 636 милл., т. е. на 98,9%.

Не трудно понять, что среди располагающихъ властью политическихъ и финансовыхъ сферъ Венгріи эти результаты только больше еще разжигаютъ желаніе итти по этому пути. Но союзъ съ Австріею оказывается непреодолимымъ препятствіемъ къ этому. Съ болѣе сильно развитою австрійскою промышленностью, выговорившею себѣ право безпошлинно ввозить въ Венгрію свои фабрикаты, слабая венгерская промышленность не въ состояніи бороться. И ропотъ противъ этого обездоливающаго Венгрію союза съ ея прежнею поработительницею становится, поэтому, все громче и громче, тѣмъ болѣе, что къ соображеніямъ пользы и выгоды, вызывающимъ этотъ ропотъ, присоединяются и мо-

тивы національнаго характера, еще болѣе санкціонирующіе желаніе стряхнуть съ себя „австрійское иго“ и облекающіе эти желанія въ идеально-романтическіе покровы.

Естественно, поэтому, что экономическая автономія стала лозунгомъ для всякаго венгерца, видящаго будущее Венгріи въ развитіи ея производительныхъ силъ. Но и для тѣхъ, которымъ оставался бы чуждъ этотъ лозунгъ, какъ, напр., для огромныхъ массъ земледѣльческаго населенія, найденъ былъ неотразимый аргументъ противъ торгово-хозяйственнаго единства Австріи и Венгріи.

Дѣло въ томъ, что, руководясь стремленіемъ обезпечить для австрійскихъ фабрикатовъ венгерскій рынокъ, Австрія при заключеніи торговыхъ договоровъ принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы при помощи высокихъ таможенныхъ ставокъ ограничить до минимума ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ въ предѣлы Австро-Венгріи. Такое положеніе вызвало сильное негодованіе среди венгерскихъ экономистовъ.

„Мы переплачиваемъ за то и для того, чтобы промышленность могла процвѣтать въ Австріи“,— говорили они.—„Если же правда, что въ Венгріи нѣтъ подходящихъ условій для развитія собственной промышленности; если правы тѣ, которые утверждаютъ, что созданіе собственной промышленности потребовало бы отъ Венгріи непосильныхъ жертвъ и что ей выгоднѣе пользоваться правами чужой промышленности опередившихъ ее въ этомъ отношеніи странъ, то пусть же намъ дана будетъ дѣйствительно возможность пользоваться плодами высоко развитой техники другихъ странъ. Почему мы обязаны платить дорого за австрійскіе продукты, когда мы могли бы имѣть болѣе дешевые и лучшіе по качеству продукты германской и англійской индустріи, если бы не были связаны по рукамъ и ногамъ Австріею?“

И агитація на этой почвѣ, въ связи съ унаслѣдованнымъ чувствомъ вражды къ Австріи, не могла не дать всходовъ. Уже заключеніе второго соглашенія, т. е. на слѣдующее десятилѣтіе, вызвало большія трудности и вынуждало Австрію сдѣлать новыя уступки Венгріи; третье соглашеніе вызвало еще большія трудности; а четвертое соглашеніе, которое подлежало возобновленію въ 1897 г., не могло быть еще заключено даже къ началу 1904 г. и вызвало такое потрясеніе австро-венгерскихъ отношеній, въ виду котораго мысль о неизбѣжности полнаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи сдѣлалась, можно сказать, общимъ мѣстомъ.

Яблокомъ раздора во время переговоровъ о послѣднемъ соглашеніи служилъ вопросъ о „квотѣ“, т. е. о долѣ участія каждой изъ половинъ имперіи въ общихъ расходахъ. Эти

общіе расходы выражались въ послѣдніе годы (въ 1901 и 1902 гг.) приблизительно въ цифрѣ 350 милліоновъ кронъ. На покрытіе этихъ общихъ расходовъ идетъ весь таможенный доходъ всей имперіи (около 115 милліоновъ въ послѣдніе годы), а остальная сумма за вычетомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ ставокъ—распредѣляется между Австріею и Венгріею. Вотъ это-то распредѣленіе и сдѣлалось источникомъ непрекращающихся пререканій.

Уже при заключеніи перваго соглашенія Венгрія настояла на томъ, чтобы ея доля участія была значительно меньше доли Австріи въ виду незначительности ея денежныхъ рессурсовъ. Она тогда требовала, чтобы „квота“ была установлена въ отношеніи 25 : 75, и Австріи лишь съ трудомъ удалось склонить ее взять на себя 30% всѣхъ общихъ расходовъ. Но быстрый ростъ венгерскаго государственнаго бюджета показался Австріи достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы выставить требованіе объ увеличеніи доли участія Венгріи въ общихъ расходахъ, а именно установленія „квоты“ въ отношеніи 42 : 58. Венгерская делегація, однако, и слышать объ этомъ не хотѣла, и переговоры объ этомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велись безъ всякаго успѣха, пока, наконецъ, корона, на основаніи соотвѣтствующей статьи конституціи, не рѣшилась по собственному усмотрѣнію установить временно квоту $33^{3}/_{49} : 66^{46}/_{49}$, на что, однако, венгерская делегація отказывалась дать свое согласіе, несмотря на то, что и по этой квотѣ Австрія возмѣщала въ 1901 г. 157 милл. кронъ общихъ расходовъ (6,1 крона на голову), а Венгрія лишь 82 милл. кронъ (4,7 кр. на голову).

Необходимость постоянно „покупать“ цѣною слишкомъ дорогихъ уступокъ согласіе Венгріи на возобновленіе соглашенія сдѣлала этотъ „аусглейхъ“ (соглашеніе) чрезвычайно непопулярнымъ и въ самой Австріи, которая раньше не представляла себѣ даже возможности отдѣленія Венгріи и установленія таможенной стѣны между обѣими половинами имперіи. Въ концѣ концовъ, однако, и въ Австріи начали раздаваться громко голоса противъ этого соглашенія, въ которомъ перестали видѣть нѣчто необходимое, а, наоборотъ, стали даже усматривать нѣчто вредное для экономическаго развитія Австріи.

При такомъ отношеніи къ вопросу и въ Венгріи, и въ Австріи правительства той и другой половины имперіи, которымъ приходится преодолѣвать въ парламентахъ непреодолимыя затрудненія изъ-за этого соглашенія, вѣроятно, пришли-бы при нормальныхъ условіяхъ къ сознанію необходимости предпочесть этому соглашенію вольный договоръ на

подобіе тѣхъ, которые заключаются между всякими двумя другими странами.

Но такое рѣшеніе вопроса встрѣчаетъ на своемъ пути династическій интересъ и твердо держащаяся и культивируемая въ придворныхъ сферахъ традиція, заставляющая видѣть мощь и величіе страны только въ ея внѣшнемъ представительствѣ и блескѣ. Поэтому корона вмѣняетъ въ строжайшую и непремѣннѣйшую обязанность всякому назначаемому ею правительству въ Австріи и въ Венгріи провести во что-бы то ни стало возобновленіе экономическаго соглашенія. Провести—это значитъ въ данномъ случаѣ добиться согласія обоихъ парламентовъ, ибо Венгрія сдѣлала это обязательнымъ условіемъ соглашенія. Въ 1867 г., когда созданъ былъ дуализмъ, Венгрія еще не чувствовала себя достаточно сильною и не переставала опасаться рецидивовъ реакціи, которые такъ часты въ странѣ Габсбурговъ и отъ которыхъ она такъ много страдала. Довѣрить и этотъ новый государственный укладъ, завоеванный путемъ столь упорной борьбы, охранѣ и усмотрѣнію одного только монарха, Венгрія считала невозможнымъ. Сколько разъ измѣнялась хотя-бы при этомъ самомъ монархѣ, который подписывалъ соглашеніе 1867 г., форма управленія страною! Въ 1849 г. онъ издалъ мартовскую конституцію, отмѣнившую апрѣльскую конституцію 1848 г., которою больше всего дорожила Венгрія, достигшая при помощи этой конституціи осуществленія своихъ требованій. Съ 1850 по 1859 г. наступила эпоха величайшей реакціи, подъ вліяніемъ которой императорскимъ „Патентомъ“ 1851 г. отмѣнена мартовская конституція, и забыты договоры, гарантировавшіе Венгріи автономію. Въ 1860 г. подъ вліяніемъ бѣдъ, испытанныхъ Австріею въ этотъ короткій періодъ неограниченнаго абсолютизма, издается октябрьскій „Дипломъ“, предоставляющій странѣ извѣстныя конституціонныя гарантіи, но не желающій знать самостоятельной Венгріи, а подчиняющій ее централистской системѣ управленія изъ Вѣны. Потребовались новые годы упорной борьбы за независимость. Въ 1861 г. октябрьскій „дипломъ“ замѣняется „февральскою конституціею“, представлявшею новую попытку усилить нѣмецкое вліяніе. Непреодолимое сопротивленіе Венгріи заставляетъ издать въ 1865 г. сентябрьскій „дипломъ“, пріостанавливающій дѣйствіе февральской конституціи до выясненія результатовъ открытыхъ съ Венгріею переговоровъ, которые и привели къ соглашенію 1867 г. („Декабрьская“ конституція, подъ какимъ именемъ она извѣстна въ Австріи).

Въ виду столь частыхъ измѣненій режима Венгрія при-

няла всѣ мѣры къ тому, чтобы создать достаточно сильныя гарантіи существованія новаго соглашенія, и главною изъ этихъ гарантій признала превращеніе и Австріи въ конституціонную страну, въ которой рѣшающую роль играетъ парламентъ, не находящійся въ зависимости отъ „нашептываній“ придворной камарильи. Этой политикѣ Венгріи Австрія обязана отчасти и своею конституціею. Руководствуясь этими соображеніями, венгерская конституція и оговорила, что „соглашеніе можетъ быть заключаемо только съ конституціонно-управляемою Австріею“, иначе говоря, можетъ быть заключаемо только между парламентами Венгріи и Австріи, которая отнынѣ уже ради одного только сохраненія дуализма не можетъ отказаться отъ парламентскаго строя.

Правительствамъ обѣихъ половинъ имперіи приходится, такимъ образомъ, добиваться согласія обоихъ парламентовъ на возобновленіе этого „аусглейха“. Но при тѣхъ чувствахъ, которыя онъ всегда возбуждалъ въ Венгріи, а въ послѣдніе годы началъ возбуждать и въ Австріи, правительства не могли разсчитывать на естественное большинство въ пользу этого соглашенія въ парламентѣ. „Большинство“ приходилось создавать искусственными средствами. И такъ какъ парламенты видѣли, что ихъ согласіе требуется ради интересовъ, чуждыхъ интересамъ массъ, посылающихъ своихъ представителей въ законодательный корпусъ, или во всякомъ случаѣ не вполнѣ соотвѣтствующихъ интересамъ ихъ пославшихъ, то они старались взамѣнъ за свое согласіе получить цѣнныя уступки. Въ Австріи это привело къ развращающимъ и пагубнымъ зашгрываніямъ правительства то съ одною, то съ другою національностью, которымъ давались неисполнимыя обѣщанія или дѣлались уступки, раздражавшія остальныхъ, что и сдѣлалось въ окончательномъ результатѣ причиною политическаго маразма, охватившаго австрійскій парламентаризмъ.

Въ Венгріи, гдѣ парламентъ болѣе однороденъ въ смыслѣ національнаго состава, такая игра не могла быть примѣняема; Венгріи дѣлались поэтому уступки экономическаго и политическаго характера. Но въ то же время въ интересахъ правительства было не давать сильно окрѣпнуть парламенту, который въ этомъ случаѣ могъ-бы явиться слишкомъ серьезною опасностью для правительственной политики, что внесло двойственность и фальшь въ политическую систему и отразилось самымъ печальнымъ образомъ на развитіи политической жизни. Уже одно то, что ради дуализма необходимо было создать институтъ „делегацій“, заставляетъ многихъ серьезныхъ политическихъ дѣятелей питать враждебное чув-

ство къ дуализму. Ибо въ область компетенціи делегацій отошли самые серьезные вопросы (вотированіе кредитовъ на армію и дипломатическое представительство), которые во всѣхъ парламентскихъ странахъ подлежатъ компетенціи законодательныхъкорпусовъ, что и служитъ источникомъ ихъ силы.

Венгрія, всегда придававшая особое значеніе развитію и росту своихъ парламентскихъ учрежденій, всегда боролась поэтому противъ всего, что при помощи дуализма и черезъ созданныя послѣднимъ учрежденія препятствовало развитію венгерскаго парламентаризма. Борьба за собственное политическое развитіе совпадала, такимъ образомъ, вполнѣ съ борьбою противъ дуализма, т. е. противъ общности съ Австріею. Послѣднее—борьба съ Австріею и съ вліяніями изъ Вѣны—сдѣлалось въ виду этого необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія авторитета и популярности въ политической жизни Венгріи. Въ этомъ отношеніи были е д и н о д у ш н ы, если и не всегда е д и н о г л а с н ы, всѣ политическія партіи Венгріи. Онѣ могли отличаться одна отъ другой отвѣтами на вопросы о формахъ, въ которыя должна отлиться политическая борьба, о тактикѣ, о томъ, какіе вопросы должны быть поставлены раньше, какіе позже. Но по существу всѣ онѣ стремились къ одному и тому-же: къ полному освобожденію Венгріи отъ Австріи. Все остальное въ программахъ этихъ партій было нѣчто привходящее; однѣ вносили въ свои программы прогрессивныя требованія въ области политическихъ и спеціальныхъ реформъ, другія хотѣли послужить идеаламъ католическаго клеруса и выставляли клерикальныя требованія; однѣ толкали правительства на путь индустріализаціи страны, другія отстаивали аграрныя требованія и т. п. Но не на почвѣ этихъ споровъ давались до сихъ поръ главныя битвы въ Венгріи, если не считать такихъ отдѣльныхъ исключительныхъ моментовъ, какъ, напр., періодъ борьбы за проведеніе антиклерикальныхъ законовъ при министерствѣ Векерле, который провелъ своего рода отдѣленіе церкви отъ государства; но и въ этомъ случаѣ побѣдѣ Векерле много способствовало то, что Вѣнскій дворъ воздвигъ препятствія на этомъ пути, и борьба за реформы Векерле превратилась въ борьбу противъ вліяній изъ Вѣны. Все содержаніе политической жизни Венгріи за послѣднее 35-лѣтіе, т. е. со дня заключенія соглашенія 1867 г. составила, можно сказать, исключительно борьба противъ Австріи въ интересахъ полной эмансипаціи страны изъ-подъ австрійскихъ вліяній.

И Венгрія могла сконцентрировать всѣ свои усилія въ этомъ направленіи, не раздробляя своихъ силъ, такъ какъ созданная ею политическая система, имѣвшая въ виду сто-

явшаго передъ лицомъ противника, въ то же время хорошо обезпечивала ее съ тыла, откуда она не должна была опасаться нападеній ни со стороны враждебныхъ мадьярамъ немадьярскихъ національностей, ни со стороны тѣхъ классовъ населенія, которые не преминули бы поставить рядомъ съ политическими вопросами, поглотившими все вниманіе господствующаго класса, или даже впереди этихъ вопросовъ требованія соціальныхъ реформъ, грозившія внесеніемъ диссонанса и раскола въ сомкнутые ряды венгерскихъ націоналистовъ.

III.

Конституція.

Замѣчанія о полномъ единодушіи политическихъ партій Венгріи (поскольку онѣ представлены въ парламентѣ) могутъ показаться странными, если вспомнить о тѣхъ бурныхъ столкновеніяхъ, которыя такъ часто разыгрываются въ стѣнахъ венгерскаго парламента; о непреодолимой силѣ обструкціи, которую въ Венгріи парламентское меньшинство противопоставляетъ парламентскому большинству; о тѣхъ обвиненіяхъ въ измѣнѣ интересамъ страны и предательствѣ, которыми оппозиція нерѣдко осыпаетъ правительственную партію. При пылкомъ и страстномъ характерѣ мадьяръ эти столкновенія принимаютъ часто такой бурный характеръ, что можетъ казаться, что въ этомъ парламентѣ вынуждены сидѣть рядомъ другъ съ другомъ не просто политическіе противники, а непримиримые враги, между которыми залегла непроходимая пропасть; обвиненія бросаются въ такой обидной формѣ, что засѣданія венгерскаго парламента нерѣдко кончаются цѣлою серіею вызововъ на дуэль; правительство вдругъ оказывается неспособнымъ совладать съ этою разсвирѣпѣвшею и неистовствующею оппозиціею и вынуждено бѣжать съ поля битвы, чтобы просить корону назначить другое министерство которому, можетъ быть, удастся умилостивить разгнѣванную оппозицію. Все это такъ. Но нигдѣ, можетъ быть, такъ непримѣнимо тривіальное: „милые бранятся“, какъ именно въ отношеніи венгерскаго парламента.

Изъ кого собственно состоитъ оппозиція въ венгерскомъ парламентѣ? Въ смыслѣ національнаго состава она вполнѣ однородна съ правящимъ большинствомъ. Объ этомъ позаботился избирательный законъ, и еще больше позаботилась избирательная практика, закрывающая двери парламента передъ не-мадьярами. И если-бы парламентская борьба между оппозиціею и правящимъ большинствомъ дѣйствительно вы-

Венгерскій парламентъ.—Залъ засѣданій.

звала появленіе грозящаго существованію Венгріи призрака, венгерская оппозиція сейчасъ-же отбросила бы въ сторону всѣ счеты и дружно примкнула бы къ большинству въ интересахъ отраженія общаго врага, что она и дѣлаетъ при большей опасности. Но венгерская оппозиція, въ противоположность оппозиціямъ другихъ парламентовъ, и въ смыслѣ классового своего состава, соціальнаго положенія входящихъ въ нее членовъ, однородна съ обстрѣливаемымъ ею правящимъ большинствамъ. И объ этомъ тоже позаботился законъ о выборахъ, благодаря которому оппозиція въ венгерскомъ парламентѣ есть тоже плоть отъ плоти правящаго класса.

Своею конституціею венгерцы гордятся не только потому, что она одна изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, но и потому, что она, какъ они съ неменьшею гордостью утверждаютъ, одна изъ либеральнѣйшихъ. Основа ея, дѣйствительно, демократична; и до сихъ поръ въ организаціи внутренняго управленія, въ раздѣленіи страны на пользующіяся обширною автономіею муниципіи и комитаты съ стоящими во главѣ назначаемыми правительствомъ оберъ-гешпанами и выбираемыми населеніемъ вице-гешпанами (или жупанами отъ древнеславянскаго дѣленія племени на отдѣльныя „жупы“), съ выбираемыми населеніемъ чиновниками, сохранилось еще многое отъ прежняго патріархально-демократическаго быта, какъ сохранились еще нѣкоторыя черты этого быта и во всемъ строѣ жизни глухихъ венгерскихъ провинцій. Демократична и внѣшняя оправа венгерской конституціи. Всякое правовое измѣненіе, всякая реформа всегда разсматривается съ точки зрѣнія національнаго суверенитета. И возможно, что эти демократическія начала, заложенныя въ основу венгерскаго государственнаго уклада славянскими племенами, развились бы въ истинно-демократическую конституцію, если-бы нормальное политическое развитіе Венгріи не было прервано порабощеніемъ ея Австріею.

Выше указано было уже на то, какими соображеніями государственнаго характера были обставлены національныя стремленія мадьяръ. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и вырабатывались новые параграфы подвергшейся, при установленіи дуалистическаго соглашенія, пересмотру венгерской конституціи. Нужно было, главнымъ образомъ, позаботиться о томъ, чтобы въ парламентъ не проникъ славянскій элементъ, такъ какъ недовѣрявшіе Вѣнѣ мадьяры прекрасно понимали, что въ случаѣ надобности вѣнское правительство охотно воспользуется славянскими группами въ венгерскомъ парламентѣ, чтобы напасть на него съ тылу и осла-

бить силу ударовъ венгерскаго парламента, направленныхъ противъ Австріи.

Но какъ создать въ странѣ, въ которой не-мадьярское населеніе составляетъ большинство, парламентъ, въ который этому большинству не было бы доступа? Средство для достиженія этой цѣли господствующій мадьярскій классъ обрѣлъ въ установленіи ценза, который, къ тому же, служилъ сразу двумъ цѣлямъ. Не-мадьярское населеніе въ своемъ огромномъ большинствѣ представляетъ земледѣльческую массу населенія, особенною зажиточностью не отличающуюся; достаточно сильнаго средняго городского класса оно тоже не выдѣлило. Установленіе извѣстнаго имущественнаго ценза сразу устраняло отъ избирательной урны всѣ эти неудобные для установленія незыблемаго господства мадьяръ элементы. Кстати, уже имущественный цензъ отстранялъ отъ избирательной урны неимущее населеніе, представители котораго, хотя бы они и были мадьярами, все таки вынуждены были говорить въ парламентѣ не о „суверенной націи“ и не о всякой другой политической романтикѣ, позволяющей пускать пыль въ глаза, а о реальныхъ нуждахъ и требованіяхъ народа; и эти рѣчи могли бы иногда звучать сильнымъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ голосовъ венгерскаго парламента, въ которомъ венгерская аристократія и плутократія по всякому поводу проявляетъ готовность распинаться за право народа и стоять горою за народъ, но въ которомъ та же аристократія и плутократія съ тѣмъ же паѳосомъ требуетъ, чтобы этотъ самый народъ безпощадно разстрѣливали, когда онъ выступаетъ съ требованіями, диктуемыми его ближайшими и насущнѣйшими интересами.

Эти соображенія и заставили дополнить венгерскую конституцію, несмотря на ея пресловутый либерализмъ и демократизмъ, такими законами о выборахъ, которые именно „демосу“ преградили путь къ избирательной урнѣ. Въ видахъ достиженія этого, создана была крайне сложная избирательная система, которая располагаетъ не меньше, чѣмъ 37-ю руководящими избирательными законами для различныхъ областей, такъ какъ, въ виду различія состава населенія и различія промысловъ въ отдѣльныхъ областяхъ, необходимо было спеціализировать избирательный законъ, придавая ему такую форму, которая позволяла бы, при всѣхъ областныхъ различіяхъ, всюду доставлять мадьярскому элементу перевѣсъ надъ не-мадьярскимъ. Такъ, въ Венгріи, въ тѣсномъ смыслѣ избирателемъ (если онъ не пользуется образовательнымъ цензомъ въ формѣ ученой степени) можетъ быть обладатель имущественнаго ценза, опредѣляемаго владѣніемъ

земельнымъ участкомъ приблизительно въ 8—10 іохъ; въ Седмиградіи (Siebenbürgen) избирательнымъ правомъ пользуются платящіе поземельный или податной или промысловый налогъ съ суммы отъ 105 до 84 гульд. чистаго дохода, или же ремесленники, у которыхъ работаетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ подмастерье. Въ городахъ предѣльный имущественный цензъ, доставляющій право участвовать въ выборахъ, опредѣляется имуществомъ, несущимъ minimum 16 гульд. кадастроваго налога.

При помощи этихъ и имъ подобныхъ ограниченій достигнуто, что при конституціи, созданной на основѣ „народнаго“ представительства, Венгрія насчитываетъ при 18 милліонахъ населенія всего около 900,000 избирателей. И число избирателей не только не увеличивается, а, наоборотъ, даже уменьшается, какъ это засвидѣтельствовано въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ (за 1896 г.), который констатировалъ тогда, что за послѣднія 20 лѣтъ число избирателей уменьшилось съ 902,000 до 886,956. „Либеральное“ венгерское правительство, устыдившееся, повидимому, этого факта, поспѣшило тогда привести въ объясненіе его, что уменьшеніе числа избирателей является результатомъ вымиранія той обширной категоріи привиллегированныхъ избирателей, за которыми были сохранены избирательныя права на основаніи того, что они пользовались ими при прежней сословной конституціи. Но безпокойные статистики поспѣшили выяснить, что въ Венгріи возможны и такіе казусы, какъ уменьшеніе числа избирателей за одинъ только годъ съ 18,000 на 14,000, какъ это случилось, напр., въ 9 округахъ комитата Neutra, гдѣ населеніе посылало въ парламентъ депутатовъ оппозиціи. Такое уменьшеніе достигается тѣмъ, что правительственнымъ органамъ предоставлена широкая возможность оказывать давленіе на составленіе избирательныхъ списковъ (изъ этихъ списковъ исключаются, напр., недоимщики, что даетъ возможность строго слѣдить за недоимщиками изъ рядовъ оппозиціи и смотрѣть сквозь пальцы на недоимщиковъ изъ собственнаго лагеря и т. п. частности; кромѣ того, избирательные округа такъ распредѣлены, чтобы не-мадьярскому населенію могъ быть всегда противопоставленъ достаточный противовѣсъ).

Если же предварительныя стадіи избирательнаго акта не отвѣтили ожиданіямъ правительства, то оно располагаетъ еще достаточною возможностью провести свое желаніе въ послѣдней стадіи избирательнаго процесса, т. е. при самомъ актѣ выборовъ, которые производятся открытымъ, а не тайнымъ голосованіемъ. Благодаря всѣмъ этимъ пріемамъ, въ

венгерскій парламентъ почти совершенно невозможно попасть представителямъ, питающимъ тенденціи, противоположныя тенденціямъ господствующей мадьярской національности; если же въ единичныхъ, исключительныхъ случаяхъ такому лицу удается проникнуть въ парламентъ, то оно совершенно безсильно въ виду стоящей противъ него компактной массы мадьярскихъ депутатовъ, единодушныхъ въ отраженіи поползновеній не мадьярскихъ элементовъ.

Въ этомъ отношеніи венгерскій парламентъ, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ себя обезопасилъ. Но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ процессъ дифференціаціи политическихъ партій не могъ въ венгерскомъ парламентѣ принять такіе размѣры, какъ въ другихъ парламентахъ, такъ какъ и въ самой жизни Венгріи процессъ дифференціаціи не отложился еще въ достаточно конкретныя и замѣтныя формы. А если принять къ тому же во вниманіе, что такія отслоившіяся уже группы, какъ земельный и аграрный пролетаріатъ насильственно лишены представительства въ парламентѣ, то не приходится удивляться тому, что въ послѣднемъ отсутствуетъ та дробимость партій, которая наблюдается въ другихъ парламентахъ.

И дѣйствительно, строго говоря, нужно различать только двѣ партіи въ венгерскомъ парламентѣ, состоящемъ изъ 453 депутатовъ (413 изъ нихъ выбираются Венгріею, 40 делегируются кроатскимъ ландтагомъ). Эти двѣ партіи суть: 1) либеральная и 2) партія венгерской независимости, или партія 48-го г., какъ она себя еще называетъ, или же Кошутовская партія, такъ какъ она считается хранительницею политическихъ завѣтовъ Людвига Кошута, къ тому же и руководителемъ своимъ признала сына знаменитаго борца за независимость Венгріи, Франца Кошута.

Либеральная партія, она же почти съ самаго момента заключенія дуалистическаго соглашенія и правительственная партія, представляетъ собою ту огромную часть общественнаго мнѣнія, вѣрнѣе, ту огромную политическую силу Венгріи, которая согласилась стать на точку зрѣнія инициаторовъ соглашенія 1867 г. и признать ихъ программу.

Программа эта при самомъ же своемъ зарожденіи составляла компромиссъ, котораго не признавала значительная часть политическихъ дѣятелей, полагавшихъ, что въ тотъ моментъ Венгрія могла получить больше, чѣмъ ей предлагалъ вѣнскій дворъ. Послѣдній въ это время переживаетъ дѣйствительно очень критическій моментъ. Лишившись прежней опоры въ нѣмецкихъ государствахъ, Австрія сознавала необходимость покончить вѣковую борьбу съ Венгріею,

которая становилась почти равносильнымъ и опаснымъ противникомъ. Важныя уступки были уже сдѣланы Венгріи въ 1865 г., когда въ тронной рѣчи императора, которою былъ открытъ венгерскій ландтагъ или сеймъ, обѣщалось признаніе непрерывности венгерской конституціи и формальное возстановленіе законовъ 1848 г., если ландтагъ согласится подвергнуть ихъ пересмотру по существу. Во главѣ венгерскаго правительства стояли въ то время представители старо-консервативной партіи, графъ Майлатъ и баронъ Сенньей. Но гораздо большимъ авторитетомъ, чѣмъ они, пользовался дѣятель умѣренно-либеральной партіи, Францъ Деакъ (род. 1803 г., умеръ 1876 г.) Выдающіяся способности государственнаго дѣятеля, захватывавшее аудиторію краснорѣчіе и безукоризненная личная жизнь позволили Деаку уже довольно скоро по появленіи на политической аренѣ занять руководящую роль въ жизни страны. Его глубокая преданность идеѣ возстановленія независимости стояла внѣ сомнѣній съ первыхъ же шаговъ его общественной дѣятельности; внѣ всякихъ сомнѣній стояла и неподкупная честность Деака, который всею своею жизнью доказалъ, какъ мало его занимали мысли о личномъ благополучіи и собственной карьерѣ, какъ мало онъ способенъ былъ ради этого поступаться своими убѣжденіями. Тѣмъ легче ему было, въ виду этихъ условій, оставаться всегда защитникомъ исключительно легальныхъ путей для достиженія намѣченныхъ цѣлей, отстаивая эту политику и тогда, когда общественное настроеніе явно склонялось къ насильственной политикѣ. Уже въ 1840 г., благодаря его вліянію, венгерскій ландтагъ избѣжалъ опаснаго разрыва съ короною, съ которою достигнуто было даже примиреніе безъ того, чтобы Венгрія должна была поступиться хотя бы единымъ пунктомъ изъ отстаиваемыхъ ею правъ венгерской государственности. Зато, когда въ 1848 г. во главѣ управленія сталъ Людвигъ Кошутъ, явно склонявшійся къ политикѣ насильственныхъ дѣйствій, если бы это потребовалось обстоятельствами, Деакъ, бывшій министромъ юстиціи въ первомъ конституціонномъ венгерскомъ министерствѣ, отказался отъ своего портфеля и продолжалъ свою дѣятельность въ качествѣ простого депутата. Деакъ же былъ въ числѣ первыхъ, совѣтовавшихъ вступить въ переговоры съ кн. Виндишгрецомъ, который, послѣ подавленія венгерскаго возстанія, осадилъ во главѣ австрійскихъ войскъ Будапештъ. Когда эти переговоры, въ которыхъ Деакъ принималъ личное участіе въ качествѣ одного изъ членовъ отправленной къ Виндишгрецу депутаціи, окончились неудачею, Деакъ удалился съ политической арены. Только начиная съ 1860 г., когда вѣн-

ское правительство дало понять, что можно надѣяться на возстановленіе правъ Венгріи, Деакъ возвращается къ политической дѣятельности. Въ сеймѣ 1861 г. Деакъ вмѣстѣ съ Андраши призвалъ къ жизни умѣренную „партію соглашенія“, высказывавшуюся въ пользу компромисса съ Австріею. Эта партія, извѣстная еще подъ именемъ „Adresspartei“, т. е. партій, которая рѣшила въ формѣ адреса сейма на имя короля изложить формулу этого компромисса, имѣла противъ себя въ парламентѣ такъ наз. „Beschlusspartei“, т. е. радикальную партію, требовавшую, чтобы сеймъ принялъ резолюцію въ смыслѣ установленія личной уніи между Венгріею и Австріею. Партія Деака побѣдила, но адресъ былъ отклоненъ королемъ, что не помѣшало Деаку продолжать агитировать въ пользу идей, изложенныхъ въ „адресѣ“ и представить императору-королю новую „памятную записку“, въ которой доказывалъ, что тогдашняя конституція Австріи являлась противозаконнымъ отрицаніемъ государственныхъ правъ Венгріи. Единственная уступка, которую соглашался сдѣлать Деакъ, заключалась въ томъ, чтобы и по признаніи Венгріи самостоятельнымъ государствомъ нѣкоторые вопросы государственнаго управленія продолжали считаться общими для нея и для Австріи. Это и было то отступленіе отъ идеи личной уніи въ сторону договорнаго союза, котораго не хотѣла признавать прежняя Beschlusspartei.

Послѣ разгрома Австріи радикальные элементы Венгріи полагали, что теперь наступилъ удобный моментъ для доставленія торжества требованіямъ въ смыслѣ установленія личной уніи. Но когда вѣнское правительство въ 1867 г. возобновило прерванные по случаю войны переговоры съ Венгріею, Деакъ, бывшій того мнѣнія, что предъявленіе вѣнскому двору слишкомъ рѣзкихъ требованій заставитъ послѣдній сдѣлать новую попытку раздавить Венгрію, рѣшилъ проявить особое великодушіе и предъявить Вѣнѣ не болѣе тяжелыя условія, чѣмъ тѣ, которыя предъявлялись имъ уже въ 1865 г. Говорятъ, этотъ тактичный шагъ произвелъ сильное впечатлѣніе на императора Францъ-Іосифа, которому трудно было примириться съ послѣдствіями разгрома 1866 г. и который послѣ этого сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ сторонниковъ программы Деака, выработавшаго условія соглашенія 1867 г.

Подписаніе этого соглашенія и послѣдовавшее послѣ этого торжественное коронованіе императора Франца-Іосифа венгерскою короною встрѣчено было огромною частью общественнаго мнѣнія радостными ликованіями. Въ сеймѣ, который снова получилъ оффиціально званіе парламента, партія

Деака, изъ среды которой корона начала выбирать своихъ министровъ, располагала сильнымъ большинствомъ, и парламентъ въ воодушевленіемъ приступилъ къ реформамъ внутренней жизни. Какъ партія либеральная, партія Деака сейчасъ же занялась введеніемъ реформъ, которыхъ тщетно добивались при прежнемъ консервативномъ режимѣ, организовала на широкихъ началахъ дѣло народнаго образованія, ввела факультативный гражданскій бракъ, провела законъ о свободѣ вѣроисповѣданій и равноправіи гражданъ всѣхъ вѣроисповѣданій и т. п. Лишь около 1875 г. значеніе партіи Деака, въ виду неудачной финансовой политики министерствъ, представлявшихъ эту партію, начало падать, и партія вскорѣ совсѣмъ распалась, вѣрнѣе, реорганизовалась, слившись съ умѣренною частью тогдашней оппозиціи и принявъ названіе „либеральной“ партіи.

Эта партія, располагающая до сихъ поръ значительнымъ большинствомъ въ парламентѣ, и является въ Венгріи носительницею и защитницею дуалистическаго принципа, что составляетъ главное ея отличіе отъ партіи независимости, или кошутовской партіи, которая явилась преемницею и защитницею идей 1848 г., на основаніи которыхъ она требуетъ уничтоженія всякой тѣни зависимости Венгріи отъ Австріи, уничтоженія всего, что напоминаетъ о прежнихъ отношеніяхъ между обѣими половинами имперіи и замѣны всѣхъ союзно-договорныхъ отношеній между ними одною только личною уніею, т. е. договоромъ съ короною, согласно которому Венгрія будетъ признавать законно-возсѣдающаго на престолѣ представителя Габсбургской династіи своимъ королемъ.

Только эти двѣ партіи стоятъ въ венгерскомъ парламентѣ другъ противъ друга, располагая, первая 250-300 голосами, вторая 50—80 голосами. Остальныя партіи, какъ „народная“ (клерикальная) и независимая-клерикальная, такъ наз. „угровская“ группа (по имени ея вожака, Угрина) слишкомъ малочисленны для того, чтобы играть самостоятельную политическую роль и быть принимаемы въ расчетъ при составленіи кабинетовъ. Обѣ эти партіи отщепились отъ правительственной (либеральной) послѣ принятія при министерствѣ Векерле антицерковныхъ законовъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ, о бракахъ христіанъ съ евреями, о правѣ свободнаго перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, о принадлежащемъ исключительно родителямъ правѣ воспитывать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ духѣ того или другого вѣроисповѣданія. Изъ этихъ двухъ партій „народная“ (которая ввела въ свою программу почти всѣ требованія

христ.-соціальныхъ партій другихъ странъ) располагаетъ обыкновенно 20—30 голосами въ парламентѣ, а „уграновская“ (которая также проникнута клерикальными тенденціями) 10—12. Такихъ силъ недостаточно не только для того, чтобы вести самостоятельную активную политику и претендовать на роль въ кабинетѣ, но и для того хотя-бы, чтобы вести самостоятельно отрицательную политику и грозить правительству, напр., обструкціею.

Среднее мѣсто между либеральною (правительственною) и независимою (оппозиція) партіями занимаетъ національная партія (группа гр. Аппоньи), располагающая обыкновенно 30—50 голосами. Эта партія также стоитъ на почвѣ соглашенія 1867 г., но постоянно толкаетъ правительство на расширеніе правъ Венгріи въ рамкахъ того-же соглашенія. Отъ правительственной партіи отдѣляютъ ее, главнымъ образомъ, вопросы тактики, такъ какъ она—за болѣе широкое и болѣе либеральное толкованіе существующихъ законовъ, чѣмъ бываетъ временами правительство, вынужденное въ борьбѣ съ оппозиціею искать среднюю равнодѣйствующую между требованіями вѣнскаго двора и требованіями оппозиціи и соглашающееся въ такихъ случаяхъ дѣлать нѣкоторыя добровольныя и хорошо разсчитанныя уступки Вѣнѣ. Такъ какъ эта политика ведетъ часто къ столкновеніямъ съ весьма настойчивою оппозиціею, то правительство склонно подчасъ не очень строго считаться съ постановленіями конституціи, чтобы при помощи болѣе или менѣе пространнаго толкованія законовъ, на которые опирается въ своей борьбѣ оппозиція, сломить упорство послѣдней. Въ этихъ случаяхъ національная партія является строгою защитницею законности, чѣмъ оказываетъ крупную услугу независимой партіи, которая при наличности поддержки національной партіи, становится такою непреодолимою силою, что правительству приходится въ большинствѣ случаевъ уступать оппозиціи.

Общая программа національной партіи, однако, не позволяетъ ей слишкомъ далеко заходить въ ея дружбѣ съ партіею независимости, а, наоборотъ, сильно сближаетъ ее съ правительственною партіею; и такъ какъ отъ послѣдней ее въ большинствѣ случаевъ отдѣляетъ только вопросъ о личности главы кабинета, склоннаго къ той, а не иной тактикѣ, то еще чаще національная партія идетъ рука объ руку съ либеральною.

При министрѣ-президентѣ Селлѣ, не любившемъ примѣненія крутыхъ мѣръ въ политикѣ и болѣе или менѣе строго придерживавшемся прямого смысла конституціонныхъ постановленій, національная партія совсѣмъ даже слилась съ

либеральною, а руководителю ея, гр. Аппоньи, предоставлено было мѣсто президента парламента, и нѣкоторое время онъ считался самымъ серьезнымъ кандидатомъ на постъ министра президента.

При министрѣ-президентѣ, гр. Стефанѣ Тиссѣ, сдѣлавшемъ попытку сломить обструкцію, къ которой тогда прибѣгла оппозиція, при помощи нѣкоторыхъ нарушеній парламентскаго устава, національная партія опять рѣшила выйти изъ состава правительственной, но большинство ея членовъ сочло возможнымъ остаться въ лагерѣ правительства, и лишь около 30 человѣкъ послѣдовало тогда за своимъ руководителемъ, рѣшившимъ отдѣлиться отъ правительства.

Въ роли принципіальныхъ противниковъ стоятъ, такимъ образомъ, другъ противъ друга только двѣ крупныя партіи: либеральная и партія независимости. Изъ нихъ послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться ministrable, т. е. партіею, къ которой верховная власть можетъ въ случаѣ министерскаго кризиса обратиться съ предложеніемъ дать странѣ изъ своей среды министерство. Требованія этой партіи таковы, что съ переходомъ власти въ ея руки должна произойти полная пертурбація въ отношеніяхъ обѣихъ половинъ монархіи: между Австріею и Венгріею должна быть въ этомъ случаѣ проведена таможенная линія, общая австро-венгерская армія должна перестать существовать и уступить мѣсто отдѣльной австрійской и венгерской арміямъ. И такъ какъ немыслимо и недопустимо, чтобы Австро-Венгрія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была обведена одною общею таможенною линіею, затѣмъ установила на слѣдующія нѣсколько лѣтъ внутреннюю таможню, между обѣими половинами имперіи (на время господства партіи независимости), а потомъ снова возстановила общетаможенную линію, то такой смѣны во главѣ управленія главныхъ политическихъ партій, какая наблюдается въ другихъ конституціонныхъ странахъ, въ Венгріи ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. При нормальныхъ условіяхъ „партія независимости“ обречена, поэтому, всегда оставаться въ оппозиціи, безъ всякой надежды на возможность стать у кормила правленія, хотя-бы ей и случалось одерживать блестящія побѣды надъ министерствами.

Это своего рода исключительное парламентское положеніе, при которомъ либеральная партія не можетъ быть замѣнена никакою другою изъ парламентскихъ партій, создало въ Венгріи крайне своеобразное отношеніе политическихъ партій. Съ одной стороны, „партія независимости“, не имѣющая никакихъ шансовъ сдѣлаться правительственною, не боится поэтому отстаивать и такія требованія, отъ осуществленія

которыхъ она сама, вѣроятно, отказалась бы, еслибы оказалась у власти, и которыя она выставляла бы съ большею осторожностью, если бы ей предстояло стать во главѣ управленія.

Съ другой стороны, верховная власть, сознающая, что, помимо либеральной партіи, ей не къ кому обратиться въ венгерскомъ парламентѣ, избѣгаетъ конфликтовъ, могущихъ привести къ разрыву съ этою партіею, и старается ладить съ нею при помощи уступокъ даже тогда, когда эти уступки идутъ вразрѣзъ съ видами верховной власти. Такъ было, напр., во время 15-лѣтняго министерства Коломана Тиссы, при которомъ правительственная партія могла дѣлать все, что она хотѣла, не боясь отпора со стороны короны, которая далеко не всегда была согласна съ системою Тиссы. Въ награду за то, что Тисса провелъ угодный коронѣ военный законъ, императоръ-король заставилъ австрійское правительство сдѣлать крупныя уступки Венгріи при возобновленіи торгово-промышленнаго соглашенія на слѣдующія десять лѣтъ; онъ позволялъ ему сурово и безпощадно подавлять національныя теченія среди не-мадьярскаго населенія Венгріи, несмотря на то, что вѣнскій дворъ и въ Венгріи предпочитаетъ держаться политики: divide et impera и старается имѣть въ лицѣ не-мадьярскаго населенія орудіе противъ сплоченнаго мадьярства на тотъ случай, еслибы требованія послѣдняго показались коронѣ чрезмѣрными.

Такъ было и при радикальномъ министерствѣ Векерле, рѣшившемъ провести рядъ законовъ, направленныхъ противъ вліянія клерикализма. Когда палата магнатовъ [1]) отвергла этотъ принятый палатою депутатовъ законопроектъ, то самъ король, уступая требованіямъ министерства, которое опиралось на сильную поддержку въ парламентѣ, вынужденъ былъ согласиться, несмотря на свой титулъ „апостолическаго величества“ и на то, что вѣнскій дворъ всецѣло преданъ политикѣ клерикализма, назначить такое количество новыхъ магнатовъ, при которомъ сторонники антиклерикальнаго законопроекта могли оказаться въ большинствѣ. Такъ было и

[1]) Венгерскій парламентъ состоитъ изъ палаты депутатовъ и палаты магнатовъ. Въ послѣднюю входятъ всѣ совершеннолѣтніе эрцгерцоги, носители венгерскихъ княжескихъ титуловъ, графы, бароны (при минимумѣ поземельнаго или подомового налога въ 3,000 руб.), президенты королевскихъ курій, архіепископы, епископы, настоятели нѣкоторыхъ аббатствъ, оберъ-кураторы и суперъ-интенденты евангелистской, реформатской и унитарной церквей, три депутата отъ Кроатіи и нѣкоторые высшіе чины. Кромѣ того, король имѣетъ право назначать 50 пожизненныхъ членовъ. Политическое вліяніе этой камеры очень ограниченно и чрезвычайно рѣдко въ чемъ-либо проявляется.

при министерствѣ барона Банфи, которому корона позволила преслѣдовать всячески венгерскихъ нѣмцевъ и румынъ, не рѣшаясь даже принять прибывшую въ Вѣну депутацію отъ притѣсняемыхъ. И даже, когда правительственная партія вноситъ въ свою программу нѣкоторыя требованія „партіи независимости“, верховная власть не рѣшается оказывать слишкомъ упорное сопротивленіе такому требованію и, послѣ нѣкотораго колебанія, въ концѣ концовъ, всегда уступаетъ.

Такъ какъ требованія „партіи независимости“ сводятся въ сущности къ усиленію венгерской государственности и упроченію суверенныхъ правъ Венгріи, то и руководители правительственной партіи въ глубинѣ души вполнѣ сочувствуютъ стремленіямъ оппозиціи, хотя и признаютъ, что эти стремленія неосуществимы или, по крайней мѣрѣ, пока неосуществимы. И ужъ во всякомъ случаѣ правительственная партія меньше всего желаетъ полнаго исчезновенія этой оппозиціи, высоко держащей знамя національной самостоятельности Венгріи и будящей эти чувства въ народѣ, пока правительственная партія вынуждена болѣе или менѣе искренно ладить съ вѣнскимъ дворомъ и охлаждаетъ вспышки національнаго возбужденія, когда онѣ принимаютъ слишкомъ неудобныя формы.

Главной опорой партіи независимости является крестьянская масса, въ которой она поддерживаетъ чувство ненависти къ иноземному игу и культъ національнаго героя, Людвига Кошута, сынъ котораго, Францъ, является, къ тому-же, главаремъ этой партіи. Но, кромѣ этого, она старается, разумѣется, воздѣйствовать на умы и положительною стороною своей программы. Какъ партія, находящаяся въ оппозиціи, она, конечно, не скупится на хорошія слова и обѣщанія. Она требуетъ въ своей программѣ расширенія избирательнаго права, новыхъ и болѣе прочныхъ гарантій политической свободы, правъ личности, облегченія податного бремени, широкой организаціи мелкаго кредита и нѣкоторыхъ иныхъ соціальныхъ реформъ. Главная сила этой партіи, однако, въ ея программѣ созданія вполнѣ независимой Венгріи и въ ореолѣ хранительницы традицій освободительнаго движенія 48-го года подъ знаменемъ Кошута.

А правительство понимаетъ, что оно было бы вовлечено во множество крайне непріятныхъ и острыхъ столкновеній, если бы оно въ избирательныхъ округахъ партіи независимости принимало, вообще часто и безцеремонно практикуемыя имъ, крутыя мѣры для проведенія правительственныхъ кандидатовъ противъ кандидатовъ оппозиціи. А такъ какъ оно къ тому же имѣетъ основанія не очень желать этого, то оно

охотно мирится съ небольшими побѣдами оппозиціи, въ которыхъ оно не видитъ особенно большой опасности для правительственнаго большинства, всегда въ нѣсколько разъ болѣе сильнаго тѣхъ десятковъ кандидатовъ оппозиціи, которыхъ посылаютъ эти округи. Правительство, наоборотъ, нашло даже очень удобный modus vivendi съ этою оппозиціею: все, что правительственная партія считаетъ неудобнымъ выдвинуть отъ собственнаго имени, чтобы не испортить своихъ отношеній съ вѣнскимъ дворомъ и не подорвать довѣрія послѣдняго къ стоящей у кормила правленія либеральной партіи, она сваливаетъ на плечи оппозиціи; послѣдняя-де грозитъ обструкціею, если данное требованіе не будетъ исполнено, а потому правительство проситъ императора-короля позволить ей сдѣлать данную уступку въ интересахъ мира и возстановленія нормальныхъ порядковъ парламентской жизни.

Оппозиція,такимъ образомъ, превратилась въ рукахъ правительственной партіи въ прирученнаго звѣря, котораго она сама не боится, но которому она позволяетъ принять образъ „льва рыкающаго“, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы навести страхъ на другихъ, при чемъ иногда, правда, случается, что оппозиціонный „левъ“ не унимается и тогда, когда его рычаніе становится неудобнымъ для самого правительства, которому въ этихъ случаяхъ приходится даже ретироваться. Съ особою ясностью эти отношенія проявились во время „большого кризиса“ $19^{02}/_{03}$ гг., когда оппозиція вдругъ выступила съ требованіемъ націонализаціи („мадьяризаціи“ въ данномъ случаѣ) венгерской части общей австро-венгерской арміи и этимъ въ сущности положила начало новому періоду въ исторіи австро-венгерскихъ отношеній.

Воспользовавшись внесеніемъ на обсужденіе парламента законопроекта объ увеличеніи контингента арміи, оппозиція заявила, что она во всякомъ случаѣ будетъ вотировать противъ проекта, какъ этого требуютъ принципы ея программы; но она не ограничится однимъ простымъ негативнымъ вотумомъ, который не можетъ помѣшать этому законопроекту сдѣлаться закономъ по волѣ большинства, а прибѣгнетъ къ обструкціи.

Уже самый фактъ постановки этихъ требованій являлся отрицаніемъ „неограниченныхъ правъ“ короны въ военномъ дѣлѣ. Къ тому-же эти требованія явно клонились къ уничтоженію единства австро-венгерской арміи и созданію отдѣльной венгерской арміи, и поэтому, какъ не могла не понимать оппозиція, должны были встрѣтить упорное сопротивленіе со стороны короны. Но какъ только

эти требованія были выставлены, гр. Аппоньи, руководитель національной партіи, незадолго до того слившейся при министерствѣ Селля съ либеральною партіею, заявилъ, что часть этихъ требованій (за исключеніемъ команды на венгерскомъ языкѣ) должно признать обязательными для себя и правительство и что только подъ этимъ условіемъ его партія будетъ поддерживать послѣднее. Къ гр. Аппоньи присоединилась сейчасъ-же и часть либеральной партіи; правительство Селля, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, признало выставленныя требованія, и корона вынуждена была, въ виду обструкціи, сдѣлать нѣкоторыя уступки. Но оппозиція не унималась, и правительственная партія оказалась неспособною (дѣйствительно или для виду, осталось подъ сомнѣніемъ) справиться съ обструкціею. Селлю пришлось выйти въ отставку. Но когда корона попыталась поручить составленіе кабинета Стефану Тиссѣ, ставшему въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія короны, то всѣ видные политическіе дѣятели, которыхъ Тисса пригласилъ войти въ составъ его кабинета, отказались подъ разными предлогами принять его предложеніе. Корона тогда поручила составленіе кабинета бану Кроатіи, графу Куэну-Гедервари, уполномочивъ его купить миръ съ оппозиціею цѣною существенныхъ уступокъ. Но оппозиція сумѣла поднять такое движеніе противъ гр. Куэна, что ему пришлось выйти въ отставку, тѣмъ болѣе, что гр. Аппоньи, занимавшій въ это время кресло президента парламента, не позволялъ пользовавшемуся репутаціею крутого администратора гр. Куэну никакихъ насильственныхъ парламентскихъ мѣръ противъ обструкціи, да вся почти правительственная партія отказалась поддерживать г. Куэна.

Корона послѣ этого рѣшилась сдѣлать послѣднюю попытку сломить упорство оппозиціи, и въ приказѣ по арміи (изданномъ въ польскомъ мѣстечкѣ Хлопы) императоръ-король категорически заявилъ, что онъ „никогда“ не согласится на умаленіе его правъ въ касающихся арміи вопросахъ. Министромъ-президентомъ былъ, какъ-бы въ подтвержденіе безповоротности рѣшенія монарха, снова назначенъ гр. Куэнъ-Гедервари. Но венгерская оппозиція рѣшила не сдаваться. На Хлопскій приказъ она отвѣтила адресомъ на имя короны, въ которомъ заявляла, что „Венгрія никогда не знала „королевской“ арміи, а только „національную“ армію; что въ наше время, когда армія составляется не изъ наемныхъ солдатъ, оплачиваемыхъ королемъ, а изъ всѣхъ гражданъ на основаніи всеобщей воинской повинности, нельзя говорить о „моей арміи“, какъ это сказано въ Хлопскомъ приказѣ; что Венгрія не знаетъ званія „верховнаго вождя

арміи"; что источникомъ всѣхъ правъ, въ томъ числѣ и правъ короны, является воля народа, который въ силу договора можетъ уступать пользованіе этими правами верховной власти, но властенъ и измѣнять основы договора; что и на престолѣ Венгріи Габсбурги сидятъ не по унаслѣдованному праву, а только въ силу договора націи съ носителемъ этой короны"...

Борьба все пуще разгоралась; въ парламентѣ начали раздаваться рѣчи, которыя не могли не приводить въ смущеніе вѣнскій дворъ; движеніе начало охватывать всю страну, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, въ виду неутвержденія бюджета и закона о рекрутскомъ наборѣ парламентомъ, находилась въ такъ наз. въ Венгріи положеніи „ex-lex", т. е. положеніи внѣ закона, при которомъ правительство не имѣло права принуждать кого бы то ни было платить налоги и произвести военный наборъ; министра-президента, гр. Куэна, оппозиція не допустила даже до разъясненія правительственной программы, поднимая неистовый шумъ при его появленіи на трибунѣ; совѣты многихъ муниципій и комитатовъ приняли постановленіе не принимать и добровольно вносимыхъ плательщиками налоговъ; оставленные подъ ружьемъ сверхъ срока службы, въ виду отсутствія свѣжаго набора, солдаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибѣгли къ открытымъ демонстраціямъ... Корона увидѣла себя вынужденною снова уступить. Поручивъ снова гр. Тиссѣ составить кабинетъ, она уполномочила его сдѣлать всѣ требуемыя уступки (за исключеніемъ команды на венгерскомъ языкѣ).

Такимъ образомъ, и въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся самыхъ коренныхъ основъ дуализма, либеральная партія стала на точку зрѣнія партіи независимости и почти отождествила свою программу съ программою этой партіи. Такое-же сближеніе произошло между обѣими партіями и по вопросу о торгово-промышленномъ соглашеніи съ Австріею, соглашеніи, которое въ рядахъ обѣихъ партій нѣкоторые члены прямо объявляютъ нежелательнымъ. Въ двухъ главныхъ пунктахъ программы обѣ партіи, такимъ образомъ, сильно сблизились, и между ними все труднѣе становится провести демаркаціонную линію. Въ сущности говоря, разница между ними, по выраженію одного венгерскаго публициста, лишь та, что одна говоритъ въ Dur-тонѣ то, что другая говоритъ въ Moll-тонѣ; одна требуетъ болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій, другая совѣтуетъ воздержаться отъ нихъ на пути къ намѣченной цѣли, но самая цѣль намѣчена одинаково обѣими партіями. Это сближеніе между обѣими главными партіями венгерскаго парламента

сдѣлало неизбѣжной извѣстную перетасовку въ отношеніяхъ парламентскихъ партій, тѣмъ болѣе, что въ двери парламента все громче начали стучаться тѣ, передъ которыми онѣ были закрыты.

VI.

Политическія партіи.

Отмѣченныя въ предыдущей главѣ соотношенія между парламентскими партіями Венгріи и вытекавшая изъ нихъ невозможность безболѣзненныхъ, такъ сказать, смѣнъ одной партіи другою у кормила правленія, какъ это составляетъ обычное явленіе въ другихъ странахъ съ парламентскимъ правленіемъ, породило и много иныхъ своеобразныхъ моментовъ въ политической жизни Венгріи. Такъ какъ все, что не чувствовало себя вполнѣ солидарнымъ съ партіею независимости и претендовало на руководящую роль въ управленіи страною, должно было искать убѣжища въ рядахъ либеральной партіи, то послѣдней пришлось сгруппировать въ своихъ рядахъ самые разнообразные элементы. Въ ней фигурируютъ, поэтому, и реакціонные, и умѣренно-консервативные, и умѣренно-прогрессивные, и радикальные элементы; рядомъ съ аристократическою „графскою“ группою (графы Андраши, Тиссы и др.), втайнѣ лелѣющею консервативныя вожделѣнія, въ этой партіи представлены и посылаемые среднимъ городскимъ классомъ депутаты, отстаивающіе прогрессивныя тенденціи, и представляющіе крестьянство депутаты съ болѣе или менѣе демократическими тенденціями. И такъ какъ выступленіе изъ рядовъ сильной либеральной партіи равносильно для несогласныхъ отреченію отъ надежды стать ближе къ правительственному механизму, то вся борьба между прогрессивными и консервативными тенденціями и всѣ колебанія этой борьбы, которыя въ другихъ странахъ получаютъ осязательное выраженіе въ формѣ образованія новыхъ партій и различныхъ группировокъ, въ Венгріи совершается въ нѣдрахъ самой партіи, невидимо для страны. Временами въ ней осиливаетъ либеральное теченіе, временами другое, и въ зависимости отъ этого политика всей партіи пріобрѣтаетъ либеральную, или консервативную, или радикальную окраску. Такъ, партія эта могла быть при министерствѣ Коломана Тиссы консервативною, при гр. Сапари—реакціонною, при Векерле—радикальною, при Банфи какою-то помѣсью консерватизма съ реакціонерствомъ и либерализмомъ, при Селлѣ—прогрессивною. И всегда вся партія отвѣчала за дѣйствія правительства, пока подпочвенныя теченія внутри самой партіи не подмывали ту группу, которая выдвинула

даннаго министра-президента, и не вызывали министерскаго кризиса.

Но это хамелеонство либеральной партіи вносило смуту не только въ умы населенія, но и въ ея собственные ряды, истощая ея жизненныя силы и вызывая старческій маразмъ, грозящій оборвать нить жизни этой партіи. Кого-же должно считать призваннымъ влить въ нее жизненные соки?

Случается и въ Венгріи, что на скамьяхъ либеральной партіи поднимается депутатъ, посылающій предостереженія своей партіи, напоминающій о необходимости укрѣпить корни, что можетъ быть достигнуто только углубленіемъ этихъ корней въ почву, которою является масса народная. Такой депутатъ указываетъ тогда на то, что политическая борьба заставила либеральную партію забыть о ея соціальныхъ обязанностяхъ; что неудовлетворительное экономическое положеніе этихъ массъ невольно должно вызвать въ нихъ враждебное отношеніе къ либеральной партіи, въ которой, такъ какъ она стоитъ у власти, онѣ видятъ непосредственнаго виновника своихъ недомоганій и противъ которой онѣ рано или поздно выступятъ съ такою рѣшительностью, что на долго сметутъ ея господство. Но такой ораторъ обращается тогда къ „сытымъ, которые голоднаго не разумѣютъ“, каковыми являются депутаты либеральной партіи, представляющей высшіе и средніе имущіе классы; да и самый ораторъ этотъ—представитель такихъ-же имущихъ группъ, и такъ какъ „свой своему-поневолѣ братъ“, то онъ не часто возвращается къ этимъ указаніямъ, вызваннымъ какою-нибудь случайною причиною.

Тѣхъ-же, которые сами страдаютъ отъ соціальныхъ непорядковъ, которые представляютъ грубо эксплуатируемую массу и которые неутомимо и безпрестанно привлекали бы вниманіе парламента къ тяжелымъ экономическимъ условіямъ быта, не боясь вносить этимъ дисгармонію въ спѣвшіяся группы представителей имущихъ классовъ,—тѣхъ еще нѣтъ въ венгерскомъ парламентѣ и не могло быть до сихъ поръ, такъ какъ до сравнительно еще недавняго времени эти массы сельскаго и городского рабочаго населенія представляли совершенно неорганизованные элементы, не знавшіе, чего хотѣть, какую форму придать этимъ желаніямъ и какими средствами добиваться ихъ осуществленія.

Въ 1891 г. въ Oroshaza Бекезерскаго комитата впервые разразились крестьянскіе безпорядки, выражавшіеся, однако, не только въ формахъ безотчетнаго буйствованія, но сопровождавшіеся и предварительно организованными демонстраціями, участники которыхъ выступали съ требованіями ре-

Коломанъ Селль,
одинъ изъ вождей либеральной партіи.

формъ. Въ 1894 г. безпорядки и демонстраціи повторились въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, охвативъ на этотъ разъ комитаты Бекезъ, Чанадъ, Чонградъ, Торонталь, Темесъ, Арадъ. Послышались какія-то неизвѣстныя дотолѣ слова: передѣлъ, націонализація земли, соціализмъ, аграрныя реформы. На господствующіе классы это подѣйствовало, какъ громъ съ яснаго неба. Аграрные безпорядки въ Венгріи! И гдѣ? Въ Альфельдской равнинѣ, въ этой житницѣ Венгріи! Но, вѣдь, тамъ текутъ „молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ"! Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ сага, такія легенды передаются изъ усть въ уста. Именно Альфельдъ съ его зажиточнымъ, спокойнымъ, патріотичнымъ, чисто-венгерскимъ населеніемъ изображался всегда въ видѣ Эльдорадо, въ которомъ процвѣтаетъ исконное венгерское веселье съ непрекращающейся цыганскою музыкою, подъ жгучіе звуки которой отплясывается еще болѣе жгучій и страстный „чардашъ"... И оттуда именно доносятся до Будапешта отголоски мятежа, бунта, нарушая подстриженную и подмалеванную гармонію интересовъ, примѣръ которой Будапештскій парламентъ старался являть собою, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ Европы!

Возмущенные этимъ неожиданнымъ бунтомъ, представители господствующихъ классовъ отправили въ взбунтовавшіеся комитаты достаточное число жандармовъ и солдатъ; либералы венгерскаго парламента съ большею еще, можетъ быть, готовностью, чѣмъ консерваторы, дали правительству carte blanche въ вопросѣ о мѣропріятіяхъ для подавленія этого движенія, не взыскивая съ правительства особенно строго за безцеремонныя нарушенія законовъ и жестокую расправу съ бунтовщиками. Парламентъ вдругъ почувствовалъ необходимость серьезно заняться соціальнымъ законодательствомъ и поспѣшно началъ подготовлять законопроектъ о сельскихъ рабочихъ, отличавшійся драконовскою строгостью: сельскіе рабочіе, уличенные въ томъ, что они сговаривались съ цѣлью добиться болѣе высокой заработной платы или другихъ льготъ отъ работодателя, наказывались арестомъ до 60 дней; такому-же наказанію подвергался рабочій, не явившійся, вопреки договору, на работу, или прервавшій ее, или плохо ее исполнявшій; такому-же наказанію или штрафу подвергался всякій, кто способствуетъ тому, чтобы такія совѣщанія рабочихъ могли состояться, даетъ подъ такія собранія помѣщеніе, участвуетъ въ нихъ; этому-же наказанію подвергался всякій, кто грозитъ нанявшемуся или высмѣиваетъ, вышучиваетъ нанявшагося рабочаго, не желающаго нарушить договоръ; и всякій, кто восхваляетъ тѣхъ, которые

нарушили такой договоръ, или собираетъ для поддержки ихъ средства и т. д. Зато сельскому хозяину предоставляется право силою принуждать рабочихъ выполнить условія найма, и органы администраціи обязаны изловливать такихъ рабочихъ, приводить ихъ къ нанимателю и насильно заставлять ихъ продолжать работу...

Такими и еще болѣе грозными и грубыми нарушеніями права блещетъ этотъ „законъ о полевыхъ рабочихъ“, о которомъ Крассель писалъ въ „Monatsschrift für christliche Socialreform“: „трудно не признавать, что этотъ законъ принадлежитъ къ наиболѣе варварскимъ изъ придуманныхъ человѣческимъ умомъ, а законодатель выступаетъ здѣсь въ роли полицейскаго, опирающагося только на азіатскую жестокость“... И этотъ законъ, предложенный министромъ земледѣлія Дараньи, могъ пройти въ кичащемся своимъ либерализмомъ и своимъ преклоненіемъ предъ передовыми идеями вѣка венгерскомъ парламентѣ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ! Нужно-ли большее доказательство того, что народъ, въ смыслѣ трудовой массы, лишенъ всякаго представительства въ венгерскомъ парламентѣ и что всѣ, парадирующіе тамъ словами: „народъ“, „нація“ и распинающіеся яко-бы только за благо народа, повинны въ грубомъ лицемѣріи?..

Кое-что, однако, вынужденъ былъ сдѣлать и этотъ парламентъ, который не могъ скрыть отъ себя, что одними штыками нельзя разрѣшить такой огромной важности вопросъ: онъ рѣшилъ произвести анкету. И первые шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи, заставили даже правительственныхъ чиновниковъ, которымъ поручено было произвести обслѣдованіе, признать, что отъ Эльдорадо нынѣшняя земледѣльческая Венгрія очень далека.

Если взять данныя аграрно-статистической переписи 1895 г., то мы увидимъ, что земледѣльческими промыслами занимались въ Венгріи (вмѣстѣ съ Кроатіею) 13,3 милліона, т. е. 76% всего населенія. Всего зарегистрировано было 2,8 милліона хозяйствъ (2,4 милл. въ Венгріи, 0,4 милл. въ Кроатіи), которымъ принадлежало 23,9 милл. гектаровъ (21,2 милл. въ Венгріи, 2,7 милл. въ Кроатіи). Изъ нихъ 1,46 милліоновъ хозяйствъ съ 1,47 милл. гектаровъ должны быть причислены къ „карликовымъ“ хозяйствамъ, располагающимъ земельнымъ владѣніемъ въ размѣрѣ до 5 іоховъ, причемъ среди нихъ есть и такія, которыя должны довольствоваться меньше, чѣмъ половиною іоха; 1,3 милліона мелкихъ хозяйствъ (отъ 5 до 100 іоховъ) съ 11,6 милл. гектаровъ; 20,800 среднихъ хозяйствъ (100—1000 іох.) съ 3,4 милл. гектаровъ;

4000 крупныхъ хозяйствъ (свыше 1000 іох.) съ 7,45 милл. гектаровъ.

О положеніи этихъ владѣльцевъ „карликовыхъ“ хозяйствъ и занимающихъ очень близкое къ нимъ соціальное положеніе батраковъ, которыхъ насчитывается 1,815,000 во всей Венгріи или 1,705,300 въ Венгріи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. безъ Кроатіи, можно судить по даннымъ „Статистики питанія населенія Венгріи“ д-ра Карла Келети, по докладу д-ра Фекете на международномъ конгрессѣ гигіены и демографіи въ Будапештѣ и др. Согласно этимъ даннымъ, во многихъ комитатахъ, какъ, напр., въ Липтацскомъ, эта часть населенія видитъ хлѣбъ только по воскресеньямъ и праздникамъ; въ обычные-же дни оно кормится мѣсивомъ изъ ржи и ячменя или кукурузы; мясо тоже имѣется въ очень скромныхъ дозахъ только по воскресеньямъ. Въ Тренчинскомъ комитатѣ картофель является почти единственною пищею; въ Ципскомъ комитатѣ тоже питаются почти исключительно картофелемъ (6—7 разъ въ году овечье мясо); въ Бигарскомъ комитатѣ отмѣчено 120 коммунъ, періодически обреченныхъ на недоѣданіе; въ Мармаршскомъ комитатѣ питаются почти исключительно кукурузою и т., д. и т. д. „Кажется совершенно невѣроятнымъ,—писалъ въ 1898 г. „Pester Lloyd“,—чтобы даже въ Bacska, этомъ наиболѣе благословенномъ комитатѣ, возможна была голодная нужда. А между тѣмъ оффиціальныя данныя удостовѣряютъ, что тамъ насчитывается 12,321 чел., не имѣющихъ ни куска хлѣба“... И эти оффиціальныя данныя краснорѣчиво подтвердила эпидемія голоднаго тифа, охватившая въ 1898 г. не только сѣверные комитаты, но и богатѣйшія области Венгріи, ея „житницу“.

Главное зло, какъ выяснили изслѣдованія такихъ лицъ, какъ командированный съ этою цѣлью секретарь министерства земледѣлія, Декацу, секретарь венгерскаго агрикультурнаго союза, Рубинекъ и др., заключаются въ малоземельи и отсутствіи подсобныхъ промысловъ. Въ Венгріи теперь есть общины съ населеніемъ въ 3—4 тысячи, которымъ принадлежитъ всего какая-нибудь одна тысяча іоховъ земли. Въ Безекскомъ комитатѣ есть 10—15 тысячъ общинъ съ 30,000 населенія, не владѣющихъ ни одною пядью земли. На одномъ примѣрѣ (Безекскаго комитата) д-ръ Гаалъ, посвятившій монографію этому комитату, даетъ интересную картину зарожденія этого безземельнаго пролетаріата. Въ этомъ комитатѣ послѣ сверженія турецкаго господства (лѣтъ 200 тому назадъ), которое почти совершенно обезлюдило его, было на 2,558 кв. километровъ занимаемаго имъ пространства 394 лошади, 938 воловъ, 1041 корова, 401 свинья, 455 овецъ,—

всего имущества на 46,520 гульденовъ. Комиссаръ интендантства, Гарукернъ, воспользовавшись своимъ положеніемъ, купилъ тогда (въ 1723 г.) весь этотъ комитатъ за 37,000 гульденовъ и началъ заселять его рабочими, предусмотрительно позаботившись о томъ, чтобы эти переселенцы лишены были возможности обзавестись собственною землею и работали только на помѣщика. Отъ Гарукерна владѣнія эти перешли впослѣдствіи въ собственность графовъ Аппоньи, гр. Коральи, гр. Старай и Венкгеймъ, которые, въ свою очередь, призывали рабочихъ, чтобы осушать, улучшать и культивировать эти богатыя владѣнія, но земли они имъ не давали. Такимъ образомъ выросли многолюдныя рабочія колоніи безъ клочка земли. Этимъ-же путемъ плодился безземельный пролетаріатъ и въ другихъ комитатахъ.

Но на первыхъ порахъ безземельный пролетаріатъ могъ еще мириться со своимъ положеніемъ. Венгрія тогда жила еще исключительно при условіяхъ натуральнаго хозяйства, съ заграничною конкуренціею не вѣдалась. Помѣщикъ соглашался, чтобы обрабатывающій его землю крестьянинъ работалъ на него исполу. Но по мѣрѣ усложненія условій жизни землевладѣльцы стали требовательнѣе; они перевели своего арендатора на $^1/_3$ урожая, затѣмъ начали отъ него требовать дополнительныхъ услугъ, постепенно превратившихся въ родъ той-же барщины, которая была отмѣнена съ уничтоженіемъ крѣпостного права; а позже перевели его на денежную аренду, оставивъ, однако, въ силѣ барщину.

Къ счастью, въ это переходное время Венгрія приступила къ грандіознымъ работамъ по урегулированію своихъ рѣкъ, для чего требовалось огромное количество рабочихъ рукъ, и излишекъ безземельнаго населенія находилъ приложеніе своему труду. Но когда этотъ источникъ изсякъ, малоземелье и безземелье сдѣлались причиною сильнаго и бурнаго броженія среди сельскаго населенія. Къ этому прибавилось еще, что увеличеніе числа рабочихъ, не находившихъ занятій въ подсобныхъ промыслахъ, и введеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, еще болѣе сократившее потребность въ рабочихъ рукахъ, вызвали значительное пониженіе заработной платы. Упомянутый уже Рубинекъ отмѣчаетъ, напр., что прежде требовалось для уборки урожая 60 дней, теперь, при примѣненіи машинъ, нужно всего 24 дня; а въ связи съ этимъ заработокъ сельскаго рабочаго сократился съ 75 гульд., которые онъ получалъ въ 1860 г. за время уборки урожая, на 50 гульд.; а весь его годовой заработокъ уменьшился съ 200 гульд. въ 1860 г. до 170—180 гульд.

Но въ то же время венгерскій крестьянинъ сильно при-

вязанъ къ землѣ и крайне неохотно мѣняетъ земледѣльческій трудъ на фабричный, къ которому ему трудно привыкнуть. Хотя полевой рабочій можетъ въ лучшемъ случаѣ заработать 630 кронъ въ годъ, а заработокъ фабричнаго рабочаго достигаетъ въ среднемъ 840 кронъ, онъ все-таки предпочитаетъ оставаться при земледѣльческомъ трудѣ.

Въ этомъ смыслѣ сохранился весьма характерный анекдотъ о графѣ Сеченьи и его крестьянахъ. Послѣдній сильно увлекался задачею насажденія фабричной промышленности въ Венгріи. Желая побудить крестьянское населеніе охотнѣе стремиться къ фабричному труду, онъ устроилъ чтеніе, въ которомъ отвелъ много мѣста разсказамъ о славномъ житьѣ-бытьѣ англійскихъ рабочихъ, рисовалъ имъ прелести размѣреннаго труда въ теченіе всего года и т. п. Но крестьяне, выслушавъ его, отвѣтили только глубокимъ вздохомъ. „Несчастные! Какъ ихъ жалко!“—прибавили они затѣмъ въ видѣ разъясненія.

Можетъ быть, эта врожденная любовь къ земледѣльческому труду, но еще больше, разумѣется, отсутствіе подсобныхъ промысловъ и слабое развитіе индустріи, не поглощающей избытка деревенскаго населенія, вызвали страшную погоню за землею. Чтобы обезпечить себя клочкомъ земли, крестьяне готовы гнать арендную плату до 30—35 гульд. за іохъ, а въ нѣкоторыхъ комитатахъ (въ Bacska, напр.) даже до 60 гульд. Цѣны на землю дошли до 250—300—400 и даже 500 гульд. за іохъ. Но часто венгерскій крестьянинъ не имѣетъ возможности даже за эти деньги купить въ своемъ сосѣдствѣ землю, такъ какъ кругомъ его неотчуждаемые фиденкомисы 90 аристократическихъ родовъ, которымъ въ Венгріи принадлежитъ 2,31 милл. квадр. іоховъ.

„Этотъ безземельный пролетаріатъ и является причиною нынѣшняго аграрно-соціальнаго движенія“,—заключили изслѣдователи, подъ вліяніемъ указаній которыхъ и зародился проектъ выкупа латифундій государствомъ и парцеллированія ихъ на участки въ 20 іоховъ для сдачи въ аренду безземельнымъ.

Въ сущности, къ пріобрѣтенію земельной собственности и увеличенію своихъ земельныхъ надѣловъ и сводилось на первыхъ порахъ все аграрное движеніе, которое тогда совершенно ошибочно было окрещено соціалистическимъ. Первые шаги этого движенія носили совсѣмъ особую окраску, сильно отличавшую его отъ „соціалистическаго“ въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ примѣненіи къ рабочему движенію на Западѣ. Тогда шли еще рука объ руку, не понимая и не ощущая различія своихъ интересовъ, полевые рабочіе

и представители мелкаго землевладѣнія. Добивались они не уничтоженія собственности на землю, а пріобрѣтенія земли въ личную для себя собственность при помощи передѣла земель; тогда толпа могла еще возлагать свои упованія на появленіе Кошута, въ смерть котораго не вѣрятъ въ глуши Венгріи, который снова раскрѣпоститъ крестьянство, и движеніе получало свое выраженіе въ попыткахъ поджигать хранилища кадастровыхъ таблицъ, чтобы замести всѣ слѣды доказательствъ права собственности на землю, имѣющіяся въ рукахъ нынѣшнихъ ея владѣльцевъ. И только постепенно, путемъ медленнаго процесса, въ этомъ движеніи начали выдѣляться характеризующія его опредѣленныя теченія.

Одна сторона движенія, популярная главнымъ образомъ среди представителей мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, за которыми шла и часть батрачества, получила анархистскую окраску подъ вліяніемъ пропаганды „христіанскаго анархизма“, съ которымъ выступилъ д-ръ Эйгенъ-Генрихъ Шмиттъ. Въ каждомъ человѣкѣ, училъ Шмиттъ, дремлетъ божественное сознаніе общности съ другими людьми и любовь къ нимъ; это сознаніе и слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ, чтобы явить міру божественное въ человѣкѣ. Когда это сознаніе будетъ пробуждено среди большинства людей, и они въ соотвѣтствіи съ нимъ устроятъ свою жизнь, тогда прекратится царство зла на землѣ, и возникнетъ новый міръ, построенный на любви и свободномъ соглашеніи, въ которомъ не будетъ мѣста насилію въ какой бы то ни было формѣ... Осуществлено же можетъ быть это „царство добра“ на землѣ лишь тогда, если послѣдователи ученія Шмитта начнутъ сами въ своей личной жизни примѣнять эти принципы жизни. „Какъ свѣтъ проявляется въ томъ, что онъ освѣщаетъ міръ,—говорилъ Шмиттъ,—такъ и мы можемъ осуществлять наши принципы лишь тѣмъ путемъ, что будемъ давать доказательства ихъ истинности при каждомъ представляющемся случаѣ, тѣмъ, что будемъ вербовать сторонниковъ нашихъ принциповъ во всѣхъ слояхъ населенія и будемъ моральными средствами безпощадно громить господствующую ложь, какое бы высокое мѣсто она ни занимала“.

Распространителемъ этого ученія среди крестьянства явился нѣкій Стефанъ Варкони, пропаганда котораго имѣла извѣстный успѣхъ въ нѣсколькихъ сѣверныхъ комитатахъ, гдѣ его сторонники сгруппировались вокругъ органа этой партіи: „Ohne Staat“. Размѣры этого успѣха были, однако, не очень велики, если судить по указаніямъ венгерской соціалъ-демократической партіи, органы которой утверждаютъ, что на послѣднемъ конгрессѣ этой партіи („независимыхъ

соціалистовъ", какъ она себя называетъ) въ Будапештѣ въ 1900 г. было представлено всего 17 общинъ.

Совсѣмъ инымъ путемъ пошло второе теченіе, рекрутировавшее своихъ сторонниковъ среди массъ полевыхъ рабочихъ. Это теченіе съ самаго же начала сознавало свою близость къ рабочему соціалъ-демократическому движенію и на первыхъ порахъ посылало даже своихъ представителей на конгрессы венгерской рабочей партіи. Въ 1894 г. сельскіе рабочіе имѣли уже 16 своихъ делегатовъ на конгрессѣ рабочей партіи.

Венгерское правительство повело безпощадную борьбу противъ организацій полевыхъ рабочихъ. Но, несмотря на всѣ запретительныя мѣры, которыми ограничена была свобода сходокъ и собраній; несмотря на то, что правительство не останавливалось передъ мѣрами, приводившими къ пролитію крови, чтобы подавить первыя вспышки этого движенія, оно продолжало развиваться. Для собраній пользовались всякими событіями, при которыхъ не могутъ быть запрещаемы сходбища, какъ свадьбы, похороны, крестины и т. п. Въ 1896 г. могъ уже быть созванъ первый самостоятельный конгрессъ полевыхъ рабочихъ, на которомъ представлены были 39 мѣстностей 71 делегатомъ. На конгрессѣ этой партіи въ 1897 г. въ Будапештѣ были уже представлены 130 общинъ 212 делегатами.

Оффиціозный „Pester Lloyd" сообщалъ тогда своимъ читателямъ, что на конгрессѣ „преобладаютъ типичныя фигуры венгерскихъ крестьянъ съ бородами à la Кошутъ, носящихъ теперь на своихъ тяжелыхъ серебряныхъ цѣпочкахъ портреты Маркса; рядомъ же съ венгерскими можно видѣть и кроатскихъ, сербскихъ, словакскихъ, нѣмецкихъ крестьянъ... и всѣ они прямо поражаютъ своимъ глубокимъ знаніемъ соціалистической фразеологіи и царствующимъ въ засѣданіяхъ благоговѣйнымъ вниманіемъ"...

На этомъ конгрессѣ и были выработаны резолюціи, приблизившія почти совсѣмъ программу аграрной партіи къ соціалистической программѣ рабочаго движенія. Если отдѣльные члены этой организаціи и продолжаютъ говорить о передѣлѣ земли, то руководители партіи прямо выставили, какъ конечную цѣль, націонализацію земли, а въ программѣ minimum, выработанной на этомъ же конгрессѣ, говорится, главнымъ образомъ, о сокращеніи рабочаго дня (пока до 12 часовъ, съ постепеннымъ приближеніемъ къ 8-часовому рабочему дню), объ уничтоженіи системы аккордной работы, о заключеніи коллективныхъ договоровъ съ работодателями черезъ центральный секретаріатъ, который будетъ вырабатывать

общія нормы заработной платы, объ уравненіи рабочей платы для мужчинъ и женщинъ, о недопущеніи къ работамъ несовершеннолѣтнихъ (до 14-лѣтняго возраста) и т. д.

На конгрессѣ 1900 г. были представлены 34 мѣстности 46 делегатами, но изъ 100 мѣстностей получились выраженія солидарности съ присовокупленіемъ, что только отсутствіе средствъ явилось препятствіемъ для фактическаго участія въ конгрессѣ.

Какъ уже отмѣчено выше, ростъ и развитіе (духовное) этой партіи совершалось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, первые зачатки организаціи котораго можно наблюдать съ первыхъ же моментовъ зарожденія фабрично-заводской промышленности въ Венгріи. Въ это время (въ половинѣ 70-хъ годовъ) правительство очень благосклонно относилось ко всему, что связано было съ насажденіемъ промышленности, которая стала баловнемъ правительственныхъ сферъ. И въ 1891 г. Венгрія имѣла уже 1,902 фабрично-заводскихъ предпріятія, подлежавшихъ надзору фабричной инспекціи; работало на этихъ фабрикахъ 73,643 рабочихъ. Къ концу 90-хъ годовъ въ индустріальной промышленности было уже занято 2,16 милліоновъ (12,4% всего населенія), въ торговлѣ—0,45 милліона; число промышленныхъ предпріятій поднялось до 5,700; вывозъ изъ Венгріи достигалъ 1,397 милліоновъ кронъ (противъ 1,130 милл. кронъ ввоза).

Параллельно съ ростомъ промышленности шелъ неизбѣжно сопровождающій его ростъ рабочаго движенія, развиваясь и вширь, и вглубь. На первыхъ порахъ спорадически появлявшіеся рабочіе ферейны увлекались теоріями Шульце-Делича. Объединенные въ „Allgemeiner Arbeiterverein“, эти ферейны начинаютъ проникаться идеями Лассаля. Въ 1869 г. въ Пресбургѣ (Позоньи) можетъ уже состояться довольно импозантный рабочій съѣздъ. Выработанная имъ программа носитъ, однако, еще почти исключительно политическій характеръ: требуется всеобщее избирательное право, неограниченная свобода печати, собраній; уничтоженіе газетнаго залога, замѣна арміи народною милиціею, отдѣленіе церкви отъ государства, даровое всеобщее обученіе, установленіе референдума, уничтоженіе религіозныхъ орденовъ и употребленіе принадлежащихъ имъ средствъ на школы.

Лишь въ 1875 г. извѣстный дѣятель, Лео Франкль, венгерецъ родомъ, бывшій во время Парижской коммуны министромъ путей сообщенія, вернувшись въ Венгрію, успѣваетъ придать венгерскому рабочему движенію болѣе организованный характеръ. Въ 1880 г. созывается конгрессъ рабочей партіи, на которомъ выработана программа, признав-

Францъ Кошутъ,
вождь партіи венгерской независимости.

шая основные пункты программъ западно-европейской соціалъ-демократіи.

Въ рабочемъ движеніи послѣ этого выдѣляются два главныхъ теченія: національное и интернаціональное. Рабочія группы въ то же время то соглашаются выступать въ союзѣ съ радикальными партіями, то отвергаютъ такіе компромиссы. Въ нѣдрахъ партіи начинается внутренняя борьба за вліяніе, сильно повредившая успѣху рабочаго движенія и заставившая Франкля отказаться отъ активнаго участія въ немъ.

Авторитетный вожакъ, Германъ, высказавшійся противъ союза рабочей партіи съ мадьярско-національными партіями, вызываетъ сильный расколъ въ партіи. Рабочее движеніе на-время затихаетъ и начинаетъ оживать съ новою силою лишь въ 1889 г., послѣ того какъ представитель венгерской рабочей партіи на первомъ интернаціональномъ рабочемъ конгрессѣ въ Парижѣ (въ 1889 г.), Ирлингеръ, присоединился къ европейскому рабочему движенію и сблизилъ венгерскую рабочую партію съ австрійскою. Въ 1890 г. состоялся конгрессъ, на которомъ эта партія окончательно сложилась въ „Ungarländische Socialdemokratische Partei“. Въ 1894 г. завершена ея организація, и партія, послѣ колебаній, согласилась внести въ свою программу распространеніе принциповъ коллективизма на земельную собственность. Къ концу 90-хъ годовъ партія насчитывала уже около 30,000 партизановъ въ столицѣ и свыше 60,000 приверженцевъ въ провинціи. Около нея начала группироваться и студенческая молодежь. Въ числѣ ея руководителей особенно видное мѣсто успѣли занять Зильберберг, д-ръ Голднеръ и Баконьи.

Для борьбы съ новой партіею правительственные органы стали оказывать покровительство „національно-демократической рабочей партіи“, національно-патріотичныя тенденціи которой должны служить противовѣсомъ пропагандѣ соціалъ-демократической партіи. Сперва правительство преслѣдовало и эту партію, но затѣмъ сочло болѣе соотвѣтствующимъ своимъ видамъ оказывать ей всяческое содѣйствіе, а въ 1891 г. она подъ патронатствомъ министра Сапари получила новую организацію и объединилась вокругъ органа „A mi Zàszlonk“ („Наше Знамя“).

Программа этой партіи: смягченіе, при помощи легальныхъ воздѣйствій, классовыхъ противорѣчій, рабочее законодательство, государственное страхованіе, ограниченіе женскаго труда, предпочтеніе туземныхъ рабочихъ иностраннымъ, „всеобщее“ избирательное право съ установленіемъ, однако, извѣстнаго имущественнаго ценза, не очень высо-

каго. Въ 90-хъ годахъ эта партія, согласно ея собственнымъ отчетамъ, насчитывала 2,000 членовъ въ столицѣ и около 30,000 въ провинціи.

Въ политической жизни эта партія, однако, не играетъ замѣтной роли, а когда говорятъ о рабочемъ движеніи въ Венгріи, имѣется въ виду только соціалъ-демократическая партія. Говорить о себѣ заставляютъ демонстраціи и заявленія именно этой послѣдней партіи, которая въ послѣдніе годы могла уже устраивать демонстраціи и собранія, въ которыхъ принимало участіе до 25,000 человѣкъ. Съ этою партіею вступили въ переговоры послѣднія министерства; съ нею-же пыталась заключить союзъ, съ цѣлью совмѣстной борьбы противъ правительства, „партія независимости“, обѣщая ей за это домогаться въ парламентѣ проведенія закона о расширеніи избирательнаго права.

Подъ вліяніемъ все усиливающагося натиска со стороны организовавшихся теперь сельской и городской рабочихъ партій, недолго еще могутъ оставаться закрытыми двери венгерскаго парламента для стучащихся въ нихъ представителей трудовыхъ массъ. А съ проникновеніемъ ихъ въ парламентъ неизбѣжно должна будетъ измѣниться и физіономія послѣдняго. Онъ, быть можетъ, потеряетъ тогда нѣсколько въ своей оборонительно-наступательной силѣ, ему, можетъ быть, придется пережить тѣ же болѣзненные процессы, которые приходится переживать парламентамъ другихъ странъ,—но только подъ этимъ условіемъ венгерскій парламентъ можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ представительствомъ народа.

Безостановочный процессъ общественнаго развитія въ направленіи все большей демократизаціи общества исключаетъ возможность продолжительнаго существованія венгерскаго парламентаризма въ его нынѣшнемъ видѣ. Несмотря на его внѣшній блескъ и кажущуюся силу, онъ на самомъ дѣлѣ далекъ отъ началъ истинно-европейскаго парламентаризма, уступаетъ въ этомъ отношеніи даже австрійскому парламентаризму, несмотря на всю внѣшнюю убогость послѣдняго.

Единонаціональность венгерскаго парламента—результатъ отсталости въ развитіи не-мадьярскихъ національностей Венгріи, которымъ господствующая мадьярская національность имѣла до сихъ поръ возможность отказывать въ безспорно принадлежащихъ имъ правахъ. Политическая сила этого парламента—также результатъ отсталости, на этотъ разъ—экономической. Соціальная дифференціація до сихъ поръ не обозначилась еще достаточно рѣзко, и это позволяло не

большой сравнительно группѣ, владѣющей земельною собственностью, gentry, монополизировать политическую власть.

Теперь, когда этой группѣ придется, подъ вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ условій, раздѣлить власть съ представителями широкихъ массъ населенія, неизбѣжно подвергнется измѣненіямъ и политическая физіономія страны. Ей, можетъ быть, придется отказаться отъ преслѣдуемаго идеала созданія „единонаціональной“ мадьярской Венгріи. Но это будетъ только отказомъ отъ условной лжи, у которой и безъ того, по нѣмецкому выраженію, „короткія ноги“, не позволяющія ей долго устоять. Мадьяры—меньшинство въ собственной странѣ и не въ силахъ ассимилировать большинство или подчинить его своей гегемоніи. Венгерскій „Nationalstaat“, какъ его любятъ называть мадьяры, и теперь существуетъ не собственною силою, а по милости несовершенства законодательства, являющагося насиліемъ надъ остальными національностями. Эти ино-мадьярскія національности не желаютъ признать мадьярскаго „Nationalstaat“, не хотятъ служить венгерской національной идеѣ, а пока Венгрія не желаетъ считаться съ этимъ, венгерскіе румыны будутъ возлагать всѣ свои упованія на Букарестъ, венгерскіе сербы—на Бѣлградъ, словаки на Прагу, нѣмцы—на Германію.

Только признаніе правъ всѣхъ населяющихъ Венгрію національностей можетъ измѣнить это положеніе и возмѣстить тотъ ущербъ, который теперь приноситъ странѣ упорное стремленіе мадьяризировать ее. При нынѣшнихъ условіяхъ огромная масса духовной энергіи затрачивается на національную борьбу, которая требуетъ напряженія всѣхъ духовныхъ силъ въ этомъ направленіи и которая, къ тому-же, по выраженію одного венгерскаго публициста, „порождаетъ и поддерживаетъ систему политической Unmoral, поражающей самый мозгъ“.

Огромный запасъ силъ остается въ то же время инертнымъ. Это—силы интеллигенціи не-мадьярскихъ національностей, платящихъ мадьярской Венгріи нелюбовью за переносимыя обиды.

Національное разоруженіе, т. е. прекращеніе необходимости стоять всегда на стражѣ своей національности, освободило бы большой запасъ интеллектуальныхъ силъ, которыя могли бы быть отданы борьбѣ за соціальное освобожденіе массъ изъ-подъ господства класса венгерскихъ магнатовъ.

Торжество демократической идеи сдѣлаетъ, такимъ образомъ, невозможнымъ, вѣроятно, существованіе государства,

зиждущагося на антидемократическомъ принципѣ господства одной національности надъ остальными.

Это и удерживаетъ, главнымъ образомъ, господствующую въ Венгріи мадьярскую національность отъ предоставленія широкимъ массамъ народа принадлежащихъ имъ правъ, заставляетъ венгерскихъ либераловъ и радикаловъ грѣшить противъ основныхъ принциповъ ихъ политическихъ программъ, превращая въ пустую фразу и лицемѣрную ложь всѣ ихъ увѣренія въ уваженіи къ прогрессивнымъ идеямъ вѣка. Но ихъ упорство неминуемо должно разбиться о поднимающуюся волну, и имъ придется уступить не справедливымъ только, а—что гораздо важнѣе—опирающимся и на достаточную силу требованіямъ народа, который не желаетъ больше оставаться только зрителемъ, а настаиваетъ на предоставленіи ему доли участія въ управленіи страною.

Только тогда гордая резолюція, которую долженъ былъ, по требованію партіи независимости, внести въ свой протоколъ венгерскій парламентъ, резолюція, гласящая, что „въ Венгріи источникомъ всякаго права является воля націи, поскольку она получаетъ свое выраженіе въ постановленіяхъ парламента“, перестанетъ звучать фразою и будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

П. Звѣздичъ.

ГЕРМАНІЯ.

I.

Имперская конституція.

Нѣмецкій народъ впервые пробудился къ политической жизни только въ началѣ 19-го вѣка, подъ давленіемъ наполеоновскаго господства. Освободительныя войны съ ихъ патріотическимъ размахомъ были первыми широкими политическими движеніями нѣмецкаго народа. Это пробужденіе пришло съ Запада; съ вторженіемъ армій французской революціи вторглись въ Германію и ея идеи, разгромивъ старую нѣмецкую имперію. Но французская революція вдохнула нѣмцамъ и силы для обновленія; безъ продолжительнаго чужеземнаго господства Германія не достигла бы той относительной политической зрѣлости, которая сказалась по окончаніи освободительныхъ войнъ въ 1815 г. Сознаніе драгоцѣнныхъ неиспользованныхъ силъ отдѣльной личности и всего народа впервые въ рѣзкой и отчетливой формѣ явилось у лучшихъ патріотовъ того времени, какъ Штейнъ, Шарнгорстъ, Шлейермахеръ и др.

Въ южной и западной Германіи, гдѣ наполеоновское господство значительно подвинуло впередъ и весь строй соціально-экономической жизни, духъ оппозиціи противъ стараго порядка обнаружился и раньше и рѣзче, чѣмъ въ сѣверной и восточной частяхъ Германіи. Но и въ Пруссіи, подъ дѣйствіемъ разгромовъ при Ауерштедтѣ и Іенѣ, пробудился спасительный страхъ, послуживший стимуломъ для великихъ реформъ. Устраненіе многихъ привиллегій знати, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, введеніе городового положенія и всеобщей воинской повинности,— всѣ эти реформы своимъ происхожденіемъ были обязаны неотвратимой потребности и новой общественной переоцѣнкѣ всѣхъ старыхъ и совершенно устарѣлыхъ цѣнностей.

Увѣнчаніемъ зданія реформъ явились эдикты 27 октября 1810 и 22 мая 1815 г., въ которыхъ формальнымъ образомъ было возвѣщено о созданіи „народнаго представительства“. Великія жертвы, принесенныя прусскимъ народомъ при сверженіи наполеоновскаго господства, побудили Фридриха Вильгельма III обѣщать ему дарованіе представительныхъ учрежденій. Освобожденный народъ призывался къ участію въ управленіи и требовалъ правительственной системы, которая, по словамъ Штейна, „обезпечиваетъ народу дѣятельное участіе въ законодательствѣ въ интересахъ упроченія общественнаго сознанія и глубокой любви къ отечеству“. Въ ту трудную годину и Союзный Сеймъ нѣмецкихъ правителей не преминулъ внести въ союзные акты постановленіе, въ силу котораго во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ надлежало ввести такъ наз. landständische Verfassung, т. е. положеніе о собраніи земскихъ чиновъ. Вскорѣ, однако, самый Сеймъ сталъ рѣшительнымъ образомъ преслѣдовать всѣ стремленія, направленныя къ осуществленію союзнаго постановленія. Въ мартѣ 1818 г. прусскій король повторилъ свое прежнее обѣщаніе подъ вліяніемъ настойчивыхъ напоминаній, исходившихъ, главнымъ образомъ, изъ рейнской области, которая въ тѣ времена была самою передовою и неугомонною изъ всѣхъ прусскихъ провинцій. Но, давая новое обѣщаніе, король и въ этомъ случаѣ не называлъ точнаго срока для его выполненія, заявивъ, что „несвоевременныя представленія не измѣнятъ его рѣшенія лишь поступательнымъ путемъ приближаться къ поставленной цѣли“.

За обѣщанными реформами и реформенными начинаніями не замедлила послѣдовать реакція. Покушеніе студента Занда на Коцебу въ мартѣ 1819 г. послужило поводомъ снова отсрочить данныя обѣщанія, а тѣмъ временемъ извѣстныя Карлсбадскія постановленія открыли эру жестокихъ преслѣдованій противъ всякаго проявленія свободолюбивыхъ идей.

Но идея политической свободы не умирала въ нѣмецкомъ обществѣ. Въ противоположность руководящей Пруссіи, а также и Саксоніи, цѣлый рядъ нѣмецкихъ правительствъ привели въ исполненіе постановленіе Союзнаго Сейма и ввели у себя конституцію. На этомъ основаніи въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ въ 1818 и 1819 г. г. учреждены были первыя нѣмецкія народныя представительства. Тогда какъ, на сѣверѣ оставались въ полной силѣ абсолютистскіе порядки, въ южной Германіи стала развиваться политическая и національная жизнь. Здѣсь впервые появился на сцену и нѣмецкій либерализмъ подъ руководствомъ Роттека и Велкера. Либералы переняли дѣло Штейна и Шарнгорста. Несмотря

Германскій рейхстагъ.

на все убожество того времени, Генрихъ фонъ-Галернъ не уставалъ твердить, что ни одна нація по своей внутренней природѣ не расположена въ такой степени къ свободѣ и не создана для нея такъ, какъ нѣмцы. Развернувшіяся силы народа должны найти себѣ высшее приложеніе въ условіяхъ парламентарнаго строя. Народъ, бывшій въ 18 вѣкѣ мертвой массой, долженъ себя почувствовать живою и дѣятельною націей. Всѣ хорошо знали, что этотъ процессъ національнаго роста немыслимъ въ рамкахъ мелкаго государственнаго обособленія; національная жизнь нуждалась въ національномъ государствѣ. Поэтому стремленіе къ конституціоннымъ формамъ было неразрывно связано съ требованіемъ нѣмецкаго единства; политическимъ идеаломъ того времени была единая, на конституціонныхъ началахъ управляемая Германія.

Въ іюнѣ 1825 г. правительство Фридриха-Вильгельма III издало, наконецъ, законъ о введеніи провинціальныхъ ландтаговъ, которые и были постепенно учреждены въ разныхъ провинціяхъ. О всеобщемъ представительствѣ государства, какъ гласили неоднократныя обѣщанія, не было уже рѣчи до самой смерти Фридриха-Вильгельма III въ 1840 году.

Но изъ года въ годъ идеи національнаго единства и политическихъ преобразованій захватывали все большіе круги нѣмецкаго общества и народа. Экономическое развитіе Германіи, вслѣдствіе ея раздробленности и другъ другу противорѣчащихъ сепаратистскихъ законодательствъ, повсюду сильно тормозилось. Передъ лицомъ новыхъ путей сообщенія и сношенія самодовлѣющая жизнь мелкихъ обособленныхъ государствъ представлялась досаднымъ анахронизмомъ. Растущая буржуазія все настойчивѣе требовала новыхъ политическихъ формъ, большаго простора для самодѣятельности. Существующіе порядки постепенно становились въ самое рѣзкое противорѣчіе съ новыми назрѣвшими потребностями и потому вызвали къ жизни оппозиціонное движеніе, которое втеченіе 40-хъ годовъ прошлаго вѣка приняло угрожающіе размѣры.

При такихъ обстоятельствахъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV счелъ необходимымъ вспомнить про обѣщанія своего отца и указомъ отъ 3-го февраля 1847 г. созвалъ въ Берлинъ соединенный ландтагъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ. Открывая это собраніе, король не преминулъ, однако, заявить: „Я никогда не допущу, чтобы между Господомъ въ небѣ и этою страной вторгся исписанный листъ бумаги, предназначенный, точно второе Провидѣніе, править нами силою своихъ параграфовъ и замѣнить ими старую святую вѣрность...“ Но прошелъ всего годъ, и крутой поворотъ

обстоятельствъ заставилъ короля измѣнить свое непоколебимое рѣшеніе. Политическая гроза, разразившаяся прежде всего надъ Парижемъ, быстро охватила и всю остальную Европу. Поразивъ 22 февраля 1848 г. Луи-Филиппа, она 13 марта того же года дошла уже до Вѣны, обративъ въ бѣгство вдохновителя европейской реакціи, князя Меттерниха, а послѣ того, 18 и 19 марта, смела старую абсолютистскую Пруссію, заставивъ испуганнаго короля пойти на всевозможныя уступки.

Вскорѣ затѣмъ снова собравшійся Соединенный ландтагъ одобрилъ 8 апрѣля избирательный законъ, на основаніи котораго должны были произойти выборы въ „Національное Собраніе“ для выработки конституціи. Новый избирательный законъ носилъ на себѣ явный отпечатокъ переживаемаго революціоннаго момента и въ своемъ § 8 точно предписывалъ, что „каждый пруссакъ, которому исполнилось 24 года, и который въ силу судебнаго приговора не утратилъ своихъ гражданскихъ правъ, пользуется правомъ голоса въ общинѣ, гдѣ онъ имѣетъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ свое мѣстожительство и не получаетъ матеріальнаго пособія изъ источника по призрѣнію бѣдныхъ“. Это было объявленіе всеобщаго и равнаго избирательнаго права, въ силу котораго болѣе $3^1/_2$ милліоновъ душъ, достигшихъ 24-лѣтняго возраста, сдѣлались избирателями въ ландтагъ.

„Національный“ парламентъ собрался во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, мѣстопребываніи Союзнаго Сейма, и открылъ свои засѣданія 18 мая 1848 г. въ церкви св. Павла. Всѣ ждали отъ него, что онъ будетъ дѣйствовать въ качествѣ высшаго законодательнаго органа всѣхъ земель германскаго Союза и, какъ таковой, окончательно разрѣшитъ назрѣвшіе вопросы. Но его положеніе было совершенно исключительное, такъ какъ Союзный Сеймъ, созвавшій національное собраніе, не намѣтилъ точно ни его функцій, ни его полномочій. Само же собраніе не оказалось настолько на высотѣ своей задачи, чтобы воспользоваться всѣми благопріятными условіями тогдашняго момента и обезпечить себѣ преобладающій авторитетъ надъ всѣми органами утратившаго всякую популярность стараго порядка. Призванный для того, чтобы въ силу своей верховной власти создать союзное германское государство отъ имени нѣмецкаго народа, этотъ парламентъ либеральныхъ адвокатовъ и ученыхъ доктринеровъ изливался въ пышныхъ рѣчахъ о конституціи и правахъ человѣка; онъ могъ предлагать проекты, но принятіе ихъ зависѣло исключительно отъ правительства. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, провозглашенный Національнымъ Собраніемъ

германскимъ императоромъ, не захотѣлъ принять отъ этого парламента корону, которую онъ называлъ „короной изъ грязи и дерева“. И императорская корона, и конституція франкфуртскаго парламента оставались только въ проектѣ: та же участь постигла и избирательный законъ, выработанный этимъ парламентомъ и уже опубликованный „имперскимъ правителемъ“, австрійскимъ эрцгерцогомъ Іоанномъ въ сводѣ имперскихъ законовъ. Послѣ ряда тревогъ и злоключеній самый франкфуртскій парламентъ былъ разогнанъ расходившимися силами оправившейся реакціи.

Мартовскіе дни 1848 г., сулившіе гражданскую свободу и нѣмецкое единство, оказались печальной Fata morgana. Національное Собраніе, призванное создать изъ разорванной Германіи союзное государство, потерпѣло фіаско, и возродившійся режимъ Союзнаго Сейма снова принялся за свою безславную работу насажденія кладбищенской тишины и покоя въ нѣмецкихъ земляхъ. Различныя реформаторскія попытки оздоровить нѣмецкій союзъ разбивались о зависть Австріи и партикуляристическія опасенія многихъ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ передъ прусской супрематіей. Положеніе вещей становилось все болѣе и болѣе несноснымъ, конфликты соперничающихъ „нѣмецкихъ братьевъ“ все болѣе обострялись, покуда весь запутанный узелъ „нѣмецкаго вопроса“ не былъ разрубленъ на кровавой нивѣ 1866 и 1870 г.г.

Въ этомъ отношеніи не совсѣмъ даромъ прошла и работа ораторовъ въ церкви св. Павла. Благодаря вновь возродившейся національно-объединительной пропагандѣ, благодаря новому подъему политической жизни вообще, франкфуртская конституція въ ея существенныхъ чертахъ, 18 лѣтъ спустя, послужила основой при созданіи сѣверо-германскаго союза и вскорѣ затѣмъ положена была также въ основу обще-германской имперіи. Не остался подъ спудомъ и избирательный законъ 1849 г., послуживъ тѣмъ могучимъ цементомъ, съ помощью котораго великій секуляризаторъ мелкихъ нѣмецкихъ монарховъ, кн. Бисмаркъ, сколачивалъ новую имперію подъ главенствомъ возлюбленной имъ Пруссіи. 5 мая 1871 г. было днемъ рожденія нынѣ дѣйствующей имперской конституціи.

Правители (короли, герцоги и князья) 22 нѣмецкихъ государствъ и три вольные города [1]) конституціей германской

[1]) Вотъ названія союзныхъ нѣмецкихъ странъ: Пруссія, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, Баденъ, Гессенъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Саксенъ-Веймаръ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Альтенбургъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Ангальтъ,

имперіи соединились въ „вѣчный союзъ для охраны союзной территоріи, дѣйствующаго въ немъ права и для поддержанія благополучія нѣмецкаго народа". Извѣстная доля суверенитета отдѣльныхъ государствъ и ихъ правителей перешла на имперію, въ которой они функціонируютъ подъ названіемъ „союзныхъ правительствъ". Какъ бы ни смотрѣть на Германскую имперію,—какъ на государственный союзъ или союзное государство,—она во всякомъ случаѣ не есть единое государство. Отдѣльныя нѣмецкія государства и въ самой имперіи являются самостоятельными государствами со своими особенными задачами, и союзно-государственныя или федеративныя основы имперіи не могутъ быть поколеблены даже въ силу измѣненія самой конституціи, разъ нѣтъ на лицо согласія ближайше заинтересованнаго союзнаго государства. На этомъ, между прочимъ, покоятся и тѣ особенности, которыя были оставлены за Баваріей, Вюртембергомъ и Баденомъ при ихъ присоединеніи къ имперіи и которыя извѣстны подъ названіемъ „резерватныхъ правъ".

Подчасъ очень трудно бываетъ съ точностью разграничить сферу компетенціи имперіи и ея отдѣльныхъ государствъ. Одно лишь не подлежитъ сомнѣнію: разъ дѣло идетъ о какомъ нибудь имперскомъ вопросѣ, то всякій изданный по этому вопросу имперскій законъ тѣмъ самымъ упраздняетъ соотвѣтственный законъ союзнаго государства. Законодательныя функціи союзныхъ государствъ по отношенію къ имперскимъ дѣламъ ограничиваются такъ называемыми исполнительными законами, т. е. проведеніемъ имперскихъ законовъ въ интересахъ облегченія перехода отъ стараго къ новому, установленному имперіей порядку, или же для восполненія тѣхъ пробѣловъ, которые намѣренно предусмотрѣны имперскими законами изъ вниманія къ тѣмъ или инымъ особенностямъ даннаго союзнаго государства. Съ другой стороны, законы отдѣльныхъ государствъ, если они даже касаются общихъ для всей имперіи интересовъ, остаются въ силѣ до тѣхъ поръ, покуда имперія не воспользовалась предоставленнымъ ей конституціей правомъ законодательнаго урегулированія данной области. Такъ, напр., во всѣхъ союзныхъ государствахъ дѣйствуютъ еще особые законы о союзахъ и собраніяхъ съ очень широкими полицейскими прерогативами, несмотря на то, что установленіе общихъ законовъ въ этой области присвоено имперской конституціи.

Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Вальдекъ, Рейсъ старшей линіи, Рейсъ младшей линіи, Шаумбургъ-Липпе, Любекъ, Бременъ, Гамбургъ.

Имперская конституція устанавливаетъ слѣдующія категоріи имперскаго верховенства. Въ задачу имперскаго правительства входитъ, прежде всего, охрана имперской территоріи помощью арміи, флота и укрѣпленій. Въ этомъ случаѣ рѣзко выступаетъ на передній планъ власть императора. Связанный лишь согласіемъ Союзнаго Совѣта, онъ можетъ во имя имперіи объявлять войну и внутри самой страны, онъ, даже безъ согласія Союзнаго Совѣта, можетъ объявить ту или другую часть имперской территоріи на военномъ положеніи. Онъ самостоятельно руководитъ всей внѣшней политикой. Въ средѣ самого Союзнаго Совѣта имѣется, правда, подъ предсѣдательствомъ Баваріи особая комиссія иностранныхъ дѣлъ, но конституція точно не опредѣляетъ правъ этой комиссіи. Императоръ является представителемъ имперіи въ международныхъ и дипломатическихъ отношеніяхъ. Онъ одинъ вправѣ заключать миръ и входить въ договорныя и союзныя отношенія съ иностранными государствами. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда заключаемые договоры касаются точно обозначенныхъ въ конституціи имперскихъ дѣлъ, требуется согласіе союзнаго совѣта и одобреніе рейхстага. Сюда относятся, напр., таможенные и торговые договоры съ иностранными государствами, между тѣмъ какъ чисто политическіе договоры, какъ, напр., тройственный союзъ Германіи съ Италіей и Австро-Венгріей, заключены лишь по собственному усмотрѣнію императора.

Урегулированіе внутреннихъ дѣлъ имперіи тѣсно связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Германія, въ силу своего историческаго развитія и спеціально въ силу основаннаго еще въ 1883 г. таможеннаго союза (Zollverein), уже давно представляетъ собою общую, неограниченную никакими партикулярными рамками, и по отношенію къ иностраннымъ государствамъ сплоченную хозяйственную территорію. Это обстоятельство въ связи съ послѣдующимъ ходомъ экономическаго развитія настоятельно требовало свободы передвиженія, одинаковыхъ принциповъ для торгово-промышленныхъ отношеній, единообразной системы мѣръ, вѣсовъ, монеты, общаго урегулированія банковаго, почтово-телеграфнаго дѣла, путей сообщенія, внутренняго судоходства и т. п. Еще до основанія имперіи на этотъ счетъ существовали между нѣмецкими государствами многочисленные договоры, впослѣдствіи же большинство этихъ предметовъ перешло въ вѣдѣніе политически и экономически объединеннаго цѣлаго. Присвоеніе имперіи всего законодательства въ области гражданскаго, уголовнаго, торговаго и вексельнаго права и судопроизводства также объясняется экономическими потребностями и

окрѣпшимъ чувствомъ единства нѣмецкихъ племенъ. Чтобы обезпечить финансовыя основы своего существованія, имперія снабжена собственнымъ налоговымъ правомъ. Къ общимъ имперскимъ дѣламъ принадлежатъ далѣе военное и морское дѣло, мѣропріятія въ области медицинской и ветеринарной полиціи, постановленія касательно печати и союзныхъ организацій, а также соціальное законодательство.

Имперская конституція предусматриваетъ случаи не вполнѣ корректнаго отношенія къ имперіи со стороны ея союзныхъ государствъ и въ крайнемъ случаѣ грозитъ имъ „экзекуціей“, которая постановляется Союзнымъ Совѣтомъ и выполняется императоромъ. Точно также и конституціонные споры внутри отдѣльныхъ государствъ могутъ быть въ крайнихъ случаяхъ улаживаемы Союзнымъ Совѣтомъ или разрѣшены имперскимъ законодательствомъ. Имперская конституція предусматриваетъ, наконецъ, и возможность собственнаго своего измѣненія законодательнымъ путемъ. Но, желая предупредить въ этомъ отношеніи всякій неосторожный шагъ, она сильно затрудняетъ проведеніе проекта измѣненія: достаточно протеста 14 голосовъ изъ 54, представленныхъ въ Союзномъ Совѣтѣ, чтобы окончательно парализовать всякій проектъ измѣненія конституціи.

Въ силу имперской конституціи, прусскому королю присвоено предсѣдательство въ союзѣ нѣмецкихъ государствъ и ганзейскихъ городовъ; въ этомъ качествѣ онъ носитъ имя „германскаго императора“. Такимъ образомъ императорскій титулъ неразрывно связанъ съ прусской короной. Мы видѣли выше, что императорскія прерогативы прежде всего сказываются въ международномъ представительствѣ имперіи. Но и во внутреннихъ дѣлахъ императору присвоены очень важныя преимущества съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ этомъ случаѣ онъ въ гораздо большей степени зависитъ отъ Союзнаго Совѣта и рейхстага. Но и эти органы прежде всего приводятся въ движеніе императоромъ. Онъ созываетъ, открываетъ, отсрочиваетъ и закрываетъ засѣданія Союзнаго Совѣта и рейхстага; отъ имени союзныхъ правительствъ вносятся законопроекты, но императоръ опубликовываетъ имперскіе законы и наблюдаетъ за ихъ выполненіемъ, онъ назначаетъ и увольняетъ имперскихъ должностныхъ лицъ. Ему и въ мирное время принадлежитъ верховная власть надъ германской арміей и военнымъ флотомъ; одни лишь баварскія войска подчиняются его нераздѣльной власти только съ момента мобилизаціи арміи. Конституція не исчерпываетъ, конечно, всѣхъ функцій императора и всей сферы его дѣятельности въ отношеніяхъ къ иностраннымъ посламъ, къ отвѣтствен-

ному канцлеру имперіи, къ отдѣльнымъ вѣдомствамъ и т. п. Но всѣ императорскіе указы и распоряженія имѣютъ только тогда обязательную силу, если они снабжены его собственною подписью и подписью отвѣтственнаго канцлера имперіи.

Союзныя нѣмецкія государства, поскольку они въ качествѣ союзныхъ правительствъ призваны къ общему управленію имперіей, соединены въ особой корпораціи, называющейся Союзнымъ Совѣтомъ (Bundesrat). Сама имперская конституція опредѣляетъ ея составъ. Кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, имѣющей лишь совѣщательный голосъ, каждое изъ 25 союзныхъ государствъ имѣетъ въ Союзномъ Совѣтѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ голосъ. Въ частности же Пруссія имѣетъ въ немъ 17 голосовъ, Баварія 6, Саксонія и Вюртембергъ по 4 голоса, Баденъ и Гессенъ по 3, Мекленбургъ-Шверинъ и Брауншвейгъ по 2, всѣ остальныя государства по 1 голосу. Члены Союзнаго Совѣта назначаются отдѣльными союзными правительствами, отъ которыхъ и получаютъ точныя инструкціи для своихъ голосованій въ союзномъ совѣтѣ. По поводу этихъ инструкцій парламенты отдѣльныхъ государствъ могутъ интерпеллировать своихъ отвѣтственныхъ министровъ; они могутъ также въ формѣ резолюцій выражать свои желанія касательно образа дѣйствій и голосованія своихъ правительственныхъ представителей въ Союзномъ Совѣтѣ. Какъ далеко могутъ итти въ этомъ отношеніи требованія союзныхъ парламентовъ, и въ какой мѣрѣ союзныя правительства обязаны удовлетворять этимъ требованіямъ,—это частью указано въ конституціяхъ отдѣльныхъ странъ, частью же покоится на обычномъ правѣ. Есть, впрочемъ, одна общая для всѣхъ граница: союзныя правительства не могутъ быть принуждены союзными парламентами къ нарушенію союзнаго договора или имперской конституціи или же къ отказу въ поддержкѣ имперіи условленными матеріальными средствами. Въ противномъ случаѣ они могутъ навлечь на себя вмѣшательство имперіи въ свои внутреннія дѣла и даже опасность союзной экзекуціи.

Что касается компетенціи Союзнаго Совѣта, то прежде всего онъ наряду съ рейхстагомъ является органомъ имперскаго законодательства. Его не слѣдуетъ, однако, приравнивать къ такъ называемой верхней палатѣ, палатѣ господъ и т. п. По отношенію къ рейхстагу онъ является скорѣе тѣмъ, что представляютъ собою министерства по отношенію къ парламентамъ (ландтагамъ) въ союзныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Союзный Совѣтъ, какъ представительство соединенныхъ нѣмецкихъ правительствъ, является также носителемъ подлинной правительственной власти въ имперіи въ томъ видѣ,

какъ она, по крайней мѣрѣ въ Германіи, не присвоена ни одной верхней палатѣ. Въ силу этой власти Союзный Совѣтъ въ правѣ устанавливать необходимыя общія административныя нормы и порядокъ касательно выполненія имперскихъ законовъ, а также тѣхъ пробѣловъ, которые могутъ при этомъ обнаружиться. Онъ издаетъ новые регламенты для приведенія въ дѣйствіе законовъ, назначаетъ особыя комиссіи для обсужденія разныхъ законодательныхъ проектовъ и наряжаетъ анкеты для изслѣдованія разныхъ сторонъ государственнаго быта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ функціи Союзнаго Совѣта подвержены праву veto, которое присвоено прусской коронѣ и, слѣдовательно, фактически составляетъ прерогативу императора.

Въ германской имперіи громадное большинство государственныхъ функцій выполняется властями отдѣльныхъ государствъ, и только тѣ предметы, которые вошли въ сферу компетенціи имперіи, вызывали необходимость созданія особыхъ органовъ имперской власти. Въ ряду этихъ органовъ власти особое мѣсто занимаетъ канцлеръ имперіи, который является единственнымъ министромъ императора съ самостоятельною политическою отвѣтственностью въ имперскомъ организмѣ. Сфера его правительственныхъ функцій охватываетъ весь кругъ императорской прерогативы какъ въ Союзномъ Совѣтѣ, такъ и въ общемъ управленіи. Предсѣдательствуя въ Союзномъ Совѣтѣ вмѣсто императора, которому въ качествѣ прусскаго короля присвоено званіе „президента имперіи“, имперскій канцлеръ творитъ волю императора и въ общихъ опредѣленныхъ конституціей предѣлахъ. Онъ поэтому вѣдаетъ область внѣшней политики, руководитъ общими дѣлами имперіи и наблюдаетъ за точнымъ выполненіемъ имперскихъ законовъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Всѣ акты имперскаго правительства, издаваемые императоромъ, скрѣпляются подписью канцлера, который несетъ за нихъ отвѣтственность передъ парламентомъ. Народное представительство не обладаетъ, однако, правомъ обжалованія дѣйствій канцлера, такъ что проблема полной министерской отвѣтственности въ Германіи остается еще по сіе время не разрѣшенной.

Обширный и съ теченіемъ времени все разроставшійся кругъ дѣлъ, перешедшихъ въ вѣдѣніе имперіи и имперскаго канцлера необходимымъ образомъ повелъ къ введенію системы замѣстительства съ извѣстной долею отвѣтственности. На этомъ покоится институтъ статсъ-секретарей, вѣдающихъ отдѣльныя части имперскаго управленія: внутреннія дѣла, юстицію, почтово-телеграфное дѣло, флотъ и т. п. Одинъ изъ

нихъ носитъ званіе вице-канцлера, но всѣ они, хотя и могутъ скрѣплять своею подписью акты императора, все же являются не болѣе какъ помощниками и замѣстителями своего „шефа“, канцлера имперіи, который обыкновенно есть въ то же время и президентъ прусскаго министерства.

Мы изложили главнѣйшіе пункты имперской конституціи согласно ея буквальному содержанію. Одна изъ бисмарковскихъ легендъ утверждаетъ, что желѣзный канцлеръ въ полчаса продиктовалъ ее своему секретарю Лотару Бухеру. „Искусно прилаженный хаосъ“, какъ ее охарактеризовалъ въ 1871 г. тогдашній наслѣдникъ Фридрихъ Вильгельмъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ наскоро набросаннымъ компромиссомъ между старымъ и новымъ порядкомъ. Но послѣдующія десятилѣтія показали, что имперская конституція явилась лишь федеративной маской прусской гегемоніи, санкціей прусскаго партикуляризма, признавшаго и за прочими нѣмецкими государствами нѣкоторыя права на партикулярнстическое существованіе. Въ центрѣ конституціи мы видимъ прежде всего сложный институтъ, представляемый королемъ прусскимъ, который въ то же время есть германскій императоръ. При возникновеніи этого института ближайше заинтересованныя въ немъ лица находились въ полномъ недоумѣніи насчетъ того, что принесетъ имъ ихъ новый титулъ. Изъ дневника императора Фридриха, изъ семейной переписки Вильгельма I и другихъ источниковъ хорошо извѣстно интимное настроеніе того времени, когда созидалась императорская власть. Такъ, напр., 18 января 1871 г. король Вильгельмъ писалъ изъ Версаля своей супругѣ: „Я не могу тебѣ сказать, въ какомъ ужасномъ настроеніи я находился въ послѣдніе дни, частью въ виду той отвѣтственности, которую мнѣ предстоитъ взять на себя, частью же вслѣдствіе того огорченія, которое вызывается ущербомъ моему прусскому титулу. Я былъ въ такомъ угнетенномъ настроеніи, что хотѣлъ было отказаться отъ престола въ пользу Фрица и только послѣ горячихъ молитвъ снова овладѣлъ собою“.

Таково было настроеніе какихъ-нибудь 30 лѣтъ тому назадъ, а въ настоящее время мы наблюдаемъ фактъ поразительнаго роста и вліянія императорской власти въ Германіи.

Истекшій вѣкъ, въ серединѣ котораго носились съ мечтами о германской республикѣ, закончился такимъ подъемомъ императорской власти, что кругомъ не перестаютъ раздаваться жалобы на все разростающійся абсолютизмъ, на доминирующую силу „личнаго правленія“, жалобы не только въ либеральной и демократической средѣ, но и среди наиболѣе преданныхъ королю юнкеровъ и консерваторовъ.

Субъектомъ политическаго и гражданскаго управленія въ имперіи, съ формальной точки зрѣнія, является Союзный Совѣтъ, рядомъ съ которымъ конституціей поставленъ рейхстагъ. Союзный Совѣтъ есть продолженіе стараго Союзнаго Сейма. Но съ устраненіемъ Австріи Пруссія получила преобладающее главенство. Въ Союзномъ Совѣтѣ она, правда, имѣетъ всего 17 членовъ изъ 58, что въ сущности не соотвѣтствуетъ ея силѣ и народонаселенію; но распредѣленіе остальныхъ членовъ Совѣта между 24 болѣе и менѣе мелкими союзными странами и разъ навсегда утвержденное за Пруссіей президентство въ Совѣтѣ дѣлаетъ почти невозможнымъ образованіе въ немъ анти-прусскаго большинства. Если принять далѣе въ соображеніе, что руководящіе министры союзныхъ государствъ лишь очень рѣдко присутствуютъ въ Союзномъ Совѣтѣ, между тѣмъ какъ прусское правительство въ немъ всегда на лицо, что въ рейхстагѣ онъ обыкновенно представляется назначенными отъ императора канцлеромъ и статсъ-секретарями, что представитель меньшинства въ тайно засѣдающемъ Союзномъ Совѣтѣ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ рѣшается выступить на публичной аренѣ рейхстага,—если принять во вниманіе всю эту преобладающую прусскую атмосферу, то нельзя будетъ не признать за Союзнымъ Совѣтомъ значенія коллегіи, которая прилежно приготовляетъ и разрабатываетъ законы, но не обладаетъ собственной, неоспоримой инціативой. Президентъ, представляющій эту коллегію, гораздо сильнѣе ея, потому что онъ несмѣняемъ, неприкосновененъ.

Этотъ президентъ—прусскій король и германскій императоръ. Мы видѣли выше, что императору принадлежитъ право назначенія и увольненія имперскаго канцлера. Вслѣдствіе этого не въ Союзномъ Совѣтѣ, а въ рукахъ императора фактически сосредоточиваются важныя функціи исполнительной власти. Назначеніе и увольненіе канцлера—моменты болѣе серьезные, чѣмъ внесеніе законопроектовъ или же производство займовъ, для чего требуется согласіе Союзнаго Совѣта. Связанный съ канцелярской должностью личный суверенитетъ императора въ достаточной степени характеризуетъ его роль въ имперскомъ управленіи. Припомнимъ внезапную отставку кн. Бисмарка, противъ которой не могло бы ничего подѣлать громадное непрусское большинство Союзнаго Совѣта даже въ томъ случаѣ, если бы оно захотѣло удержать въ должности прославленнаго героя нѣмецкаго объединенія. Но оно не вправѣ и заявлять о такихъ желаніяхъ.

Обстоятельства гораздо болѣе благопріятствовали росту этого вліянія, чѣмъ развитію конкурирующихъ съ нимъ

политическихъ факторовъ и спеціально росту германскаго парламентаризма. Этому послѣднему всего какихъ-нибудь 30 лѣтъ отроду, и онъ далеко не отражаетъ въ себѣ той единой народной воли, о которой мечтали старые конституціоналисты. То, что онъ въ себѣ отражаетъ, есть борьба всевозможнаго рода политическихъ, экономическихъ и вѣроисповѣдныхъ началъ, борьба классовъ и партій, которые въ лучшемъ случаѣ можно свести къ большимъ группамъ: юнкерство, буржуазія и пролетаріатъ, и посреди нихъ въ мефистофелевской роли сложенный изъ всѣхъ такихъ элементовъ католическій „центръ“. Нѣмецкая буржуазія съ теченіемъ своего роста столкнулась съ ростомъ пролетаріата. Въ борьбѣ съ нимъ она оставила начатую работу устраненія стараго порядка и объявила патентъ на особую монархическую преданность, которая составляла старую привилегію юнкерства. При условіяхъ такой конкуренціи не могла не крѣпнуть императорская власть, окружая себя ореоломъ имперіализма и т. п. соціальнаго царства. Въ этой конкуренціи заключенъ источникъ роста императорской власти, но и причина ея слабости. Всѣмъ хорошо извѣстно, что даже такой автократически настроенный монархъ, какъ Вильгельмъ II, не въ состояніи провести все, что онъ хочетъ.

Категорическій императивъ императора находитъ свои границы въ не менѣе категорическихъ требованіяхъ разныхъ классовъ и партій. Но какъ бы то ни было, многосистемность и многопартійность молодого германскаго парламента затрудняетъ рѣшеніе проблемы парламентскаго большинства и сильно парализуетъ инициативу германскаго парламентаризма вообще. Рейхстагъ, согласно конституціи, имѣетъ гораздо больше правъ, чѣмъ онъ фактически въ состояніи использовать. Конституція предоставляетъ ему право законодательной инициативы, но разношерстный его составъ дѣлаетъ это почти невозможнымъ; вся инициатива фактически перешла въ руки правительства, и рейхстагъ свелся къ простой роли совѣщательнаго учрежденія.

II.

Всеобщее избирательное право.

Какъ ни легко, на первый взглядъ, досталось нѣмцамъ всеобщее избирательное право, но его введеніе не было продуктомъ каприза или личнаго благорасположенія, а необходимымъ результатомъ долгаго историческаго процесса.

Ставъ на сторону системы всеобщаго избирательнаго права, Бисмаркъ, конечно, менѣе всего руководился сентименталь-

ными соображеніями о расширеніи народныхъ правъ. Но онъ зналъ, что только такая система способна популяризировать въ массахъ его Новый Союзъ и въ то же время послужить надежнымъ оплотомъ противъ партикуляристическихъ стремленій отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ. Однако, когда рѣчь зашла о всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ, какъ основѣ для конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, то со стороны консерваторовъ были возбуждены противъ этого различныя сомнѣнія. Эти сомнѣнія раздѣлялись даже многими національ-либералами, которые раньше не уставали рекламировать идею всеобщаго избирательнаго права для излюбленной ими проповѣди національнаго единенія. Особенно черныя перспективы рисовалъ извѣстный историкъ фонъ-Зибель, предсказывая „диктатуру демократіи“, какъ плодъ всеобщаго избирательнаго права. Въ достопамятныя засѣданія 21 и 28 марта 1867 года Бисмаркъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ возразилъ своимъ оппонентамъ: „Всеобщее избирательное право есть какъ бы наслѣдіе, перешедшее къ намъ отъ нѣмецкихъ объединительныхъ стремленій. Мы имѣли его въ имперской конституціи, какъ она была проектирована франкфуртскимъ парламентомъ, мы противопоставили его въ 1863 году австрійскимъ стремленіямъ, и я могу только сказать слѣдующее: я, по крайней мѣрѣ, не знаю лучшаго избирательнаго закона... Конечно, онъ имѣетъ много недостатковъ, и эти недостатки мѣшаютъ ему вполнѣ отражать и en miniature воспроизводить дѣйствительное, разумное и справедливое мнѣніе народа; союзныя правительства и не прикованы къ нему въ такой мѣрѣ, что не предпочли бы всякій другой законъ, котораго преимущества не подлежали бы никакому сомнѣнію... Мы просто взяли то, что было на лицо, убѣжденные, что именно такой законъ всего цѣлесообразнѣе, что на немъ намъ всего легче будетъ согласиться,—и всякія заднія мысли намъ были совершенно чужды. Что же хотятъ взамѣнъ его предложить тѣ господа, которые его оспариваютъ, и что могутъ они предложить въ этотъ рѣшительный и безотлагательный моментъ? Неужели прусскую трехклассную систему? Но, господа, кто близко наблюдалъ вліяніе этой системы и всего того положенія, которое она создаетъ въ странѣ, тотъ долженъ будетъ сказать, что болѣе безсмысленнаго и болѣе жалкаго избирательнаго закона не было придумано ни въ одномъ государствѣ! Вѣдь этотъ избирательный законъ рветъ въ клочки все тѣсно между собою связанное и валитъ въ одну кучу людей, ничего общаго между собою не имѣющихъ, каждую общину мѣряетъ общей мѣркой... Если бы изобрѣтатель этого закона могъ себѣ представить

его практическое дѣйствіе, то онъ отказался бы отъ него. Совершенно такая же произвольность и въ то же время тяжелая несправедливость заключены во всякой системѣ, основанной на матеріальномъ цензѣ,— несправедливость, наиболѣе чувствительная тамъ, гдѣ прерывается цензъ и начинается устраненіе отъ выборовъ. Вѣдь не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, каждаго исключеннаго успокаивать тѣмъ, что, такъ какъ онъ не вноситъ государству такую же подать, какъ его сосѣдъ,—а онъ ее охотно бы платилъ, если бы располагалъ большимъ имуществомъ,—то онъ долженъ быть илотомъ и политически безправнымъ въ этомъ самомъ государствѣ...“

Въ дѣйствительности же Бисмаркъ руководился другими соображеніями, кромѣ соображенія „справедливости“. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена все озлобленіе Бисмарка было направлено противъ либеральной буржуазіи. Онъ полагалъ, что съ помощью всеобщаго избирательнаго права ему легче удастся обезпечить себѣ въ Пруссіи болѣе податливую палату депутатовъ. Эту мысль онъ вскользь проронилъ и въ бесѣдѣ съ Ф. Лассалемъ, да и основанное на плебисцитѣ господство Наполеона III подогрѣвало въ немъ такое убѣжденіе. Когда онъ впослѣдствіи убѣдился, что можно хорошо править и сообща съ буржуазіей, если только считаться съ ея интересами, то вопросъ о способахъ ея избранія потерялъ для него жгучій интересъ.

Въ имперской конституціи право всеобщаго голосованія формулировано слѣдующимъ образомъ: „Рейхстагъ составляется путемъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ“. Всеобщій характеръ избирательнаго права въ рейхстагъ нужно, впрочемъ, понимать cum grano salis. Изъ этого права исключены прежде всего безусловно всѣ женщины, далѣе всѣ мужчины, не достигшіе 25-лѣтняго возраста, а также тѣ изъ мужчинъ, надъ имуществомъ которыхъ объявленъ конкурсъ, которые находятся подъ опекой, подъ призрѣніемъ для бѣдныхъ и подъ надзоромъ полиціи. Исключаются изъ права выборовъ, сверхъ того, лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ, и лица, не внесенныя почему-либо въ избирательные списки. Въ виду всего этого оказывается, что, напримѣръ, на выборахъ 1903 года могла бы выбирать приблизительно каждая пятая душа населенія Германіи, а въ дѣйствительности выбирала только каждая седьмая душа. При общемъ числѣ 12,531,248 законныхъ избирателей было всего подано 9,533,794 голоса.

Мы имѣемъ передъ собою цифру избирателей свыше $12^1/_2$ милліоновъ. Обыкновенно принято говорить, что всѣ они пользуются равнымъ избирательнымъ правомъ. На са-

момъ же дѣлѣ это не такъ. Въ приведенной выше формулировкѣ 20-й статьи имперской конституціи говорится о „всеобщемъ, прямомъ и тайномъ“ избирательномъ правѣ, но нѣтъ упоминанія о „равномъ“ избирательномъ правѣ. Допустить, что это недосмотръ, трудно, такъ какъ люди, вырабатывавшіе конституцію, были очень испытаны въ формальныхъ вопросахъ. Также трудно предположить здѣсь какую-нибудь злостность со стороны законодателей, такъ какъ при первоначальномъ введеніи избирательнаго права подавляющее большинство законодателей исходило изъ представленія о полномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ. Неупоминаніе равенства избирательныхъ правъ объясняется несомнѣнно тѣмъ, что при существующей системѣ выборовъ по отдѣльнымъ кругамъ полное равенство неосуществимо; оно было бы возможно лишь при системѣ пропорціональныхъ выборовъ не по округамъ, а на всемъ нераздѣльномъ протяженіи государственной территоріи.

Такимъ образомъ, относительное равенство избирательнаго права находится въ тѣсной связи съ относительнымъ равенствомъ въ дѣленіи избирательныхъ округовъ. Избирательный законъ отъ 31 мая 1869 года, къ которому (закону) относится и упомянутая 20 статья имперской конституціи, гласитъ въ своемъ § 5: „Въ каждомъ союзномъ государствѣ, среднимъ числомъ на 100,000 душъ того народонаселенія, которое было положено въ основу выборовъ къ конституирующему рейхстагу, выбирается одинъ депутатъ. Излишекъ не менѣе чѣмъ въ 50,000 душъ всего населенія приравнивается къ полнымъ 100,000 душъ. Въ союзномъ государствѣ населеніе котораго не достигаетъ 100,000 душъ, выбирается одинъ депутатъ... Увеличеніе числа депутатовъ вслѣдствіе растущаго народонаселенія опредѣляется особымъ закономъ“. Такое законодательное регулированіе числа депутатовъ сообразно съ ростомъ населенія, слѣдовательно, регулированіе избирательныхъ округовъ подчеркивается и въ 20 ст. имперской конституціи, а между тѣмъ до сихъ поръ не было издано по этому поводу ни одного закона. Въ дѣйствительности и нынѣ основой для выборовъ въ имперскій рейхстагъ служитъ установленное въ 1867 и 1871 годахъ распредѣленіе избирательныхъ округовъ.

Въ государствахъ Сѣверо-Германскаго Союза количеству народонаселенія соотвѣтствовало 297 депутатовъ, причемъ на долю Пруссіи приходилось 235, на Саксонію 23, на Гессенъ 3, на Мекленбургъ-Шверинъ 6, на Саксенъ-Веймаръ 3 депутата и т. д. Тѣмъ временемъ, послѣ 1871 года, вслѣдствіе присоединенія къ Союзу Баваріи, Вюртемберга и другихъ южно-нѣмецкихъ государствъ, число избирательныхъ

округовъ дополнительнымъ закономъ было увеличено. Бавaрія получила 48, Вюртембергъ 17, Баденъ 14, а великое герцогство Гессенъ къ югу отъ Майна 6 избирательныхъ округовъ; послѣ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи и эти страны получили свое представительство въ имперскомъ рейхстагѣ. Отсюда получилась та цифра депутатовъ въ 397, которые еще теперь составляютъ представительство всей Германіи въ рейхстагѣ.

Цифра 397 соотвѣтствуетъ числу населенія въ 39,700,000 душъ, которыя насчитывались въ Германіи въ 1871 году. Если и тогда допущены были разныя неровности въ распредѣленіи избирательнаго права между городскими и сельскими округами и между разными союзными государствами Германіи, то все же слѣдуетъ признать, что новая имперія получила свою парламентскую организацію въ общемъ сообразно съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права.

Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе 30 лѣтъ, и вмѣсто 39 милліоновъ Германія уже въ 1900 году насчитывала 56,367,000 душъ населенія. Если бы приступить къ выполненію предписаннаго избирательнымъ закономъ 1869 года постановленія о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ, то рейхстагъ, вмѣсто 397 депутатовъ, долженъ былъ бы теперь состоять приблизительно изъ 530 членовъ. Невыполненіе же этого постановленія, — вопреки настойчивымъ и многократнымъ требованіямъ либеральной и демократической оппозиціи въ рейхстагѣ,—на самомъ дѣлѣ повело къ большой несправедливости и неравенству избирательнаго права, отъ которыхъ всего сильнѣе страдаютъ округа съ чрезвычайно возросшимъ промышленнымъ населеніемъ. Съ другой стороны, этотъ же порядокъ является своего рода преміей для сельско-хозяйственныхъ округовъ за ихъ большую отсталость сравнительно съ центрами нѣмецкой обрабатывающей промышленности.

Приведемъ для иллюстраціи нѣкоторыя цифры изъ избирательной статистики. Въ Берлинѣ 1,889,000 душъ (по переписи 1900 года) выбираютъ всего 6 депутатовъ въ рейхстагъ, между тѣмъ 1,887,000 душъ населенія познанской провинціи выбираютъ 15 депутатовъ. Такимъ образомъ, берлинецъ имѣетъ только $^2/_5$ избирательныхъ правъ сравнительно съ познанцемъ. Въ В. Пруссіи 1,997,000 жителей выбираютъ 17 депутатовъ, а Вестфалія должна довольствоваться точно такимъ же числомъ депутатовъ при 3,188,000 жителей. Слѣдовательно, вестфалецъ означаетъ приблизительно дробь въ $^3/_5$ сравнительно съ восточнымъ пруссакомъ. Весь промышленный западъ Германіи таксируется много ниже сельскохозяйственнаго востока.

Такимъ образомъ въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о равномъ избирательномъ правѣ. При существующемъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ фактически установилась привилегія плюральнаго избирательнаго права для сельско-хозяйственныхъ областей Германіи въ ущербъ ея промышленному городскому населенію. Эта чрезвычайная привилегія, дѣйствительно, представляетъ собою политическую премію за отсталость, за бѣгство изъ деревень, за крупнопомѣстное владѣніе и хозяйство. А между тѣмъ, она противорѣчитъ и смыслу и духу всей конституціи, требованіе которой относительно увеличенія числа депутатовъ сообразно съ ростомъ населенія до сихъ поръ тщетно ждетъ своего выполненія. Не трудно догадаться—почему. Правильное распредѣленіе округовъ и тѣсно связанное съ этимъ установленіе системы пропорціональныхъ выборовъ привело бы къ радикальному измѣненію въ соотношеніи политическихъ партій. Центръ тяжести и политическаго вліянія былъ бы перенесенъ, конечно, далеко не въ пользу тѣхъ партій, которыя въ настоящее время, благодаря искусственному механизму выборовъ, продолжаютъ еще поддерживать свое былое могущество и на весь строй парламентской жизни и политики кладутъ тотъ охранительный и, большею частью, реакціонный отпечатокъ, который въ сущности не соотвѣтствуетъ болѣе фактическому соотношенію общественныхъ силъ въ странѣ. Отъ реформы избирательнаго права въ духѣ новаго распредѣленія округовъ и пропорціональности выборовъ выиграла бы, главнымъ образомъ, соціалъ-демократическая партія. Ея парламентская фракція должна бы состоять теперь изъ 126 депутатовъ, а не изъ 81, которыхъ партія провела на выборахъ 1903 года. Благодаря указаннымъ причинамъ и благодаря коалиціи буржуазныхъ партій на перебаллотировкахъ, представительство соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ сокращено на цѣлую треть сравнительно съ ея значеніемъ въ составѣ избирателей.

Предложенія о новомъ перераспредѣленіи избирательныхъ округовъ неоднократно вносились либеральными и демократическими партіями и въ рейхстагъ и въ прусскій ландтагъ, но всегда встрѣчали рѣшительную оппозицію со стороны консерваторовъ, заинтересованныхъ въ господствующемъ теперь порядкѣ вещей.

На старости лѣтъ кн. Бисмаркъ проникся нѣкоторымъ скептицизмомъ по отношенію къ своему собственному дѣтищу — ко всеобщему избирательному праву, и въ своихъ мемуарахъ спеціально указывалъ на тайную подачу голосовъ, какъ на нѣчто несовмѣстимое съ лучшими особенно-

Адольфъ Штекеръ,
антисемитъ.

стями германской натуры. И въ литературѣ государственнаго права конституціонныхъ странъ сильно расходятся мнѣнія по этому вопросу. Требованіе тайной подачи голосовъ обыкновенно выступаетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ избирательное право имѣетъ широкое примѣненіе и гдѣ на лицо имѣются глубокіе общественно-политическіе и соціальные контрасты. Въ такихъ случаяхъ тайное голосованіе является средствомъ охраны экономически слабыхъ классовъ отъ болѣе сильныхъ; оно обезпечиваетъ первымъ возможность безпрепятственнаго выраженія своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Въ Германіи нѣтъ недостатка въ такихъ контрастахъ, и потому мы встрѣчаемъ здѣсь также рѣзкую борьбу партій за и противъ тайной подачи голосовъ. Однѣ добиваются ея отмѣны, маскируя дѣйствительные мотивы своего домогательства требованіями „честности“ и „прямоты“ въ выраженіи избирателемъ своего мнѣнія; другія, напротивъ, требуютъ еще большихъ гарантій для тайнаго голосованія, которое, по ихъ мнѣнію, при чрезвычайной экономической зависимости милліоновъ избирателей, только и способно обезпечить выраженіе внутренняго убѣжденія и подлинныхъ политическихъ взглядовъ. Актами парламентской комиссіи, на которой лежитъ провѣрка выборовъ, засвидѣтельствовано, что цѣлый рядъ промышленныхъ центровъ терроризируется предпринимателями въ смыслѣ избранія угодныхъ имъ кандидатовъ; управляющіе имѣніями, экономы, инспекторы и сельскіе старосты обрабатываютъ избирателей въ пользу консервативныхъ кандидатовъ; у помѣстныхъ слугъ и сельскихъ рабочихъ отнимаются одни избирательные бюллетени и взамѣнъ ихъ навязываются другіе. На громадныя телѣги нагружаются сельскіе избиратели и, точно овцы, везутся въ отдаленный избирательный пунктъ, гдѣ передъ входомъ въ избирательный локалъ снова производится ревизія бюллетеней. Подъ испытующими взорами тѣхъ же помѣщичьихъ управляющихъ, инспекторовъ и пр., составляющихъ выборное бюро, эти „вольные“ избиратели кладутъ сложенный бюллетень въ какую-нибудь бумажную картонку, деревянный ящикъ или сигарочную коробку, служащія вмѣсто избирательной урны. Само собою разумѣется, что такого рода избирательныя махинаціи совершаются главнымъ образомъ въ деревняхъ, и потому аграріи и консерваторы всегда всѣхъ больше противились установленію болѣе надежныхъ гарантій тайнаго голосованія. Уголовный кодексъ, правда, караетъ каждаго, кто „насиліемъ или же угрозой наказуемаго дѣйствія препятствуетъ нѣмцу выполнять свои гражданскія права при выборахъ и голосованіи“. Но въ законѣ нѣтъ никакихъ поста-

новленій на тотъ счетъ, если предприниматель, чиновникъ и разныя власти предписываютъ зависимымъ отъ нихъ избирателямъ выбирать опредѣленнаго кандидата. Обыкновенно такія предписанія и положенія дѣлаются въ довольно отеческой, а потому ненаказуемой формѣ; но если они остаются невыполненными, то за этимъ слѣдуетъ вполнѣ недвусмысленное увольненіе отъ работы или отставка отъ должности, въ лучшемъ случаѣ—худшая работа и менѣе привлекательная должность. Извѣстно, что при прусскомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Путкамерѣ (зятѣ Бисмарка) давленіе на выборы было возведено въ систему. Тогда было открыто возвѣщено, что долгъ чиновниковъ, который они подкрѣпили служебной присягой, долженъ распространяться и на отстаиваніе общей политики правительства при выборахъ. Этотъ указъ нашелъ себѣ самое широкое примѣненіе въ печальной памяти періодъ исключительныхъ законовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ совершаются въ Германіи выборы, не переставали, конечно, практиковаться и всяческія давленія на нихъ и всяческія злоупотребленія. Это вызывало необходимость въ мѣрахъ къ большему обезпеченію принципа тайной подачи голосовъ. Главнѣйшія попытки реформъ въ этомъ направленіи обязаны, главнымъ образомъ, недавно умершему депутату и вождю Свободомыслящаго союза Риккерту, который неустанно вносилъ въ рейхстагъ предложеніе о введеніи по всей странѣ одинаковыхъ избирательныхъ бюллетеней, одинаковыхъ кувертовъ и, кромѣ того, спеціальныхъ изолированныхъ помѣщеній, гдѣ каждый избиратель ни для кого незамѣтнымъ образомъ могъ бы вложить свой бюллетень въ конвертъ.

Несмотря на очевидную цѣлесообразность такого нововведенія, предложеніе Риккерта въ теченіе многихъ лѣтъ не встрѣчало сочувствія ни со стороны консервативно-аграрныхъ партій, ни со стороны имперскаго правительства. Консервативныя партіи, особенно озлобленныя требованіемъ изолированнаго помѣщенія, весь законопроектъ Риккерта окрестили именемъ „Клозетнаго закона“ (Klosetgesetz). Однако, въ январѣ 1903 г., почти при самой кончинѣ стараго рейхстага, канцлеръ имперіи графъ Бюловъ совершенно неожиданно для всѣхъ оповѣстилъ, что внесетъ въ Союзный Совѣтъ предложеніе объ измѣненіи избирательнаго регламента въ духѣ стараго требованія депутата Риккерта, а въ мартѣ новый регламентъ былъ уже опубликованъ и въ апрѣлѣ принятъ рейхстагомъ и одобренъ Союзнымъ Совѣтомъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ Франція, Испанія и Бельгія, существуетъ законъ, по которому выборы должны произ-

ходить въ воскресный день. Мотивы такого закона заключаются въ желаніи обезпечить трудящимся классамъ возможно болѣе широкое участіе въ выборахъ. Это требованіе находитъ себѣ поэтому въ Германіи наиболѣе горячихъ сторонниковъ въ соціалъ-демократической партіи. Она держится того мнѣнія, что выборы, назначенные въ воскресный или праздничный день, привлекли бы гораздо больше избирателей, чѣмъ это бываетъ теперь. Она полагаетъ, сверхъ того, что выборный день долженъ быть вообще чисто политическимъ днемъ, свободнымъ отъ работы. Остальныя партіи до сихъ поръ противятся этому требованію, опасаясь, что воскресный или праздничный день оттолкнетъ отъ участія въ выборахъ многихъ избирателей, или по религіознымъ причинамъ, или же изъ нежеланія именно въ праздникъ пріобщаться къ акту, который связанъ со всеобщимъ агитаціоннымъ безпокойствомъ и возбужденіемъ. А такъ какъ, по мнѣнію буржуазныхъ партій, такую праздничную чувствительность могутъ обнаружить только ихъ избиратели, то перенесеніе выборной процедуры на воскресный или праздничный день пошло бы въ прокъ лишь одной соціалъ-демократіи. Въ виду этого въ Германіи, вопреки опыту самыхъ набожныхъ странъ, и по сіе время остается въ силѣ порядокъ, согласно которому выборы производятся въ обычный трудовой день и продолжаются съ 10 ч. утра до 6 часовъ, а по новому регламенту 1903 года, до 7 часовъ вечера.

Однимъ изъ очень наболѣвшихъ мѣстъ всеобщаго избирательнаго права въ Германіи является вопросъ о вознагражденіи депутатовъ. Даже такіе умѣренные политики и теоретики конституціоннаго права, какъ профессоръ Георгъ Мейеръ, держатся того мнѣнія, что на право избранія, хоть и не прямо, но косвеннымъ образомъ сильно вліяетъ то обстоятельство, получаютъ-ли или не получаютъ депутаты возмѣщеніе расходовъ, которые вытекаютъ изъ ихъ парламентской дѣятельности. Разъ такого возмѣщенія не существуетъ, то возможность избранія ограничивается тѣми лицами, которыя обладаютъ достаточными средствами, чтобы покрывать расходы по пребыванію въ парламентѣ. Отсутствіе вознагражденія, по мнѣнію Мейера, фактически имѣетъ силу ограниченія права избранія; оно почти равносильно установленію ценза.

Требованіе вознагражденія или, такъ называемыхъ, діетъ для членовъ рейхстага такъ же старо, какъ и самъ германскій рейхстагъ. Еще рейхстагъ Сѣверо-Германскаго Союза въ 1867 году выставлялъ такое требованіе, вызвавшее горячій споръ. Нѣкоторые депутаты отстаивали бездіетность, какъ

коррективъ всеобщаго избирательнаго права, другіе указывали на испытанную систему почетныхъ должностей въ мѣстномъ управленіи, требуя такой же системы для парламента, и вообще объявляли представительство народныхъ правъ чисто аристократическимъ призваніемъ.

Съ другой стороны, правительственный проектъ о бездіетности встрѣчалъ рѣзкую оппозицію многихъ депутатовъ, утверждавшихъ, что всеобщее избирательное право безъ вознагражденія членовъ рейхстага получаетъ совершенно иллюзорный характеръ, такъ какъ при такихъ условіяхъ полученіе мандата становится привилегіей однихъ зажиточныхъ классовъ. Бисмаркъ упорно противился діетамъ и заявлялъ, что въ противномъ случаѣ вся конституція будетъ поставлена на карту. Онъ требовалъ бездіетности, какъ средства противъ чрезмѣрной демократизаціи рейхстага, противъ переполненія его неимущими пролетарскими элементами. Угрозы Бисмарка вынудили большинство согласиться на правительственномъ проектѣ, и такимъ образомъ получилась 32 статья теперешней имперской конституціи, въ силу которой члены рейхстага, какъ таковые, не должны получать никакого вознагражденія или возмѣщенія расходовъ по исполненію ими своихъ парламентскихъ обязанностей. Съ 1874 года была введена единственная льгота для депутатовъ рейхстага, а именно: безплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ теченіе парламентской сессіи. Первоначально льготный проѣздъ не былъ ограниченъ опредѣленными линіями желѣзной дороги, но въ 1884 году и эта льгота подверглась ограниченію. Князь Бисмаркъ пришелъ къ тому убѣжденію, что льготный проѣздъ можетъ служить различнымъ партіямъ и для агитаціонныхъ поѣздокъ по странѣ, что, конечно, не могло приходиться по вкусу желѣзному канцлеру, особенно тогда, когда рѣчь шла объ оппозиціонной агитаціи. Вслѣдствіе этого въ настоящее время депутатъ получаетъ льготный билетъ на проѣздъ только отъ своего мѣста жительства до Берлина.

Германскій рейхстагъ—одинъ изъ немногихъ европейскихъ парламентовъ, въ которыхъ депутаты не получаютъ денежнаго вознагражденія. Даже въ ландтагахъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ повсюду введены діеты въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по размѣрамъ государства. Обдѣленный рейхстагъ не мирится со своей печальной долей и не перестаетъ требовать отъ имперскаго правительства измѣненія 32 ст. конституціи. За время своего существованія рейхстагъ не менѣе 13 разъ громаднымъ большинствомъ постановлялъ резолюціи о введеніи діетъ, но Союзный Со-

вѣтъ каждый разъ оставлялъ эти резолюціи безъ удовлетворенія. Такое отношеніе Союзнаго Совѣта къ рейхстагу тѣмъ поразительнѣе, что сами члены Совѣта получаютъ за свое пребываніе въ Берлинѣ очень высокое вознагражденіе.

Надежды, которыя связывались съ принципомъ безвозмездности депутатовъ рейхстага, не вполнѣ оправдались. Болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя исторія бездѣтнаго германскаго парламентаризма (въ мартѣ 1904 года рейхстагу исполнилось 33 года) свидѣтельствуетъ о постепенномъ ростѣ крайней демократіи. Бездѣтность не помѣшала также неимущимъ капланамъ наполнить и партію, и фракцію католическаго центра. Въ связи съ соображеніями насчетъ спасительнаго значенія возможныхъ ограниченій льготнаго проѣзда, нѣкоторые близорукіе политики отстаиваютъ бездѣтность членовъ рейхстага въ томъ расчетѣ, что она до извѣстной степени сокращаетъ матеріальные рессурсы соціаль-демократической партіи, платящей въ настоящее время своимъ депутатамъ діеты изъ партійной кассы.

Гораздо тяжелѣе отражается бездѣтность на буржуазныхъ партіяхъ. Въ слѣдовавшую за войной 1871 года эпоху національнаго подъема число лицъ, домогавшихся депутатскихъ полномочій, было гораздо больше, и среди нихъ было гораздо большее число претендентовъ, которые могли обходиться безъ діетъ. Въ настоящее же время не рѣдки случаи, когда для кандидатуры въ рейхстагъ приходится вербовать лицъ, состоящихъ депутатами прусскаго ландтага, слѣдовательно такъ или иначе подолгу живущихъ въ Берлинѣ, но получающихъ за это 15 марокъ за каждое засѣданіе. Такого рода совмѣстительно двухъ представительскихъ функцій служить, конечно, въ ущербъ и ландтагу и рейхстагу, засѣдающимъ часто въ одно и то же время, и „двойные мандаты“ дѣйствительно являются однимъ изъ существенныхъ недуговъ нѣмецкаго парламентаризма. Тѣсно связанный съ этимъ, другой недугъ заключается въ томъ безпомощномъ положеніи рейхстага, въ которое онъ то и дѣло попадаетъ благодаря недостаточной наличности депутатовъ для постановленія окончательныхъ рѣшеній. Согласно дѣйствующему уставу парламентскаго дѣлопроизводства, для такого рода рѣшеній требуется, чтобы налицо было абсолютное большинство членовъ рейхстага, слѣдовательно изъ 397 его членовъ не менѣе 199.

Намъ остается еще вкратцѣ упомянуть объ избирательномъ періодѣ, на который выбираются депутаты въ германскій рейхстагъ. Имперской конституціей 1849 года былъ установленъ трехлѣтній періодъ. Это установленіе перешло

затѣмъ и въ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза и Германской Имперіи. Впослѣдствіи, однако, нѣмецкіе патріоты почувствовали въ себѣ призваніе къ самобытному законодательному творчеству и стали измѣнять „наслѣдія“ объединительныхъ стремленій и франкфуртскаго парламента. Такимъ самобытнымъ актомъ было, между прочимъ, удлиненіе избирательнаго періода съ трехлѣтняго срока на пятилѣтній, проведенное такъ называемымъ картельнымъ большинствомъ рейхстага въ 1887 году. Руководящимъ мотивомъ въ этомъ случаѣ было желаніе ограничить избирательную агитацію, которая, по мнѣнію иниціаторовъ реформы, не только приводитъ населеніе въ крайнее возбужденіе, но и на ходъ парламентской дѣятельности вліяетъ неблагопріятнымъ образомъ.

Громадное вліяніе всеобщаго избирательнаго права на народную жизнь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ противоположность отдѣльнымъ союзнымъ нѣмецкимъ государствамъ съ ихъ, большею частью, очень ограниченнымъ избирательнымъ правомъ, только въ имперіи замѣчается атмосфера настоящей политической жизни. Участіе народа въ выборахъ замѣтно растетъ, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями. Правомъ на участіе въ выборахъ пользуется въ среднемъ пятая часть наличнаго населенія Германіи. Но фактически пользуются имъ теперь три четверти всѣхъ законныхъ избирателей. Такъ, въ выборахъ 1890 г. участвовали 71,6— записанныхъ избирателей, въ 1893 г.—72,2%, въ 1898 г.% 68%, а въ 1903 г.—76,1%.

Такимъ образомъ въ общемъ процентъ участія въ имперскихъ выборахъ довольно значителенъ, хотя подверженъ колебаніямъ подъ давленіемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Правда, значителенъ еще и процентъ безучастія и воздержанія отъ выборовъ, но несомнѣнно, что очень большая часть воздерживающихся приходится на тѣ округи, которые являются неоспоримымъ достояніемъ какой нибудь одной партіи. Въ спорныхъ округахъ, изъ-за которыхъ съ большимъ жаромъ борются различныя партіи, процентъ участія въ выборахъ достигаетъ 85 и 86 на 100 законныхъ избирателей. Вообще же причины воздержанія отъ выборовъ довольно разнообразны. Многіе избиратели не располагаютъ достаточною политическою зрѣлостью, чтобы познать все значеніе выборовъ, многіе дѣйствительно стоятъ внѣ партій, иные слишкомъ неподвижны и лѣнивы, чтобы явиться къ урнѣ, а многимъ мѣшаютъ ихъ занятія использовать свое избирательное право. Но наибольшій контингентъ воздерживающихся составляютъ тѣ, которые думаютъ

про себя: „Отъ моего голоса исходъ выборовъ не зависитъ". Это, пожалуй, и вѣрно для тѣхъ округовъ, которые составляютъ прочное достояніе какой-нибудь партіи, но во многихъ другихъ случаяхъ такого рода соображеніе избирателя влечетъ за собою довольно неожиданныя послѣдствія. Вотъ почему уже съ давнихъ поръ антисемитами, этой полити-

Численный составъ парламентскихъ фракцій рейхстага:

ПАРТІИ.	1871	1874	1877	1878	1881	1884	1887	1890	1893	1898	1903
Консерваторы . . .	55	22	40	59	50	78	80	73	72	54	52
Имперская партія .	40	37	38	57	27	28	41	20	28	23	19
Національ-либералы	125	155	132	103	47	51	99	42	53	47	50
Свободомыслящая партія	45	49	35	26	59	67	32	66	24	29	21
Свободомысл. Союзъ	—	—	—	—	—	—	—	—	14	12	9
Народн. п. (демокр.).	2	1	4	4	8	7	—	10	11	8	6
Антисемиты	—	—	—	—	—	—	1	5	16	10	11
Центръ	61	91	93	94	98	99	98	106	96	102	100
Вельфы	9	4	4	10	10	11	4	11	7	9	7
Поляки	14	14	14	14	18	16	13	16	19	14	16
Эльзасъ-лотарингцы	—	15	10	11	15	15	15	10	8	8	10
Датчане	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1
Соціалъ-демократы.	1	9	12	9	12	24	11	35	44	58	81

чески регрессирующей партіей, внесенъ въ рейхстагъ законопроектъ о введеніи, вмѣсто всеобщаго избирательнаго права, всеобщей избирательной обязанности, избирательнаго долга (Wahlpflicht), невыполненіе котораго предполагается считать наказуемымъ въ той или иной формѣ. Этотъ законопроектъ остается покуда подъ спудомъ и въ ближайшее время имѣетъ, вѣроятно, такъ же мало шансовъ на осуществленіе, какъ и

противопоставляемое ему соціалистами требованіе введенія системы пропорціональныхъ выборовъ.

При наличныхъ же условіяхъ пробужденіе и выполненіе „избирательнаго долга“ не обходится безъ очень настойчивыхъ напоминаній, безъ растевеливанія политическихъ инстинктовъ помощью упорной, неустанной избирательной агитаціи. Такое растевеливаніе и связанная съ нимъ агитація

Партіи рейхстага по числу голосовъ,

Годы.	Консерваторы.	Имперск. партія.	Національ-либералы.	Свободом. партія.	Центръ.	Соціалъ-демократы.
1871	536.257	347.864	1.1?8.289	355.700	718.284	101.927
1874	353.395	390.999	1.394.020	470.400	1.438.792	351.952
1877	522.965	424.228	1.446.363	402.700	1.344.415	493.447
1878	742.303	790.062	1.296.137	388.000	1.316.599	437.158
1881	712.185	381.781	614.987	1.096.000	1.177.033	311.961
1884	860.963	387.687	997.633	997.000	1.282.006	549 990
1887	794.103	736.383	1.677.979	986.500	1.516.222	763.128
1890	795.103	482.314	1.177.807	1.159.900	1.342.113	1.427.298
1893	1.038.353	438.435	996.9?0	925.000	1.468.501	1.786.738
1898	859.222	343.642	971.302	558.314	1.455.139	2.107.176
1903	948.448	333.404	1.313.051	542.556	1.875.292	3.010.771

часто носятъ, конечно, грубый, рѣзкій, страстный характеръ, который отталкиваетъ многихъ чувствительныхъ людей и который покуда тщетно стремятся облагородить разныя общества этической культуры. Но, несмотря на всѣ тѣневыя стороны избирательной борьбы, есть все-таки нѣчто грандіозное въ томъ фактѣ, что отъ поры до поры десятки милліоновъ гражданъ обоего пола непосредственно и посредственно проявляютъ съ такой страстностью свой интересъ и участіе въ судьбахъ управленія родиной. Эта борьба встряхи-

ваетъ весь народъ отъ его будничнаго существованія, вноситъ въ него широкую струю гражданскаго и политическаго сознанія, въ какой бы формѣ оно ни выражалось—консервативной или оппозиціонной. Всеобщее избирательное право есть клапанъ, черезъ который проходятъ мысли и настроенія массъ и сквозь который дыханіе народной жизни проникаетъ въ сгущенную атмосферу административныхъ и

полученныхъ ими на выборахъ:

Свободом. Союзъ.	Южно-нѣм. народ. п.	Антисемиты.	Поляки.	Эльзасъ-Лотарин.	Датчане.	Вельфы.
—	18.741	—	176,342	—	18.221	52.341
—	21.739	—	198.442	234.545	19.856	73.436
—	44.894	—	216.157	149.147	17.277	85.591
—	66.138	—	210.062	130.494	16.145	100.288
—	103.422	—	194.894	152.991	14.398	86.704
—	95.891	—	203.188	165.571	14.447	96.388
—	88.818	—	219.973	233.685	12.360	112.827
—	147.570	—	246.773	101.156	13.670	112.675
—	166.757	—	229.531	114.702	14,363	101.810
195682	108.528	284.250	244.128	107.415	15.439	105.161
243230	91.217	244.543	347.784	101.921	14.843	64.133

правительственныхъ канцелярій. Это дыханіе покуда еще не представляетъ собою въ Германіи единообразной мощной народной воли, но Олимпъ политическихъ боговъ все же не отстоитъ уже болѣе такъ недосягаемо высоко и далеко отъ народныхъ низовъ.

Этотъ процессъ постепенной демократизаціи государственной жизни помощью всеобщаго избирательнаго права вызываетъ далеко не безраздѣльное сочувствіе во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества по той простой причинѣ, что

съ ростомъ политическаго вліянія однихъ слоевъ неизбѣжно связано пониженіе такого вліянія и сильная угроза былому, чуть не исключительному, господству для другихъ. Общій характеръ нашего очерка не позволяетъ намъ прослѣдить со всей статической точностью и обстоятельностью всѣ изгибы этого процесса за болѣе чѣмъ 30-лѣтній періодъ существованія германской имперіи и всеобщаго избирательнаго права. Мы ограничиваемся поэтому приведеніемъ здѣсь двухъ суммарныхъ таблицъ, изъ которыхъ одна показываетъ группировку парламентскихъ партій, другая—соотвѣтственную этимъ партіямъ группировку избирательныхъ массъ за указанный періодъ.

Для объясненія колебаній, замѣчаемыхъ въ приведенныхъ таблицахъ, важно знать всѣ обстоятельства, при которыхъ происходили тѣ или другіе выборы. Достаточно обратить вниманіе, какъ отражается на численномъ составѣ соціалъ-демократической фракціи и поданныхъ за партію голосовъ пора исключительнаго закона и, въ частности, паника, вызванная покушеніями 1878 года и слѣдующимъ за ними крестовымъ походомъ противъ „разрушительныхъ стремленій“, а также ужасныя перспективы военнаго разгрома, которыя рисовались въ 1887 году и за которыми слѣдовали выборы подъ давленіемъ всего бюрократическаго и рептильнаго аппарата. Съ наступленіемъ болѣе нормальныхъ условій, т. е. съ упраздненіемъ исключительнаго закона,—къ каковому времени приходится, между прочимъ, и исчезновеніе кн. Бисмарка съ политической арены,—ростъ крайней демократіи совершается съ усиленнымъ и неудержимымъ темпомъ. Одновременно съ этимъ въ эволюціи большинства буржуазныхъ партій замѣчается понижающаяся тенденція, особенно если принять въ расчетъ чрезвычайный ростъ населенія Германіи за послѣднія три десятилѣтія. Въ этомъ именно коренится не только все обостряющаяся классовая борьба, но и растущее нерасположеніе буржуазныхъ партій къ той системѣ избирательнаго права, которая служитъ главнымъ рычагомъ соціальной демократіи въ ея борьбѣ за политическую власть и политическое вліяніе.

За исключеніемъ этой партіи и небольшихъ группъ нѣмецкаго либерализма, въ Германіи нельзя назвать ни одной партіи, которая была-бы теперь безусловной и неизмѣнной сторонницей всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Возможность серьезнаго посягательства на эту нѣмецкую magna charta libertatum не есть лишь страшный призракъ, плодъ разстроеннаго воображенія.

III.

Народно-хозяйственная жизнь.

Вплоть до самой средины прошлаго вѣка въ старой Германіи существовали лишь двѣ—по преимуществу политическія—партіи: консервативная и либеральная. Если ближе присмотрѣться къ этимъ обоимъ противникамъ, то нельзя будетъ не замѣтить, что очень существенные классовые, сословные и экономическіе интересы служили мотивами принадлежности къ тому или другому направленію. Такъ, напр., несомнѣнно, что сильно заинтересованный въ возможно большей свободѣ сношеній торговый классъ, а вмѣстѣ съ нимъ и города стояли въ первыхъ рядахъ тогдашняго либерализма, и также несомнѣнно, что классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, опиравшійся на деревню и бывшій почти единственнымъ носителемъ привилегій увядающей феодальной эпохи, примыкалъ къ знамени консерватизма. Борьба этихъ партій, съ одной стороны за „исторически-благопріобрѣтенныя“, съ другой—за „прирожденныя“, но не реализированныя человѣческія права въ очень значительной степени была матеріальной борьбой, такъ какъ каждое дѣйствовавшее „право“ приносило существенныя выгоды всѣмъ, кто могъ его обратить въ свою пользу. Но какъ бы ни былъ великъ учетъ чисто идеологическихъ мотивовъ,—каковы принципъ авторитаризма и индивидуализма, заложенные въ душу людей психологическіе моменты покоя и прогресса и т. п., — можно, однако, сказать, что линія, раздѣлявшая въ прежнее время обѣ политическія партіи, представляла собою какъ бы громадную горизонтальную, проходившую черезъ всѣ старые классы и сословія. При этомъ не рѣдки были случаи, когда крупные землевладѣльцы и родовые дворяне стояли во главѣ либераловъ, между тѣмъ какъ купцы боролись въ рядахъ консерваторовъ.

Какъ рѣзко отличается отъ этого прошлаго нѣмецкая современность!.. Въ настоящее время мы имѣемъ въ Германіи не двѣ партіи, а около двухъ десятковъ; мы имѣемъ теперь не одну горизонтальную, а около двухъ десятковъ вертикальныхъ линій. Нынѣ почти каждое сословіе, каждый классъ организованы въ особую партію. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ атавизмъ идеологической потребности приводитъ члена одного класса въ ряды чужой для этого класса партіи. Эти случаи такъ рѣдки, что „недоумѣваешь“, когда человѣка со значкомъ „фонъ“ встрѣчаешь на „лѣвой“ сторонѣ, а человѣка съ характернымъ „бюргерскимъ“ именемъ — на сторонѣ крайней

„правой“. И еще больше недоумѣваешь, когда видишь „рабочаго“, который не принадлежитъ къ организованной партіи своего класса.

Причины, обусловившія развитіе такого рѣзко выраженнаго соціально-экономическаго характера въ громадномъ большинствѣ нѣмецкихъ политическихъ партій, не могутъ, конечно, не корениться въ общественно-экономическихъ условіяхъ страны. Поэтому, раньше чѣмъ перейти къ характеристикѣ партій, не лишне будетъ „бросить взглядъ“ на народно-хозяйственную жизнь Германіи.

Народно-хозяйственный обликъ Германіи въ истекшее столѣтіе, особенно во вторую его половину, измѣнился самымъ кореннымъ образомъ, и этотъ процессъ видоизмѣненія— столь быстрый, что трудно охарактеризовать состояніе народнаго хозяйства Германіи за опредѣленный періодъ времени. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего его развитія можно отмѣтить основныя линіи и опредѣленныя тенденціи, налагающія извѣстную печать на всю соціальную и экономическую структуру нѣмецкаго народа.

Къ 1 декабря 1871 г. въ Германской имперіи числилось 41,058,792 души населенія, которое отъ одной переписи къ другой (народныя переписи въ Германіи происходятъ 1 декабря каждаго кончающаго 5 или 0 года) значительно возростало, слабѣе всего, на 3,59%, въ пятилѣтіе отъ 1880 по 1885 годъ и сильнѣе всего, на 7,82%, въ пятилѣтіе отъ 1895 по 1900 годъ. Къ 1 декабря 1900 г. населеніе Германіи достигло 56,367,178 душъ. Колебанія въ приростѣ населенія вызваны не столько измѣненіями въ перевѣсѣ цифры рожденія надъ цифрами смертности, сколько въ колебаніяхъ размѣровъ эмиграціи и иммиграціи.

Съ приростомъ населенія возростала и его плотность: съ 25,96 души на одинъ кв. километръ въ 1871 г. до 104,24 души въ 1900 г. Но плотность населенія различна въ различныхъ частяхъ страны, и въ этомъ сказывается неравномѣрное распредѣленіе его между городомъ и деревней, въ смыслѣ постояннаго роста городского населенія на счетъ деревенскаго. Сельское населеніе во время переписи 1871 г. составляло 26,219,352 души противъ 14,790,298 душъ городского населенія, слѣдовательно 63,9% или почти треть всего тогдашняго населенія Германіи. Несмотря на общій приростъ населенія, сельское населеніе не только относительно, но и абсолютно сокращалось и въ перепись 1900 г. составляло лишь 25,734,103 души противъ 30,633,025 душъ городского населенія, слѣдовательно, всего только 45,7%, даже неполную половину всего населенія Германіи.

Было бы, однако, трудно или совершенно невозможно точнымъ образомъ опредѣлить на основаніи этихъ цифръ профессіональную группировку населенія; его различеніе по мѣсту жительства въ пунктахъ съ населеніемъ менѣе и болѣе 2,000 душъ есть чисто механическое дѣленіе. Гораздо болѣе надежную опору въ этомъ отношеніи представляютъ данныя самой профессіональной переписи. Если мы къ сельскому хозяйству причислимъ лѣсоводство, рыбный промыселъ и садоводство, то въ 1882 г. сельско-хозяйственное населеніе составляло 19,225,455 душъ изъ общаго населенія въ 45,222,113 душъ, между тѣмъ какъ въ 1895 г. оно составляло лишь 18,501,307 душъ изъ общаго населенія въ 51,770,284 душъ, слѣдовательно, за 13 лѣтъ абсолютно сократилось на $^3/_4$ милліона, относительно съ 42,5% на 35,7%. Сокращеніе абсолютной цифры распространяется главнымъ образомъ на группу „зависимыхъ“ (Angehörige) среди дѣйствительно занятыхъ въ сельско-хозяйственныхъ промыслахъ—на рабочихъ и служащихъ, тогда какъ число самостоятельныхъ хозяевъ только относительно сократилось съ 12,3% на 11,5% населенія, абсолютно же нѣсколько возросло: съ 2,288,033 на 2,568,725 душъ.

Этотъ пунктъ имѣетъ существенное значеніе для выясненія вопроса о распредѣленіи земельныхъ имуществъ и происшедшихъ въ этой области измѣненій. Слѣдующая таблица даетъ картину за періодъ отъ одной переписи до другой:

Сельскія хозяйства:	Число хозяйствъ:		На 100 хозяйствъ:	
	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1895 г.
Менѣе 2 гектар.	3.061.831	3.236.367	58,03	58,23
2— 5 „	981.407	1.016.318	18,60	18,28
5— 10 „	554.174	605.814	10,50	10,90
11— 20 „	372.431	392.990	7,06	7,07
21— 50 „	239.887	239.643	4,55	4,31
51— 100 „	41.623	42.124	0,79	0,76
101— 200 „	11.033	11.250	0,21	0,20
201— 500 „	9.814	9.631	0,18	0,17
501—1000 „	3.629	3.608	0,07	0,07
свыше 1000 „	515	572	0,01	0,01
Всего:	5.276.344	5.558.317	100	100

Какъ видно, измѣненія въ размѣрахъ хозяйствъ не очень значительны, такъ что внѣшняя структура сельскаго хозяйства въ этомъ отношеніи едва измѣнилась. Болѣе близкое разсмотрѣніе хозяйствъ въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи приводитъ къ убѣжденію, что мы имѣемъ область съ очень развитымъ крупнымъ землевладѣніемъ на востокъ отъ Эльбы; это царство такъ называемыхъ остэльбскихъ юнкеровъ. Далѣе можно отграничить область съ преобладаніемъ крупно-крестьянскихъ хозяйствъ, распространяющуюся на Шлезвигъ-Гольштинію, Ганноверъ, Вестфалію, Ольденбургъ и Брауншвейгъ. Остальная часть Германіи почти вся состоитъ изъ среднихъ и мелкихъ крестьянскихъ владѣній.

Если внѣшняя структура сельскаго хозяйства въ Германіи въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ и не подверглась большимъ видоизмѣненіямъ, за то внутренняя ея структура очень сильно измѣнилась. Сократившееся сельско-хозяйственное населеніе доставляетъ значительно возросшую массу сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Это объясняется введеніемъ болѣе раціональныхъ способовъ хозяйства и широкимъ примѣненіемъ машинъ. Съ этимъ процессомъ рука объ руку шло и постепенно измѣняющееся представленіе о сущности сельскаго хозяйства. Въ прежнее время земельное владѣніе было основой политическаго вліянія въ государствѣ, источникомъ, изъ котораго помѣщикъ черпалъ средства для „достойнаго его сословія“ существованія, причемъ хозяйство прежде всего должно было доставлять предметы потребленія для своего владѣтеля и его людей. Но постепенно земля превращалась въ источникъ ренты, и вопросъ о чистой прибыли сталъ главнымъ вопросомъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Еще въ концѣ XVIII вѣка никакой „бюргеръ“ не могъ пріобрѣсти въ Пруссіи рыцарскаго помѣстья, въ 80-хъ же годахъ прошлаго столѣтія въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи среди 11,015 помѣщиковъ насчитывалось уже 7,086, почти $^2/_3$ владѣльцевъ бюргерскаго происхожденія.

Послѣ того какъ съ средины прошлаго вѣка и вплоть до семидесятыхъ годовъ цѣны на сельско-хозяйственные продукты постоянно росли, онѣ съ этого времени стали замѣтно падать, благодаря улучшеннымъ способамъ сношеній и открывшейся возможности ввоза болѣе дешевыхъ аграрныхъ продуктовъ изъ Россіи, Индіи, Сѣверной Америки и Аргентиніи. Паденію цѣнъ на міровомъ рынкѣ Германія пыталась противодѣйствовать помощью сельско-хозяйственныхъ пошлинъ, что нѣсколько ослабило, но не помѣшало дальнѣйшему развитію кризиса. Само собою понятно, что съ этимъ процессомъ было связано какъ пониженіе арендныхъ доходовъ, такъ и

уменьшеніе цѣнъ на помѣстья. Задѣтые этимъ владѣльцы тѣмъ сильнѣе ощущаютъ всю тяжесть положенія, что долги, лежащіе бременемъ на имѣніяхъ, и обязательства по уплатѣ процентовъ за эти долги сокращаются далеко не въ той же степени, какъ совершалось паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, пониженіе арендныхъ доходовъ и цѣнъ на имѣнія. Земельная же задолженность росла не только во времена подъема, но и въ пору упадка. Въ Пруссіи, напримѣръ, съ 1 апрѣля 1886 г. до 31 марта 1897 г. было выдано почти на $2^1/_2$ милліарда марокъ болѣе ипотекъ, чѣмъ погашено. Въ этомъ излишкѣ долговъ всего больше приходится на долю крестьянскихъ владѣній; задолженность болѣе крупныхъ имѣній возросла на 18%, крупно-крестьянскихъ—на 37%, мелко-крестьянскихъ—на 55%. Причина этого обстоятельства заключается несомнѣнно въ томъ, что задолженность крупныхъ имѣній, особенно въ Остэльбіи, такъ велика, что дальше трудно итти. На 60% оцѣночной стоимости были въ 1897 г. задолжены въ Пруссіи:

		Въ Остэльбіи:	Въ Вестэльбіи
Изъ крупныхъ имѣній	свыше 1,500 марокъ зем. налога.	54,7%	13.5%
„ крупн. и ср. крестьян.	300—1,500 „ „ „	19,9%	7,5%
„ мелко-крестьянск. .	90— 300 „ „ „	14,8%	10,6%

Съ сокращеніемъ сельско-хозяйственнаго населенія рѣзко контрастируетъ ростъ населенія, живущаго отъ промышленности и торговли. Промышленное населеніе Германіи за одинъ лишь періодъ отъ 1882 до 1895 г. увеличилось съ 16,058,080 на 20,253,241 душу или съ 35,5% на 39,1%; населеніе, живущее отъ торговли и транспортнаго дѣла, увеличилось за тотъ же періодъ съ 4,531,080 на 5,966,846 душъ или съ 10,0% на 11,5%.

Если и въ сельскомъ хозяйствѣ производительность труда достигла громаднаго роста, то въ индустріи этотъ фактъ обнаруживается еще съ большей рельефностью. Приблизительнымъ мѣриломъ индустріальнаго прогресса могутъ служить цифры вывоза, рядомъ съ которыми мы для большей наглядности приведемъ и цифры ввоза.

Въ 1842 г. весь ввозъ въ Германію измѣрялся 566 милліонами марокъ, ея вывозъ—489 милліонами марокъ; въ концѣ вѣка вывозъ возросъ до 4.750 милліоновъ марокъ, а ввозъ превысилъ 6.000 милліоновъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ тѣ времена аграрные продукты составляли еще очень замѣтную долю, почти $^1/_4$ всего вывоза, между тѣмъ какъ въ настоящее время вывозъ предметовъ

продовольствія и сырья составляетъ совершенно ничтожную часть экспорта; аграрные продукты въ гораздо большей мѣрѣ ввозятся, чѣмъ вывозятся. Такъ какъ вывозимые товары составляютъ только очень небольшую часть (самое большее—$^1/_6$ до $^1/_5$) всего товарнаго производства Германіи, то можно себѣ приблизительно представить тѣ размѣры, которыхъ достигла нѣмецкая индустрія.

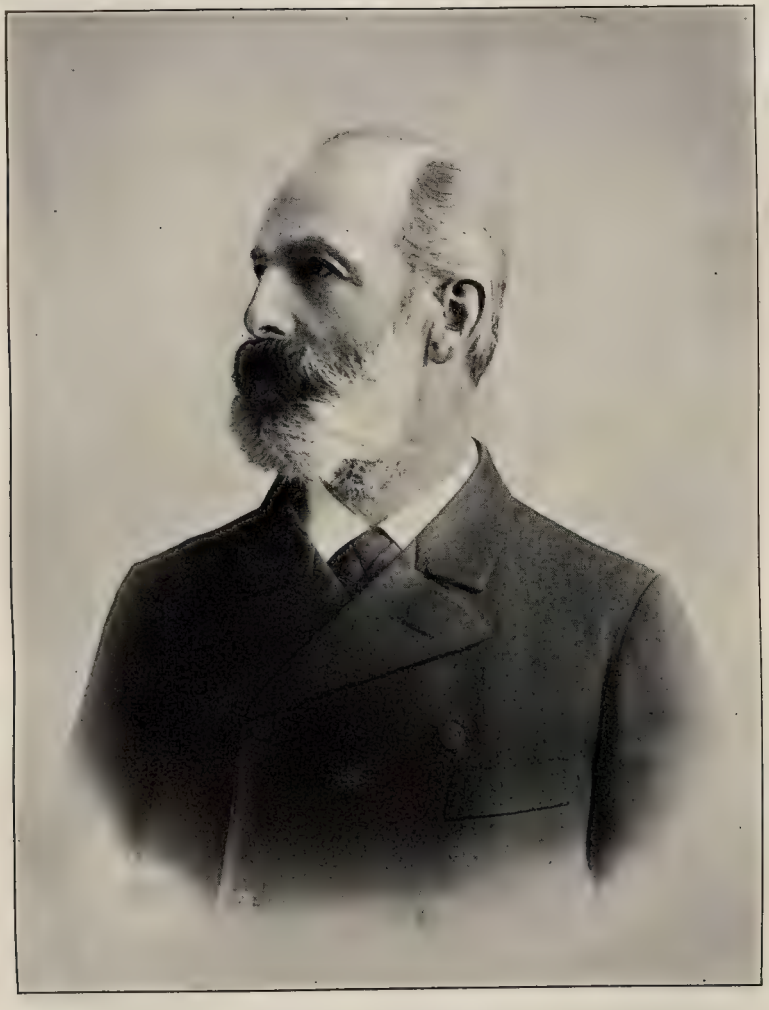
Картина перемѣщенія дѣятельности въ сельскомъ хозяйствѣ, индустріи и торговлѣ вырисовывается еще ярче, если мы станемъ разсматривать занятіе въ промыслахъ населенія. Въ 1882 г. оно составляло почти 19 милліоновъ душъ (18.986.494), а въ 1895 г. почти 23 милліона (22.913.683), слѣдовательно за этотъ періодъ возросло почти на 4 милліона душъ (3.927.189), т. е. на 20,2% при общемъ приростѣ населенія только въ $6^1/_2$ милліоновъ душъ или 14,5%.

Нужно замѣтить, что съ этимъ ростомъ связано относительное уменьшеніе числа зависимыхъ,—обстоятельство, объясняющееся тѣмъ, что дѣти раньше прежняго переходятъ къ самостоятельному промыслу.

Увеличеніе занятыхъ въ промыслахъ приходится почти всецѣло на долю торговли и индустріи. Такъ числилось:

	Занятыхъ въ промыслахъ:		Процентъ всѣхъ занятыхъ:	
	1882 г.	1895 г.	1882 г.	1895 г.
Въ сельскомъ хозяйствѣ. . . .	8.236.496	8.292.692	43,38	36,19
„ индустріи . . .	6.396.465	8.281.220	33,69	36,14
„ торговлѣ и передвиж. . . .	1.570.318	2.338.511	8,27	10,21

Это перемѣщеніе занятій распространяется, однако, не на всѣ промысловыя отрасли въ одинаковой степени; внутри индустріи очень замѣтно оттѣсненіе на задній планъ ремесленныхъ организацій. Процессъ оттѣсненія очевиденъ и изъ данныхъ профессіональной статистики, но далеко не въ той рѣзкой формѣ, какъ это есть въ дѣйствительности. Статистика отмѣчаетъ массу промышляющихъ, какъ категорію экономически самостоятельныхъ, между тѣмъ какъ они находятся въ полной зависимости отъ болѣе крупныхъ предпринимателей и совсѣмъ не являются самостоятельными „ре-



Графъ Каницъ,
вождь аграрной партіи.

месленниками", а только маленькими колесиками въ громадномъ механизмѣ современнаго производства. Къ прямой зависимости т. н. ремесленнаго мастера отъ предпринимателя присоединяется еще его зависимость отъ торговца.

На ряду съ оттѣсненіемъ ремеслъ происходитъ постоянное возрастаніе крупныхъ предпріятій. Этотъ процессъ концентраціи къ началу новаго столѣтія въ текстильной индустріи почти окончательно завершенъ, ручное пряденіе домашней промышленности уже съ давнихъ поръ совершенно вытѣснено, да и въ ткацкомъ промыслѣ имѣются одни жалкіе остатки.

Тотъ же грандіозный процессъ концентраціи замѣтенъ въ желѣзной и въ горной промышленности, а также и въ развитіи акціонерныхъ обществъ въ Германіи, ярко иллюстрирующихъ необычайный притокъ капиталовъ къ нѣмецкой индустріи. Въ связи съ этимъ можно отмѣтить все усиливающуюся тенденцію къ организаціи промышленныхъ картелей на подобіе американскихъ трестовъ. Централизація производства дѣлаетъ благодаря этому дальнѣйшіе успѣхи, такъ какъ производство отдѣльныхъ предпріятій регулируется въ этомъ случаѣ изъ одного общаго центра.

Рука объ руку съ этимъ процессомъ должно было совершаться умноженіе и скопленіе рабочихъ массъ въ фабрикахъ и заводахъ, а также сосредоточеніе извѣстныхъ отраслей промышленности въ опредѣленныхъ пунктахъ; такъ, напр., желѣзная индустрія сосредоточена въ богатыхъ углемъ и рудой провинціяхъ Силезіи, Вестфаліи и Рейнской области. Тогда какъ въ срединѣ прошлаго вѣка въ этихъ провинціяхъ работало всего 69%, т. е. нѣсколько больше $^2/_3$ всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ желѣзной промышленности Пруссіи, въ 1895 г. въ нихъ работало уже 95%, т. е. почти вся рабочая масса этой отрасли промышленности.

Да и самый ростъ рабочихъ организацій есть наглядный признакъ концентраціи рабочихъ массъ. Гдѣ нѣтъ концентрированныхъ промышленныхъ предпріятій, тамъ нѣтъ и сколько-нибудь значительныхъ профессіональныхъ рабочихъ организацій. До 1870 г. мы встрѣчаемъ лишь слабые зачатки такихъ организацій, и только въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ онѣ постоянно росли и принимали значительные размѣры. Слѣдующая таблица даетъ картину ихъ развитія за 12 лѣтъ:

Годы.	Центральныя организаціи.	Число членовъ.	Въ томъ числѣ женщинъ.	Мѣстные Союзы.	Всего.	Состояніе кассы въ маркахъ.
1891	62	277.659	—	10.000	287.659	425.845
1892	56	237.094	4.355	7.640	244.734	646.415
1893	51	223.530	5.384	6.280	229.810	800.579
1894	54	246.494	5.251	5.850	252.044	1.319.295
1895	53	259.175	6.697	10.781	269.956	1.640.437
1896	51	329.230	15.265	5.858	335.088	2.323.678
1897	56	412.359	14.644	6.803	419.162	2.951.425
1898	57	493.742	13.481	17.500	511.242	4.373.313
1899	55	580.473	19.280	15.946	596.419	5.577.547
1900	58	680.427	22.844	9.860	690.287	7.745.902
1901	57	677.510	23.699	9.360	686 870	8.798.333
1902	60	733.206	28.218	10.090	743.296	1.0253.559

Отмѣченныя въ этой таблицѣ профессіональныя рабочія организаціи примыкаютъ къ соціалъ-демократической партіи, сохраняя, однако, полную автономію. Кромѣ нихъ, существуютъ еще т. н. Гиршъ-Дункеровскіе (либеральные) союзы, насчитывающіе около 100,000 членовъ, и съ такимъ же приблизительно числомъ членовъ „христіанскіе“ союзы. Въ общемъ число профессіонально организованныхъ рабочихъ достигаетъ теперь одного милліона.

Отмѣченная въ промышленности концентрація происходитъ и въ области торговли. Выгодами сконцентрированной торговли стараются воспользоваться и потребители, организуясь въ общества для закупокъ и потребленія и также устраняя этимъ путемъ часть торговыхъ посредниковъ. Это

движеніе въ 60-хъ и 70-хъ г. г. было еще очень слабо; оно получаетъ значительные размѣры только въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка. Въ 1870 г. Всеобщій Союзъ нѣмецкихъ товариществъ насчитывалъ 111 потребительныхъ обществъ съ 45,761 членомъ, съ оборотомъ въ 9 милліоновъ марокъ и съ 450,000 м. дивиденда въ пользу членовъ. Дальнѣйшее развитіе этого движенія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Обществъ.	Членовъ.	Оборотъ.	Чистая прибыль.
1880	195	94.366	30.359.000	2.042.543
1890	263	215.420	57.043.537	5.078.085
1900	568	522.116	126.970.187	12.743.520
1901	638	630.785	155.684.048	15.188.616
1902	332	300.721	69.337.136	7.044.889

Цифры послѣдняго года не слѣдуетъ разсматривать какъ регрессъ въ развитіи этихъ учрежденій; онѣ объясняются тѣмъ характернымъ для Германіи фактомъ, что и на этой нейтральной почвѣ не ужились люди разныхъ политическихъ направленій, и большинство соціалистически настроенныхъ потребительныхъ обществъ отдѣлилось отъ „либеральнаго“ Всеобщаго Союза, соединившись въ свою очередь въ Центральный Союзъ. Въ этомъ Союзѣ уже въ 1902 году числилось 503 общества съ 480,916 членами, съ оборотомъ въ 126,326,612 м. и съ чистой прибылью въ 22,911,401 м., такъ что въ общемъ получается оборотъ почти въ 200 милліоновъ марокъ съ чистой прибылью въ 30 милліоновъ. Впрочемъ, въ дѣйствительности число потребительныхъ обществъ гораздо больше приведеннаго здѣсь, такъ какъ далеко не всѣ общества присоединены къ Союзамъ и доставляютъ имъ свои отчеты.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ крупныхъ городовъ (Бреславль, Лейпцигъ, Магдебургъ) и многихъ мелкихъ городовъ, потребительныя общества съ ихъ оборотомъ въ какихъ-нибудь полъ-милліарда марокъ еще не оказываютъ замѣтнаго вліянія на общій складъ торговли. Еще меньше ихъ вліяніе на сферу производства; организованное потребительными обществами производство (т. н. производительныя товарищества вообще не привились, если они не вошли въ составъ потребительныхъ) находится въ Германіи покуда въ зачаточномъ состояніи.

Но оставимъ этотъ лабиринтъ экономической жизни и взглянемъ еще на главнѣйшіе экономическіе классы Германіи, какъ они сгруппированы Зомбартомъ въ его трудѣ о „Народномъ Хозяйствѣ“. Этими классами являются прежде всего буржуазія и пролетаріатъ, далѣе—мелкая буржуазія или ремесленный классъ и то, что здѣсь принято называть юнкерствомъ. Что касается крестьянства, то его нельзя разсматривать какъ особый экономическій классъ, такъ какъ оно не представляетъ собою особой хозяйственной системы и въ своей средѣ заключаетъ очень много экономическихъ различій.

Буржуазію можно подвести подъ слѣдующее численное опредѣленіе:

Собственники предпріятій (исключая сельское хозяйство), въ которыхъ занято болѣе 50 лицъ; такихъ предпріятій числилось въ 1895 г.—18,953. Далѣе — владѣльцы торговыхъ предпріятій, въ которыхъ занято отъ 11 до 50 лицъ: въ 1895 г.—10,023. Изъ прочихъ предпріятій этого размѣра около трети: 23,000 (1895 г.). Изъ болѣе крупныхъ сельскихъ хозяевъ — также треть: 8.000. Такимъ образомъ получается для 1895 г. около 60,000 душъ.

Разсмотрѣніе данныхъ подоходной статистики приводитъ приблизительно къ тому же результату. Доходъ свыше 12,500 марокъ имѣли въ 1901 г. въ Пруссіи 54,959 лицъ, во всей Германіи—90,000 душъ. Если исключить изъ этого числа представителей юнкерства и либеральныхъ профессій, то получится отъ 60 до 70 тысячъ душъ, которыя вмѣстѣ съ „зависимыми“ составляютъ $^1/_4$ милліона буржуа.

Но сюда слѣдуетъ еще отнести мелко-капиталистическія предпріятія, а также много лицъ, выдающихъ себя за ремесленниковъ, далѣе—домовладѣльцевъ и т. п., наконецъ—часть крестьянства. Сюда же слѣдуетъ причислить несамостоятельную категорію лицъ, какъ директора, прокуристы и т. п. въ крупныхъ предпріятіяхъ. Чтобы имѣть цифровую точку опоры, отнесемъ сюда всѣхъ лицъ съ доходомъ свыше

3,000 марокъ; такихъ лицъ, за исключеніемъ уже подсчитанной выше группы съ доходомъ свыше 12,500 м., въ 1901 г. числилось въ Пруссіи 380,737, въ Германіи—650,000, которыя вмѣстѣ съ зависимыми образуютъ отъ 2 до $2^1/_4$ милліоновъ душъ. Такимъ образомъ весь буржуазный классъ будетъ обнимать отъ $2^1/_4$ до $2^1/_2$ милліоновъ душъ, т. е. отъ 4% до 5% всего населенія Германіи.

Классъ пролетаріата получится изъ подсчета:

1. Всѣ занятые по найму въ промышленности, торговлѣ, транспортномъ дѣлѣ и сельскомъ хозяйствѣ	13.438,377
Ихъ зависимые	12.327.571
2. Наемный трудъ смѣняющихся родовъ, домашнее услуженіе и т. п.	432.491
Ихъ зависимые	453.041
3. Всѣ низшіе чиновники, включая унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ арміи	769.822
Ихъ зависимые	270.249
4. Домашняя прислуга	1.339.316
5. Одиночные мастера въ промыслахъ	1.035.580
Ихъ зависимые	1.671.468
6. Хозяева предпріятій съ однимъ лицомъ въ торговомъ и транспорт. дѣлѣ	453.805
Ихъ зависимые	791.372
7. Хозяева предпріятій съ однимъ лицомъ въ домашней индустріи	232.033
Ихъ зависимые	258.232
8. Сельскіе хозяева съ площадью менѣе 2 гектар.	525.297
Ихъ зависимые	1.107.659
Итого „трудящееся населеніе“	35.106.313

т. е. 67,5%, нѣсколько болѣе $^2/_3$ всего населенія.

Тотъ-же результатъ получается и изъ данныхъ подоходной статистики: менѣе 900 марокъ дохода имѣли въ 1895/96 г. въ Пруссіи 21,165,032 души или 68,7% всего населенія Пруссіи.

Подлѣ буржуазіи и пролетаріата остается еще около 14 милліоновъ душъ или 27% населенія, которые въ большей своей части принадлежатъ къ мелкой буржуазіи или ремесленничеству. Сюда относятся:

1. Сельско-хозяйственные ремесленники: самостоятельные крестьяне съ земледѣльческою площадью отъ 2 до 100 гектар.	1.995.212
Ихъ зависимые	6.920.028
2. Промысловые ремесленники: а) занятые въ промыслахъ за собственный счетъ въ предпріятіяхъ съ 2 до 5 лицами	586.014
Ихъ зависимые	1.715.129
б) занятые въ промыслахъ за чужой счетъ въ предпріятіяхъ съ 2 до 5 лицами	50.038
Ихъ зависимые	140.522

3. Ремесленники коммерческаго и транспортнаго дѣла: самостоятельные лавочники, рестораторы, извозчики въ предпріятіяхъ съ 2 до 5 лицами	314.836
Ихъ зависимые	817.699
Итого мелкой буржуазіи: . . .	12.539.478

Это составляетъ 24%, почти $^1/_4$ всего населенія Германіи. Если народно-хозяйственное значеніе этого класса все болѣе отступаетъ передъ многочисленнымъ и все увеличивающимся классомъ пролетаріата и растущимъ въ своемъ вліяніи классомъ буржуазіи, то все же его нельзя игнорировать, и съ нимъ приходится еще считаться какъ съ очень важнымъ факторомъ политической жизни. Еще въ гораздо большей степени слѣдуетъ это имѣть въ виду относительно такъ наз. юнкерства. Его численность трудно установить съ точностью; несомнѣнно только, что оно сильно уступаетъ буржуазіи по своему матеріальному могуществу, зато неизмѣримо превышаетъ ее по свему политическому вліянію.

Таковъ приблизительно тотъ операціонный базисъ, на которомъ покоится ростъ и жизнедѣятельность политическихъ партій.

IV.

Консервативная партія.

Главнѣйшими очагами консервативной партіи и староконсервативнаго міросозерцанія вообще являются тѣ области, гдѣ еще преобладаетъ натуральное хозяйство. Все то, что пропитано духомъ чисто капиталистическаго денежнаго хозяйства, претитъ истинному консерватору. Нѣмецкій консерваторъ совсѣмъ не космополитъ, онъ поддерживаетъ „міровую политику“ только изъ тактическихъ партійно-сословныхъ соображеній, онъ въ аграрныхъ вопросахъ сторонникъ самодовлѣющей, внутренне государственной политики, а въ мѣстныхъ дѣлахъ — неограниченный господинъ и такимъ хочетъ навсегда остаться. Кто изъ консерваторовъ остался вѣренъ своему старому быту, продолжаетъ жить сообща съ землей, лѣсомъ, своимъ скотомъ и „опекаемымъ“ имъ сельскимъ людомъ, тотъ не можетъ не импонировать многими чертами своей непосредственной самобытной физіономіи. Среди прусскихъ консерваторовъ есть фигуры, которыхъ стойкость, рѣшимость и настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли способны внушить уваженіе и эстетическое удовлетвореніе даже самому радикальному демократу. Эти

черты обнаруживаются еще съ большимъ эффектомъ въ своемъ сословномъ и классовомъ сочетаніи.

Нѣмецкіе консерваторы, какъ классъ, не знаютъ никакой пощады, чужды всякихъ сентиментальностей, когда рѣчь идетъ о власти, о проведеніи тѣхъ или иныхъ домогательствъ. Не имѣвъ возможности удержаться въ прежней силѣ и на прежнихъ мѣстахъ, потерявъ съ ростомъ королевской власти и правового государства значительную долю своего аграрнаго суверенитета, они сумѣли, однако, по правую сторону Эльбы, цѣною гибели крестьянства, создать себѣ такую мощную позицію, что являются самымъ вліятельнымъ политическимъ классомъ даже въ теперешней объединенной имперіи.

Спеціально въ Пруссіи господствуетъ извѣстное число знатныхъ фамилій, обосновывающихъ свои претензіи на абсолютное владычество тѣмъ фактомъ, что они прикочевали въ Бранденбургъ раньше Гогенцоллерновъ; это свое историческое право юнкерство утилизируетъ всегда съ рѣдкимъ упорствомъ. Оно интригуетъ при дворѣ, царитъ въ арміи и хозяйничаетъ въ административныхъ учрежденіяхъ.

Оно не только не примирилось вполнѣ съ эпохой, послѣдовавшей за 1848 годомъ, но и съ тѣмъ переворотомъ, который, выдвинувъ на арену абсолютную монархію, упразднилъ безграничное многовластіе знати. Оно застряло въ доабсолютистской феодальной эпохѣ и, если не особенно противится конституціонному строю, то только потому, что при условіяхъ подходящей избирательной системы (прусскій ландтагъ) признаетъ конституцію болѣе удобнымъ, чѣмъ абсолютная монархія, средствомъ для возстановленія прежняго неограниченнаго вліянія знати. Прусское юнкерство сумѣло какъ нельзя лучше приспособить парламентскій режимъ для своихъ феодальныхъ цѣлей. Этотъ режимъ не сократилъ его силы по отношенію къ меньшей братіи, значительно усиливъ его вліяніе по отношенію къ правительству и верховной власти. Восточная и Западная Пруссія, Померанія, Познань, Бранденбургъ, Силезія и Мекленбургъ— вотъ тѣ области, которыя въ большей или меньшей степени являются данниками консервативной партіи. Въ прусскомъ ландтагѣ они представлены въ почти безупречной, консервативной чистотѣ, въ рейхстагѣ консервативная партія носитъ болѣе черезполосный характеръ. Главнѣйшія неконсервативныя цифры, обнаруживаемыя въ Познани и Силезіи, слѣдуетъ отнести на счетъ вліянія поляковъ и католическаго центра. Помимо этого слѣдуетъ еще исключить большинство городовъ, въ которыхъ консервативная партія не имѣетъ большого значенія. Сущность консерватизма въ его теперешнемъ видѣ

можно практически свести къ борьбѣ за самосохраненіе прусскаго крупнаго помѣстнаго владѣнія.

Старый господскій слой приблизительно въ 25,000 душъ очутился въ оборонительной позиціи и всѣми силами борется противъ демократизирующихъ вліяній времени. Въ своемъ стремленіи привлечь къ этой борьбѣ необходимыя ему вспомогательныя силы, онъ ищетъ дружескаго союза то съ крестьянами, то съ ремесленниками, порой даже съ промышленными рабочими. Изъ тѣхъ же побужденій онъ заключаетъ союзы съ промышленнымъ капиталомъ и католическимъ центромъ. Онъ лучше всякой другой политической группы усвоилъ искусство приспособленія къ себѣ разныхъ другихъ заинтересованныхъ имъ слоевъ. Для этого ему и самому пришлось въ сильной степени приспособиться.

Вѣдь не лишено извѣстнаго трагизма положеніе, когда гордый знатный господинъ долженъ просить поденщиковъ помѣстной округи о своемъ избраніи, или убѣждать потомковъ нѣкогда экспропріированнаго господскими предками крестьянскаго сословія въ полной тождественности интересовъ знати и крестьянства, или увѣрять сапожниковъ и портныхъ ближайшаго городка въ спасительности старой цеховой организаціи.

Неудивительно поэтому, что юнкеръ такъ сильно недолюбливаетъ всеобщаго избирательнаго права: оно ломитъ его натуру, нарушаетъ ея цѣльность, заставляетъ его кривить душой. Не станешь же передъ избирательнымъ собраніемъ развивать дорогой сердцу принципъ: Autorität, nicht Majorität (власть, а не большинство!) Это можно дѣлать вполнѣ откровенно лишь въ подходящемъ обществѣ, въ такомъ, напр., строго сословномъ парламентѣ, какъ прусская палата господъ. Вообще же, и современному прусскому консерватору приходится пускаться на всякіе демократическіе компромиссы и въ этотъ досадный вѣкъ міровыхъ сношеній, выборнаго права, міровой хлѣбной торговли унижаться до уровня самаго обыкновеннаго агитатора.

Въ своей интересной книгѣ „Demokratie und Kaisertum“ извѣстный національ-соціальный пасторъ Фридрихъ Науманъ отмѣчаетъ слѣдующія ступени въ политическомъ міросозерцаніи консервативной партіи:

1) Помѣстная знать въ качествѣ тѣсно сомкнутаго сословія убѣждена, что она одна хранитъ и руководитъ государствомъ, и что на этомъ основаніи она по отношенію къ самому королю свободна, а, если необходимо, то и оппозиціонна.

2) Помѣстная знать признаетъ фактъ существованія силь-

ной королевской власти и видитъ свою задачу въ поддержаніи королевскаго абсолютизма и вліяніи на него. На этой ступени большинство консерваторовъ стояло въ 1848 г.; какъ роялисты и легитимисты, они противились тогдашнему движенію, они боролись противъ „революціи“, т. е. противъ всякой конституціи.

3) Помѣстная знать подчиняется конституціонному режиму, но и въ условіяхъ этого послѣдняго присваиваетъ себѣ роль особаго заступника монархической преданности, арміи и авторитета. Только на этой ступени слово „Konservativ“ входитъ въ обычное употребленіе.

4) Помѣстная знать, убѣдившись, что королевская власть ищетъ порой поддержки и въ другихъ слояхъ, видитъ себя вынужденной обезпечить свою независимость по отношенію къ коронѣ въ обстоятельной политической, церковной и экономической программѣ. Съ этого момента консервативная партія получаетъ характеръ настоящей политической партіи, и слово „Konservativ“ теряетъ кое-что въ своемъ буквальномъ значеніи. Четвертая ступень въ эволюціи консерватизма идетъ до самаго послѣдняго времени и во многихъ отношеніяхъ походитъ на первую изъ указанныхъ здѣсь ступеней.

Въ нынѣ дѣйствующемъ консерватизмѣ смѣшаны всѣ эти точки зрѣнія. Союзъ между консерватизмомъ и короной является теперь болѣе тѣснымъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ между бывшими и временными противниками. Такъ какъ консервативный слой въ нѣмецкомъ народѣ сумѣлъ обезпечить себѣ поставку главнѣйшаго чиновнаго персонала для всѣхъ отраслей высшаго государственнаго управленія и такъ какъ онъ въ преобладающемъ размѣрѣ представленъ въ офицерскомъ корпусѣ германской и спеціально прусской арміи, то корона въ своихъ дѣйствіяхъ связана съ консервативной аристократіей болѣе, чѣмъ съ какимъ-либо инымъ слоемъ народа. Ни одна политическая группа такъ хорошо не освѣдомлена насчетъ государственныхъ дѣлъ, чѣмъ та, которая поставляетъ почти весь контингентъ прусско-нѣмецкихъ министровъ. Она въ точности знаетъ всѣ детали политики, личныхъ отношеній и правительственныхъ теченій. Поэтому она легко можетъ взвѣсить каждый разъ, что въ данный моментъ достижимо, что нѣтъ. Она почти всегда умѣетъ организовать новые выборы такимъ образомъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ весь правительственный и административный аппаратъ. Этимъ путемъ консервативная партія стяжала себѣ репутацію охранительной по преимуществу. Затушевывая по возможности свои крупно-помѣстныя тенденціи, она подъ личиной исключительной монархической

преданности и патріотизма ставитъ себя въ центрѣ государственной жизни съ девизомъ: „Съ Господомъ Богомъ за короля и отечество!“

Этотъ девизъ есть и по сіе время любимый девизъ прусскихъ консерваторовъ, которые никогда не отличались особенной „національностью“ въ имперскомъ смыслѣ этого слова. Болѣе того: до тѣхъ поръ, покуда національная идея находилась только въ процессѣ развитія, они рѣзко нападали на эту либеральную выдумку.

Даже и послѣ основанія Германской Имперіи, они долго колебались, опереться ли имъ на вновь созданную почву единаго государства. Но прошло немного времени, и они отбросили въ сторону всѣ сомнѣнія. Властные инстинкты привыкшаго къ господству класса заставили ихъ примириться съ новой имперіей, и новый девизъ „за императора и имперію“ рядомъ съ прежнимъ вошелъ въ политическій обиходъ консервативной партіи.

Въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій послѣ основанія Германской Имперіи консервативная партія настолько сжилась съ новымъ порядкомъ, что не считала возможнымъ оставаться безучастной зрительницей всего совершавшагося на аренѣ государственной жизни. Чувство политическаго самосохраненія и глубоко вкоренившіеся властные инстинкты побуждали ее такъ или иначе добиваться своей доли по участію въ руководствѣ дѣлами имперіи. Подъ дѣйствіемъ этихъ мотивовъ совершилось, между прочимъ, и сближеніе консерваторовъ съ доминировавшей въ 70-хъ и 80-хъ г. г. національ-либеральной партіей.

Поводомъ къ тому послужили раздутый въ 1886 г. страхъ французскаго нашествія и затребованныя по этому случаю новыя средства для увеличенія военныхъ силъ Германіи. Подъ вліяніемъ распущенія рейхстага, не согласившагося одобрить военный законопроектъ князя Бисмарка и союзныхъ правительствъ, консервативная и имперская партіи въ началѣ 1887 г. заключили съ національ-либералами такъ называемую картель, обязывавшую эти партіи ко взаимной поддержкѣ общихъ кандидатовъ при предстоявшихъ выборахъ въ рейхстагъ. Соединенныя операціи картельныхъ партій увѣнчались большимъ успѣхомъ: ими было завоевано 220 мандатовъ. Этотъ успѣхъ побуждалъ союзниковъ обратить картель въ постоянное учрежденіе, каковая мысль встрѣчала очень сочувственную поддержку и со стороны имперскаго правительства. Въ ближайшіе годы консервативныя группы и въ самомъ дѣлѣ шли рука объ руку съ національ-

либералами, а на слѣдующихъ выборахъ въ 1890 г. картель была формальнымъ образомъ возобновлена.

Но это уже были выборы, чреватые скорымъ паденіемъ Бисмарка и исключительнаго закона противъ соціалъ демократіи: картель не имѣла прежняго успѣха и принесла союзникамъ только 132 мандата. На ближайшихъ выборахъ 1893 г. она уже вообще не возобновлялась. Впрочемъ, значительная часть консервативной партіи уже гораздо раньше обнаруживала недовольство совершившимся союзомъ съ національ-либералами. Органъ ортодоксальныхъ консерваторовъ „Крестовая Газета“ еще въ 1889 г. формулировалъ противо-естественность этого союза въ слѣдующихъ надменныхъ словахъ: „золото консервативныхъ старо-прусскихъ принциповъ не слѣдуетъ сплавлять съ неблагороднымъ металломъ изъ сокровищницъ либерализма“. Эта полная аристократическаго презрѣнія нота, несмотря на свою архаическую формулировку, въ сущности указываетъ на вполнѣ современную противоположность между соединенными въ общую картель элементами крупно помѣстнаго консервативнаго юнкерства сѣверо-восточной Пруссіи и новымъ классомъ предпринимательской и купеческой буржуазіи средней и западной Германіи. Противоположность эта уже довольна стара, но она выливалась въ особенно острый политическій контрастъ по мѣрѣ того, какъ все труднѣе становилось положеніе сельскаго хозяйства, и все рѣзче опредѣлялись культурныя различія между передовымъ западомъ и отсталымъ востокомъ Германіи.

Проникшись недобрымъ чувствомъ къ картели съ либералами, консервативная партія шла своимъ путемъ, несмотря на всѣ усилія какъ правительства, такъ и самого императора удержать ее въ союзѣ съ умѣреннымъ либерализмомъ. Этотъ путь впрочемъ, какъ оказалось вскорѣ, не носилъ на себѣ печати старо-консервативнаго аристократизма. Въ началѣ 90-хъ гг., въ угоду консервативно-клерикальнымъ поползновеніямъ, внесенъ былъ въ прусскій ландтагъ школьный проектъ, встрѣтившій бурный протестъ со стороны общественнаго мнѣнія. Подъ вліяніемъ этой широкой либерально-демократическої оппозиціи, правительство, по приказанію императора, сняло проектъ съ очереди, что послужило для консервативной партіи толчкомъ къ рѣзкому анти-либеральному повороту въ духѣ того вульгарнаго и по всѣмъ своимъ агитаціоннымъ пріемамъ плебейскаго движенія, которое съ начала 80-хъ гг. все сильнѣе выливалось въ форму германскаго антисемитизма. Это было безотчетное чувство протеста противъ всего хода экономическаго развитія Германіи,—

протеста, направленнаго прежде всего противъ евреевъ, въ которыхъ видѣли какъ бы самыхъ яркихъ представителей этой новой либерально-экономической эволюціи. Любопытно, между прочимъ, что плебейство, охватившее гордыхъ прусскихъ юнкеровъ, въ это самое время ознаменовалось избраніемъ въ депутаты рейхстага пресловутаго и сильно скомпрометированнаго антисемита Альвардта, который, вопреки всѣмъ аристократическимъ традиціямъ, сталъ какъ-бы героемъ консервативной партіи. Эта партія, никогда раньше не унижавшаяся до принципіально-открытой расовой ненависти, на своемъ партейтагѣ въ 1892 г. сочла нужнымъ внести въ новую программу спеціальный антисемитическій пунктъ.

Братаніе съ антисемитами не принесло, однако, счастья консервативной партіи. Весь ближайшій 1893 г. былъ заполненъ новымъ планомъ военныхъ реформъ, важнѣйшимъ элементомъ которыхъ было введеніе системы двухгодичной службы. Если консерваторамъ и претила самая мысль о сокращенномъ срокѣ военной службы, то связанные самыми жизненными своими интересами съ офицерскимъ корпусомъ и всѣми военными учрежденіями, они все же не считали цѣлесообразнымъ изъ-за одного этого пункта жертвовать всѣми милитаристскими выгодами общаго военнаго проекта. Но проектъ встрѣтилъ оппозицію и со стороны большинства партій рейхстага, который вслѣдствіе этого былъ распущенъ. Оказалось, что и антисемиты ударились въ оппозицію, и идя на выборахъ 1893 г. врозь отъ консервативныхъ союзниковъ, сумѣли подъ оппозиціоннымъ флагомъ значительно увеличить число своихъ приверженцевъ изъ среды угнетаемыхъ военнымъ бременемъ „маленькихъ людей“. Вмѣсто 5 человѣкъ, они вернулись въ новый рейхстагъ въ числѣ 16 депутатовъ.

Правда, антисемиты, обѣщавшіе своимъ избирателямъ бороться противъ дальнѣйшихъ военныхъ тяготъ, не сдержали слова и помогли правительству провести его новые планы. Но для консерваторовъ тактическіе пріемы и вѣроломство антисемитскихъ союзниковъ все же были большимъ огорченіемъ и разочарованіемъ. Разочарованіе это усилилось еще, когда оказалось, что антисемиты и не думали раствориться въ консервативной партіи, а вскорѣ начали травить своихъ легковѣрныхъ приверженцевъ противъ „юнкеровъ“ такъ же, какъ раньше травили ихъ противъ евреевъ; высокомѣрные бароны изъ родовой знати были поставлены на одну доску съ заводскими баронами и новоявленной денежной знатью всѣхъ исповѣданій.

Консервативная партія, желавшая уберечь чистое „золото“ своихъ принциповъ отъ сліянія съ неблагороднымъ металломъ либерализма, все же не могла не считаться съ проблемой извѣстной демократизаціи, роковымъ образомъ навязываемой дѣйствіемъ всеобщаго избирательнаго права. Продолжать жить идиллической жизнью „небольшой, но могущественной партіи“ дѣло совершенно невозможное и рискованное, когда на политической аренѣ появились „массы“ и когда, въ силу дѣйствующей избирательной системы, „число“ является рѣшающимъ факторомъ въ ходѣ государственной жизни. При такихъ обстоятельствахъ для консервативной партіи ничего другого не оставалось, какъ перенести центръ тяжести своихъ стремленій въ сферу первичныхъ своихъ интересовъ, въ сельское хозяйство, и мобилизировать всѣ наличные элементы, такъ или иначе связанные съ судьбами сельскаго хозяйства.

Сдѣлать это было не легко, такъ какъ и въ этой области даютъ себя чувствовать различные интересы: какимъ-нибудь двумъ, тремъ десяткамъ тысячъ крупныхъ землевладѣльцевъ противостоятъ массѣ среднихъ и мелкихъ хозяевъ, имѣющихъ съ ними одинаковое избирательное право и одинаковый голосъ. Но до извѣстной поры у всѣхъ ихъ было и нѣчто общее, извѣстная тенденція противоположности ко все болѣе могучему размаху индустріализма и твердое желаніе парализовать конкуренцію иностраннаго сельскаго хозяйства. Этихъ мотивовъ было достаточно, чтобы сообща итти по намѣченному и единственно возможному пути. Изъ этихъ мотивовъ и родилось то аграрное движеніе, которое къ 1893 г. разрослось въ громадную силу подъ знаменемъ „Союза сельскихъ хозяевъ“. Уже осенью этого года, при выборахъ въ прусскій ландтагъ, консервативная партія съ помощью Союза провела значительное число новыхъ кандидатовъ. Руководящіе представители Союза были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ консервативной партіей и потому не могли не наложить на нее печати своей „демократической“ и демагогической агитаціи. Весь прежній обликъ старо-прусскаго консерватизма принялъ совершенно иной характеръ. Тотчасъ обнаружилась рѣзкая враждебность по отношенію къ правительству, которое обвинялось въ индиферентизмѣ къ интересамъ сельскаго хозяйства или въ чрезвычайномъ потворствѣ интересамъ индустріи. Особенно характерно въ этомъ отношеніи поведеніе консервативной партіи въ дѣлѣ проекта средне-нѣмецкаго канала. Этотъ проектъ былъ внесенъ въ прусскій ландтагъ въ 1899 г., очень настойчиво отстаивался тамъ прусскимъ правительствомъ и являлся излюбленной

идеей самого императора, который неоднократно въ милостивыхъ и грозныхъ словахъ агитировалъ въ пользу его немедленнаго осуществленія. Тѣмъ не менѣе консервативная партія демонстративно отклонила проектъ, такъ какъ усматривала въ немъ мѣру, служащую главнымъ образомъ на пользу западно-нѣмецкой промышленности. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такого поведенія консервативная партія должна была нѣсколько поколебать свою старую позицію по отношенію къ правительству и еще болѣе по отношенію къ коронѣ, теперешній носитель которой, какъ извѣстно, имѣетъ обыкновеніе самолично и безъ всякаго министерскаго прикрытія реагировать на текущія политическія дѣла. Въ дѣйствительности, съ этой стороны вскорѣ не замедлилъ воспослѣдовать довольно внушительный протестъ противъ консервативныхъ фрондеровъ; въ 1894 г. императоръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что продолженіе демагогическихъ пропсковъ со стороны консервативной партіи повлечетъ, въ концѣ концовъ, въ упраздненію ея традиціонныхъ узъ съ королевскимъ престоломъ.

Излюбленный проектъ Вильгельма II и по сіе время остается не осуществленнымъ; по старой привычкѣ прусское юнкерство и въ этомъ случаѣ не преминуло противопоставить волѣ короля абсолютизмъ своихъ собственныхъ желаній. Но его правительственные инстинкты все же слишкомъ сильны, чтобы систематическимъ упорствомъ легкомысленно подкапывать старыя, добрыя отношенія къ трону. Правое крыло консервативной партіи, представленное въ группѣ наиболѣе знатныхъ остэльбскихъ аристократовъ, сочло нужнымъ лавировать между правительственными сферами и аграрнымъ задоромъ своихъ односословцевъ. Связанная со всѣми сокровенными помыслами аграрной фронды, эта знать старалась, впрочемъ, умѣрять не столько рѣзкость и рѣшительность самихъ дѣйствій консервативно-аграрной партіи, сколько крайности нѣкоторыхъ ея взглядовъ и мнѣній. Такимъ образомъ, изъ обихода консервативной партіи были, главнымъ образомъ, изъяты послѣдніе остатки политической идеологіи, выражавшіеся въ такъ называемыхъ христіанско-соціальныхъ идеяхъ консервативнаго евангелическаго духовенства. „Христіанско-соціальныя идеи—это вздоръ“, заявилъ однажды Вильгельмъ II, и консервативная партія не замедлила выбросить за бортъ ненужный балластъ своихъ политическихъ стремленій.

Задачи консервативной партіи представляются теперь въ довольно упрощенномъ видѣ. Она не борется болѣе за какую-нибудь общую политическую программу или серьезные

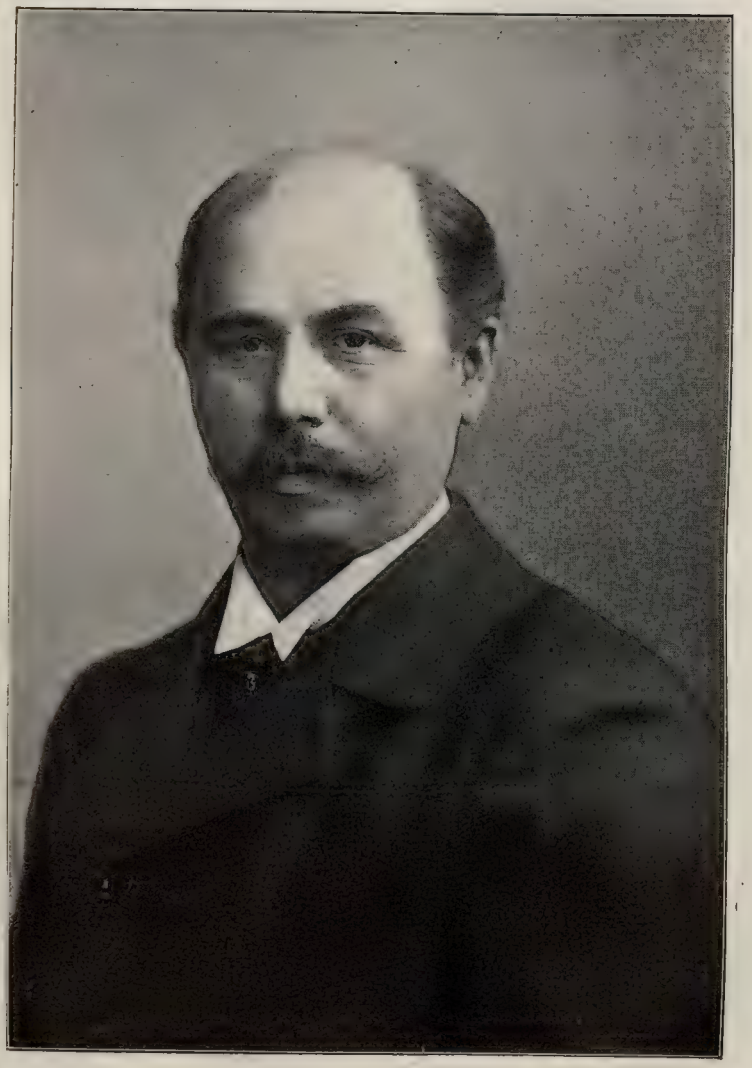
соціальные идеалы; она есть по преимуществу партія сельскихъ хозяевъ. Поэтому въ главнѣйшихъ нѣмецкихъ парламентахъ—прусскомъ ландтагѣ и германскомъ рейхстагѣ—вся дѣятельность консервативной партіи, можно сказать, исчерпывается интересами сельскаго хозяйства, изысканіемъ мѣръ его охраны и покровительства. Начиная съ середины 90-хъ годовъ во всей парламентской жизни Германіи доминируютъ эти интересы. Само собою разумѣется, что и аграрная агитація старается прикрыть наготу классовыхъ интересовъ резонами высокихъ идеаловъ: въ сохраненіи устоевъ сельскаго хозяйства она видитъ залогъ прочности идеаловъ высшей нравственности, религіи и монархіи, оплотъ противъ разрушительныхъ стремленій соціализма. Но за этими нѣсколько неуловимыми мотивами на первый планъ все же выдвигаются всегда чисто аграрныя притязанія, идущія въ разрѣзъ съ ходомъ экономическаго развитія государства, а также съ „міровой политикой“ и разными имперіалистическими тенденціями высшихъ руководящихъ сферъ современной Германіи. Какъ же при такихъ условіяхъ держаться чисто аграрной партіи на прежней позиціи придворныхъ баловней, главной опоры престола и отечества! Это очень жгучій вопросъ въ судьбахъ консервативной партіи, и мы въ дѣйствительности видимъ, какъ она въ послѣдніе годы всячески извивается, чтобы установить достойный для себя modus vivendi: она то выставляетъ на передній планъ съ полной откровенностью свои аграрные интересы, не останавливаясь ни передъ какой оппозиціей вплоть до вѣрноподданнической угрозы „въ случаѣ чего“ перейти въ ряды соціалъ-демократіи, то опять ищетъ сближенія съ правительствомъ и дворомъ и соотвѣтственно этому устанавливаетъ свое политическое поведеніе по отношенію къ разнымъ желаніямъ короны и ея министровъ.

Такая тактика, однако, недостаточно устойчива, чтобы при сильно измѣнившейся обстановкѣ удержать за собою силу и вліяніе „правящей партіи“. Это вліяніе перешло теперь въ значительной степени къ партіи католическаго центра, которая, въ свою очередь, доразвилась до возможности клерикально-консервативной коалиціи въ очень существенныхъ вопросахъ государственной жизни Германіи. Помимо общихъ аграрныхъ точекъ соприкосновенія у главныхъ участниковъ этой господствующей теперь коалиціи есть еще интересы общей борьбы противъ „внутреннихъ враговъ“ во имя религіи, нравственности и проч. Этотъ навязанный исторіей союзъ столько вѣковъ боровшихся силъ—протестантизма и католицизма—центральный органъ прусскихъ юнкеровъ подъ

вліяніемъ результатовъ послѣднихъ выборовъ формулировалъ въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ: „Непреоборимая нужда времени предписываетъ и вынуждаетъ, вопреки всѣмъ сомнѣніямъ, изъять изъ обихода политической жизни старую борьбу между Римомъ и Виттенбергомъ".

Аграрная политика консервативной партіи есть по преимуществу политика интересовъ крупнаго землевладѣнія. Высокія цѣны на хлѣбъ, на скотъ, на животные продукты, сахарныя преміи, привилегіи въ области винокуренія и т. п.—таковы приблизительно центральные пункты такъ называемаго аграрнаго движенія, являющагося какъ бы параллелью къ демократическому движенію промышленнаго пролетаріата. Параллель эта проведена еще дальше, и можно сказать, что роль, которую въ составѣ демократіи играютъ профессіональныя организаціи, въ консервативно-аграрномъ движеніи выполняется союзомъ сельскихъ хозяевъ. Знатные помѣщики—эти „врожденные вожди сельско-хозяйственнаго сословія", создали Bund der Landwirte, въ которомъ находятъ себѣ теперь могучее эхо всѣ аграрныя требованія крупнаго землевладѣнія. За исключеніемъ небольшой части крестьянства въ сѣверной и южной Германіи, все нѣмецкое сельское населеніе и въ самомъ дѣлѣ убѣждено, что его старые враги сдѣлались его искренними друзьями. Въ отношеніяхъ между обѣими сторонами произошла, конечно, значительная перемѣна. До тѣхъ поръ, пока Германія вывозила хлѣбъ, хлѣбные экспортеры были заинтересованы въ расширеніи своихъ земельныхъ владѣній насчетъ смежнаго крестьянства. Но съ тѣхъ поръ, какъ ввозъ хлѣба въ Германію сталъ превышать хлѣбный вывозъ изъ нея и иностранная конкуренція на международномъ хлѣбномъ рынкѣ даетъ себя все сильнѣе и сильнѣе чувствовать,—съ тѣхъ поръ крупный нѣмецкій помѣщикъ отказывается отъ дальнѣйшаго расширенія своихъ помѣстій, примиряется съ фактомъ существованія средняго и мелкаго земельнаго владѣнія и группируетъ всѣ силы, чтобы законодательнымъ путемъ вліять на цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Онъ говоритъ крестьянину: „ты продаешь, правда, меньше моего, но и тебѣ лучше продать по сходной цѣнѣ; поэтому между нами нѣтъ различія"... Эта формула подкупила въ концѣ концовъ и тѣхъ крестьянъ, которые больше покупаютъ хлѣба, чѣмъ продаютъ.

Наряду съ крестьянствомъ основой политическаго вліянія аграрной аристократіи продолжаетъ оставаться масса сельскихъ рабочихъ. Эта наиболѣе обездоленная масса не имѣетъ еще своего прямого представительства въ рейхстагѣ или мѣстныхъ сеймахъ. Тамъ и сямъ удается порой демо-



Профессоръ Пааше,
одинъ изъ вождей національ-либераловъ.

кратіи занять позицію, прорубить брешь на общихъ выборахъ. Въ общемъ же положеніе дѣлъ сравнительно съ прежнимъ мало измѣнилось. Даже крайняя нужда въ рабочихъ силахъ не могла до сихъ поръ принудить юнкерство признать за поденщиками правъ гражданства. Послѣ домашней прислуги сельскіе рабочіе являются единственнымъ въ Германіи классомъ, который лишенъ права коалиціи. Нужду же въ сельскихъ рабочихъ аграріи предпочитаютъ смягчать привлеченіемъ дешевой рабочей силы русскихъ и австрійскихъ подданныхъ и домогательствами въ смыслѣ законодательнаго ограниченія свободы передвиженія сельско-хозяйственнаго населенія.

Ремесленники, мелкіе торговцы, мелкіе чиновники и т. п.— вотъ еще общественныя группы, на которыхъ покоится политическая сила консервативно-аграрной аристократіи. Эти группы въ качествѣ „средняго сословія“ втягиваются въ общее русло консервативной политики не только въ силу строго опредѣленной программы, сколько вслѣдствіе общаго неудовлетворительнаго настроенія, которое питается отрывочными прогрессивными требованіями и агитаціонными аллюрами вродѣ того, что столь многострадальное среднее сословіе и есть, де, подлинная опора престола и отечества. Мы увидимъ, что неоднократно дѣлались попытки кристализировать такъ называемое среднее сословіе въ особую отъ консервативной партіи, независимую партійно-политическую формацію; къ этому сводились усилія антисемитизма. Но до сихъ поръ эти попытки не привели къ прочнымъ результатамъ, и антисемитизмъ, несмотря на свою подчасъ рѣзкую оппозицію аристократическимъ претензіямъ юнкерства, продолжаетъ служить однимъ изъ составныхъ элементовъ общеконсервативной твердыни. Эта твердыня въ прусскомъ ландтагѣ, напр., имѣетъ тѣсно сплоченное представительство, тогда какъ въ рейхстагѣ консерватизму не удалось образовать вполнѣ однородную организацію. Здѣсь онъ фигурируетъ подъ флагомъ партій нѣмецко-консервативной, свободно-консервативной, антисемитовъ и разныхъ крестьянскихъ союзовъ. Проникнутая чисто органическою непріязнью къ индустріи, консервативная партія во всей своей внутренней политикѣ тѣмъ не менѣе тщательно избѣгаетъ формулировать этотъ антагонизмъ во всей его рѣзкости. Ея тактика сводится обыкновенно къ тому, чтобы обострять антагонизмъ между высшимъ и низшимъ промышленными слоями и съ помощью предпринимателей политически „подтягивать“ рабочую массу. Эта тактика ей всегда прекрасно удавалась; реакціонные законопроекты послѣдняго десятилѣтія, въ родѣ

пресловутыхъ Umsturz-Vorlage и Zuchthaus-Vorlage, находили въ классѣ крупныхъ промышленниковъ ревностныхъ сторонниковъ, да и теперешнія аграрныя стремленія къ вздорожанію жизненныхъ продуктовъ встрѣчаютъ съ этой стороны очень дѣятельное сочувствіе.

Въ обоихъ большихъ парламентахъ нѣмецкой революціонной эпохи (1848—49 г.г.), во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ Берлинѣ, насчитывалось очень немного чистыхъ консерваторовъ. Въ прусскихъ ландтагахъ, избранныхъ на основаніи конституціи 1850 г., консервативныя фракціи до 1858 г. имѣли большинство. Съ этого времени и особенно въ періодъ прусскаго конфликта, консерваторы очутились въ меньшинствѣ, образуя затѣмъ послѣ войны 1866 г. въ прусскомъ ландтагѣ и германскихъ рейхстагахъ вмѣстѣ съ свободными консерваторами и національ-либералами, парламентскую опору правительства. Различныя теченія въ партіи, сокращеніе ея голосовъ при выборахъ въ ландтагѣ 1873 г. и при выборахъ въ рейхстагъ 1874 г. побудили консерваторовъ собрать всѣ сродные имъ политическіе элементы подъ одну общую программу. Эта программа была выработана 7-го іюня 1876 г. на консервативномъ конгрессѣ, происходившемъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Она оставалась въ силѣ вплоть до общаго консервативнаго партейтага, происходившаго въ Берлинѣ 8 декабря 1892 г. На этомъ партейтагѣ была выработана новая программа, по существу своему отличавшаяся отъ прежней однимъ лишь опредѣленно выраженнымъ пунктомъ о борьбѣ съ „еврейскимъ духомъ, который разлагающимъ образомъ вліяетъ на народную жизнь“. Свои 15 пунктовъ, изъ которыхъ послѣдніе 2 говорятъ о борьбѣ съ соціалъ-демократіей, какъ врагомъ государственнаго порядка, и съ „безнравственной печатью“, подкапывающей устои этого порядка,—программа резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Христіанство, монархія и отечество, охрана и содѣйствіе каждому частному труду, охрана всякой справедливой власти—таковы высшіе принципы, которые консервативная партія начертала на своемъ знамени“.

Центральнымъ органомъ консервативной партіи служитъ выходящая въ Берлинѣ „Neue Preussische Zeitung“, болѣе извѣстная подъ названіемъ „Kreuz-Zeitung (Крестовая газета), за громадный крестъ, красующійся въ ея заголовкѣ. Изъ этого центральнаго органа и сродныхъ съ нимъ изданій разливается политическая мудрость по всѣмъ провинціальнымъ полуоффиціальнымъ „Окружнымъ листкамъ“, являющимся главнымъ орудіемъ публицистической пропаганды и политиче-

скаго вліянія на населеніе со стороны прусскаго консервативно-аграрнаго юнкерства.

Рядомъ съ собственно консервативной партіей слѣдуетъ еще отмѣтить политическую группу, образовавшуюся въ первую сессію избраннаго въ іюлѣ 1866 г. прусскаго ландтага и назвавшуюся свободно-консервативной партіей. Выдѣлившись изъ среды консервативной партіи, эта группа исходила изъ сознанія необходимости возстановить внутренній миръ, нарушенный прусскимъ конституціоннымъ конфликтомъ. Она полагала поэтому, что консервативная партія должна стать на почву конституціи и поддерживать политику правительства, стремящагося къ объединенію Германіи. Въ учредительномъ рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго Союза въ 1867 г. также образовалась свободно-консервативная партія, а послѣ основанія имперіи она приняла въ рейхстагѣ названіе имперской партіи. Имперская партія представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе новыхъ нюансовъ стараго консерватизма. По своимъ основнымъ взглядамъ и стремленіямъ она всецѣло стоитъ на консервативной почвѣ. Ея главнѣйшій, нынѣ уже умершій, вождь, извѣстный заводскій „король“ фонъ-Штуммъ, по всему складу своихъ мыслей и чувствъ, нисколько не отличался отъ самыхъ закоренѣлыхъ феодаловъ консервативной партіи, съ тѣмъ лишь различіемъ, что сферою его господства было не крупное землевладѣніе, а обширное промышленное царство. Имперская партія болѣе оппортунистична, болѣе эластична въ приспособленіи къ правительственнымъ желаніямъ, чѣмъ старо-консервативная партія. При Бисмаркѣ она была его партіей sans phrase и въ настоящее время она вѣрнѣе всѣхъ хранитъ завѣты „исключительно репрессивной“ методы желѣзнаго канцлера въ борьбѣ съ демократіей.

Съ серединой февраля каждаго года совпадаетъ такъ называемая большая аграрная недѣля въ Берлинѣ. Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть годичныя собранія и общіе съѣзды всевозможныхъ организацій, имѣющихъ отношеніе къ сельско-хозяйственной жизни страны. Въ эту недѣлю собирается нѣмецкое сельско-хозяйственное общество, которое по мѣрѣ силъ и возможности воздерживается отъ политическихъ тенденцій, сосредоточивая свое вниманіе на преуспѣяніи сельскохозяйственной науки и улучшеніи техническихъ пріемовъ сельскаго хозяйства. Къ собранію названнаго общества примыкаютъ годичныя засѣданія ферейна нѣмецкихъ винокуровъ, клуба нѣмецкихъ птицеводовъ, ферейна молочныхъ

хозяйствъ, нѣмецкихъ мукомоловъ, сахарозаводчиковъ, свиноводовъ, товарищества по обработкѣ животныхъ продуктовъ, общества податныхъ и хозяйственныхъ реформъ, сельскохозяйственной коллегіи и сельско-хозяйственнаго совѣта и безконечнаго числа другихъ болѣе спеціальныхъ организацій. Но среди всѣхъ этихъ собраній рѣзко выдается генеральное собраніе той организаціи, которая является главной носительницей „большихъ“, широкихъ замысловъ,—собраніе пресловутаго Союза сельскихъ хозяевъ — „Bund der Landwirte“, основанный въ началѣ 1893 г.

Сельскіе хозяева собираются каждый годъ въ германской столицѣ не съ цѣлью обсужденія и дебатированія своихъ нуждъ,—для этого и времени то въ ихъ распоряженіи очень мало: всего одинъ неполный понедѣльникъ, круглымъ числомъ всего три-четыре часа. Члены Союза собираются сюда не дебатировать, а демонстрировать. Кричать, кричать и кричать!—такъ формулировалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ аграрную тактику одинъ изъ вождей Союза сельскихъ хозяевъ. Въ прежніе годы эти кричащія демонстраціи или демонстративныя кричанія возбуждали гораздо больше политическаго эффекта, чѣмъ теперь. Тогда слышались рѣчи, къ которымъ не безъ циническаго удовольствія, а то и злородства, прислушивались многіе и внѣ аграрнаго конгресса. Померанскіе и запомеранскіе вельможные паны бросали грозныя и вызывающія слова по адресу непокорнаго имъ правительства. Популярный, теперь уже умершій президентъ Союза и депутатъ рейхстага фонъ-Плецъ, прозванный „отцомъ“, умѣлъ приковать общее вниманіе своими до наивности простыми, на высокій жалобный ладъ настроенными рѣчами. Этотъ отецъ сельскихъ хозяевъ занималъ такое вліятельное мѣсто въ Союзѣ, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ даже представилъ его императору. Теперь „отца-Плеца“ не стало; его смѣнилъ баронъ Вангенгеймъ, человѣкъ далеко не такой яркой индивидуальности, но съ гораздо большей политической выдержкой и тактомъ. Ближайшими сотрудниками барона служатъ два „доктора философіи“ Резике и Ганъ, люди, не имѣющіе ни кола, ни двора, перебѣжчики изъ „средняго сословія“. Третій докторъ, бывшій учитель гимназіи Эртель, редактируетъ главный органъ аграріевъ „Deutsche Tages-Zeitung“ въ Берлинѣ. „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ не пересталъ, конечно, и по сіе время, по извѣстному рецепту, трижды кричать, но тембръ этого кричанія понижался въ своей рѣзкости по мѣрѣ того, какъ самый союзъ крѣпчалъ, становился все сильнѣе, покуда не выросъ въ могущественную организацію и одинъ изъ влія-

тельнѣйшихъ факторовъ германской политической жизни. За исключеніемъ соціалъ-демократіи, ни одинъ изъ этихъ факторовъ не смѣлъ уклониться отъ большаго или меньшаго вліянія аграріевъ. Они настоящіе тріумфаторы на политической аренѣ. Даже самые закоренѣлые противники и завистники Союза сельскихъ хозяевъ должны признать, что онъ вправѣ хвалиться импозантными успѣхами своей неустанной агитаціи и пропаганды. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ представляетъ теперь въ Германіи силу, которая по своему политическому значенію можетъ быть поставлена рядомъ съ соціалъ-демократіей и партіей центра. Упорно отказываясь по тактическимъ соображеніямъ признавать себя политической организаціей, Союзъ не имѣетъ и самостоятельнаго представительства въ нѣмецкихъ парламентахъ. Но фактически большинство парламентскихъ фракцій, начиная съ консервативной и до національ-либеральной включительно, не считая ужъ болѣе мелкихъ группъ, на добрую половину состоитъ изъ пенсіонеровъ Союза, избранныхъ съ его помощью, связанныхъ рядомъ аграрныхъ обязательствъ, а то и всей программой Союза. Чтобы оказать давленіе на парламентаріевъ и парламентскихъ кандидатовъ, Союзъ располагаетъ достаточно внушительнымъ аппаратомъ. Какъ видно изъ отчета послѣдняго генеральнаго собранія (февраль 1904 г.) Союзъ насчитываетъ теперь 250,000 членовъ. Къ этому нужно прибавить до послѣднихъ деталей расчлененную и хорошо поставленную прессу, изрядно наполненную кассу и цѣлый штабъ ревностныхъ агитаторовъ. Изъ 250,000 членовъ союза на западѣ отъ Эльбы числится 14,164 мѣстныя группы съ 139,000 членовъ и на востокъ отъ Эльбы 17,836 мѣстныхъ группъ съ 111,000 членовъ. Изъ этого же отчета видно, что для подготовленія выборовъ въ 1903 г. было наряжено 74 странствующихъ агитатара, которыми было созвано 2,418 исключительно избирательныхъ собраній и 6,379 общихъ собраній, причемъ не оставлялась безъ вниманія и очень дѣятельная агитація изъ дома въ домъ. Союзъ сельскихъ хозяевъ во время послѣднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ дѣйствовалъ въ 174 округахъ, во время выборовъ въ прусскій ландтагъ — въ 260 избирательныхъ округахъ. Въ 55 рейхстагскихъ округахъ онъ долженъ былъ выставить собственныхъ кандидатовъ, такъ какъ отрекомендованные ему кандидаты разныхъ политическихъ партій не отвѣчали всѣмъ требованіямъ его программы. Изъ поддержанныхъ союзомъ кандидатовъ были избраны 89 депутатовъ. Число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ близкихъ союзу, равняется 1,705,531.

Одно время надѣялись, что преобладаніе крестьянства въ Союзѣ наложитъ на него болѣе демократическую печать. Эти надежды не оправдались. Политически вышколенные юнкера забрали въ свои руки всю организацію и руководятъ ею. Крестьяне, какіе есть въ Союзѣ, слѣдуютъ за своими руководителями, которые систематически обходятъ всѣ тѣ интересы, гдѣ возможна и неизбѣжна коллизія крупнаго и мелкаго владѣнія: интересы школы, лѣсоводства, охоты, сельскаго управленія, фидеикомиссныхъ отношеній и т. п. Союзъ, по преимуществу, занимается экономической политикой, приноровленной къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, и продолжаетъ оставаться въ политическихъ рамкахъ консервативной партіи.

Въ небольшой книжкѣ, называющейся „антисемитическимъ катехизисомъ“, приведенъ хронологическій списокъ произведеній о еврейскомъ вопросѣ, восходящій до конца XV вѣка. Изъ этого списка видно, что самымъ безплоднымъ временемъ въ антисемитическомъ отношеніи была средина прошлаго вѣка: съ 1844 по 1858 г. не появилось ни одного антисемитическаго изданія. Послѣ этого времени стали изрѣдка появляться произведенія этого рода. Съ 1876 г. они становятся все болѣе частыми, а съ 1880 г. начинаютъ заполнять нѣмецкій книжный рынокъ. Эти цифровыя записи довольно точно отражаютъ ростъ антисемитическаго движенія въ Германіи, которое въ десятилѣтіе отъ 1880 до 1890 г. достигло своего апогея, но послѣ этого все болѣе и болѣе стало увядать.

Причины возникновенія германскаго антисемитизма въ половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка слѣдуетъ искать въ экономическихъ обстоятельствахъ того времени. Основаніе Германской Имперіи вызвало необыкновенный подъемъ во всей хозяйственной жизни нѣмецкаго народа. Германія очутилась въ водоворотѣ крупно-промышленнаго, капиталистическаго развитія. Либеральное законодательство рѣшительнымъ образомъ сняло съ лица земли всѣ старыя преграды и расчистило путь для ничѣмъ не сдерживаемой хозяйственной инициативы и широкаго капиталистическаго разгула. Эра лихорадочнаго „грюндерства“ со всѣми его злоупотребленіями и недобросовѣстной спекуляціей вскорѣ привели къ краху, за которымъ слѣдовали годы крайняго экономическаго упадка. Всѣ искали причины этого печальнаго явленія, виновниковъ катастрофы; многіе находили ихъ въ евреяхъ. Какъ это случилось? Нѣмецкіе евреи принимали очень дѣятельное участіе въ либеральномъ законодательствѣ конца 60-хъ и начала

70-хъ годовъ; Людвигъ Бамбергеръ и Эдуардъ Ласкеръ были самыми выдающимися членами національ-либеральной партіи въ германскомъ рейхстагѣ. Евреи же стояли и въ первыхъ рядахъ грюндерства. Покуда дѣло шло на ладъ, никто не разбиралъ, кто является главными дѣятелями во всѣхъ акціонерныхъ и тому подобныхъ предпріятіяхъ; фактически и трудно было разобраться во всей разнокалиберной и разноплеменной массѣ людей, желавшихъ быстро и легко нажиться. Но какъ только начался крахъ, тотчасъ стали указывать пальцами на евреевъ, сумѣвшихъ своевременно спасти свои сокровища изъ общей катастрофы. Среди всеобщей тревоги не трудно было возбудить въ народѣ чувство расовой противоположности и ненависти и на этой почвѣ приписать евреямъ главную вину во всемъ происшедшемъ.

Популяризировать въ народѣ мысль о евреяхъ, какъ главныхъ виновникахъ краха, составляло печальную задачу перваго антисемитическаго журналиста Отто Глагау, который съ необыкновеннымъ успѣхомъ иллюстрировалъ эту мысль въ распространенныхъ „семейныхъ“ журналахъ того времени, а въ 1880 г. для той же цѣли основалъ свой собственный журналъ „Der Kultur-Kämpfer“. Глагау сумѣлъ заинтересовать и привлечь къ сотрудничеству вліятельныхъ политиковъ, чиновниковъ и высокопоставленныхъ лицъ всякаго рода, которые составляли свои памфлеты на очень пикантномъ соусѣ съ массою личныхъ сплетенъ и побасенокъ, что, конечно, обезпечивало имъ широкій сенсаціонный успѣхъ среди читателей. Новая „культурная борьба“ противъ „еврейски-либеральнаго духа“ велась съ глубокомысленнымъ девизомъ: „соціальный вопросъ есть еврейскій вопросъ“, и этотъ девизъ не замедлилъ затуманить головы очень многихъ некритически мыслящихъ людей.

Настроеніе, вызванное экономическимъ крахомъ, и просвѣтленіе, доставленное агитаціей Глагау, вполнѣ подготовили почву для антисемитическаго движенія, объявившагося въ 1879—80 гг. въ качествѣ довольно замѣтнаго политическаго фактора. Въ 1878 г. была основана въ Берлинѣ христіанско-соціальная партія, задававшаяся двоякой цѣлью: привлечь соціалъ-демократическихъ рабочихъ на сторону христіанства и современнаго государства, а христіанскіе круги и государство заинтересовать въ пользу соціальныхъ реформъ. Эта затѣя тогдашняго придворнаго проповѣдника Штеккера и проф. Адольфа Вагнера, первоначально чуждая антисемитическихъ тенденцій, встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны либеральной печати. Органы манчестерскаго капитализма возстали противъ катедеръ-соціализма. Штеккеръ тотчасъ

перемѣнилъ фронтъ, и ядовитыя стрѣлы своего недюжиннаго краснорѣчія направилъ теперь не только противъ манчестерства и либерализма, но спеціально противъ евреевъ, противъ „еврейской прессы“. Убѣдившись, что его антисемитическіе аллюры способны доставить ему гораздо большую популярность въ массахъ, чѣмъ его первоначальныя катедеръ-соціалистическія стремленія, Штеккеръ не замедлилъ выдвинуть на передній планъ своей агитаціи еврейскій вопросъ. Вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ людей Германіи. Привлечь на свою сторону массы рабочихъ ему, конечно, не удалось; въ этомъ отношеніи онъ встрѣчалъ непобѣдимаго противника въ лицѣ соціалъ-демократіи. Но массы мелкой буржуазіи и мѣщанства вѣрили въ спасительность штеккеровской пропаганды. Онѣ изнывали подъ тяжестью кризиса, онѣ усматривали въ либеральномъ законодательствѣ, благопріятствовавшемъ развитію крупнаго производства, угрозу своей экономической самостоятельности. Еврей сдѣлался символомъ ихъ экономическаго упадка. Въ страхѣ быть застигнутыми соціалъ-демократіей, съ одной стороны, и капитализмомъ съ другой, они ухватились за антисемитизмъ, какъ утопающій за соломенку. Антисемитизмъ и интересы средняго сословія сдѣлались тождественными понятіями, и въ этихъ интересахъ антисемитизмъ нашелъ себѣ на время жизненный источникъ политическаго существованія.

Приблизительно въ одно время съ широко развившейся агитаціей Штеккера появилось антисемитическое движеніе въ академической средѣ. Популярнѣйшій преподаватель тогдашней университетской молодежи, проф. Генрихъ фонъ-Трейчке выступилъ съ рядомъ статей о еврейскомъ вопросѣ, поднявъ тревогу, что „евреи—наше несчастье“. Антисемитизмъ, санкціонированный проф. Трейчке, возбудилъ энтузіазмъ среди студентовъ, которые соединились въ особое „Общество нѣмецкихъ студентовъ“, являющееся и по сіе время средоточіемъ національной и антисемитической пропаганды въ нѣмецкомъ академическомъ мірѣ.

Бисмаркъ, не останавливавшійся ни передъ какимъ средствомъ, разъ оно служило его цѣлямъ, не преминулъ воспользоваться и антисемитическимъ движеніемъ, чтобы обратить его на пользу правительственной политики. Онъ находился тогда въ борьбѣ съ либерализмомъ, стоявшимъ на пути его протекціонистскихъ плановъ. Въ виду этого онъ направилъ весь правительственный аппаратъ и средства „рентильнаго фонда“ на поддержку „берлинскаго движенія“, подъ которымъ разумѣлась вся совокупность антисемитическихъ христіански-соціальныхъ и консервативныхъ стремленій въ гер-

манской столицѣ. Благодаря этой поддержкѣ, антисемитизмъ достигъ въ 1881 г. своего кульминаціоннаго пункта. Но уже выборы этого года принесли съ собою горькое разочарованіе. Въ Берлинѣ, бывшемъ главною цѣлью антилиберальной агитаціи, антисемитизму не удалось завоевать ни одного мандата. Общія экономическія условія стали улучшаться и не давали прежней пищи для антисемитической пропаганды. Около середины 80-хъ годовъ казалось, что антисемитическое движеніе было близко къ совершенному угасанію.

Но въ то время, какъ антисемитическія газеты одна за другой закрывались, антисемитическія организаціи становились все болѣе рѣдкими, антисемитическіе вожди эмигрировали за океанъ или оставили политическую арену, — въ это самое время объявился одинъ очень ловкій журналистъ Теодоръ Фритчъ, занявшійся собираніемъ разсѣянной антисемитической храмины и образовавшій въ Лейпцигѣ новый антисемитическій центръ. Къ нему вскорѣ присоединился бывшій кавалерійскій офицеръ Либерманъ фонъ-Зонненбергъ, обладающій блестящимъ организаторскимъ талантомъ и рѣдкимъ даромъ вульгарнаго краснорѣчія. Публицистическая и агитаціонная дѣятельность антисемитизма снова приняла необыкновенные размѣры. Ближайшимъ успѣхомъ этой агитаціи было избраніе перваго антисемита въ рейхстагъ на выборахъ 1887 г. Молодой и талантливый докторъ Бекель, попавъ въ рейхстагъ, дѣйствовалъ главнымъ образомъ среди гессенскихъ крестьянъ, крайнюю забитость и отсталость которыхъ онъ сумѣлъ утилизировать съ чрезвычайной ловкостью. Борьба противъ еврейства и проповѣдь самопомощи были руководящими идеями его крестьянской агитаціи. Основанная имъ газета быстро завоевала себѣ до 14,000 читателей среди крестьянскаго населенія, до того времени едва знавшаго газетное чтеніе. Въ разныхъ мѣстахъ стали появляться артельныя и политическія организаціи. Д-ръ Бекель организовалъ спеціальныя „антиеврейскія“ ярмарки, превратившіяся въ народныя празднества, на которыхъ Бекель произносилъ торжественныя рѣчи. Конница, образованная изъ крестьянскихъ парней, составляла его лейбъ-гвардію, крестьянскія дѣвушки встрѣчали его съ цвѣтами, тріумфальныя ворота, знамена и гирлянды украшали его путь. На ярмаркѣ собирались тысячи народа изъ всей гессенской земли, внимая рѣчамъ своего спасителя. Съ такой помпой началъ свою политическую карьеру человѣкъ, который въ настоящее время потерялъ всякій политическій кредитъ и только состоитъ на канцелярской службѣ у „Союза сельскихъ хозяевъ“.

Подробно описывать дальнѣйшія судьбы антисемитиче-

скаго движенія значило бы изобразить исторію преходящихъ успѣховъ, все болѣе частыхъ неудачъ, безконечныхъ внутреннихъ дрязгъ, публичныхъ и парламентскихъ скандаловъ. Въ 1886 г. былъ основанъ въ Кассель „Всеобщій нѣмецкій антисемитическій союзъ“, но уже черезъ какихъ-нибудь 2 года консервативно-аристократическое крыло Либермана-фонъ-Зоненберга отдѣлилось отъ Союза и образовало „нѣмецко-соціальную антисемитическую партію“, а болѣе демократическая группа доктора Бекеля выдѣлилась въ „антисемитическую народную партію“. На общихъ выборахъ 1890 г. антисемиты провели въ рейхстагъ 5 кандидатовъ; черезъ 2 года на дополнительныхъ выборахъ былъ также избранъ пресловутый ректоръ Альвардтъ, своими „разоблаченіями“ въ рейхстагѣ въ концѣ скомпрометировавшій себя и своихъ товарищей въ общественномъ мнѣніи. Выборы 1893 г. принесли антисемитамъ послѣдній успѣхъ: они провели въ рейхстагъ 16 кандидатовъ. На радостяхъ они въ 1894 г. снова соединились въ единую „нѣмецко-соціальную реформаторскую партію“, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять раскололись на нѣсколько группъ, изъ которыхъ однѣ больше тянули къ Штеккеру, другія къ аграріямъ, а прочія на собственный страхъ и рискъ вели самостоятельное, довольно безславное существованіе. Роль, которую играли 16 антисемитовъ въ рейхстагѣ, была самая жалкая. Сколько головъ, столько умовъ. Либерманъ-фонъ-Зоненбергъ, гимназическій учитель д-ръ Ферстеръ, ректоръ Альвардтъ, д-ръ Бекель, Циммерманъ и др., каждый изъ нихъ представлялъ какую-нибудь разновидность. Эти различія вели ко взаимной враждѣ. Вожди интриговали и ненавидѣли другъ друга больше, чѣмъ евреевъ. Парламентская фракція изъ такого винигрета, какъ аристократы, демократы, манчестерцы, сторонники соціальныхъ реформъ, друзья рабочихъ и энтузіасты средняго сословія, не могла вполнѣ сплотиться на одномъ чувствѣ вражды къ еврейству и обречена была на пустую фразеологію и противное изувѣрство. Проповѣдь аграрныхъ и цеховыхъ идеаловъ, ругательства по адресу биржи и крупныхъ базаровъ, жидотрепаніе во всѣхъ видахъ—вотъ обычный репертуаръ такихъ парламентаріевъ, какъ Либерманъ-фонъ-Зоненбергъ и ему подобные. Наиболѣе порядочные элементы изъ среды самихъ антисемитовъ не могли выносить дольше общества Зоненбергов и Альвардтовъ и уже давно отказались отъ кандидатуры въ рейхстагъ.

Бывшій антисемитъ и теперешній націоналъ-соціальный депутатъ рейхстага фонъ-Герлахъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свой взглядъ на политическій антисемитизмъ

въ Германіи: „Полнѣйшая парламентская безплодность умерщвила жизненный нервъ антисемитизма. Такой серьезный народъ, какъ нѣмцы, требуетъ отъ людей, стоящихъ въ передовыхъ рядахъ, дѣла или, по крайней мѣрѣ, добрыхъ намѣреній къ тому. Но, встрѣтивъ вмѣсто дѣла одни пустыя слова, всѣ стали отворачиваться отъ этихъ совершенно ненужныхъ людей. Число антисемитическихъ представителей въ рейхстагѣ въ 1898 г. сократилось до 12, и на выборахъ 1903 г. понизилось до 9... Антисемитизмъ, какъ политическій факторъ, утратилъ всякое значеніе. Если онъ, какъ партія, еще не вполнѣ исчезъ со сцены, то лишь потому, что онъ еще черпаетъ нѣкоторые жизненные соки изъ общественнаго антисемитизма и что онъ слился съ разными остальными стремленіями, не имѣющими въ сущности никакой внутренней связи съ борьбой противъ еврейства. Такимъ образомъ онъ только кое-какъ прозябаетъ. У него нѣтъ силы и надежды привлечь на свою сторону наиболѣе сознательные и передовые элементы нѣмецкаго народа“...

V.

Либеральныя партіи.

Франкфуртскій парламентъ 1848 г. еще не зналъ строгаго дѣленія либеральныхъ группъ, но въ средѣ тогдашняго либерализма уже явно обнаруживались элементы, которые могутъ считаться зародышами современной національ-либеральной партіи. Если исключить республиканскую лѣвую, которая послѣ 1850 г. почти совершенно затерялась, сохранившись лишь въ слабой формѣ южно-нѣмецкой демократіи, то самая сильная и рѣшающая партія либераловъ представлена была такъ называемымъ „центромъ“ франкфуртскаго національнаго собранія. Но вскорѣ въ этомъ центрѣ стали замѣчаться два теченія: принципіальный либерализмъ и либерализмъ компромиссовъ, постепенно образовавшіе правое и лѣвое крыло. Правое крыло являлось выразителемъ нѣмецкихъ объединительныхъ идей подъ главенствомъ Пруссіи и, слѣдовательно, тѣхъ идеаловъ, осуществленіе которыхъ началось съ середины 60-хъ гг. прошлаго вѣка.

Національ-либеральную партію объединенной Германской Имперіи нельзя, однако, разсматривать какъ прямое продолженіе праваго крыла франкфуртскаго центра. Она въ значительной степени является прусскимъ продуктомъ. Въ 1859 г., съ развитіемъ новой „либеральной эры“, умѣренный либерализмъ, представленный въ такъ называемой старо-ли-

беральной партіи, располагалъ большинствомъ въ прусской палатѣ депутатовъ. Съ обостреніемъ конституціоннаго конфликта въ началѣ 60-хъ г., рядомъ съ старо-либеральной партіей, руководимой барономъ фонъ-Финке, появилась новая, болѣе радикальная „прогрессивная партія“ подъ руководствомъ Вальдека. Вскорѣ большинство въ палатѣ перешло на ея сторону, и чѣмъ сильнѣе обострялся конфликтъ, тѣмъ болѣе группировались вокругъ этой партіи всѣ либеральные элементы — радикальные и умѣренные. До 1866 г. ей принадлежало господство въ палатѣ. Но когда послѣ войны этого года Бисмаркъ обратился къ прусскому ландтагу съ испрошеніемъ такъ наз. индемнитета, т. е. прощенія за неразрѣшенные парламентомъ издержки и налоги, то со стороны прогрессивной партіи уже не встрѣтилъ прежней сплоченной оппозиціи. Партія раскололась: большинство, подъ руководствомъ депутатовъ Фаркенбека, Гаммахера, Ласкера и др., даровало Бисмарку прощеніе его антипарламентарныхъ грѣховъ. Отдѣленіе примирившихся отъ прогрессистовъ было началомъ національ-либеральной формаціи въ 1867 г. Со своимъ появленіемъ на аренѣ Сѣверо-Германскаго Союза національ-либеральная партія увеличила свои ряды приверженцами умѣреннаго либерализма изъ союзныхъ государствъ, обновила традиціи объединеннаго движенія благодаря основанному фонъ-Беннигсеномъ „Національному Ферейну“ и, такимъ образомъ, явилась какъ бы идейной послѣдовательницей праваго крыла стараго либеральнаго центра временъ національнаго собранія. Отъ этого центра перешла къ ней и та тактика компромиссовъ, которая сдѣлала партію послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бисмарка и доставила ей, правда, значительное и даже рѣшающее господство въ парламентѣ, вплоть до конца 70-хъ гг., но къ этому времени уже обнаружила свое роковое разлагающее вліяніе.

Въ теченіе перваго десятилѣтія, протекшаго со времени основанія Сѣверо-Германскаго Союза, національ-либеральная партія играла несомнѣнно очень выдающуюся роль въ общемъ подъемѣ національной жизни новой Германіи. Она энергично отстаивала идею германскаго единства; прусское и германское законодательства этого періода многимъ обязаны ея содѣйствію и инипіативѣ. Но во всей этой дѣятельности національ-либеральной партіи было очень мало ея собственныхъ заслугъ и еще меньше политическаго мужества. Всѣмъ, что достигъ либерализмъ подъ руководствомъ національ-либераловъ, онъ въ сущности обязанъ благопріятно сложившимся общимъ политическимъ условіямъ. Тѣ законодательныя реформы, которыя диктовались временемъ и цѣлями прусской

политики и которыя служили политическому укладу и упроченію молодой имперіи, были дѣломъ всего народа и всѣхъ партій. Спеціальной же задачей либерализма было установленіе прочныхъ гражданскихъ правъ и конституціонныхъ гарантій. А въ этомъ отношеніи націоналъ-либеральная партія, въ ту пору самая сильная и вліятельная, оказывалась въ то-же время и самой неустойчивой, безхарактерной. Ея вожди, вступившіе на политическую арену съ широковѣщательными программами, оказались затѣмъ пустыми декламаторами, приходившими въ содроганіе отъ одного взгляда Бисмарка. Они шли отъ одного компромисса къ другому и вслѣдъ за провозглашеніемъ высокихъ принциповъ переходили къ ихъ полному забвенію. Въ рейхстагахъ 1871, 1874 и 1877 гг. націоналъ-либеральная партія была въ числѣ 125, 155 и 128 депутатовъ, слѣдовательно, въ такой силѣ, какой никогда еще не достигала никакая другая партія.

Даже еще въ 1878 г. она имѣла въ рейхстагѣ 99 депутатовъ. Какъ же она воспользовалась этимъ своимъ доминирующимъ положеніемъ? Она покорно содѣйствовала желѣзному канцлеру въ проведеніи его политическаго и военнаго законодательства; она помогла ему провести знаменитую „культурную борьбу“ противъ католиковъ, исключительные законы противъ соціалистовъ и многое другое, но она не сумѣла при этомъ отстоять основныхъ парламентскихъ правъ и съ легкимъ сердцемъ жертвовала даже бюджетными прерогативами народнаго представительства. Всякая рѣшительная борьба за народныя права парализовалась „высшими соображеніями“ и непобѣдимымъ чувствомъ изумленія передъ личностью, которую самъ Форкенбекъ въ 1862 г. назвалъ „опаснѣйшимъ министромъ для нѣмецкой свободы“. И къ этому министру націоналъ-либералы были проникнуты пламеннымъ довѣріемъ и благоговѣніемъ. А Бисмаркъ, который передъ лицомъ вздыхающихъ „о добромъ старомъ времени“ прусскихъ консерваторовъ, партикуляристически-настроенной католической партіи и озлобленныхъ національныхъ группъ, долженъ былъ на первыхъ порахъ опереться на патріотизмъ націоналъ-либераловъ, обращался съ ними, какъ съ политическими младенцами, и бросалъ ихъ на произволъ судьбы, какъ только въ нихъ не было для него никакой необходимости. Уже въ 1875 г., полемизируя съ Ласкеромъ, Бисмаркъ съ присущимъ ему реально-политическимъ цинизмомъ квалифицировалъ національный либерализмъ какъ „чрезвычайно благородное, но очень непрактичное направленіе духа“.

Съ конца 70-хъ гг. начинается разложеніе былого могущества націоналъ-либераловъ. Въ 1879 г. 17 членовъ поки-

дають націоналъ-либеральную фракцію, считая поддержку имперскаго канцлера со стороны партіи недостаточно энергичной. Эти 17 человѣкъ образуютъ „либеральную группу“, которая склоняется на сторону „свободныхъ консерваторовъ“, а затѣмъ совершенно исчезаетъ съ политической арены. Но съ выдѣленіемъ 17-ти единство партіи не было упрочено. Въ 1880 г. по поводу одного церковно-политическаго законопроекта 42 члена присоединяются къ оппозиціи, и отъ партіи отдѣляется группа такъ называемыхъ сецессіонистовъ, подкрѣпляя собою ряды „прогрессивной партіи“. Націоналъ-либерализмъ, какъ народная и правительственная партія, былъ дискредитированъ и отъ однихъ выборовъ къ другимъ опускался по наклонной плоскости.

Постепенное разложеніе націоналъ-либеральной партіи нельзя, однако, объяснять однимъ только компромисснымъ ея характеромъ и крайней неустойчивостью передъ требованіями либерализма. Судьбы націоналъ-либерализма обусловлены были еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ своими корнями въ значительной степени былъ связанъ съ расцвѣтавшимъ классомъ крупныхъ предпринимателей. Въ этомъ своемъ качествѣ онъ передъ задачами финансоваго и таможеннаго законодательства попалъ въ крайне противорѣчивое положеніе и пошелъ въ разбродъ; одна часть хотѣла оставаться вѣрной старымъ идеаламъ, между тѣмъ какъ другая не могла не дѣйствовать такъ, какъ ей предписывали интересы растущей буржуазіи. Вліяніе предпринимательскаго класса на парламентскую жизнь не ограничивается, конечно, одной націоналъ-либеральной партіей. Но никакая другая партія не является такой яркой партійно-политической представительницей крупной предпринимательской буржуазіи, какъ націоналъ-либералы. Если мы припомнимъ весь рядъ законодательныхъ актовъ, которые характеризуютъ Германію отъ конца 60-хъ и до конца 70-хъ гг. прошлаго вѣка и которые совершены были подъ господствующимъ вліяніемъ націоналъ-либеральной партіи (таможенные законы, промысловый уставъ, торговое уложеніе, вексельное право, почтовое законодательство, учрежденіе имперскаго банка, патентное право и т. п.), то нельзя будетъ не замѣтить одной очень характерной черты. Всѣ эти законы, конечно, были необходимы для упроченія имперскаго единства. Но любопытно, что необходимость проведенія именно такихъ законовъ ощущалась господствовавшей тогда партіей въ гораздо большей степени, чѣмъ осуществленіе требованій, коренившихся въ прежнихъ идеологическихъ и чисто политическихъ запросахъ либерализма. Господствовавшая партія не нашла

ни времени, ни охоты, чтобы провести, напримѣръ, такіе законы, какъ право свободнаго образованія союзовъ, свободы собраній, болѣе свободнаго законодательства о печати и т. п. Либерализмъ, особенно въ его болѣе умѣренной національ-либеральной разновидности, подпалъ подъ вліяніе хозяйственныхъ соображеній, капиталистическихъ интересовъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ интересами предпринимательскаго класса.

Съ ходомъ развитія Германіи уже въ 60-хъ гг. стали обнаруживаться теченія, которыя шли наперекоръ прославленной гармоніи экономическихъ интересовъ на почвѣ свободной конкуренціи, бывшей однимъ изъ главныхъ догматовъ либерализма. Несостоятельность этого догмата доказывали Фридрихъ Альбертъ Ланге и Лассаль съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса; рѣзкой критикѣ подвергался онъ и со стороны Родбертуса; наконецъ, въ противовѣсъ къ манчестерскимъ тенденціямъ либеральной доктрины появилось широкое движеніе и среди оффиціальныхъ представителей нѣмецкой экономической науки, которые въ 1872 г. основали „Общество соціальной политики“ съ явнымъ намѣреніемъ извѣстнымъ образомъ вліять на ходъ практической политики. Еще въ гораздо большей степени, чѣмъ эти антиманчестерскія теченія, повліялъ на эволюцію національ-либерализма фактическій ходъ экономической жизни Германіи.

Средне-европейскій аграрный кризисъ вообще поставилъ стародавнія политическія партіи лицомъ къ лицу съ совершенно непредвидѣнными трудностями. Въ Германіи этотъ кризисъ еще не былъ въ состояніи вполнѣ разрушить и внѣшнюю оболочку старыхъ политическихъ группировокъ, но главнѣйшія изъ нихъ или были вынуждены предоставить отдѣльнымъ своимъ членамъ полнѣйшую свободу дѣйствій въ аграрно-политической области, лишь бы избѣжать внутреннихъ конфликтовъ; или же онѣ старались сообща удержаться на одной средней линіи, которая роковымъ образомъ все болѣе и болѣе сближалась съ линіей аграрныхъ требованій. Всего отчетливѣе этотъ процессъ замѣченъ на партіи національ-либераловъ.

Уже въ старой Пруссіи заключены были въ одно государственное цѣлое двѣ экономически различныя территоріи: исключительно аграрный востокъ и преимущественно промышленный западъ. Территоріальныя пріобрѣтенія 1866 г. въ значительной степени перенесли центръ тяжести прусскаго государства на западъ, а франкфуртскій миръ 1871 г. соединилъ всю обширную область отъ Мемеля до Мааса въ одно политическое цѣлое. Параллельно съ этимъ приняли

совершенно иной характеръ экономическіе интересы и экономическая политика вліятельнѣйшаго сословія старой, да и новой Пруссіи. Крупно-помѣстная знать съ давнихъ поръ была за свободную торговлю, такъ какъ издержки по транспортированію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ восточной Пруссіи въ рейнскія области нельзя было уравновѣсить никакими покровительственными пошлинами. Но съ объединеніемъ нѣмецкихъ земель въ Германскую Имперію условія сильно измѣнились. Для поземельной знати самъ собой возникалъ вопросъ о монополизированіи нѣмецкихъ земель для хлѣбнаго экспорта помощью покровительственныхъ пошлинъ. Фритредерство смѣнила эра покровительственной политики крупнаго землевладѣнія. Но введеніе покровительственныхъ пошлинъ на продукты добывающей промышленности не было такимъ легкимъ дѣломъ: земельная знать столкнулась у кормила правленія съ новымъ факторомъ, который не хотѣлъ дать себя оттѣснить безъ всякихъ уступокъ. Это была новая аристократія западной половины имперіи, фабрично-заводская знать и банкократія, которыя не имѣли никакой склонности такъ себѣ, безъ всякаго вознагражденія допустить вздорожаніе предметовъ пропитанія рабочихъ массъ. Необходимо было такъ или иначе „пактировать“. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ облегчало сдѣлку, такъ какъ и у западной аристократіи оказались сходныя желанія. Нѣмецкая промышленность была еще сравнительно слабо развита. Она лишь въ немногихъ отрасляхъ доразвилась до замѣтной вывозной силы и должна была еще сильно бороться съ иностранной конкуренціей на отечественномъ рынкѣ. Для этого ей необходимы были индустріальныя пошлины. Она предложила поэтому хлѣбныя пошлины взамѣнъ желѣзныхъ, — и дѣло было въ шляпѣ. Старо-прусская знать, примирившись съ новой имперіей, скрѣпя сердце „реципировала“ новую денежную аристократію; коалиція или такъ называемая картель господствующихъ классовъ сдѣлалась на долгое время доминирующимъ факторомъ „національной политики“ Германіи.

Переходъ очень вліятельныхъ группъ нѣмецкихъ предпринимателей отъ системы свободной торговли къ покровительственной политикѣ могъ совершиться лишь цѣною пожертвованія старыми либеральными традиціями. Національ-либеральная партія очутилась передъ роковой дилеммой, когда начиная съ 1879 г. на очереди стояло законодательство новой протекціонистской эры. Разрѣшеніе этой дилеммы повело къ расколу партіи. Та ея часть, которая держалась старыхъ принциповъ, отдѣлилась отъ нея и присоединилась

Вильгельмъ фонъ-Кардофъ,
вождь свободно-консервативной партіи.

къ фритредерской группѣ болѣе радикальнаго либерализма. Большинство же, подъ непобѣдимымъ вліяніемъ предпринимательскихъ интересовъ, сохранило старую партійную форму, но уже съ очень видоизмѣненнымъ содержаніемъ. Процессъ соціализаціи націоналъ-либерализма принялъ ярко выраженный характеръ, и націоналъ-либеральная партія сдѣлалась парламентскимъ отраженіемъ могущественныхъ предпринимательскихъ организацій.

Начиная съ 60-хъ и 70-хъ гг. въ Германіи стали образовываться многочисленные союзы предпринимателей. Ихъ первоначальной цѣлью была своего рода самопомощь, охрана и содѣйствіе ближайшимъ ихъ интересамъ—торговымъ, промышленнымъ и т. п. Но уже вскорѣ наиболѣе сильные изъ этихъ союзовъ перестали довольствоваться такой чисто внутренней самодѣятельностью и самопомощью, а начали добиваться улучшенія своего положенія помощью законодательства. Это расширеніе дѣятельности предпринимательскихъ союзовъ было тѣмъ знаменательнѣе, что большинство изъ нихъ перестало вести изолированное другъ отъ друга существованіе, а начало соединяться въ крупныя центральныя организаціи. Старѣйшей изъ такихъ организацій является такъ наз. Handelstag, основаннный въ 1861 г. Онъ поставилъ себѣ цѣлью „обезпечить надлежащее вліяніе общимъ интересамъ торговаго и промышленнаго сословія“ и обнимаетъ въ настоящее время всѣ важнѣйшіе предпринимательскіе союзы, большинство торговыхъ палатъ и крупнѣйшихъ купеческихъ корпорацій. На ряду съ этой коммерческой организаціей въ теченіе перваго десятилѣтія Германской Имперіи основывались и соединенныя организаціи промышленнаго предпринимательства, спеціально охраняющія интересы крупнаго производства. Особенно важнымъ является въ этомъ отношеніи „Центральный союзъ нѣмецкихъ промышленниковъ“. Основанный въ 1876 г. онъ съ самаго начала поставилъ себѣ цѣлью „содѣйствіе національному труду“, что въ сущности означало стремленіе къ энергичному покровительству „національнаго труда“ въ противоположность къ либеральному принципу свободной торговли. Уже въ 1900 г. „Центральный Союзъ“ насчитывалъ въ числѣ своихъ членовъ 62 промышленныхъ ферейна, 24 торговыхъ палаты, 7 профессіональныхъ товариществъ и 460 отдѣльныхъ членовъ. Располагая крупными средствами для пропаганды своихъ цѣлей, располагая спеціальнымъ органомъ „Deutsche Industrie-Zeitung“ и довольно многочисленной предпринимательской прессой въ общемъ газетномъ царствѣ, Центральный Союзъ оказываетъ чрезвычайно развѣтвленное и громадное вліяніе на ходъ

политики и законодательства, — путемъ ли ходатайствъ передъ правительствомъ, массою ли личныхъ связей съ вліятельными сферами, путемъ ли давленія на общественное мнѣніе или непосредственнаго партійно-политическаго воздѣйствія на законодательныя учрежденія.

Кто хочетъ воочію видѣть аграрную аристократію Германіи, тотъ долженъ обратиться къ померанскимъ рыцарскимъ помѣстьямъ и замкамъ, но кто желаетъ получить наглядное представленіе о новой промышленной знати, тотъ найдетъ ее главнымъ образомъ въ рейнско-вестфальской индустріальной области. Здѣсь она всего ярче представлена въ „желѣзныхъ баронахъ“, являющихся главными застрѣльщиками новѣйшей эры экономическаго развитія страны. Имена Круппа, Штумма, Гейля, Зигля, Сименса уже пріобрѣли такую же нарицательную извѣстность, какъ имена графовъ Каницъ, Мирбахъ, Клинковштремъ, Иценплицъ и др. Этотъ верхній аристократическій слой нѣмецкой промышленности по своей численности не уступитъ старой земельной знати. Его финансовое и экономическое значеніе уже теперь значительно превышаетъ силу послѣдней, и только въ политическомъ своемъ вліяніи онъ еще остается далеко позади консервативно-аграрной аристократіи. Крупные нѣмецкіе промышленники-предприниматели, образующіе вновь испеченную аристократію, не могли не почувствовать въ себѣ импульса къ подражанію и ассимилированію со старымъ высокороднымъ классомъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлаться барономъ, служить въ гвардіи, блистать при дворѣ. На этомъ поприщѣ аристократическаго соперничества промышленная знать, благодаря сильному превосходству своихъ матеріальныхъ рессурсовъ, можетъ уже похвалиться значительными успѣхами, и на страницы той сенсаціонной прессы, которая съ особенною любовью черпаетъ свой матеріалъ изъ не всякому доступныхъ закулисныхъ сферъ, занесено уже не мало иллюстрацій уязвленныхъ самолюбій, разоблаченныхъ козней, восторжествовавшихъ интригъ. Но съ ростомъ сознанія у крупнаго предпринимательскаго класса званіе совѣтника и тайнаго совѣтника коммерціи пріобрѣтало въ его мнѣніи по меньшей мѣрѣ такой же блескъ, какъ баронскій титулъ. Сознаніе же классовыхъ интересовъ въ этой сферѣ постепенно росло и обострялось съ развитіемъ промышленныхъ отношеній и организацій, каковы синдикаты, торговыя палаты, наконецъ,— по мѣрѣ того, какъ сплачивались все тѣснѣе и тѣснѣе массы промышленнаго пролетаріата. Рядомъ съ этимъ росли и политическіе инстинкты промышленной буржуазіи. До послѣдняго времени весь складъ и вся пружина политической и

административной жизни Германіи были строго консервативны. Весь главнѣйшій чиновный персоналъ набирался изъ сыновей консервативно-аграрной знати, и торговля съ промышленностью изнывали подъ гнетомъ совершенно некомпетентной въ этой области бюрократіи. Но вотъ, во время правленія Вильгельма II и съ началомъ колоніальной и міровой политики Германіи, разбогатѣвшая промышленная буржуазія, въ сознаніи своего высокаго призванія, все настойчивѣе стала претендовать на первыя роли центральнаго и административнаго управленія.

Свое политическое и парламентарное представительство крупные фабрично-заводскіе предприниматели имѣютъ по преимуществу въ національ-либеральной партіи, частью же въ свободомыслящей и свободно-консервативной партіяхъ. Въ этой послѣдней группируются, между прочимъ, тѣ крупные заводчики, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются крупными землевладѣльцами и представляютъ, такимъ образомъ, смѣшанный аграрно-индустріальный типъ. Но, въ противоположность аграрной знати, предпринимательскій классъ не располагаетъ сколько-нибудь значительными вспомогательными отрядами: онъ не можетъ привлечь на свою сторону массы городского средняго сословія, которыя чувствуютъ себя жертвами всепоглощающаго капитализма, ни демократически и антагонистически настроенныхъ массъ промышленнаго пролетаріата, ни даже довольно широкаго слоя нѣмецкой интеллигенціи, которая, при всемъ своемъ нерасположеніи къ отсталой консервативно-аграрной аристократіи, нерѣдко очень грубо третируется и „передовой“ промышленной знатью. При такихъ условіяхъ неудивительно, что крупные предприниматели попадаютъ въ парламентъ почти исключительно съ помощью совершенно постороннихъ элементовъ. Классъ крупныхъ предпринимателей, образуя чрезвычайно могущественную экономическую организацію, въ парламентарномъ отношеніи лишенъ самостоятельности и обреченъ на избирательныя сдѣлки то вправо, то влѣво. Эти сдѣлки клонятся всего чаще вправо, и на нихъ почти совершенно обречена національ-либеральная партія.

Извѣстно, что эта партія, взятая въ своемъ партійно-политическомъ значеніи, явилась партіей національнаго германскаго объединенія. Въ противоположность старой „прогрессивной“ партіи и южно-нѣмецкой демократіи, она представляла своего рода правительственный либерализмъ и, какъ таковая, служила очень существеннымъ парламентскимъ факторомъ во всемъ политическомъ и военномъ законодательствѣ новой объединенной имперіи. Она была въ рѣши-

тельномъ смыслѣ централистична какъ въ области внѣшней политики, такъ равно и въ вопросахъ внутренняго хозяйства и права. Но блестящій періодъ націоналъ-либерализма былъ непродолжителенъ. Своимъ участіемъ въ „культурной борьбѣ", а затѣмъ въ созданіи исключительнаго законодательства противъ соціалъ-демократіи онъ потерялъ всю свою либеральную репутацію, съ началомъ системы покровительственной политики утратилъ свое экономическое единство, а съ ростомъ соціалистическаго движенія—весь остатокъ своей популярности. Въ большинствѣ вопросовъ теперешніе націоналъ-либералы плетутся въ хвостѣ консервативной партіи и только изрѣдка и крайне вяло отстаиваютъ свои либеральныя традиціи передъ особенно безцеремонными претензіями клерикальной или консервативной реакціи. Единственное, что еще порой настраиваетъ ихъ на высокій ладъ и выдѣляетъ изъ среды другихъ партій,—это крылатыя идеи вездѣсущей мірової политики и мірового вліянія нѣмцевъ; не даромъ въ рядахъ націоналъ-либераловъ числятся и извѣстнѣйшіе пангерманисты и англофобы съ нѣкоторыми профессорами во главѣ.

Нѣтъ ни одного избирательнаго округа, съ которымъ не имѣла бы живыхъ связей націоналъ-либеральная партія въ цвѣтущую пору своего политическаго существованія. Теперь она, за двумя-тремя исключеніями, совершенно стерта аграріями съ лица земель восточной Пруссіи, Помераніи, Бранденбурга, Познани и Силезіи. По правую сторону Эльбы пѣсенка націоналъ-либераловъ спѣта почти безъ остатка. По лѣвую же сторону ихъ пѣсенкѣ будетъ конецъ, какъ только Союзъ сельскихъ хозяевъ откажетъ имъ въ своей поддержкѣ. Какъ партія, они теперь почти всецѣло во власти консервативныхъ группъ, которыя играютъ ими по произволу и поддерживаютъ кандидатуру націоналъ-либераловъ на выборахъ тамъ, гдѣ онѣ съ ихъ помощью могутъ побить противниковъ изъ либераловъ, католическаго центра или соціалъ-демократіи. Такъ дѣло обстоитъ, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ сельскохозяйственныхъ округахъ. Изъ 50 націоналъ-либеральныхъ депутатовъ въ теперешнемъ составѣ рейхстага самая ничтожная часть прошла на первыхъ выборахъ, подавляющее большинство—лишь на перебаллотировкахъ противъ кандидатовъ центра, соціалъ-демократіи, поляковъ, свободомыслящей партіи и только очень немного—противъ кандидатовъ консервативной партіи. Отсюда можно видѣть, какую громадную роль играетъ консервативно-аграрный аппаратъ въ избирательныхъ судьбахъ націоналъ-либераловъ.

Исторію имперскаго парламента, начиная съ 1874 г., можно

разсматривать, какъ исторію разложенія и дробленія національнаго, да, пожалуй, и всякаго либерализма въ Германіи. Въ 1874 г. національ-либералы въ числѣ 155 депутатовъ стояли во главѣ партій рейхстага, теперь, послѣ выборовъ 1903 г. они сократились до 50 душъ, обязанныхъ помощи своихъ старыхъ заклятыхъ враговъ. Національ-либеральная партія, и по сіе время кичливо называющая себя „партіей имущества и образованія," не имѣла недостатка въ талантливыхъ людяхъ: Беннигсенъ, Ласкеръ, Форкенбекъ, Штауфенбергъ и недавно умершій министръ финансовъ Микель были четверть вѣка тому назадъ ея гордостью и вообще первыми фигурами на политической аренѣ Германіи. Не недостатокъ талантовъ обусловилъ разложеніе партіи, а отсутствіе широкой, однородной массовой основы. Промышленная буржуазія, съ идеями и стремленіями которой всего болѣе сроднилась національ-либеральная партія, слишкомъ тонкій слой, чтобы оказаться достаточнымъ для партійной группировки. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно „образованнаго сословія", которое даже въ самыхъ широкихъ своихъ предѣлахъ составляетъ всего 4% населенія Германіи и, къ тому же, не отличается ни политическою сплоченностью, ни устойчивостью и единствомъ своихъ политическихъ стремленій. Въ первое время своего существованія національ-либерализмъ имѣлъ большую опору въ крестьянствѣ и рабочихъ массахъ. Извѣстна та красивая фраза, которую въ свое время лейпцигскіе рабочіе получили въ отвѣтъ на свой запросъ о вступленіи въ члены „Національнаго ферейна", этого родоначальника теперешнихъ національ-либераловъ: „вамъ не зачѣмъ вступать въ ферейнъ",— отвѣтили имъ тогда,—„такъ какъ вы и безъ того его урожденные почетные члены"! Отъ этого прекраснодушія не осталось теперь и слѣда: за исключеніемъ немногихъ рейнско-вестфальскихъ округовъ, національ-либерализмъ потерялъ своихъ „почетныхъ членовъ", такъ какъ, по мѣрѣ своего сліянія съ крупнымъ предпринимательствомъ, онъ все болѣе проникался антагонизмомъ къ интересамъ и стремленіямъ рабочаго класса, едва сносилъ его организаціи и до самаго послѣдняго времени почти безраздѣльно присоединялся къ тѣмъ злополучнымъ „законопроектамъ", которые измышляла консервативно-аграрная реакція. Въ національ-либеральной партіи рейхстага сидятъ „генеральные директоры" крупнѣйшихъ предпринимательскихъ союзовъ, являющіеся главными застрѣльщиками т. н. „шахермахерства", неутомимыми организаторами открытыхъ и скрытыхъ походовъ противъ рабочихъ организацій, противъ права забастовокъ и коалиціи, противъ всеобщаго избирательнаго права

и т. п. Что же касается крестьянства, то оно идетъ еще за націоналъ-либералами постольку, поскольку эти послѣдніе стоятъ за покровительственныя пошлины, т. е. поскольку они являются послушнымъ орудіемъ аграрныхъ домогательствъ.

Предшествующее изложеніе избавляетъ насъ отъ необходимости приводить здѣсь пространные тексты программныхъ манифестовъ націоналъ-либеральной партіи. Первая обстоятельная программа была выработана партіею послѣ отдѣленія отъ нея группы „сецессіонистовъ“ въ 1881 г. Въ ней партія высказывается за соціально-политическія реформы Бисмарка, по отношенію же къ его экономической политикѣ въ точности не опредѣляетъ своей позиціи, въ силу того убѣжденія, что „противуположныя мнѣнія о покровительственныхъ пошлинахъ и свободной торговлѣ не должны служить основой образованія политическихъ партій“. Партійные манифесты отъ 1884-го, 1891-го и послѣдующихъ годовъ въ общемъ подтверждаютъ прежнюю программу, но уже въ 1891 г. мы встрѣчаемъ положеніе, согласно которому съѣздъ націоналъ-либеральной партіи признаетъ „необходимымъ наступленіе паузы въ области соціально-политическихъ реформъ“. Это положеніе и по сіе время остается руководящей нитью въ парламентской практикѣ націоналъ-либеральной партіи.

Нѣтъ, очевидно, ничего неисповѣдимѣе, чѣмъ судьбы нѣмецкаго либерализма. Еще совсѣмъ недавно политическіе шутники слѣдующимъ образомъ разграничивали обѣ свободомыслящія группы: свободомыслящій союзъ (Freisinnige Vereinigung) квалифицировали словами Wadenstrümpfler, т. е. либералами въ высокихъ по колѣно чулкахъ, что указывало на салоноспособность; между тѣмъ какъ свободомыслящую народную партію Евгенія Рихтера (Freisinnige Volkspartei) называли Wasserstifler, т. е. либералами въ высокихъ ботфортахъ, что указывало на радикализмъ градусомъ повыше. Но достаточно было пройти періоду отъ однихъ выборовъ до другихъ, и обѣ группы какъ будто помѣнялись ролями. Свободомыслящая народная партія, которая послѣ выборовъ 1903 г. насчитываетъ въ рейхстагѣ 21 представителя и приблизительно столько же въ прусскомъ ландтагѣ, есть слабый остатокъ нѣкогда могущественной прогрессивной партіи. Своей программой отъ 1861 г. нѣмецкая прогрессивная партія примыкала къ демократическимъ традиціямъ революціонной эпохи 40-хъ гг. прошлаго вѣка. Она отстаивала идею германскаго единства подъ прусскимъ главенствомъ, но въ то же время ставила необходимымъ усло-

віемъ созданіе въ Пруссіи конституціоннаго правового строя. Изъ этимъ двухъ требованій и возникла та оппозиція противъ Бисмарка, которая составляла жизненное содержаніе прогрессивной, а затѣмъ и свободомыслящей партіи вплоть до отставки желѣзнаго канцлера. Прогрессивная партія боролась противъ Бисмарка главнымъ образомъ потому, что въ притѣснителѣ прусской свободы не хотѣла признавать вождя германскаго объединенія. Политика „крови и желѣза“ взяла, однако, верхъ, и послѣ событій 1866 г., за выдѣленіемъ національ-либеральной группы, прогрессивная партія опустилась на степень меньшинства, которое съ тѣхъ поръ не переставало быть ея печальнымъ удѣломъ. Но и въ меньшинствѣ она еще долгое время храбро боролась за дѣло либерализма. Вся ея сила покоилась именно на оппозиціи самоуправству бисмарковскаго режима и конституціонной безхарактерности національ-либераловъ.

Можно сказать, что свободомыслящая партія болѣе всѣхъ другихъ сохранила чисто политическій характеръ и менѣе всѣхъ подчинялась вліянію соціальныхъ теченій времени. Лишь въ 1894 г., на партійномъ съѣздѣ въ Эйзенахѣ, въ программу партіи были включены кое какія соціально-политическія требованія, какъ воспрещеніе промысловаго труда для дѣтей моложе 14 лѣтъ, девятичасовой максимальный рабочій день, пересмотръ законовъ о рабочемъ страхованіи и т. п. Въ общемъ же Евгеній Рихтеръ со своей партіей продолжаютъ оставаться манчестерскимъ памятникомъ среди радикально преобразившейся соціально-политической обстановки. Преобладающая и чуть ли не исключительная тенденція свободомыслящей программмы сводится къ утвержденію правовыхъ началъ и парламентскаго строя на почвѣ конституціонной монархіи и федеративнаго союза нѣмецкихъ государствъ. Эта тенденція неоднократно служила для свободомыслящей партіи и ея вождя импульсомъ блестящихъ парламентскихъ тріумфовъ, но она не въ состояніи была дать полное жизненное содержаніе Рихтеровскому свободомыслію и предупредить его окончательное банкротство.

При политической отсталости и наличной группировкѣ классовъ въ Германіи съ ея милліонами мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, крестьянъ, мелкаго служащаго сословія и т. п. имѣется еще достаточно простора для существованія буржуазно-демократической партіи, и существованіе такой „срединной“ партіи сильно повысило бы шансы парламентской и внѣпарламентской борьбы съ прусско-нѣмецкой реакціей. Но при той мощи, которой достигло въ Германіи политическое и профессіональное рабочее движе-

ніе, и при томъ значеніи, которое завоевала себѣ въ политической жизни рабочая партія въ качествѣ носительницы крайнихъ демократическихъ требованій, всякая буржуазная демократическая партія теряетъ свою жизненность, если она направляетъ свои стрѣлы противъ соціальной демократіи или, смотря по надобности, мѣняетъ свой курсъ. Положеніе нѣмецкаго либерализма между двухъ огней несомнѣнно очень трудное: справа тѣснитъ его реакція всѣхъ видовъ, слѣва подтачиваетъ соціалъ-демократія. Но вмѣсто того, чтобы возвыситься надъ повседневными невзгодами и остаться вѣрной своему прогрессивному призванію,—расчищать путь отъ полицейски-бюрократическихъ нагроможденій, — свободомыслящая партія разрѣшила дилемму слѣдующимъ донъ-кихотскимъ образомъ: она станетъ бороться на два фронта, противъ соціализма на одной сторонѣ и противъ реакціи на другой! Этотъ девизъ былъ провозглашенъ партіей Рихтера на одномъ изъ ея послѣднихъ съѣздовъ и на дѣлѣ свелся, конечно, къ борьбѣ противъ одного фронта и въ угоду реакціи.

Изъ всѣхъ разновидностей нѣмецкаго либерализма рихтеровское крыло обнаруживало наибольшее доктринерство въ отношеніи къ рабочему движенію и къ его партійно-политическому выраженію. Въ рабочемъ движеніи оно видѣло прежде всего коллективистскую тенденцію и, игнорируя непосредственныя задачи движенія, ломало себѣ голову надъ разрѣшеніемъ проблемы государства, въ которомъ консеквентнымъ образомъ проведена будетъ коллективистская идея. Отсюда получился между прочимъ и знаменитый памфлетъ Рихтера „Картинки изъ Цукунфштата“, за которыми слѣдовали разныя другія картинки того же каррикатурнаго свойства. Всѣ такія картинки будущаго часто становились предметомъ ожесточенной партійной полемики не только въ печати, но и на парламентской трибунѣ. Чѣмъ кровопролитнѣе были схватки между либералами и соціалистами, тѣмъ злорадственнѣе потирали себѣ руки „охранительныя“ партіи, хорошо зная, что въ изолированности либеральной оппозиціи отъ демократической лежитъ залогъ ближайшихъ успѣховъ реакціи. Эта капризная ненависть свободомыслящей партіи къ „конечнымъ цѣлямъ“ соціалъ-демократіи перенеслась и на болѣе жгучія и непосредственныя задачи рабочаго движенія и рабочей партіи. Она съ теченіемъ времени приняла такія острыя формы, что свободомыслящая партія не допускаетъ теперь и мысли о какой либо сдѣлкѣ, о политическомъ компромиссѣ съ крайней лѣвой, идетъ ли рѣчь о томъ, чтобы дружнымъ образомъ парировать происки

реакціоннаго большинства въ парламентѣ, или же на выборахъ провалить реакціоннаго кандидата. Краснорѣчивой иллюстраціей такого самоубійственнаго упорства свободомыслящей партіи служила ея политика во время таможенной обструкціи 1902 года: изъ старческаго раздраженія противъ своихъ старыхъ единомышленниковъ (свободомыслящаго союза) и изъ болѣзненной непріязни къ соціалъ-демократіи, Рихтеръ не счелъ нужнымъ поддержать внушительную парламентскую коалицію въ такомъ дѣлѣ, на сторонѣ котораго въ сущности были всѣ принципіальныя симпатіи свободомыслящей партіи, такъ какъ эта коалиція была направлена противъ протекціонистскихъ тенденцій правительства и аграрныхъ домогательствъ парламентскаго большинства.

На такой же „свободомыслящей“ высотѣ стоитъ и избирательная тактика партіи. Уже съ давнихъ поръ свободомыслящая партія оказывается не въ состояніи собственными силами провести своихъ кандидатовъ на главныхъ выборахъ и всецѣло зависитъ отъ посторонней поддержки на перебаллотировкахъ. Въ этомъ отношеніи одна только соціалъ-демократическая партія строго соблюдаетъ принципъ безусловной поддержки либеральнаго кандидата, разъ онъ находится въ перебаллотировкѣ съ консерваторомъ того или другого толка. Благодаря этому на выборахъ 1903 г. свободомыслящіе изъ 21 депутата провели въ рейхстагъ 10 своихъ кандидатовъ только съ помощью этой партіи. Какъ же отплатили они за эту поддержку? Не менѣе 18 мандатовъ свободомыслящіе помогли завоевать консервативнымъ партіямъ, находившимся въ перебаллотировкахъ съ соціалъ-демократами; 5 мандатовъ съ ихъ помощью добыли національ-либералы въ борьбѣ съ соціалъ-демократами. Такимъ образомъ, по винѣ свободомыслящей партіи по крайней мѣрѣ лишнихъ 24 мандата перешли въ руки аграрнаго и реакціоннаго большинства рейхстага, что, конечно, означаетъ большое ослабленіе его оппозиціоннаго меньшинства. На послѣдовавшихъ вскорѣ выборахъ въ прусскій ландтагъ указанная тактика рихтеровцевъ справляла уже настоящія оргіи, и только въ виду такой тактики первый опытъ участія рабочей партіи въ прусскихъ выборахъ не имѣлъ непосредственнаго практическаго успѣха.

Гораздо проще и реальнѣе смотрѣла на вещи другая свободомыслящая группа, Freisinnige Vereinigung. Эта группа отдѣлилась отъ Рихтера въ 1893 г. по поводу разногласій насчетъ тогдашнихъ военныхъ законопроектовъ. Она не раздѣ-

ляла антимилитаристскихъ взглядовъ Евгенія Рихтера, полагая, что съ началомъ „новаго курса“ послѣ бисмарковской эры слѣдуетъ относиться съ большей отзывчивостью къ „національнымъ“ задачамъ государства и не ограничиваться одной безплодной критикой правительственной политики. Покойный Генрихъ Риккертъ, а послѣ его смерти талантливый публицистъ и издатель журнала „Die Nation“, д-ръ Бартъ, стремились вдохнуть въ свою группу болѣе живую струю, исходя изъ того убѣжденія, что борьба „на два фронта“ не только не подъ силу нѣмецкому либерализму, но и совершенно не соотвѣтствуетъ настоятельнымъ запросамъ современной германской жизни и политики.

Въ группѣ Свободомыслящаго Союза всего ярче выражены фритредерскія тенденціи и потому ея главными приверженцами являются представители крупнаго торговаго и банковскаго капитала. Проведеніе же фритредерскихъ идей тѣсно связано съ развитіемъ нѣмецкаго индустріализма, слѣдовательно, съ судьбами и поступательнымъ ростомъ промышленнаго класса. Отсюда вытекала потребность болѣе отзывчиваго отношенія къ рабочему движенію и къ его политической организаціи. Группа Барта не постыдилась, поэтому, энергичнымъ образомъ поддержать въ рейхстагѣ противоаграрную обструкцію рабочей партіи. Обновленіе нѣмецкаго либерализма въ духѣ большаго проникновенія его національнымъ (понимай: міровая и колоніальная политика, усиленіе военныхъ и морскихъ силъ государства) и соціальными (понимай: содѣйствіе подъему трудящихся классовъ, борьба противъ консеративно-клерикальной реакціи) стремленіями, — вотъ та задача, которую преслѣдуетъ д-ръ Бартъ въ своей упорной устной и печатной агитаціи. Задача эта оказалась очень не легкой; особенно мысль Барта о дружномъ единеніи либераловъ съ соціалъ-демократіей въ вопросахъ практической политики представилась многимъ столь опасной, что настойчивая пропаганда этой мысли стоила Барту потери его мандата въ рейхстагѣ и въ прусскомъ ландтагѣ. Самая же группа Свободомыслящаго Союза имѣетъ теперь въ рейхстагѣ 9 представителей и приблизительно столько же въ прусскомъ ландтагѣ.

Идея національно-соціальной политики въ чистомъ и оригинальномъ видѣ родилась еще раньше въ головѣ одного очень недюжиннаго, но нѣсколько фантастически настроеннаго человѣка. Это былъ пасторъ Фридрихъ Науманъ, подобно многимъ „молодымъ“ пасторамъ вышедшій изъ рядовъ христіански-соціальнаго движенія, слѣдовательно — по прямой линіи ученикъ Штеккера. Но тогда какъ христіанскій

соціализмъ учителя становился антисемитически-реакціоннымъ, нѣсколько его талантливыхъ учениковъ искали болѣе достойнаго исхода своему политическому энтузіазму. Одни изъ нихъ причалили къ пристани соціалъ-демократіи, другіе остановились на полпути, Науманъ же пошелъ своимъ собственнымъ путемъ, развернувъ знамя „національнаго соціализма“. Легко догадаться, что идея Наумана явилась противовѣсомъ революціонному „международному“ соціализму. Въ качествѣ піонера „партіи будущаго“, Науманъ основалъ въ 1896 г. „Національ-Соціальный Фереінъ“. Въ томъ же году была выработана программа, а въ 1898 г. новая группа уже выставила въ 11 округахъ собственныхъ кандидатовъ. Тенденціи этой группы намѣчены уже выше въ характеристикѣ новѣйшаго фазиса Свободомыслящаго Союза. Національная сторона наумановской партіи заключалась въ укрѣпленіи внѣшней силы и могущества Германіи, соціальная—въ томъ, чтобы эту національную политику утверждать на экономическомъ и политическомъ подъемѣ трудящихся классовъ. „Мы желаемъ политику силы во внѣшнихъ дѣлахъ, политику реформъ во внутреннихъ“, — такъ формулируетъ эту мысль § 1 наумановской программы. Уже съ самаго начала Науману рисовалась перспектива союза либеральныхъ партій съ пролетарскими массами, обращенными къ національнымъ идеаламъ. Осуществленію этой цѣли служатъ, по мнѣнію Наумана, элементы бернштейніанства въ средѣ соціалъ-демократіи, внѣ ея — національ-соціалисты, передовыя силы Свободомыслящаго Союза и наиболѣе передовые элементы прочихъ либеральныхъ партій. Эта „великая лѣвая“ одна, де, способна побороть реакцію, тѣмъ болѣе что съ ея выступленіемъ на политическую арену она имѣла бы на своей сторонѣ одемократившуюся императорскую власть. Монархія, по убѣжденію Наумана,—и это его idée fixe,—томится въ тискахъ консервативно-клерикальной реакціи, она съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда въ своей прогрессивной національной и соціальной политикѣ сможетъ опереться на возродившееся либерально-демократическое большинство.

Почти десять лѣтъ работалъ Науманъ со сверхчеловѣческой энергіей на пользу этихъ своихъ идей. Одаренный блестящимъ публицистическимъ и ораторскимъ талантомъ, онъ и въ основанныхъ имъ изданіяхъ („Hilfe“ и „Zeit“), и въ неутомимой устной агитаціи успѣлъ завоевать себѣ если не очень много сторонниковъ, то очень много общественнаго вниманія и интереса. Съ особеннымъ интересомъ относились къ нему академическіе круги и академическая молодежь.

Но этихъ слоевъ было недостаточно, чтобы сформировать новую партію, да и эти слои болѣе занимала національная политика, чѣмъ соціальная. На выборахъ 1898 г. за науманновскихъ кандидатовъ было подано 27,144 голоса,—для начала довольно солидная цифра. Но прошло еще пять лѣтъ и оказалось, что науманновской пропагандѣ не удалось пустить глубокихъ корней въ народѣ: выборы 1903 г. дали всего 30,204 голоса, и хотя въ Марбургѣ, съ помощью соціалъ-демократовъ, прошелъ на перебаллотировкѣ національ-соціальный кандидатъ фонъ-Герлахъ, самъ Науманъ убѣдился въ безплодности дальнѣйшихъ усилій и, скрѣпя сердце, ликвидировалъ свою организацію. По его предложенію, большинство членовъ партіи рѣшили упразднить собственныя организаціи и примкнуть къ Свободомыслящему Союзу д-ра Барта.

Подымаясь по лѣстницѣ нѣмецкаго либерализма, мы на его высшей ступени встрѣчаемъ, наконецъ, такъ называемую нѣмецкую, вѣрнѣе южно-нѣмецкую народную партію (Deutsche Volkspartei), которую принято считать самымъ радикальнымъ крыломъ нѣмецкой буржуазной демократіи. Главнымъ очагомъ этой партіи съ давнихъ поръ было Вюртембергское королевство; кое-какіе признаки ея существованія замѣтны въ Баденѣ и Баваріи.

Если бы программа каждой партіи исчерпывала ея подлинную сущность, то нѣмецкая народная партія ничего не оставляла бы желать въ смыслѣ демократизма. Но между словомъ и дѣломъ обыкновенно существуетъ очень большое разногласіе, и потому намъ приходится на протяженіи всего нашего очерка останавливаться не столько на томъ, чѣмъ является та или иная партія по своей программѣ, сколько на томъ, что она представляетъ собою въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, и южно-нѣмецкая демократія не совсѣмъ стоитъ на высотѣ своей программы, пространно формулированной ею на мюнхенскомъ съѣздѣ 1895 г. Мы ограничимся поэтому, приведеніемъ лишь тѣхъ основныхъ четырехъ принциповъ, которые Южно-нѣмецкая народная партія предпосылаетъ своимъ детальнымъ политическимъ и экономическимъ требованіямъ. Эти принципы гласятъ: 1) Нѣмецкая народная партія есть партія политическаго прогресса; она признаетъ свою приверженность принципомъ свободы и равенства и требуетъ одинаковаго соучастія всѣхъ гражданъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. 2) Народная партія есть партія общаго національнаго единства и само-

управленія союзныхъ государствъ. Она отстаиваетъ строгое единство нѣмецкаго государства, но и полную самостоятельность и равноправность отдѣльныхъ нѣмецкихъ племенъ. 3) Народная партія есть партія соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Она признаетъ, что государственные и общественные вопросы неразрывны между собою и что экономическій подъемъ рабочихъ классовъ и осуществленіе политической свободы другъ друга взаимно обусловливаютъ. Она добивается мирнаго уравненія соціальныхъ противоположностей въ предѣлахъ общественнаго строя, обезпечивающаго свободу отдѣльной личности. 4) Народная партія есть партія мира. Она признаетъ въ войнѣ и въ милитаризмѣ тяжкій ущербъ народному благосостоянію и интересамъ культуры и свободы.

Въ Вюртембергѣ народная партія стяжала себѣ безспорную заслугу тѣмъ, что въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій поддерживала въ народѣ живой интересъ къ тремъ главнѣйшимъ реформамъ, стоявшимъ на очереди политической жизни страны. Она боролась за реформу конституціи, общиннаго управленія и податной системы и въ этой борьбѣ завоевала себѣ въ 1895 г. первое мѣсто въ королевствѣ и президентскій постъ въ ландтагѣ. Занявъ эту выдающуюся позицію, она предприняла осуществленіе своихъ плановъ сообща съ другими партіями, но тотчасъ должна была разочароваться въ успѣшности своихъ начинаній. Ни католическій центръ вюртембергскаго ландтага, ни національ-либералы, называющіеся здѣсь „Нѣмецкой партіей“ (Deutsche Partei) и еще менѣе палата господъ соглашались принять цѣликомъ реформы „правящихъ“ демократовъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать пропаганду своихъ популярныхъ требованій въ народѣ, народная партія пошла на уступки; за ея требованія полностью принялась агитировать соціалъ-демократія. Уступчивость народной партіи тотчасъ уронила ее во мнѣніи народа и повысила шансы соціальной демократіи, съ которой ея отношенія стали все болѣе обостряться. Она впала въ обычный тонъ либераловъ и начала запугивать всѣхъ краснымъ призракомъ революціи.

Съ этого времени народная партія пошла на убыль. Высшимъ моментомъ ея развитія были имперскіе выборы 1893 г., когда изъ 17 вюртембергскихъ мандатовъ въ рейхстагѣ ей досталось 11, и вюртембергскіе выборы 1895 г., когда она, въ числѣ 31 депутата, заняла мѣсто самой сильной фракціи и своего вождя, штутгартскаго адвоката Фридриха Пайера, провела въ президенты ландтага. Но уже на общихъ выборахъ 1898 г. народная партія изъ 11 мандатовъ рейх-

стага удержала за собою только 8, изъ которыхъ на дополнительныхъ выборахъ 1899 г. потеряла одинъ въ пользу соціалъ-демократіи; на вюртембергскихъ выборахъ 1900 г. она также изъ 31 мандата удержала всего 26, изъ которыхъ впослѣдствіи, на дополнительныхъ выборахъ, еще потеряла два мандата. Въ промышленныхъ округахъ народную партію стала тѣснить соціалъ-демократія, въ сельско - хозяйственныхъ—все смѣлѣе выступавшій Союзъ сельскихъ хозяевъ, который прикрывается здѣсь болѣе заманчивымъ именемъ „Крестьянскаго Союза". Эти неудачи не усилили, а еще болѣе ослабили демократическое рвеніе народной партіи. Вмѣсто того, чтобы парализовать успѣхи соціалъ-демократіи возможно болѣе строгой пропагандой своихъ принциповъ, она ударилась въ другую сторону и стала проявлять національ-либеральные аллюры: заигрывать съ милитаризмомъ, съ аграріями, оперировать фразами на счетъ національной и міровой политики и заодно съ Евгеніемъ Рихтеромъ метать громы и молніи противъ таможенныхъ обструкціонистовъ. Отъ такой тактики оставался лишь одинъ шагъ къ вполнѣ открытой выборной коалиціи народной партіи съ кандидатами вюртембергскихъ національ-либераловъ, что въ дѣйствительности случилось въ послѣднее время какъ на общихъ, такъ и на мѣстныхъ вюртембергскихъ выборахъ. Но такая политика избирательныхъ компромиссовъ необходимымъ образомъ означала коалицію противъ крайней демократіи и политическую дезорганизацію избирательныхъ массъ. Народная партія, въ лицѣ своихъ вождей вступившая на этотъ скользкій путь, утратила твердое руководительство своими прежними избирателями. Особенно рѣзко сказывалось это на перебалотировкахъ, когда отъ голосовъ народной партіи зависѣлъ исходъ борьбы между радикальными и умѣренными или консервативными кандидатами: вожди партіи или не рѣшались съ полною откровенностью провозглашать свой пароль, или же избиратели не всегда слѣдовали ихъ паролю съ прежнимъ безпрекословіемъ, если подчасъ и очень хлопотала объ этомъ демократическая пресса съ „Франкфуртской Газетой" во главѣ.

Изъ имперскихъ выборовъ 1903 г. народная партія вышла всего съ 6 мандатами, между тѣмъ какъ число поданныхъ за нее голосовъ съ 108,528 въ 1898 г. опустилось въ 1903 до 91,217, т. е. уменьшилось на всемъ югѣ Германіи на 17,311 и въ одномъ Вюртембергѣ болѣе чѣмъ на 13,000.

„Народная партія" очевидно не избѣгаетъ общей участи нѣмецкаго либерализма. Съ одной стороны, она утрачиваетъ подъ собою почву, благодаря видоизмѣненіямъ въ экономи-

ческихъ отношеніяхъ, а, съ другой стороны, еще болѣе потому, что недостаточной политической выдержкой будитъ чувства недовольства въ тѣхъ слояхъ населенія, на которые могла бы еще съ успѣхомъ опираться буржуазная демократія. Спеціально о Вюртембергѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тамъ болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, сохранились еще демократическія традиціи движенія 40-хъ годовъ прошлаго вѣка. На это указываетъ уже и самый фактъ значительнаго преобладанія въ странѣ „народной партіи".

VI.

Центръ.

Партійно-политическая жизнь Германіи получила бы несомнѣнно значительно болѣе упрощенный характеръ, если бы она, кромѣ экономическихъ и политическихъ разногласій, не находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ конфликтовъ и контрастовъ религіознаго, вѣроисповѣднаго свойства. Побѣда, одержанная въ свое время католической контръреформаціей надъ цѣлой третью нынѣшней германской территоріи, повела за собою вѣроисповѣдную рознь, которая и по сіе время кладетъ свой отпечатокъ на весь складъ нѣмецкихъ политическихъ отношеній.

Уже подъ вліяніемъ движенія 40-хъ гг. прошлаго вѣка на смѣну преобладавшихъ ранѣе аристократическихъ тенденцій въ нѣмецкомъ клерикализмѣ стали рѣзко выступать тенденціи ко все большей его демократизаціи. При такихъ условіяхъ нѣмецко-клерикальнымъ движеніемъ овладѣли преимущественно тѣ элементы, которые болѣе другихъ носили на себѣ демократическій отпечатокъ: іезуитизмъ и низшее духовенство. Живое общеніе между католическими массами и ихъ непосредственными руководителями особенно рельефно выразилось въ образованіи разнаго рода ферейновъ, братствъ, духовныхъ корпорацій и т. п. Средоточіемъ же этой возродившейся жизни явились ежегодныя общія собранія католиковъ, начавшія играть очень важную роль съ середины 50-хъ гг.

Съ ростомъ клерикализма, какъ демократической силы, отступали на задній планъ высшіе католическіе сановники, и черезъ головы епископовъ завязывались непосредственныя отношенія къ верховному авторитету католической церкви— къ папѣ. Противодѣйствіе епископовъ этому процессу и ихъ усилія приковать къ себѣ низшее духовенство не имѣли успѣха. Общественная жизнь въ средѣ католицизма создава-

лась ферейнскими организаціями и назрѣвавшей клерикальной прессой и находилась подъ руководствомъ папскаго престола. Въ это время разсмотрѣніе церковно-католическихъ вопросовъ въ нѣмецкихъ конституціонныхъ государствахъ перестало быть предметомъ исключительныхъ сношеній между епископами, правительствомъ и папской куріей и все больше проникало въ сферу дѣятельности соотвѣтственныхъ парламентовъ. Разъ органы народнаго представительства стали одной изъ инстанцій для разсмотрѣнія церковно-политическихъ отношеній въ средѣ католицизма, то во многихъ мѣстахъ естественнымъ образомъ стали обнаруживаться зачатки особой церковно-политической партіи. Всего раньше стали они обнаруживаться въ южной Германіи, въ Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ. Когда же послѣ событій 1866 г., въ первый разъ со времени 1848 г., собрался таможенный парламентъ, то въ немъ, несмотря на чисто хозяйственныя его задачи, оказалось много депутатовъ южной Германіи, избранныхъ подъ знакомъ клерикализма.

Объясненіе этого на первый взглядъ загадочнаго факта слѣдуетъ искать въ общихъ политическихъ условіяхъ клерикализма. Курія, ставшая средоточіемъ клерикальнаго движенія Европы, въ то время чрезвычайно выросла въ своемъ духовномъ значеніи; свидѣтельствомъ этого явилось, между прочимъ, быстрое развитіе догматическаго ученія католической церкви вплоть до признанія догмы о папской непогрѣшимости. Но подъемъ духовной власти римской куріи сопровождался упадкомъ ея свѣтской власти подъ преимущественнымъ вліяніемъ національныхъ объединительныхъ движеній, которыя были тѣсно связаны съ либеральными запросами эпохи и которыя въ Италіи и въ Германіи нашли себѣ особенно яркое выраженіе.

По отношенію къ Германіи у католиковъ имѣлось еще особое основаніе для недовольства. Первоначально они симпатизировали идеѣ національнаго единства, но это единство они представляли себѣ подъ главенствомъ Австріи. Единая нѣмецкая имперія съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ и съ Габсбургской династіей, какъ носительницей императорской короны, — такова была завѣтная мечта нѣмецкихъ клерикаловъ франкфуртскаго національнаго собранія. Но этому не суждено было свершиться; ходъ исторіи придалъ дѣлу національнаго объединенія Германіи такой оборотъ, съ которымъ въ теченіе долгаго времени не могли мириться ни нѣмецкій католицизмъ, ни римская курія. При такихъ условіяхъ понятно будетъ обнаруженіе клерикально-партійныхъ тенденцій уже во время таможеннаго парламента,

Графъ Баллестремъ,
депутатъ „центра“, президентъ рейхстага.

который имѣлъ своей задачей разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ духѣ требованій либерализма и означалъ собою важный шагъ по пути нѣмецкаго единства подъ уже неизбѣжнымъ прусскимъ верховенствомъ.

Послѣ 1870 г. и съ провозглашеніемъ догмы о папской непогрѣшимости отношенія между клерикализмомъ и восторжествовавшимъ протестантскимъ государствомъ еще болѣе обострились. Уже въ 1870 г., слѣдовательно еще во время франко-нѣмецкой войны, мы встрѣчаемъ въ прусскомъ ландтагѣ 60 депутатовъ, которые готовы были бороться съ опасностями, угрожавшими католической церкви и папской супрематіи. Но и на этотъ разъ мысль объ образованіи особой католической партіи осталась неосуществленной, такъ какъ встрѣчала противодѣйствіе со стороны очень вліятельныхъ представителей въ средѣ самихъ католиковъ. Только нѣсколько позже, осенью 1870 г., по иниціативѣ извѣстнаго д-ра Виндгорста, было созвано въ одномъ баварскомъ замкѣ тайное собраніе, на которомъ рѣшено было при предстоявшихъ тогда первыхъ общихъ выборахъ въ имперіи основать особую католическую партію и одновременно съ этимъ—спеціальную газету для упроченія новыхъ партійныхъ интересовъ. Газета „Germania“ стала уже выходить въ Берлинѣ съ 1 января 1871 г., а послѣдовавшіе затѣмъ выборы въ рейхстагъ въ мартѣ того же года принесли съ собою и вожделѣнную партію. Этимъ было положено начало широкой партійно-политической организаціи нѣмецкаго католицизма. Правда, католическая партія, какъ она впервые въ числѣ 63 членовъ выступила въ германскомъ рейхстагѣ, въ чисто политическомъ отношеніи состояла изъ самыхъ разнообразныхъ и прямо противоположныхъ элементовъ; рядомъ съ ультра-консервативной баварской знатью, прусскими юнкерами и польскими магнатами сидѣли въ одной съ ними фракціи ультра-либеральные представители прирейнской буржуазіи, радикальные депутаты изъ рядовъ прусскаго конституціоннаго конфликта и представители средняго и низшаго католическаго духовенства. Но это нисколько не служило въ ущербъ единству партіи. Въ этомъ именно и заключалась особенность новой партіи, что она сумѣла сплотить въ одно цѣлое аристократическіе и демократическіе элементы, которые еще, какъ мы увидимъ, и по сіе время находятся въ относительномъ равновѣсіи. Это сплоченіе состоялось на основѣ очень краткаго и безцвѣтнаго программнаго пункта, который въ задачу фракціи вмѣнялъ „отстаивать сохраненіе и органическое развитіе конституціонныхъ правъ вообще и, въ частности, свободу и самостоятельность церкви и ея учре-

жденій". Членамъ фракціи въ предѣлахъ этой задачи предоставлялась полная свобода дѣйствій и голосованія. Сама фракція по мѣсту своего расположенія въ рейхстагѣ окрестила себя именемъ Центра.

Начало партійно-политической карьеры нѣмецкихъ католиковъ совпадаетъ съ эпохой той знаменитой церковно-политической борьбы, которая въ Пруссіи и въ Германіи была инсценирована вскорѣ послѣ основанія объединенной имперіи и съ легкой руки Вирхова получила названіе „культурной борьбы". Начало 1872 г. означало для Пруссіи очень важный поворотный пунктъ. Со внесеніемъ законопроекта о порядкѣ надзора за воспитательными и образовательными учрежденіями правительство формально порывало связь съ церковно-политической системой многихъ десятилѣтій; для руководящаго государства въ имперіи пришло время, котораго уже съ давнихъ поръ ждали всѣ прогрессивные элементы нѣмецкаго общества,— время освобожденія народа отъ опеки духовенства. Требованія эпохи, какъ они выразились въ указанномъ законопроектѣ и въ послѣдующихъ затѣмъ законодательныхъ актахъ касательно права свободнаго выхода изъ церковнаго союза, обязательнаго гражданскаго брака и т. п., несомнѣнно вытекали изъ всего прошлаго, такъ какъ процессъ національнаго возрожденія Германіи со временъ революціи и до основанія единой имперіи въ сущности являлся борьбой за государственныя формы между приверженцами современныхъ понятій о государствѣ и реакціонерами, могучую опору которыхъ составлялъ авторитетъ духовенства. Споръ о государственныхъ формахъ былъ, наконецъ, улаженъ; неудивительно, что вслѣдъ за этимъ всѣ элементы, создавшіе новое государство, соединились, чтобы обезпечить ему дальнѣйшее развитіе и защитить отъ тѣхъ, кто служилъ постояннымъ тормазомъ его основанія. Продолженіе политическаго процесса на церковно-политической почвѣ было вполнѣ естественной, на инстинктѣ самосохраненія основанной, тенденціей побѣдоноснаго поколѣнія, которое къ тому же было провоцировано притязаніями римской куріи.

„Культурная борьба", начатая во имя требованій либерализма и при дѣятельной поддержкѣ самой вліятельной въ то время національ-либеральной партіи, была въ значительной степени профанирована тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ этого церковно-политическаго конфликта фактически сталъ человѣкъ, менѣе всего расположенный къ запросамъ истиннаго либерализма и индивидуальной свободы. Бисмаркъ, разсматривавшій управленіе государствомъ какъ свою неоспо-

римую привилегію, принципіально нисколько не былъ связанъ съ либеральными идеями. Для него все было лишь орудіемъ для упроченія олицетворенной въ его персонѣ государственной власти. Принявъ на себя руководство въ борьбѣ за освобожденіе личности отъ клерикальной опеки, онъ наложилъ на все движеніе обычную у него печать „желѣза и крови“. Какъ только онъ достигъ своей цѣли, то не задумался примириться съ прежними консервативными и клерикальными противниками и бросить за бортъ своихъ либеральныхъ союзниковъ въ культурной борьбѣ.

Эта борьба между государствомъ и церковью длилась отъ 1872 по 1878 г. Со стороны государства она нашла свою рѣзкую формулировку въ „майскихъ законахъ“ 1873 г., служившихъ юридической основой для всѣхъ преслѣдованій католической церкви, ея приверженцевъ и учрежденій. Католическія учебныя заведенія были лишены государственной поддержки и вскорѣ совершенно закрыты. Преслѣдованіе отдѣльныхъ лицъ, помимо неутвержденія строптивыхъ католиковъ въ общественныхъ должностяхъ и отказа въ разныхъ государственныхъ льготахъ, совершалось еще путемъ процессовъ и арестованія епископовъ и прочаго духовенства. Къ этому присоединялось изгнаніе изъ предѣловъ имперіи разныхъ католическихъ орденовъ, закрытіе многочисленныхъ католическихъ ферейновъ и строгое преслѣдованіе католической прессы. Несмотря на всѣ эти преслѣдованія, вѣрнѣе—благодаря имъ, число католическихъ избирателей и депутатовъ центра значительно возросло въ самый разгаръ „культурной борьбы“. Подъ свѣжимъ вліяніемъ майскихъ законовъ, на ближайшихъ выборахъ 1874 г. за кандидатовъ центра было уже подано 1,445,948 вмѣсто 724,837 голосовъ 1871 г., и католическая фракція въ рейхстагѣ достигла 91 члена вмѣсто 63 предыдущей легислатуры. Съ небольшими колебаніями эти цифры удержались и въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ избирательныхъ періодовъ, что, конечно, не составляетъ численнаго прогресса партіи, если принять въ расчетъ ростъ населенія Германіи, но въ то же время отнюдь не можетъ быть истолковано въ смыслѣ успѣшнаго вліянія репрессивныхъ мѣръ культурной борьбы. Фактическій ходъ вещей вскорѣ заставилъ самого Бисмарка усумниться въ спасительности этихъ мѣръ, грубымъ образомъ вторгавшихся во внутреннія отношенія католической церкви.

Какъ бы то ни было, но уже къ серединѣ 70-хъ гг. волны культурной борьбы стали замѣтно сглаживаться. У Бисмарка назрѣвали планы новой экономической политики, побуждавшіе его къ прекращенію союзныхъ отношеній съ либера-

лами и къ исканію новыхъ политическихъ точекъ опоры. Къ этому же времени онъ пресытился борьбой съ католицизмомъ и постепенно сталъ сближаться съ римской куріей. Расположеніе куріи, по собственному признанію Бисмарка, было ему необходимо для осуществленія новой его задачи: борьбы съ соціалъ-демократіей. Въ теченіе десятилѣтія, приблизительно съ 1878 по 1887 г., совершался процессъ примиренія между правительствомъ и католической партіей. Правительство постепенно упраздняло репрессивное законодательство культурной борьбы, а партія центра постепенно сживалась съ окружающей политической средой, подготовляя для себя почву „правящей“ партіи въ имперіи. Этотъ процессъ, начавшійся еще въ послѣдніе годы жизни чрезвычайно даровитаго д-ра Виндгорста, формальнымъ образомъ опредѣлился, когда послѣ его смерти въ 1891 г. во главѣ партіи сталъ д-ръ Либеръ, до тривіальности посредственный умъ, но какъ нельзя лучше приспособленный къ измѣнившимся условіямъ политики. Опираясь на могущественную организацію католической церкви, партія центра во время культурной борьбы обнаружила необыкновенную силу выдержки и противодѣйствія и этимъ создала себѣ еще и по сіе время почти непоколебленную позицію въ народѣ и прямо непостижимое по своему громадному значенію вліяніе въ политической жизни. Въ то время, какъ классовыя противоположности все больше обостряются, волны классовой борьбы подымаются все выше и выше, пережитки стараго порядка все болѣе разлагаются,—въ это самое время исторически самая отсталая партія держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы государственной жизни и по своему усмотрѣнію даетъ то или иное направленіе всей германской политикѣ. Высокая „башня центра“ оставалась до сихъ поръ незыблемой, тогда какъ кругомъ нея носятся обломки пережившихъ свое время буржуазныхъ партій. Такая на первый взглядъ непонятная аномалія несомнѣнно имѣетъ свое объясненіе въ обостренномъ, но все еще довольно хаотическомъ состояніи классовыхъ контрастовъ, благодаря которому на поверхности удерживается партія, состоящая изъ самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ элементовъ, но крѣпко сомкнутая историческими и идеологическими узами.

Въ борьбѣ протестантизма съ католицизмомъ послѣдній отличается болѣе боевымъ характеромъ не только потому, что въ немъ въ гораздо большей степени слиты въ одно политическія тенденціи съ церковно-религіозными. Христіански-соціальныя доктрины въ тѣсномъ смыслѣ слова являлись въ нѣдрахъ католицизма дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, единич-

ныхъ попытокъ. Католицизмъ же въ широкомъ смыслѣ церковной организаціи носитъ по преимуществу политическій характеръ. Долгая исторія католицизма такъ глубоко запечатлѣлась въ умахъ милліоновъ, что, несмотря на всяческія вольнодумства и индиферентизмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ и массахъ, они все-таки считаютъ,—особенно въ критическіе періоды, — вполнѣ натуральнымъ принадлежать къ католической организаціи и содѣйствовать ея возможной силѣ и вліянію. Связанные съ нею религіозными узами, они потому самому слѣдуютъ ея политическому руководству. Эти массы тѣмъ менѣе склонны разграничивать церковь и политику, что самъ духовный пастырь учитъ ихъ политикѣ въ церковномъ духѣ. И пастыря и пасомаго охватываетъ широкая струя чрезвычайно пестраго, удивительно сотканнаго, но въ основаніи своемъ все же единообразнаго міросозерцанія. Если кто ненарокомъ отступился отъ этого міросозерцанія, то пастырь спѣшитъ вернуть его въ лоно прежней вѣры. А разъ онъ снова увѣровалъ, онъ, конечно, подаетъ свой голосъ на выборахъ за партію католическаго центра. Церковно-религіозная мощь католицизма легче стала принимать характеръ политическаго вліянія, когда „культурная борьба создала мучениковъ вѣры. И вотъ, мы видимъ теперь, что вліяніе это громадно и что ростъ германскаго милитаризма и маринизма возможенъ лишь съ согласія и при содѣйствіи католическаго центра“...

Если католицизмъ въ Германіи и находится въ меньшинствѣ по сравненію съ протестантизмомъ, то меньшинство это все-же довольно значительное. Изъ 56 милліоновъ душъ населенія Германіи на долю католиковъ приходится 35,8%; въ Пруссіи они составляютъ 34,5%, въ Вюртембергѣ—30%. Въ Баваріи католики составляютъ большинство въ 70,8%, въ Баденѣ—62%, въ Эльзасъ-Лотарингіи—76,5%. Все побережье Балтійскаго и Нѣмецкаго морей населено протестантами и только у Данцига и Вильгельмсгафена католики врѣзываются узкой полосой. Протестанты, крайне слабо представленные почти на всемъ протяженіи сухопутныхъ границъ Германіи, большими островами расположены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Германіи. Изъ наболѣе крупныхъ городовъ Германіи лишь немногіе имѣютъ католическое большинство населенія. Центръ тяжести католицизма лежитъ въ деревняхъ и мелкихъ городскихъ поселеніяхъ. Но такъ какъ изъ деревень много народа идетъ въ города, то католическая примѣсь фабрично-заводскаго населенія съ каждымъ годомъ растетъ. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для направленія въ общемъ довольно неуловимой политики партіи центра. Въ этой пар-

тіи имѣется гораздо больше аграрной аристократіи, чѣмъ фабрично-заводской. Силезскіе магнаты, медіатизированныя знатныя фамиліи южной Германіи, помѣстная знать Вестфаліи — всѣ они стоятъ на границѣ консервативно-клерикальныхъ взглядовъ и значатъ больше тѣхъ немногихъ католическихъ крупныхъ фабрикантовъ, которые по самому свойству своихъ предпринимательскихъ интересовъ болѣе склоняются къ національ-либеральной партіи. Но еще большимъ, чѣмъ тѣ и другіе, вліяніемъ пользуется католическое духовенство какъ высшее, такъ и низшее. Матеріально обезпеченное, не обремененное ни утомительной церковной службой, ни семейными заботами, оно всецѣло отдается агитаціонной службѣ на пользу своей партіи. Въ одной, напримѣръ, Баваріи, по новѣйшимъ даннымъ, 204 духовныхъ лица руководятъ католическими союзами подмастерій, 292 стоятъ во главѣ рабочихъ ферейновъ, католическое духовенство играетъ важную роль въ 1,500 крестьянскихъ ферейнахъ и въ 1,100 рейфейзеновскихъ кассахъ. Партія центра посылаетъ въ рейхстагъ цѣлую массу своихъ капланов, что, конечно, служитъ наглядным доказательствомъ ихъ громадной роли въ политической агитаціи среди католическаго населенія большихъ городовъ и—еще болѣе — мелкихъ захолустій. Значительное преобладаніе духовенства въ католической политикѣ придаетъ ей именно клерикально-этическій характеръ, не всегда вяжущійся съ суровымъ реализмомъ экономическихъ и политическихъ проблемъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего проблематичнѣе политической и экономической программы центра. Уже старые вожди партіи очень хорошо сознавали всѣ трудности строгаго программнаго объединенія католическаго населенія. Еще въ 1870 г., наканунѣ образованія католической фракціи въ германскомъ рейхстагѣ, одинъ изъ этихъ вождей, Петръ Рейхенспергеръ, писалъ: „Мы будемъ, конечно, имѣть въ нашей фракціи поразительную массу разнородныхъ элементовъ“... „Лишь бы мы остались едины“, — утѣшался его братъ Августъ... И другой видный родоначальникъ современнаго „центра“, Малинкродтъ, очень опасался, чтобы можно было удержать „подъ одной крышей“ всѣхъ разношерстныхъ приверженцевъ католицизма... Но католическое представительство въ рейхстагѣ вообще возникло довольно необычнымъ путемъ: его депутаты были избраны, потому что они были католики и потому что они были отрекомендованы населенію съ церковной каѳедры. Попавъ въ рейхстагъ, они образуютъ фракцію, и ужъ послѣ этого появляется на сценѣ самая партія. На помощь еще приходитъ церковная политика Бисмарка, которая взбудораживаетъ индиферентные и въ своихъ ин-

тересахъ разъединенные элементы, которые затѣмъ собираются около общаго католическаго знамени.

Если, такимъ образомъ, и удалось образовать партію центра, то не такъ легко было создать для нея строго-опредѣленную программу. Въ теченіе трехъ десятилѣтій трудятся надъ этой работой всѣ выдающіеся католики духовнаго и свѣтскаго сословія и въ сущности не ушли дальше тѣхъ немногихъ общихъ положеній, которыя были формулированы въ 70-хъ гг. съ краткимъ заголовкомъ: Justitia fundamentum regnorum! Да и какъ объединить въ одну программу интересы капитала и труда, богатыхъ и бѣдныхъ, предпринимателей и рабочихъ, индустрію и сельское хозяйство, ремесло и крупное производство, всѣ многообразныя группы, слои и классы, изъ которыхъ складывается центръ? Дѣйствительныя и мнимыя опасности, угрожающія католической церкви и религіи, — вотъ то единственно-связующее звѣно, которое до поры-до-времени одерживаетъ верхъ надъ всѣми политическими и экономическими контрастами въ огромномъ своемъ числѣ еще очень отсталыхъ католическихъ массъ. Нынѣшняя программа центра всѣмъ сулитъ золотыя горы: торговлѣ и промышленности „свободное процвѣтаніе“, среднему сословію — „условія его существованія“, сельскому хозяйству—„подъемъ общаго благосостоянія“, рабочимъ—осуществленіе ихъ „справедливыхъ домогательствъ“. Сообразно съ этимъ на общихъ годичныхъ собраніяхъ нѣмецкихъ католиковъ, обставляемыхъ со всей присущей имъ церковно-религіозной пышностью и блескомъ, произносятся спеціальныя рѣчи для каждаго отдѣльнаго сословія, и каждая рѣчь, въ отдѣльности, очень недурно убаюкиваетъ спеціальную аудиторію.

Партія центра, на знамени которой значится девизъ борьбы за „истину, право и свободу“, въ прежнія времена и въ самомъ дѣлѣ неоднократно заступалась за эти принципы. Будучи въ меньшинствѣ, она должна была опираться на содѣйствіе болѣе свободолюбивыхъ элементовъ, чтобы и себя охранить отъ насилій. Наученная горькимъ опытомъ „культурной борьбы“, она охотно соединялась съ тѣми слабыми оппозиціонными группами,—поляки, вельфы, эльзасъ-лотарингцы,— которыя боролись противъ исключительныхъ притѣсненій. Но съ ростомъ вліянія центра оказывалось, что его оппозиціонные аллюры коренятся въ обстоятельствахъ времени, а не въ его природѣ, и что онъ готовъ продать всѣ свои высокіе принципы за спеціальныя вольности католической церкви. Располагая болѣе чѣмъ ста депутатскими мѣстами въ центрѣ рейхстага, католическая партія уже въ силу этой своей сре-

динной позиціи обречена на тактику, которая на парламентскомъ языкѣ получила названіе „коровьяго торга“—Kuhhandel или „пляски на яйцѣ“—Eiertanz. Неудивительно, впрочемъ, что партія, въ основѣ отстаивающая одни церковные интересы, во всѣхъ остальныхъ областяхъ лишена ярко-выраженнаго принципіальнаго направленія.

VII.

Рабочая партія.

Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей князь Бисмаркъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Если бы у насъ не было соціалъ-демократіи и если бы многіе не страшились ея, то мы не могли бы похвалиться и тѣми умѣренными успѣхами въ соціальныхъ реформахъ, которыхъ мы теперь достигли“. Ближайшій преемникъ Бисмарка, графъ Каприви также заявилъ какъ-то въ рейхстагѣ, что имперское правительство, вырабатывая новыя мѣры и законы, всегда исходитъ изъ соображенія о томъ, какъ все это отразится на положеніи и развитіи соціалъ-демократіи...

Эти манифестаціи первыхъ двухъ канцлеровъ Германской Имперіи свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что соціалъ-демократическая партія является чрезвычайно важнымъ факторомъ въ нѣмецкой жизни и въ нѣмецкой политикѣ. Такое авторитетное свидѣтельство оправдывало бы и болѣе подробное изложеніе процесса, въ которомъ совершалось развитіе и ростъ германской соціалъ-демократіи. Но мы должны ограничиться указаніемъ лишь главнѣйшихъ его этаповъ.

Начало формированія соціалъ-демократической партіи въ Германіи находится лишь въ очень слабой связи съ предшествовавшими проявленіями пролетарскаго движенія. Между 1863 г., съ котораго германская соц.-демократія ведетъ свое партійно-политическое лѣтосчисленіе, и предшествующими проявленіями соціалистическаго движенія лежатъ годы реакціи, совершенно неблагопріятной для какихъ либо новыхъ политическихъ начинаній. Только къ началу 60-хъ гг. обстоятельства такъ сложились, что на аренѣ нѣмецкой жизни могла появиться самостоятельная рабочая партія. Независимо отъ большей политической и соціальной зрѣлости самаго рабочаго класса, среди этихъ обстоятельствъ имѣло важное значеніе наступленіе новой либеральной эры, возрожденіе національно-объединительныхъ стремленій и тѣсно съ этимъ связанное требованіе всеобщаго избирательнаго права. Къ тому же, благодаря счастливой исторической случайности,

нѣмецкіе рабочіе въ лицѣ Фердинанда Лассаля получили несравненнаго по блеску и дарованіямъ политическаго вождя. Призванный комитетомъ лейпцигскихъ рабочихъ высказать свои взгляды о соціальномъ положеніи и подъемѣ четвертаго сословія, Лассаль развилъ эти взгляды въ „Открытомъ Отвѣтѣ“ отъ 1 марта 1863 г. и вмѣстѣ съ лейпцигскими рабочими основалъ „Всеобщій нѣмецкій рабочій Союзъ“, послужившій зародышемъ будущей соціалъ-демократической партіи.

Здѣсь не мѣсто подробно разсказывать о крайне непродолжительной, но блестящей и исполненной драматическихъ моментовъ агитаціонной дѣятельности Лассаля. На всемъ послѣдующемъ политическомъ развитіи Германіи роковымъ образомъ отразился тотъ фактъ, что между соціальной и буржуазной демократіей уже съ раннихъ поръ образовалась глубокая пропасть. Большая часть вины въ этомъ отношеніи на сторонѣ тогдашней прогрессивной партіи, которая, вопреки всѣмъ предостереженіямъ своихъ болѣе чуткихъ членовъ, какъ Францъ Циглеръ и Фридрихъ-Альбертъ Ланге, малодушно робѣла передъ „краснымъ призракомъ“ и не хотѣла признавать всей громадной притягательной силы рабочаго движенія. Когда „смертные останки“ великаго агитатора были похоронены на бреславльскомъ кладбищѣ, многіе изъ либераловъ думали, что съ ними похоронены всѣ споры между пролетаріатомъ и либеральной оппозиціей. Первоначально казалось, что созданіе Лассаля —Всеобщій нѣмецкій рабочій Союзъ— въ рукахъ его неспособныхъ эпигоновъ и въ самомъ дѣлѣ обречено на полное разложеніе. Но съ появленіемъ фонъ-Швейцера во главѣ Союза рабочее движеніе оживилось и дѣлало новыя завоеванія. Швейцеръ сумѣлъ собрать подъ свое знамя всѣ болѣе передовые элементы среди прусскихъ рабочихъ; ему удалось перетянуть въ свой лагерь и берлинскихъ рабочихъ, долгое время остававшихся подъ господствомъ прогрессивной партіи. Въ теченіе нѣкотораго времени Швейцеръ нераздѣльно господствовалъ надъ берлинскимъ пролетаріатомъ; онъ ревниво оберегалъ его какъ отъ всякаго вліянія либераловъ, такъ и отъ разныхъ конкурирующихъ съ лассальянцами соціалистическихъ группъ и направленій. Но Швейцеру не удалось на долгое время объединить подъ свое руководство всѣхъ приверженцевъ Лассаля. Изъ общей массы этихъ приверженцевъ выдѣлилась группа, которая стала подъ главенство подруги Лассаля, графини Гацфельдъ. Если въ расколѣ между приверженцами Швейцера и Гацфельдъ большую роль играли причины чисто личнаго свойства, то въ борьбѣ между лас-

сальянцами и такъ называемыми эйзенахцами сказывались разногласія рѣзкаго принципіальнаго характера. Свою духовную пищу эйзенахцы почерпали изъ основанной Карломъ Марксомъ „Международной рабочей Ассоціаціи“, своихъ вождей—изъ тѣснаго круга друзей Маркса, своихъ приверженцевъ—изъ рабочихъ ферейновъ южной и средней Германіи, а также Саксоніи, слѣдовавшихъ до того времени за знаменемъ буржуазной демократіи. Одному изъ ближайшихъ сторонниковъ Маркса, Вильгельму Либкнехту, удалось вовлечь въ кругъ марксовыхъ идей президента рабочихъ ферейновъ, высокоодареннаго Августа Бебеля, которому суждено было занять впослѣдствіи совершенно исключительное положеніе въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи. На конгрессѣ въ Эйзенахѣ, въ 1869 г., изъ рабочихъ ферейновъ, отрекшихся отъ буржуазно-демократической народной партіи, а также изъ измѣнившихъ Швейцеру членовъ Всеобщаго рабочаго Союза, образовалась новая Соціалъ-демократическая рабочая партія, кратко назвавшаяся „эйзенахцами“. Въ противоположность къ строго централистичному уставу Всеобщаго рабочаго Союза, эйзенахцы выработали для себя организацію болѣе федералистическаго характера; эта организація послужила образцомъ и для нынѣшней соц.-демократіи. Въ новой партіи рѣзко выступали республиканскія идеи, отношенія къ Международной Ассоціаціи были гораздо болѣе тѣсныя, чѣмъ у лассальянцевъ. Въ своемъ большинствѣ вышедшіе изъ рядовъ буржуазной демократіи, эйзенахцы продолжали поддерживать дружественныя отношенія съ южно-нѣмецкой и саксонской демократіей. Послѣдняя вскорѣ слилась съ новой партіей, частью же ушла далеко вправо.

Возможность парламентской дѣятельности для нѣмецкаго пролетаріата была создана благодаря введенію въ 1867 г. всеобщаго избирательнаго права. Уже въ этомъ году въ средѣ членовъ учредительнаго рейхстага появился Августъ Бебель въ качествѣ депутата демократической, но въ значительной мѣрѣ пропитанной соціалистическимъ духомъ, саксонской народной партіи. Первый же и единственный рейхстагъ Сѣверо-Германскаго Союза насчитывалъ уже семь соціалъ-демократическихъ членовъ, которые, однако, принадлежали къ различнымъ соціалистическимъ группамъ.

Въ 1871 г. въ германскомъ рейхстагѣ числился лишь одинъ депутатъ соціалъ-демократической партіи: Бебель, избранный однимъ саксонскимъ округомъ. Но уже въ 1874 г. число соціалъ-демократическихъ депутатовъ возросло до 9; за лассальянцевъ и эйзенахцевъ было подано свыше 350,000 голосовъ, — результатъ чрезвычайно поразившій и самихъ

вождей партіи. Но то была знаменитая пора промышленнаго и финансоваго „грюндерства“, закончившаяся къ 1874 г. рядомъ тяжелыхъ краховъ. Масса промышленныхъ заведеній должна была закрыться, массы рабочихъ были брошены на произволъ судьбы. Патріотическій подъемъ военнаго времени смѣнился настроеніемъ совсѣмъ иного порядка. Недовольство экономическимъ положеніемъ въ связи съ ожесточеніемъ противъ правительственныхъ преслѣдованій толкали массы пролетаріата въ ряды крайней оппозиціи.

Подъ дѣйствіемъ тѣхъ же все усиливавшихся полицейскихъ гоненій, еще во время выборовъ 1874 г. состоялось сближеніе между лассальянцами и эйзенахцами, а въ 1875 г., на конгрессѣ въ Гота, они соединились въ общую „Германскую Соціалъ-демократическую рабочую Партію“ (Social-demokratische Arbeiterpartei Deutschlands). Лассальянцамъ было предоставлено большинство въ распорядительномъ комитетѣ партіи; ихъ главный конекъ—производительныя ассоціаціи съ государственной помощью—нашелъ себѣ нѣкоторое декоративное примѣненіе въ новой программѣ, имъ были сдѣланы кое-какія иныя уступки, сильно не понравившіяся тогда Карлу Марксу,—но фактически марксистское направленіе одержало верхъ надъ лассальянствомъ. Въ составленіи программы очень дѣятельное участіе принималъ, между прочимъ, и нынѣ столь нашумѣвшій Эдуардъ Бернштейнъ, бывшій тогда еще молодымъ человѣкомъ 25 лѣтъ, на службѣ въ одномъ частномъ банкѣ.

Объединенная партія прежде всего обратила свою энергію въ сторону широкой агитаціонной дѣятельности. Мобилизація рабочаго класса шла гигантскими шагами, что сказалось на необыкновенно быстромъ ростѣ партійной прессы и на успѣхахъ избирательной агитаціи. Во время выборовъ 1877 г. насчитывалось около полумилліона соціалъ-демократическихъ голосовъ, т. е. болѣе 9% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Рабочая партія оказалась четвертой по силѣ, но провела въ рейхстагѣ только 12 депутатовъ, приблизительно третью часть того, что приходилось на ея фактическую долю въ общей массѣ избирателей. Въ этотъ годъ партія впервые завоевала два округа изъ шести округовъ германской столицы.

Этотъ успѣхъ взволновалъ широкіе круги нѣмецкой буржуазіи. Спасительный кличъ, поднятый уже послѣ выборовъ 1874 г. профессоромъ Генрихомъ фонъ-Трейчке, не встрѣтилъ тогда большого отклика. Теперь все увеличивались ряды охранителей вплоть до либераловъ, требовавшихъ серьезныхъ мѣръ противъ новой партіи. Около этого времени поколеба-

лись и прежнія дружественныя отношенія между Бисмаркомъ и національ-либералами. Въ виду задуманнаго поворота въ сторону покровительственной политики, имперскій канцлеръ считалъ необходимымъ такъ или иначе вызвать ослабленіе либерализма. „Красный призракъ“ явился для него подходящимъ средствомъ, чтобы навѣять страхъ на буржуазныхъ избирателей и оттолкнуть ихъ отъ либеральныхъ партій. Вскорѣ, впрочемъ, представился случай спекулировать на этотъ страхъ въ еще большемъ масштабѣ. Въ маѣ 1878 г. нѣкій подмастерье Гедель совершилъ покушеніе на жизнь императора Вильгельма I. Хотя точнымъ дознаніемъ обнаружено было, что ни покушеніе, ни слабоумный Гёдель не находились ни въ какомъ отношеніи къ соціалъ-демократіи, тѣмъ не менѣе Бисмаркъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы внести въ рейхстагъ проектъ, по которому соціалъ-демократія на срокъ въ три года ставилась подъ исключительный законъ. Этотъ проектъ былъ однако отклоненъ подавляющимъ большинствомъ; за исключеніемъ трехъ профессоровъ — Трейчке, Гнейста и Базелера — противъ проекта голосовала и вся національ-либеральная партія. Не прошло и двухъ недѣль послѣ этого вотума рейхстага, какъ на императора было сдѣлано второе покушеніе. Виновникъ покушенія Нобилингъ, такъ же какъ и Гёдель, не находился ни въ какой связи съ соціалъ-демократіей, что, однако, не мѣшало и этотъ случай отнести на счетъ ненавистной партіи. Бисмаркъ поспѣшилъ распустить не совсѣмъ податливый рейхстагъ, и въ іюлѣ 1878 г. были назначены новые выборы. Подъ сильнымъ давленіемъ оффиціальнаго избирательнаго механизма и въ раскаленной атмосферѣ бѣлаго террора соціалъ-демократы потеряли три мандата и около 60,000 голосовъ. Тѣмъ не менѣе около 8% всѣхъ поданныхъ голосовъ все же пришлось на долю партіи. Въ общемъ же результатѣ выборовъ былъ сильный приростъ консервативныхъ мандатовъ, спеціально въ ущербъ національ-либераламъ. Желанный эффектъ былъ достигнутъ, и эра покровительственной политики могла быть открыта. Но оставалось еще раньше провести исключительный законъ. Въ сентябрѣ того же года былъ созванъ вновь избранный рейхстагъ, тотчасъ приступившій къ обсужденію правительственнаго законопроекта противъ соціалистовъ. Этотъ проектъ былъ значительно строже перваго. Съ разныхъ сторонъ были сдѣланы попытки внести въ него кое-какія послабленія, но его участь главнымъ образомъ зависѣла отъ вотума національ-либераловъ. Эта партія, однако, не выдержала своей прежней роли: ея вождь Рудольфъ фонъ-Бенигсенъ, который съ присущимъ ему достоин-

ствомъ еще недавно развивалъ свои взгляды противъ перваго законопроекта, съ такимъ же увѣреннымъ апломбомъ высказался въ этотъ разъ за еще болѣе обострепный исключительный законъ. Одно лишь существенное ослабленіе было внесено въ него по настоянію національ-либеральной партіи: продолжительность дѣйствія закона была ограничена $2^1/_2$ годами. Благодаря этому за рейхстагомъ, по крайней мѣрѣ, оставалась возможность по истеченіи срока упразднить законъ независимо отъ согласія Союзнаго Совѣта. 19 октября 1878 г. исключительный законъ былъ одобренъ большинствомъ 221 консервативныхъ и національ-либеральныхъ голосовъ противъ 149 голосовъ партій центра, прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ.

Исключительный законъ предоставлялъ административнымъ и полицейскимъ властямъ широкія полномочія расправляться по своему усмотрѣнію съ партіей, ея печатью, союзами, собраніями, агитаторами и вождями. За 12 лѣтъ дѣйствія закона были закрыты сотни союзовъ (отъ 1878 до 1888 г. 352 союза), тысячи собраній, сдѣлано болѣе 10,000 домовыхъ обысковъ; изъ разныхъ мѣстъ Германіи въ первыя 10 лѣтъ было выслано 893 человѣка холостыхъ и много семейныхъ, запрещено 1,299 періодическихъ и неперіодическихъ изданій; на основаніи исключительнаго закона состоялись судебные приговоры на болѣе чѣмъ 1,000 лѣтъ тюремнаго заключенія; вопреки мотивамъ закона, не щадили ни профессіональныхъ, ни товарищескихъ организацій, ни вспомогательныхъ обществъ, ни даже клубовъ для увеселенія. Цѣлая армія сыщиковъ рыскала повсюду, отыскивая слѣды „преступленій“. Но исключительный законъ могъ только въ самомъ началѣ своего дѣйствія похвалиться нѣкоторымъ успѣхомъ. Выборы 1881 г. сопровождались для соціалъ-демократіи потерею приблизительно 125,000 голосовъ, и хотя партія провела въ этотъ разъ 13 депутатовъ, но всѣ они были избраны на перебаллотировкахъ. Вообще же законъ поразилъ только внѣшнія организаціонныя формы партіи, но не убилъ ея внутреннихъ духовныхъ силъ. Годы гоненій на партію были въ тоже время годами наростанія и накопленія этихъ силъ, которыя тотчасъ же прорвались наружу, какъ только пали внѣшнія преграды. Партія, лишенная возможности дѣйствовать открыто, созывала свои конгрессы за границей: въ Даніи и Швейцаріи. Въ швейцарскомъ замкѣ Виденѣ она выработала тайную организацію, съ помощью которой успѣшно парировала удары правительства и полицейскихъ властей. Пріостановка соціалъ-демократическихъ изданій побудила ее перенести въ Цюрихъ печатаніе ея ор-

гана „Socialdemokrat“. Тысячи простыхъ рабочихъ, совершенно незнакомыхъ вожакамъ партіи, распространяли по всей Германіи брошюры и газету. Ея редакторъ, Эдуардъ Бернштейнъ, бѣжавшій отъ преслѣдованій Бисмарка въ Лондонъ, лишь недавно вернулся въ Германію и теперь состоитъ депутатомъ рейхстага. Вмѣстѣ съ нимъ вернулся и теперешній депутатъ Мотелеръ, прозванный „краснымъ почтальономъ“ за руководство контрабандной переправой партійной литературы изъ Швейцаріи въ Германію.

Слова депутата Браке, сказанныя при обсужденіи исключительнаго закона въ рейхстагѣ: „мы свищемъ на вашъ законъ“—оказались не пустой угрозой. Уже въ 1884 г. число соціалъ-демократическихъ голосовъ увеличилось съ 312,000 на 550,000, почти 10% всѣхъ поданныхъ голосовъ; партія провела въ рейхстагъ 24 депутатовъ.

Въ 1887 г. Бисмарку удалось нанести еще одинъ ударъ совокупной оппозиціи, но это былъ его послѣдній ударъ. Въ этомъ случаѣ главную роль сыгралъ уже не красный призракъ революціи, а призракъ войны. Хотя большинство рейхстага и соглашалось на всѣ требованія правительства для усиленія арміи, но оно не хотѣло отказаться отъ своихъ бюджетныхъ правъ на цѣлыя семь лѣтъ, а только на три года. Изъ за этого тріената противъ бисмарковскаго септената желѣзный канцлеръ распустилъ рейхстагъ и нарядилъ новые выборы съ такимъ оффиціальнымъ, административнымъ и репрессивнымъ усердіемъ, какого еще никогда раньше и послѣ того не видала Германія. Тѣмъ не менѣе число соціалъ-демократическихъ голосовъ и въ этотъ разъ съ 550,000 возросло до 760,000, слѣдовательно, съ 9,7 на 10,1% всѣхъ поданныхъ голосовъ, за то число мандатовъ сильно сократилось: вмѣсто прежнихъ 25 депутатовъ соціалъ-демократіи удалось провести въ рейхстагъ только 11. Она потеряла всѣ свои мандаты въ Саксоніи, но сдѣлала нѣсколько новыхъ завоеваній въ Пруссіи.

Вышедшій изъ этихъ выборовъ „картельный“ рейхстагъ еще разъ вотировалъ продленіе исключительнаго закона на 2 года, но безъ тѣхъ усиленныхъ репрессій, которыя были предложены крайними реакціонерами. Дальнѣйшее продленіе закона было затѣмъ отклонено 25 января 1890 г. Національ-либералы настояли на исключеніи изъ закона параграфовъ о высылкахъ, вопреки требованіямъ своихъ картельныхъ союзниковъ-консерваторовъ, которые изъ озлобленія голосовали противъ смягченнаго закона. Злополучной порѣ бѣлаго террора пришелъ конецъ.

Выборы 1890 г. формально происходили еще при дѣйствіи

исключительнаго закона. Но его существованіе въ теченіе послѣднихъ 8 мѣсяцевъ было одной лишь безсильной агоніей. Результатомъ выборовъ была блестящая побѣда оппозиціи и сокрушительное пораженіе картельнаго большинства. Наибольшій тріумфъ пришелся на долю соціалъ-демократіи. Число ея депутатовъ болѣе чѣмъ утроилось; оно увеличилось съ 11 на 35. Около $^1/_5$ всѣхъ голосовъ, почти вдвое, чѣмъ въ 1887 г., было подано за рабочихъ кандидатовъ. Собравъ около своего знамени 1,430,000 избирателей, рабочая партія сдѣлалась самой сильной въ имперіи, хотя только четвертой по силѣ въ самомъ рейхстагѣ. Выборы 1893 г., происходившіе при условіяхъ, сходныхъ съ 1887 г., сильно ослабило буржуазную оппозицію, между тѣмъ какъ рабочая партія снова возросла до 1,800,000 голосовъ и 49 депутатовъ, къ которымъ при дополнительныхъ выборахъ прибавилось еще 4 депутата. Слѣдующіе выборы 1898 г. хотя и не вполнѣ оправдали всѣхъ надеждъ партіи, но все же число голосовъ возросло до 2,100,000, а число депутатовъ—до 58. Наконецъ, выборы 1903 г. принесли ей побѣду, на которую не расчитывали самые отъявленные оптимисты въ средѣ самой партіи: свыше 3 милліоновъ голосовъ и 81 депутатскихъ мандатовъ.

Съ паденіемъ исключительнаго закона внутренній и внѣшній ходъ развитія германской соціалъ-демократіи принялъ болѣе нормальный и открытый характеръ. Уже въ 1890 г. былъ созванъ въ Галле первый соціалъ-демократическій партейтагъ, происходившій при свѣтѣ полной гласности. Здѣсь партія, искусно приноровившись къ пестрому разнообразію законовъ въ различныхъ государствахъ Германіи, выработала для себя организаціонные статуты, которые оказались вполнѣ цѣлесообразными и только въ 1900 г., на майнцскомъ конгрессѣ, подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ слѣдующемъ 1891 г. на конгрессѣ въ Эрфуртѣ были сведены счеты съ антипарламентарной группой такъ называемыхъ „молодыхъ“ или „независимыхъ“. Эта группа была исключена изъ партіи, которая тутъ же выработала для себя новую программу. Въ выработкѣ программы дѣятельное участіе принималъ извѣстный писатель Карлъ Каутскій, устранившій послѣдніе специфическіе остатки лассальянства и утвердившій принципъ чистаго марксизма.

Въ теченіе 12 лѣтъ, протекшихъ со времени выработки Эрфуртской программы, въ ней не было измѣнено ни одного слова. Съ теченіемъ времени стали, однако, множиться голоса, требующіе коренной ревизіи принципіальной части программы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ сторонъ въ партій-

ной тактикѣ. Такіе голоса, впрочемъ, послышались еще во время, непосредственно слѣдовавшее за паденіемъ исключительнаго закона и подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого знаменательнаго факта. Вождь баварской соціалъ-демократіи Георгъ фонъ-Фольмаръ, еще до Эрфуртскаго конгресса, въ публичной рѣчи высказался въ томъ смыслѣ, что пришло время бросить тактику принципіальнаго отрицанія всего существующаго и, не теряя изъ виду конечной цѣли, съ большимъ рвеніемъ добиваться осуществленія непосредственныхъ практическихъ выгодъ для рабочаго класса. Но идеи „постепенновщины“, провозглашенныя — первоначально очень радикальнымъ — баварскимъ вождемъ, не нашли тогда отклика, и Фольмаръ въ своей умѣренности оставался изолированнымъ. Его призывъ все же не заглохъ безслѣдно. Теорія и практика соціалъ-демократическаго движенія постепенно стали предметомъ упорныхъ изысканій и безпокойной критики. Это въ значительной степени вызывалось и новыми фактами въ эволюціи соціальныхъ и экономическихъ отношеній, которыя были обнаружены промысловой статистикой 1895 г. и которыя какъ будто не совсѣмъ согласовались съ предпосылками строгаго марксизма. Такъ называемые „академики“ партіи, ея научные и теоретическіе представители, конечно, прежде всего реагировали на эти новые факты экономической дѣйствительности. Молодой публицистъ, покойный д-ръ Шёнланкъ, въ довольно рѣзкой политикѣ съ Либкнехтомъ, первый заявилъ, что впродолженіе долгаго времени циркулировавшій въ рядахъ партіи и утвержденный въ первой части Эрфуртской программы взглядъ о все возростающемъ обнищаніи массъ не можетъ быть долѣе поддерживаемъ. Шёнланкъ былъ также первымъ, бросившимъ въ оборотъ слово „ревизія“, которое затѣмъ сдѣлалось ходячей монетой въ горячихъ спорахъ между „ревизіонистами“ и „радикалами“ соціалъ-демократической партіи. Самъ Шёнланкъ впослѣдствіи снова ударился въ сторону „ортодоксіи“, но пробудившейся критикѣ и ревизіонистскимъ поползновеніямъ уже не было болѣе удержу. Цѣлый рядъ молодыхъ академиковъ, какъ Максъ Шиппель, д-ръ Конрадъ Шмидтъ, адвокатъ Гейне, бывшіе пасторы Пеусъ и Гёре, д-ръ Кваркъ, д-ръ Давидъ и др., сталъ дѣлать болѣе или менѣе смѣлыя вылазки противъ установившихся догмъ и общепризнанной тактики. Вскорѣ они сгруппировались около особаго журнала „Socialistische Monatshefte“, который изъ скромнаго изданія для соціалистической пропаганды среди академической молодежи и интеллигенціи превратился затѣмъ въ главный органъ ревизіонистовъ. На сторонѣ „орто-

Евгеній Рихтеръ,
вождь свободомыслящей партіи.

доксовъ" оставались редакторъ научнаго журнала партіи „Neue Zeit" Карлъ Каутскій, историкъ и главный публицистъ партіи д-ръ Францъ Мерингъ, депутаты Зингеръ, Штадтагенъ, умершій въ 1900 г. Либкнехтъ, временами колебавшійся Бебель и др. Бывшій шорникъ, а нынѣ „тайный канцлеръ" партіи, ея главный секретарь и видный депутатъ Игнатій Ауэръ, хоть и считается „тайнымъ шефомъ" ревизіонистовъ, но онъ слишкомъ выдающійся практикъ и слишкомъ большой ненавистникъ всякихъ теоретическихъ препирательствъ, чтобы служить вполнѣ опредѣленнымъ выразителемъ ученой ереси.

Различныя оппортунистическія и ревизіонистскія тенденціи въ нѣдрахъ соціалъ-демократіи нашли свое болѣе яркое выраженіе въ книгѣ Эдуарда Бернштейна „Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie", появившейся въ 1899 г. Ближайшій ученикъ Маркса и Энгельса, душеприказчикъ ихъ литературнаго наслѣдія, въ этой книгѣ выступилъ противъ основъ марксо-энгельсовой системы, не разрывая, однако, своихъ связей съ соціалъ-демократіей, цѣли которой, утверждаетъ онъ, остаются по прежнему цѣлью его собственной научной и практической дѣятельности. На Ганноверскомъ конгрессѣ въ 1899 г. произошла по этому поводу первая горячая схватка между обоими направленіями въ партіи. Съ тѣхъ поръ и вплоть до Дрезденскаго партейтага 1903 г. „бернштейновскій вопросъ", принявшій затѣмъ болѣе безличный характеръ вопроса о „ревизіонизмѣ", не сходилъ съ очереди дебатовъ какъ партійной печати, такъ и высшей законодательной инстанціи соціалъ-демократической партіи—ея годичныхъ конгрессовъ. Резолюціи, которыми въ пользу преобладающаго радикальнаго направленія улаживались ad hoc междоусобные споры на Ганноверскомъ, Любекскомъ и Дрезденскомъ конгрессахъ, едва ли можно разсматривать какъ окончательное разрѣшеніе этихъ споровъ, и необыкновенно разросшаяся партія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, вѣроятно, еще испытаетъ не мало внутренней борьбы и внутреннихъ разногласій.

Но насъ интересуетъ здѣсь соціалъ-демократія не какъ ученіе, а какъ политическая партія. Мы обратимся поэтому къ описанію наиболѣе существенныхъ сторонъ ея организаціи и ея функцій, предпославъ этому описанію самый текстъ программы партіи.

Эрфуртская программа въ своей принципіальной части начинается съ категорическаго подтвержденія марксовой теоріи, согласно которой экономическое развитіе новѣйшаго времени, съ необходимостью физическаго закона, ведетъ къ

гибели мелкаго производства, увеличиваетъ число пролетаріевъ и создаетъ все болѣе глубокую пропасть между имущими и неимущими. Далѣе программа говоритъ, что превращеніе мелкаго производства въ крупное для пролетаріата и исчезающихъ среднихъ слоевъ (мелкіе ремесленники, крестьяне) означаетъ возрастающую необезпеченность ихъ существованія и пр. Противъ этого есть лишь одно средство: обобществленіе всѣхъ средствъ производства. Такъ какъ всѣ прочіе классы, несмотря на противоположность многихъ интересовъ, твердо стоятъ на принципѣ индивидуализма, то указанное превращеніе можетъ быть дѣломъ лишь рабочаго класса. А въ виду того, что государство въ его совершенномъ видѣ является политической организаціей имущихъ классовъ, указанная цѣль можетъ осуществиться лишь путемъ завоеванія политической власти. Борьба, направленная къ этой цѣли, составляетъ задачу соціалъ-демократіи.

За принципіальной частью Эрфуртской программы слѣдуетъ ея практическая часть. Она распадается на 2 отдѣла: въ первомъ сгруппированы требованія, касающіяся всего населенія страны; во второмъ—тѣ, которыя направлены къ охранѣ интересовъ рабочаго класса. Вотъ какъ изложены эти обѣ части программы.

1) Всеобщее равное и прямое избирательное право съ тайной подачей голосовъ для всѣхъ гражданъ старше 20 лѣтъ безъ различія пола и для всѣхъ выборовъ и голосованій. Пропорціональная система выборовъ, а до ея введенія—законодательное перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи. Двухлѣтніе законодательные періоды. Производство выборовъ и голосованій въ установленные закономъ праздничные дни.

2) Прямое законодательство черезъ народъ; оно осуществляется посредствомъ права принимать и отвергать законы, посредствомъ самоуправленія въ имперіи, провинціяхъ и общинахъ. Избраніе властей народомъ. Отвѣтственность властей. Утвержденіе налоговъ на одинъ годъ.

3) Воспитаніе всѣхъ гражданъ въ воинской службѣ. Замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ. Рѣшеніе народнымъ представительствомъ вопроса о войнѣ и мирѣ. Рѣшеніе всѣхъ международныхъ споровъ посредствомъ третейскихъ судовъ.

4) Отмѣна всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободное выраженіе мнѣній и право союзовъ и собраній.

5) Отмѣна всѣхъ законовъ, которые ставятъ женщину въ невыгодное положеніе относительно мужчины въ области публичнаго и частнаго права.

6) Свѣтскій характеръ школы. Обязательное посѣщеніе публичныхъ народныхъ школъ. Безвозмездность обученія, даровыя учебныя пособія и безвозмездное кормленіе учениковъ въ общественныхъ народныхъ школахъ; въ высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ все это предоставляется тѣмъ ученикамъ и ученицамъ, способности которыхъ оправдываютъ продолженіе ихъ образованія.

7) Безвозмездность врачебной помощи, акушерской и лѣкарствъ. Безвозмездность погребенія умершихъ.

8) Прогрессивные налоги на доходы и имущества для покрытія общественныхъ расходовъ, поскольку они должны быть покрываемы изъ налоговъ. Обязательность самооцѣнки плательщиковъ. Налогъ съ наслѣдствъ, прогрессивно возвышающійся съ величиной наслѣдства и степенью родства. Отмѣна всѣхъ налоговъ, таможенныхъ податей, а также хозяйственно-политическихъ мѣръ, которыя приносятъ въ жертву интересы цѣлаго интересамъ привилегированнаго меньшинства.

Для защиты рабочаго класса выдвигаются слѣдующія требованія:

1) Государственная и международная законодательная защита рабочихъ на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Установленіе нормальнаго рабочаго дня, не превышающаго 8 часовъ. б) Запрещеніе промысловой работы дѣтямъ, не достигшимъ 14 лѣтъ. в) Запрещеніе ночной работы, за исключеніемъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя требуютъ ночной работы по своей природѣ, въ силу техническихъ особенностей или изъ соображеній общественнаго блага. г) Непрерывный отдыхъ отъ работъ для каждаго работника, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 36 часовъ въ недѣлю. д) Запрещеніе расплаты товарами вмѣсто денегъ.

2) Надзоръ за всѣми промышленными предпріятіями, изслѣдованіе и упорядоченіе условій труда въ городѣ и деревнѣ посредствомъ имперской палаты труда, окружныхъ палатъ и камеръ. Широко развитая промысловая гигіена.

3) Уравненіе сельскихъ рабочихъ и прислуги въ правахъ съ работниками въ промышленности.

4) Обезпеченіе права коалицій.

5) Сосредоточеніе въ вѣдѣніи государства всего страхованія рабочихъ и участіе рабочихъ въ управленіи этою отраслью.

Организація соціалъ-демократической партіи въ Германіи установлена въ 1890 г. на ея конгрессѣ въ Галле. Послѣднія измѣненія въ уставѣ сдѣланы въ 1900 г., на майнцскомъ конгрессѣ. Согласно уставу, къ партіи принадлежитъ каж-

дый, кто признаетъ основныя начала программы и поддерживаетъ партію по мѣрѣ силъ. Членомъ партіи не можетъ быть тотъ, кто грубо нарушилъ основныя начала программы или виновенъ въ безчестныхъ поступкахъ. Относительно принадлежности къ партіи рѣшаютъ члены партіи отдѣльныхъ мѣсть или избирательныхъ въ рейхстагъ округовъ. Ихъ рѣшеніе можетъ быть обжаловано правленію партіи или ея конгрессу. Низшими должностными лицами служатъ довѣренные люди (Vertrauenspersonen), которые въ публичныхъ собраніяхъ избираются членами для отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ рейхстага. Довѣренныя лица избираются только на одинъ годъ. Члены партіи сами рѣшаютъ относительно способовъ избранія довѣренныхъ лицъ; § 6 устава даетъ имъ право тамъ, гдѣ законъ не препятствуетъ имъ создать организацію, установить порядокъ, который соотвѣтствовалъ бы мѣстнымъ условіямъ. Центральнымъ органомъ (Parteivorstand) служитъ правленіе изъ 14 лицъ: 2 предсѣдателей, 2 секретарей, 1 кассира и 9 контролеровъ. Всѣ они избираются конгрессомъ посредствомъ тайной подачи голосовъ. Правленію предоставлено расходовать деньги по собственному усмотрѣнію. За свою дѣятельность члены правленія могутъ получать жалованье; его размѣръ опредѣляется конгрессомъ. Правленіе завѣдуетъ дѣлами партіи, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы органы партіи были вѣрны принципамъ, созываетъ конгрессы, даетъ имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Верховнымъ органомъ служитъ конгрессъ (Parteitag), собирающійся ежегодно. Конгрессъ созывается, по крайней мѣрѣ, за 4 недѣли до начала засѣданій. Участниками конгресса могутъ быть: представители партіи изъ отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы отъ каждаго округа было не больше 3 лицъ, депутаты соціалъ-демократической фракціи въ рейхстагѣ [1]) и члены правленія. Участвовать могутъ и женщины. По всѣмъ вопросамъ, которые касаются парламентской дѣятельности партіи или дѣлъ, лежащихъ на правленіи, депутаты рейхстага и члены правленія имѣютъ только совѣщательный голосъ.

Обыкновенные конгрессы собираются разъ въ годъ; чрезвычайные могутъ быть созываемы или самимъ правленіемъ, или по предложенію фракціи въ рейхстагѣ, или по предложенію, по крайней мѣрѣ, 15 избирательныхъ округовъ. Всѣ

[1]) Для предупрежденія особаго давленія со стороны все растущей парламентской фракціи на дрезденскій партейтагъ нѣкоторыми округами было внесено предложеніе объ установленіи извѣстнаго представительства фракціи на годичныхъ конгрессахъ. Этотъ вопросъ остался покуда открытымъ.

измѣненія въ организаціи партіи производятся на конгрессахъ постановленіемъ простого большинства.

Соціалистическія газеты, издаваемыя въ Германіи, получаютъ отъ партіи пособія и зависятъ отъ нея. „Vorwärts“, главный органъ партіи, находится подъ особенно строгимъ надзоромъ. Литературная комиссія (Presskommission) слѣдитъ за принципами, которые онъ проводитъ, и за его тактическими пріемами. Члены партіи, живущіе въ Берлинѣ и предмѣстьяхъ, выбираютъ въ эту комиссію делегатовъ, не болѣе двухъ отъ каждаго избирательнаго округа рейхстага. Комиссія, вмѣстѣ съ правленіемъ партіи, рѣшаетъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся центральнаго органа, главнымъ же образомъ относительно приглашенія и увольненія состава редакціи и нѣкоторыхъ другихъ служащихъ. При разногласіяхъ между комиссіей и правленіемъ партіи, рѣшаютъ большинствомъ голосовъ эта комиссія, правленіе и контрольная комиссія, причемъ каждый участникъ имѣетъ только одинъ голосъ. Изъ отчетовъ, представленныхъ на дрезденскомъ партейтагѣ въ 1903 г. состояніе партійной прессы представляется въ слѣдующемъ видѣ. Рядомъ съ центральнымъ ежедневнымъ органомъ партіи „Vorwärts“ и съ ея центральнымъ научнымъ еженедѣльникомъ „Die Neue Zeit“ въ настоящее время насчитывается политическихъ изданій: 54 ежедневныхъ газетъ; 10 выходятъ 3 раза въ недѣлю, 4—два раза въ недѣлю, 7—одинъ разъ въ недѣлю; 1 изданіе выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и 2—одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Сверхъ того, имѣются еще двѣ юмористическія газеты, выходящія разъ въ 2 недѣли, 2 беллетристическихъ журнальчика для народнаго чтенія, выходящихъ каждую недѣлю, и, наконецъ, газета „Die Gleichheit“, выходящая разъ въ 2 недѣли и посвященная интересамъ трудящихся женщинъ.

Такъ называемая профессіональная рабочая пресса, поскольку она вмѣстѣ съ соотвѣтственными профессіональными организаціями примыкаетъ къ партіи, представляетъ слѣдующую картину: одинъ органъ выходитъ 3 раза въ недѣлю, 32—разъ въ недѣлю, 2—три раза въ мѣсяцъ, 21—два раза въ мѣсяцъ и 11—одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Мы можемъ еще причислить ко всему этому ежемѣсячный органъ „ревизіонистовъ“—„Social. Monatshefte“, не признаваемый оффиціальной партіей, но фактически связанный съ ней очень тѣсными узами. Сюда же относятся и сравнительно недавно основанные Эдуардомъ Бернштейномъ „Dokumente des Socialismus“, перешедшіе теперь въ оффиціально-партійное издательство Дитца въ Штутгартѣ.

Согласно докладу партійнаго кассира на Дрезденскомъ

партейтагѣ—число абонентовъ на партійную прессу достигло въ отчетномъ году 550,000. Здѣсь, правда, имѣются въ виду главнымъ образомъ, если не исключительно, абоненты ежедневныхъ партійныхъ газетъ, которыя въ дѣйствительности постепенно вытѣсняютъ мелкую партійную прессу, т. е. органы этой послѣдней увеличиваютъ свои размѣры и учащаютъ свой выходъ. Абонементныя деньги главнѣйшихъ повременныхъ партійныхъ изданій составляли въ томъ же отчетномъ году около 3 милліоновъ марокъ, доходъ отъ объявленій—1,700,000 м.

Почти всѣ германскія соціалистическія газеты общаго характера зависятъ отъ партіи. Они возникаютъ тамъ и тогда, гдѣ и когда партія считаетъ нужнымъ, получаютъ отъ нея пособія, пока даютъ дефицитъ, и находятся подъ нѣкоторымъ контролемъ уполномоченныхъ партіи въ мѣстѣ своего изданія.

При редакціяхъ большихъ соціалистическихъ газетъ организована безплатная подача юридическихъ совѣтовъ, преимущественно по гражданскимъ дѣламъ.

Правомъ на полученіе совѣта пользуется подписчикъ данной газеты, а также каждый, имѣющій видъ бѣдняка или доказавшій, что принадлежитъ къ пролетаріату.

На ряду съ печатью, какъ просвѣтительнымъ средствомъ рабочей партіи, очень важную роль играютъ собранія. Изъ существующаго въ Германіи права собираться ни одна партія не дѣлаетъ такого широкаго употребленія, какъ соціалъ-демократія. Многія партіи вспоминаютъ объ этомъ правѣ лишь въ особенно возбужденную пору, какъ во время политическихъ выборовъ. Для рабочей же партіи собранія являются повседневнымъ средствомъ агитаціи и политическаго воспитанія массъ. Спеціальнымъ видомъ соціалъ-демократическихъ собраній служатъ т. н. Protest-Versammlungen, т. е. одновременно созываемыя массовыя собранія—иногда во всей имперіи—для выраженія протеста противъ того или иного правительственнаго, полицейскаго или парламентскаго акта. Въ такихъ случаяхъ въ одномъ Берлинѣ и его предмѣстьяхъ происходитъ до 30 собраній, на которыхъ присутствуетъ до 40 тысячъ народа. Единодушныя резолюціи этихъ собраній отправляются въ соотвѣтствующія инстанціи.

Изъ спеціальныхъ учрежденій рабочей партіи, служащихъ политическимъ и духовнымъ интересамъ ея членовъ, отмѣчу еще книжныя лавки, рабочую школу (Arbeiterbildungs Schule) для подготовки агитаторовъ, вольный народный театръ и массу всевозможныхъ ферейновъ спортивнаго характера и для семейныхъ и товарищескихъ развлеченій. Эти ферейны

въ трудную годину исключительнаго закона были главными убѣжищами для членовъ партіи и въ настоящее время они всегда на готовѣ, когда партія нуждается въ ихъ помощи.

Центромъ, вокругъ котораго сосредоточиваются соціалъ-демократы данной мѣстности, служатъ довѣренныя лица. Они являются душою цѣлаго. Ихъ дѣятельность и отношенія къ членамъ только отчасти регулируются правленіемъ. Многое зависитъ отъ способностей и опытности этого центральнаго лица и довѣрія къ нему членовъ партіи. Личныя качества уполномоченнаго опредѣляютъ, успѣшно ли будутъ распространяться изданія соціалъ-демократіи, легко ли будутъ находить ораторовъ для произнесенія рѣчей, въ большомъ ли количествѣ будутъ поступать деньги. Если на мѣстѣ могутъ быть собраны только незначительныя средства, то, при энергіи уполномоченнаго, денежныя суммы могутъ быть получаемы изъ Берлина.

Въ 1900 г. было облегчено образованіе въ Германіи политическихъ союзовъ. Но такъ какъ во многихъ германскихъ государствахъ женщины не имѣютъ права быть членами союзовъ, то соціалъ-демократія продолжаетъ держаться прежней организаціи, согласно которой уполномоченные служатъ объединительными центрами для всѣхъ, желающихъ сдѣлаться членами партіи.

Въ предѣлахъ каждаго союзнаго государства есть правленіе и собираются конгрессы. Ихъ вѣдѣнію подлежатъ тѣ вопросы, которые имѣютъ значеніе только для даннаго государства. Вопросы же, касающіеся интересовъ и стремленій обще-германской партіи, обсуждаются на ежегодно созываемыхъ общихъ конгрессахъ или такъ называемыхъ партейтагахъ. Со времени паденія исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи ея партейтаги собираются совершенно открыто; полная и безусловная гласность—исключительная особенность соціалъ-демократическихъ конгрессовъ (начиная съ 1890 г.) въ отличіе отъ конгрессовъ всѣхъ прочихъ германскихъ политическихъ партій, которыя, къ тому же, за очень немногими исключеніями, собираются крайне нерегулярно. Ничѣмъ не смущаемая гласность обсужденія партіей ея самыхъ жизненныхъ вопросовъ не можетъ не импонировать ея болѣе робкимъ и застѣнчивымъ противникамъ, и только страстный, порой оченъ страстный тонъ полемики между „товарищами“ является тѣмъ спасительнымъ пунктомъ, на который опираются всѣ надежды на расколъ партіи и на ея эволюцію въ направленіи „умѣренности и аккуратности“.

Цѣлью соціалъ-демократіи, какъ политической партіи, слу-

жить пріобрѣтеніе рѣшающаго вліянія на государственную жизнь, завоеваніе политической власти. На этотъ счетъ въ партіи не существуетъ никакихъ разногласій. Они начинаются лишь съ вопроса о томъ пути, по которому слѣдуетъ добиваться указанной цѣли,—и въ этомъ отношеніи вопросъ о значеніи, пользѣ и вредѣ парламентской дѣятельности игралъ и еще теперь продолжаетъ играть очень важную роль во внутреннихъ спорахъ германской соціалъ-демократіи.

Представленія о способѣ завоеванія политической власти (пролетаріатомъ), высказанныя въ манифестѣ Маркса и Энгельса, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями жили еще долгое время и послѣ того, какъ движеніе 1848—49 гг. принесло съ собою очень большія разочарованія. Старый ветеранъ революціонной эпохи, Вильгельмъ Либкнехтъ, еще въ 1869 г. опубликовалъ свою извѣстную брошюру „Ueber die politische Stellung der Socialdemokratie“, въ которой, между прочимъ, осуждалъ всякую парламентскую дѣятельность. Но уже и въ то время изъ среды лассальянцевъ раздавались совершенно иные голоса.

Свободное избирательное право—симъ побѣдишь!—Необходимо воспользоваться избирательнымъ правомъ для завоеванія политической власти, чтобы съ ея помощью принудить государство къ учрежденію производительныхъ ассоціацій, какъ средства перехода къ соціалистическому порядку.—Такъ приблизительно формулировали свою тактику лассальянцы. Да и въ средѣ эйзенахцевъ либкнехтовская точка зрѣнія не находила общаго признанія. Августъ Бебель, противъ котораго была направлена упомянутая брошюра, стоялъ за парламентскую дѣятельность, и нетолько изъ пропагандистскихъ соображеній, а и въ позитивномъ смыслѣ, на пользу рабочаго класса. Эта точка зрѣнія о возможности, пользѣ и необходимости политической реформенной дѣятельности въ парламентѣ пріобрѣтала все болѣе широкое признаніе въ рабочей партіи въ теченіе 70-хъ и 80-хъ гг. Даже во время дѣйствія исключительнаго закона, на всѣхъ трехъ заграничныхъ конгрессахъ партіи—въ Виденѣ, Копенгагенѣ и Санъ-Галленѣ—вопросъ о тактикѣ рѣшался въ томъ смыслѣ, что парламентскимъ депутатамъ рабочей партіи отнюдь не должно ограничиваться однимъ лишь отрицаніемъ, но и всѣми силами добиваться уступокъ въ пользу рабочаго класса.

Само собою понятно, что по мѣрѣ избирательныхъ успѣховъ и роста рабочихъ представителей въ парламентѣ укрѣплялся и взглядъ на цѣлесообразность парламентской дѣятельности. Даже старый Либкнехтъ счелъ необходимымъ впослѣдствіи нѣсколько модифицировать свои прежніе

взгляды, заявивъ на Галльскомъ конгрессѣ, что съ созданіемъ германской имперіи положеніе вещей измѣнилось: гдѣ господствуетъ всеобщее избирательное право, тамъ нельзя говорить о парламентаризмѣ какъ системѣ шантажа (Schwindelsystem). Если народное представительство оказывается негоднымъ, то виновата не парламентская система, а неразуміе массъ, которыя выбираютъ своихъ враговъ. Здѣсь нужно искать точки опоры... Но въ то же время въ нѣдрахъ партіи росло недовольство слишкомъ „парламентарнымъ“ направленіемъ ея вождей. Послышался ропотъ противъ „болота парламентаризма“, противъ убійственнаго многословія парламентской фракціи, противъ умерщвленія всякаго революціоннаго духа въ движеніи, противъ иллюзорности рабочаго законодательства и парламентарныхъ надеждъ помощью постановленій большинства добиться конечныхъ цѣлей движенія. Это движеніе съ явными признаками специфическаго нѣмецкаго анархизма извѣстно подъ названіемъ движенія „независимыхъ“ или „молодыхъ“. Оно съ особенной силой прорвалось на Эрфуртскомъ конгрессѣ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, потерпѣло полное пораженіе. Здѣсь Либкнехтъ еще разъ обосновалъ свой взглядъ на парламентскую дѣятельность соціалъ-демократіи, заявивъ, что какъ только на ея сторонѣ будетъ парламентское большинство, то весь законодательный аппаратъ въ рейхстагѣ будетъ такъ же дѣйствовать въ пользу соціалъ-демократіи, какъ онъ теперь дѣйствуетъ въ пользу ея противниковъ. Либкнехтъ не утверждалъ, что всѣ вопросы можно рѣшить путемъ законодательства. Но онъ аргументировалъ отъ противнаго и восклицалъ: „Пусть же укажетъ мнѣ кто-нибудь другой путь, который привелъ бы къ цѣли!..“ А еще за годъ до того Бебель, возражая на крайне низкую оцѣнку парламентской дѣятельности со стороны „молодой“ оппозиціи, замѣтилъ между прочимъ: „Необыкновенную приверженность и довѣріе къ намъ со стороны рабочихъ массъ мы имѣемъ лишь потому, что онѣ видятъ, какъ мы практически работаемъ на ихъ пользу и не только указываемъ имъ на будущій строй...“

Со времени Эрфуртскаго конгресса принципіальный споръ о парламентаризмѣ болѣе не возобновлялся. Лишь въ самые послѣдніе годы, подъ вліяніемъ разногласій между ревизіонистами и ортодоксами въ средѣ рабочей партіи, вопросъ о парламентаризмѣ снова играетъ извѣстную роль, но уже не въ принципіальномъ смыслѣ, а въ отношеніи степени его пригодности и примѣнимости. Ревизіонизмъ означаетъ въ этомъ вопросѣ тенденцію къ болѣе интенсивному парламентаризму въ интересахъ болѣе быстраго и хотя бы частичнаго

достиженія власти. Между тѣмъ другая сторона болѣе скептически смотритъ на дѣло: въ ревизіонистскихъ стремленіяхъ она видитъ опасность оппортунизма, примиренія съ дѣйствительностью и пренебреженіе конечной цѣлью. Всѣ эти теоретическія разногласія блѣднѣютъ, однако, предъ тѣмъ фактическимъ положеніемъ, что соціалъ-демократія съ чрезвычайной энергіей и съ полнымъ единодушіемъ стремится ко все большему участію въ парламентской жизни страны во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Прилежаніе соціалъ-демократическихъ депутатовъ, несмотря на „бездіетность“, служитъ предметомъ зависти и изумленія со стороны всѣхъ прочихъ партій. Интенсивность и многообразіе парламентской дѣятельности соціалъ-демократіи не поддаются детальному описанію. Общія принципіальныя рамки ея программы служатъ лишь основой, на которую опирается эта дѣятельность, исполненная такого же неисчерпаемаго разнообразія и сложности, какія заключаетъ въ себѣ сама нѣмецкая дѣйствительность со всѣми ея многоразличными жгучими требованіями и запросами. Однимъ изъ наиболѣе трагическихъ воплей противниковъ соціалъ-демократіи является досадное признаніе, что она съ истинно дьявольскимъ усердіемъ предупреждаетъ „каждый разумный шагъ“ охранительныхъ партій и всегда идетъ впереди не только въ критикѣ существующаго, но и въ положительныхъ требованіяхъ назрѣвшихъ животрепещущихъ реформъ...

Въ этомъ, конечно, прежде всего кроется секретъ широкой популярности соціалъ-демократіи въ странѣ, чрезвычайный и непрестанный ростъ ея приверженцевъ въ населеніи. На Дрезденскомъ партейтагѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за имперскими выборами 1903 г., Бебель старался выяснить причины этого явленія. Онъ совершенно откровенно признавалъ, что при всѣхъ выборахъ, — за исключеніемъ развѣ только первыхъ выборовъ во время дѣйствія исключительнаго закона, когда голосовать за соціалъ-демократа было опасно и рискованно,—за кандидатовъ рабочей партіи голосуютъ очень многіе, которые на первыхъ порахъ не признаютъ себя соціалъ-демократами. Это такъ называемые здѣсь „Mitläufer“. Мотивы, побуждающіе этихъ „сочувствующихъ“ дѣйствовать такимъ образомъ, очень разнообразны, но въ концѣ концовъ сводятся къ такъ или иначе вызванному недовольству всѣми остальными политическими партіями и нѣмецкой дѣйствительностью.

Уже вскорѣ послѣ основанія Германской Имперіи соціалъ-демократія на ряду съ общими выборами стала принимать участіе и въ выборахъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Пропаганда идей партіи на выборахъ и ея практическое

участіе въ законодательствѣ отдѣльныхъ государствъ сослужили ей большую службу въ смыслѣ расширенія сферы и упроченія ея вліянія. Первыя завоеванія соціалъ-демократіи въ „мѣстныхъ“ парламентахъ относятся уже къ 1877 г. и были прежде всего сдѣланы въ Саксоніи. Въ 1896 г. тамъ числилось уже 15 соціалъ-демократическихъ депутатовъ. Но консервативное большинство саксонскаго ландтага при поддержкѣ національ-либеральной партіи рѣшило однимъ ударомъ удалить изъ ландтага всѣхъ рабочихъ представителей и для этой цѣли вмѣсто прежняго, болѣе или менѣе прогрессивнаго избирательнаго права, ввело „жалкую“ трехклассную систему по прусскому образцу. Ближайшая цѣль этой „реформы“ вполнѣ достигнута: въ саксонскомъ ландтагѣ нѣтъ ни одного представителя рабочей партіи. Но, благодаря жестокой расправѣ 1896 года, симпатіи народа къ саксонской родинѣ замѣтно убывали и переносились на имперію, въ которой для трудящагося населенія только еще и есть возможность участія въ политической жизни. Это недовольство своими родными порядками сказалось особенно рѣзко на имперскихъ выборахъ 1903 г.: изъ 23 депутатовъ, которыхъ Саксонія посылаетъ въ рейхстагъ, 22 мандата достались соціалъ-демократамъ и только одинъ мандатъ былъ спасенъ соединенными охранительными партіями. Этотъ ошеломляющій результатъ заставилъ саксонское правительство задуматься надъ положеніемъ вещей и надъ настроеніемъ народа. Оно тотчасъ приступило къ выработкѣ проектовъ новаго реформированія избирательнаго права въ саксонскій ландтагъ, чтобы открыть хоть какой-нибудь доступъ туда представителямъ рабочей партіи. Но всѣ эти проекты, несмотря на ихъ крайній реакціонный характеръ, все-таки наталкиваются на рѣшительное противодѣйствіе компактнаго консервативнаго большинства въ саксонскомъ ландтагѣ, которое не хочетъ итти ни на какія уступки.

Ни на какія уступки не соглашается итти и компактное большинство прусскаго ландтага и прусскаго правительства. Пруссія, въ противоположность средней и южной Германіи, представляетъ собою атмосферу довольно грубаго, односторонняго классового господства, опирающагося на самыя отсталыя формы политическихъ, административныхъ и имущественныхъ привилегій. Она есть какъ бы сплошное фидеикомиссное владѣніе прусскаго юнкерства, въ которомъ главный тонъ задаетъ майоратный владѣтель и гдѣ, благодаря пресловутой трехклассной выборной системѣ, непросвѣщенная чернь не имѣла до сихъ поръ никакого вліянія на общественныя и государственныя дѣла. Нельзя сказать,

чтобы это устраненіе массъ и почти исключительное господство аристократіи пошло въ прокъ прусскому государству. Здѣсь то и дѣло приходится слышать жалобы, что школьное дѣло въ запущеніи, что громадныя массы сельскаго населенія стонутъ подъ игомъ духовной и матеріальной зависимости, что все управленіе командующимъ въ имперіи государствомъ отдано въ руки замкнутой въ себѣ и немногочисленной касты старо-владѣтельнаго дворянства, что юстиція не справляется съ правовымъ сознаніемъ народа, что полиція въ качествѣ высшей всепоглощающей инстанціи попираетъ самыя элементарныя права личности и общества, что государство, какъ работодатель, практикуетъ пріемы самаго узкосердечнаго частнаго предпринимательства, что свобода слова, литературно-художественнаго творчества, свобода союзовъ и собраній, несмотря на всѣ конституціонныя гарантіи, зависятъ отъ усмотрѣнія любого шуцмана...

Всю „жалкую“ несправедливость прусской трехклассной выборной системы (которую даже Бисмаркъ въ откровенную минуту назвалъ „самой жалкой изъ всѣхъ системъ“) можно характеризовать хотя бы слѣдующими ея курьезами. Она состоитъ изъ двойныхъ выборовъ: первичныхъ для избранія выборщиковъ, которые затѣмъ выбираютъ самыхъ депутатовъ. Результаты выборовъ зависятъ, слѣдовательно, отъ состава выборщиковъ, избираемыхъ по отдѣльнымъ избирательнымъ участкамъ, сообразно съ размѣромъ платимыхъ налоговъ. И вотъ, въ томъ избирательномъ участкѣ Берлина, который населенъ министрами, къ низшему третьему классу выборщиковъ, во главѣ нѣсколькихъ министровъ, принадлежитъ и имперскій канцлеръ графъ Бюловъ, и всѣ они сообща со своими швейцарами и лакеями выбираютъ въ третьемъ классѣ; въ 1-мъ классѣ сосѣдняго съ министрами избирательнаго участка выбираютъ всего два человѣка: издатель „Berliner Tagebaltt“ и банкиръ Блейхредеръ; а неподалеку отъ министерскаго квартала единственнымъ избирателемъ 1-го класса является придворный мясникъ Гефтеръ, который, слѣдовательно, своей толстой мошной побиваетъ сотни избирателей остальныхъ двухъ классовъ...

Къ такого рода „выборамъ“ трудно было проникнуться большимъ интересомъ; равнодушіе къ нимъ постоянно возрастало. Плутократическая система не только убивала охоту, но и дѣлала прямо безнадежнымъ участіе въ выборахъ широкихъ массъ прусскаго народа. Рабочія массы прежде всего ухватились за избирательное право въ имперіи. Когда онѣ съ его помощью упрочили свое положеніе въ имперіи и когда, съ другой стороны, всѣ реакціонные элементы укрѣ-

пились въ прусскомъ ландтагѣ, чтобы изъ за этой крѣпости вершать судьбы страны,—тогда и нѣмецкая рабочая партія рѣшила оставить политику воздержанія и выступить на арену избирательной борьбы. Первый массовой опытъ былъ сдѣланъ въ 1903 г. Партіей руководили при этомъ слѣдующіе мотивы: открыть штурмъ противъ трехклассной системы въ пользу введенія въ Пруссіи системы всеобщаго, равнаго и тайнаго избирательнаго права и, сверхъ того, пробить брешь въ цитадель прусской реакціи, въ этотъ удивительный парламентъ, гдѣ самая многочисленная партія въ Пруссіи, ея 1,600,000 прусскихъ избирателей въ рейхстагъ не имѣютъ ни одного представителя.

Съ самаго начала нельзя было сомнѣваться, что первое выступленіе рабочей партіи будетъ имѣть по преимуществу пропагандистскій характеръ и едва ли увѣнчается практическимъ успѣхомъ въ смыслѣ проведенія собственныхъ кандидатовъ. Что касается пропагандистскаго значенія участія соціалъ-демократіи въ выборахъ, то оно, по общему признанію, очень значительно: это участіе рабочей партіи внесло новую свѣжую струю въ затхлую атмосферу прусской выборной агитаціи, заставило зашевелиться и друзей и враговъ, впервые вообще демонстрировало передъ всей страной вопіющую несправедливость системы. Но подкопаться подъ нее съ одного раза оказалось тѣмъ труднѣе, что переполошившаяся было консервативная партія неожиданно нашла себѣ союзника въ лицѣ „свободомыслящихъ“ послѣдователей Евгенія Рихтера, упорно отказавшагося отъ всякихъ избирательныхъ компромиссовъ съ приверженцами „Цукунфтштата“. Практическій же успѣхъ рабочей партіи возможенъ былъ только при дружномъ съ ними натискѣ либеральной оппозиціи. Эта оппозиція, между тѣмъ, обернулась противъ рабочей партіи, и въ Пруссіи покуда-что царитъ еще роковая формула: $1{,}600{,}000 = 0$.

Въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ дѣйствующая система избирательнаго права открывала какую-нибудь возможность успѣшнаго пользованія имъ со стороны рабочаго класса, соціалъ-демократія уже съ давнихъ поръ принимаетъ дѣятельное участіе и въ парламентскихъ выборахъ и въ парламентской жизни. Судя по даннымъ 1903 г., она въ въ большей или меньшей мѣрѣ представлена теперь въ 17 парламентахъ отдѣльныхъ государствъ, въ которыхъ насчитываетъ свыше 100 своихъ представителей. Достаточно было, напр., маленькаго улучшенія въ избирательномъ правѣ Гамбургской „республики“, и на недавнихъ выборахъ (въ февралѣ 1904 года), вмѣсто одного депутата, соціалъ-демократія

сразу провела 12 своихъ кандидатовъ въ тамошній парламентъ, такъ называемый Bürgerschaft. Этотъ парламентъ состоитъ изъ 160 членовъ, изъ которыхъ половина выбирается на основаніи всеобщаго избирательнаго права, 40 депутатовъ выбираются куріей землевладѣльцевъ, 40—изъ состава такъ называемыхъ Notabeln (судей и т. п.). Особое неудобство гамбургскаго избирательнаго права до сихъ поръ заключалось въ томъ, что оно было связано съ уплатой 30 марокъ за пріобрѣтеніе правъ гражданства въ республикѣ. Но и теперь, по устраненіи этого условія, избирательное право далеко не имѣетъ всеобщаго характера, такъ какъ выбирать можетъ лишь тотъ, кто въ теченіе 5 лѣтъ платилъ налогъ съ минимальнаго дохода въ 1,500 марокъ. Тѣмъ не менѣе устраненіе 30-маркового сбора сразу увеличило число правоспособныхъ избирателей съ 26 на 65 тысячъ. Эта цифра все еще очень далека отъ тѣхъ 193,000 избирателей, которые въ 1903 г. участвовали въ имперскихъ выборахъ, но и она уже сильно увеличила шансы соціалъ-демократіи.

До послѣдняго времени соціалъ-демократія оставалась не представленной только въ мѣстныхъ парламентахъ Пруссіи, Саксоніи, Брауншвейга, Шаумбурга, Шварцбургъ-Зондергаузена, Вальдека и Любека. Но и тамъ, гдѣ она не представлена, она не перестаетъ агитировать въ пользу распространенія всеобщаго избирательнаго права на всѣ мѣстные парламенты по образцу рейхстага. Въ цѣломъ рядѣ союзныхъ государствъ (Баварія, Баденъ, Гессенъ, Вюртембергъ, Саксонія и др.) такъ или иначе стоитъ теперь на очереди реформа избирательнаго права.

Съ точки зрѣнія своей основной задачи—завоеванія политической власти—соціалъ-демократія считаетъ нужнымъ проникнуть всюду, гдѣ только открывается для нея какая либо возможность вліянія на законодательство и его примѣненіе въ интересахъ трудящихся классовъ. Въ этомъ смыслѣ она уже издавна придаетъ громадное значеніе участію въ коммунальномъ управленіи и въ этой области можетъ похвалиться довольно крупными успѣхами. За недостаткомъ точной статистики, трудно опредѣлить число ея представителей въ нѣмецкихъ коммунахъ, но несомнѣнно, что оно теперь достигло довольно солидной цифры.

Въ одной Саксоніи, напр., въ 1903 г. числилось въ общинахъ до 560 соціалъ-демократическихъ представителей. Въ нѣкоторыхъ общинахъ рабочая партія имѣетъ уже большинство, а кое-гдѣ и самихъ бургомистровъ. Въ борьбѣ за участіе въ общинномъ управленіи приходится преодолѣвать не только крайнюю замаскированность партійныхъ различій,

но и безконечное разнообразіе и запутанность избирательныхъ системъ; почти каждая деревня имѣетъ свою особую выборную систему, большею частью пріуроченную къ интересамъ имущихъ классовъ.

Чтобы установить руководящую нить для своихъ представителей въ коммунахъ, рабочая партія, приноравливаясь къ условіямъ и требованіямъ различныхъ мѣстностей, выработала особыя муниципальныя программы. Но въ 1901 г. на Мюнхенскомъ партейтагѣ извѣстный знатокъ муниципальнаго дѣла, депутатъ д-ръ Линдеманъ-Гуго (его трудъ о муниципальномъ соціализмѣ въ Англіи переведенъ и на русскій языкъ) сдѣлалъ обширный докладъ, въ которомъ намѣтилъ черты для общей коммунальной программы. Этотъ докладъ послужилъ новымъ импульсомъ для партіи и ея стремленій къ возможно болѣе широкому участію въ муниципальной политикѣ.

Германская рабочая партія переживаетъ теперь очень серьезное и тревожное время. Ея поразительный успѣхъ на выборахъ 1903 г. и утвержденная на Дрезденскомъ партейтагѣ „старая побѣдоносная тактика“ непримиримости вселили буржуазнымъ партіямъ мрачныя опасенія и убили въ нихъ надежду на торжество ревизіонизма и оппортунизма. Партія, можно сказать, на самомъ дѣлѣ стоитъ теперь передъ лицомъ той „сплошной реакціонной массы“, которой она и раньше съ гордостью себя противоставляла. Отношенія между сторонами до крайности обострены, и противники не перестаютъ тайно и открыто измышлять мѣры, которыя положили бы конецъ непрестанному росту соціализма и устранили бы грозныя перспективы соціальнаго переворота. Но чѣмъ мучительнѣе мечется реакція въ измышленіи мѣръ насильственнаго прекращенія роста соціальной демократіи, тѣмъ упорнѣе продолжаетъ эта послѣдняя итти по намѣченному ею пути.

VIII.

Національныя группы.

Бисмаркъ полагалъ въ свое время, что Пруссія, ставшая во главѣ объединенныхъ и присоединенныхъ земель, станетъ дѣлать въ нихъ „моральныя завоеванія“. А между тѣмъ послѣ долгихъ усилій прусской морали число „враговъ имперіи“ среди присоединенныхъ странъ и возвращенныхъ братьевъ не только не сократилось, но съ нѣкоторыми изъ нихъ отношенія дошли до крайней степени обострено-

сти. Кругомъ и повсюду ропотъ и недовольство: внутри—томящіеся по собственной династіи ганноверяне, на сѣверѣ—злые датчане, на востокѣ—гордые поляки, на западѣ—жаждущіе реванша полуфранцузы, да и на югѣ каждый баварецъ не только всѣми силами ненавидитъ пруссаковъ, но, по извѣстному анекдоту о баварскомъ школьникѣ, прямо считаетъ ихъ „внутренними врагами“ Германіи. Кто можетъ, посылаетъ въ имперскій парламентъ своихъ собственныхъ представителей, которые отстаиваютъ, если не полную независимость, то хоть національную самобытность своей родины и народа.

Въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ стоятъ поляки, которые и по своей многочисленности являются опаснѣйшими „врагами имперіи“; въ прусскомъ королевствѣ ихъ насчитывается свыше 3 милліоновъ, да къ тому же они, по деликатному выраженію графа Бюлова, „плодятся какъ кролики“. Противъ этой кроликоподобной плодовитости и національной живучести поляковъ прусскіе націоналисты съ давнихъ поръ ведутъ германизаторскую войну, которая до сихъ поръ, въ смыслѣ „моральныхъ завоеваній“, принесла прусскому правительству и его сподвижникамъ одни нравственныя пораженія и матеріальный ущербъ.

Точку зрѣнія нѣмецкихъ полонофобовъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ: поляки—подданные, на которыхъ нельзя положиться. Они стремятся къ возстановленію великаго польскаго государства и должны къ этому стремиться, если хотятъ сохранить свою національность. Они—пруссаки только „на срокъ“. Противъ вытекающей отсюда опасности слѣдуетъ бороться, парализуя всѣми средствами дальнѣйшую колонизацію края. Помощью нѣмецкихъ школъ, оффиціальнаго языка и нѣмецкихъ чиновниковъ слѣдуетъ насаждать въ польскихъ провинціяхъ (Познань, Верхняя Силезія) германскій духъ и германскую культуру. Польскіе рекруты должны отбывать службу въ нѣмецкихъ полкахъ. Всѣ польскія интриги и стремленія должны немилосердно подавляться правительствомъ. Систематическая колонизація въ громадныхъ размѣрахъ должна за счетъ государства открыть въ польскія области доступъ нѣмецкимъ поселенцамъ. Для этой цѣли должны быть скуплены помѣстья польской знати, какъ главной носительницы польскихъ стремленій. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ, конечно, противодѣйствовать притоку новыхъ польскихъ элементовъ изъ русской Польши и Галиціи.

Такова приблизительно программа германизаторовъ. Въ большей или меньшей степени она примѣняется на всѣхъ

прусскихъ „окраинахъ“, въ польскихъ же областяхъ она въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій проводится съ такимъ ригоризмомъ, далѣе котораго прусскіе культуртрегеры идутъ развѣ лишь въ нѣмецкихъ колоніяхъ Южной Африки. Кто не слышалъ о подвигахъ „гакатизма“,—этой получастной, полуоффиціальной организаціи германизаторовъ, основанной тремя богатыми „патріотами“, Ганземаномъ, Кенеманомъ и Тидеманомъ, инціалы которыхъ и послужили къ образованію приведенной клички. Около полумилліарда марокъ затрачено на „колонизацію“, которая въ сущности свелась къ обогащенію нѣсколькихъ захудалыхъ пановъ, къ хищнической наживѣ нѣмецкихъ гешефтмахеровъ и къ фактическому усиленію польскаго землевладѣнія. Что же касается нѣмецкой школы и чиновничества, то они внесли лишь фанатическое ожесточеніе въ польскую среду и крайнюю деморализацію въ среду собственнаго нѣмецкаго населенія. Для иллюстраціи этого положенія вещей можно было бы привести безконечный перечень фактовъ изъ общественной и судебной хроники.

Въ результатѣ мы имѣемъ на лицо особую польскую политическую группу какъ въ германскомъ рейхстагѣ, такъ и въ прусскомъ ландтагѣ. „Польскіе дебаты“ составляютъ въ этихъ учрежденіяхъ постоянную рубрику; къ каждую парламентскую сессію польскіе депутаты докладываютъ о германизаторскихъ оргіяхъ полиціи, юстиціи и администраціи, между тѣмъ какъ прусское правительство подъ аплодисменты трехкласснаго парламента съ побѣдоносной миной твердитъ извѣстную формулу: Pardon wird nicht gegeben!

Но и польское населеніе не знаетъ пардона. Отъ выборовъ до выборовъ возрастаетъ число голосовъ, которые оно подаетъ за своихъ депутатовъ, да и число самихъ депутатовъ таково, что можетъ оказывать въ критическіе моменты довольно значительное вліяніе на исходъ правительственныхъ законопроектовъ. Мы видѣли это въ 1893 г., когда въ первые выборы послѣ паденія Бисмарка поляки провели въ рейхстагъ 19 своихъ представителей, рѣшившихъ участь военнаго закона. Это было время нѣкотораго роздыха въ воинственныхъ отношеніяхъ поляковъ съ пруссаками. Молодой императоръ попробовалъ установить болѣе миролюбивый modus vivendi. Чистокровный полякъ-патріотъ Стаблевскій былъ утвержденъ познанскимъ епископомъ, разрѣшено было преподаваніе на польскомъ языкѣ и оказаны всевозможныя любезности польскимъ аристократамъ. За эту то милость польскіе депутаты и реваншировались въ 1893 г., измѣнивъ даже своему могущественному союзнику—католическому цент-

ру, который тогда энергично противился военнымъ планамъ правительства. Тогдашній вождь польской фракціи фонъ-Косцельскій въ благодарность за поддержку получилъ отъ императора орденъ и чуть было не попалъ въ познанскіе губернаторы. Но „именины сердца“ продолжались недолго. Большинству польскаго населенія не понравилось поведеніе польскихъ депутатовъ въ рейхстагѣ; во многихъ избирательныхъ округахъ были созваны народныя собранія, и на нихъ приняты резолюціи, осуждавшія раболѣпство „аристократовъ“, изъ которыхъ почти исключительно состояла польская фракція рейхстага. Фонъ-Косцельскій, скомпрометированный подачкой, долженъ былъ даже сложить съ себя депутатскія полномочія. Массы польскаго населенія и вообще гораздо болѣе стойки, чѣмъ ихъ аристократическіе представители. У этихъ послѣднихъ національная отчужденность уже давно борется съ классовой и экономической симпатіей къ общеимперскимъ охранительнымъ партіямъ, и они рады бы ухватиться за руку примиренія, если бы она не протягивалась къ нимъ въ такой грубой и унизительной формѣ.

Канцлерство графа Каприви и князя Гогенлоэ было временемъ сравнительно мирнаго настроенія въ прусско-польскихъ отношеніяхъ. Но графъ Бюловъ возродилъ традиціи бисмарковской безпощадности. Желѣзный канцлеръ называлъ поляковъ „ехидной, которую нечего щадить“, а его ученикъ хочетъ вытравить „кроликовъ“ мѣрами полицейски-патріотическаго вразумленія. Ему помогаетъ патріотическое большинство прусскаго ландтага и совершенно обезумѣвшее прусское правительство. Во время польскихъ преній въ ландтагѣ въ началѣ 1903 г. прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ баронъ-фонъ-Гамерштейнъ заключилъ свою антипольскую рацею слѣдующимъ категорическимъ императивомъ: „наше дѣло приказывать, ваше—повиноваться!“

Прусскіе поляки долгое время опирались на партію „центра“, съ которою они были связаны и вѣроисповѣдными узами, и чувствами оппозиціонной солидарности. Но съ усиленіемъ „гакатизма“ и германизаторской маніи преслѣдованія, „центръ“ очутился между двухъ огней. Какъ политическая организація католической церкви, онъ долженъ былъ стремиться къ сохраненію единства между польскими и нѣмецкими католиками; ставъ же „правящей“ партіей, онъ лишь очень слабо критиковалъ господствующую антипольскую политику, хотя располагаетъ достаточной силой, чтобы ее рѣшительно парализовать. Не желая портить своихъ отношеній съ правительствомъ, центръ сдѣлался въ польскихъ

провинціяхъ носителемъ прусской правительственной политики и очутился въ конфликтѣ съ поляками, которые, наконецъ, порѣшили завоевать себѣ царство небесное безъ помощи оффиціальной нѣмецко-католической церкви. Этотъ поворотъ особенно рельефно сказался во время выборовъ 1903 г., среди населенія Верхней Силезіи.

Верхнесилезское польское населеніе достаточно созрѣло, чтобы стряхнуть съ себя опеку католическаго центра. Тамъ уже много лѣтъ дѣйствуетъ соціалъ-демократическая пропаганда, но до послѣдняго времени она наталкивалась на національныя тенденціи польскаго населенія, преодолѣть которыя ей не удается, какъ не удается вообще соціалъ-демократической партіи разрѣшить въ своей средѣ „польскій вопросъ“ въ томъ федеративномъ смыслѣ, какъ это сдѣлала австрійская соціалъ-демократія.

Этимъ положеніемъ вещей превосходнымъ образомъ воспользовалась національно польская радикальная агитація подъ руководствомъ молодого и талантливаго польскаго журналиста Корфанти.

Войчехъ Корфанти очень любопытная фигура на политической и парламентской аренѣ. Его отецъ и братья горнорабочіе и самъ онъ, хотя съ „научной цѣлью“, цѣлый годъ работалъ въ копяхъ. Онъ, слѣдовательно, хорошо знаетъ бытъ своего обездоленнаго класса и со всѣмъ жаромъ своей молодости (ему подъ 30 лѣтъ) принялся за улучшеніе его доли. Корфанти готовился къ академической карьерѣ, но, еще будучи гимназистомъ, привлекался по одному изъ пресловутыхъ польскихъ процессовъ по обвиненію въ принадлежности къ тайнымъ ученическимъ обществамъ, былъ уволенъ изъ гимназіи и только частнымъ образомъ занимался науками, между прочимъ подъ руководствомъ извѣстнаго бреславльскаго профессора Вернера Зомбарта. Любознательный гимназистъ, не подозрѣвавшій въ себѣ призванія къ политической дѣятельности, въ настоящее время самая популярная личность во всей верхне-силезской провинціи. Тамошнее польское рабочее населеніе считаетъ его своимъ спасителемъ, его портреты красуются во всѣхъ хижинахъ горнорабочихъ, матери указываютъ своимъ дѣтямъ на него, какъ на человѣка, который поможетъ польскому народу выбраться изъ своего рабства на свѣтъ Божій и подняться до верховъ господства и житейскаго благополучія. Въ 1903 г. верхне-силезскіе поляки отправили своего молодого любимца депутатомъ въ рейхстагъ и въ томъ же году — въ прусскій ландтагъ. Ясновельможные паны польской фракціи, хотя и скрѣпя

сердце, ласково приняли въ свою среду болѣе радикальнаго сына пролетарской страны.

Радикализмъ Корфанти и его друзей прежде всего подчеркиваетъ національно-польскую тенденцію, энергично борется противъ прусской политики, противъ оппортунистической политики партіи центра и противъ растлѣвающаго вліянія его „политическихъ“ капланов на трудящіяся массы польскаго населенія. Корфанти тѣмъ не менѣе хорошо знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, не то искренне, не то изъ дипломатическихъ соображеній, называетъ себя вѣрнымъ католикомъ.

Этого, однако, недостаточно служителямъ католической церкви въ В.-Силезіи. Передъ выборами 1903 г. тамошній кардиналъ Копп опубликовалъ особое пастырское посланіе противъ велико-польскихъ агитаторовъ. Онъ угрожалъ имъ и ихъ послѣдователямъ самыми тяжелыми церковными карами. Волненія во время выборовъ, а впослѣдствіи возбужденный и пропгранный кардиналомъ процессъ противъ газеты Корфанти раскрылъ страшную картину политическаго и религіознаго терроризма верхнесилезскаго католическаго духовенства, вопіющаго злоупотребленія имъ своимъ духовнымъ званіемъ и церковной каѳедрой. Но всѣ эти происки вмѣсто того, чтобы парализовать велико-польскую агитацію, только ожесточили польское населеніе и совершенно подорвали въ немъ престижъ партіи центра. Корфанти вышелъ побѣдителемъ въ округѣ Каттовицѣ, а въ другихъ четырехъ округахъ нынѣшній президентъ рейхстага графъ Баллестремъ и другіе видные члены центра едва-едва отстояли еще на этотъ разъ свои мандаты передъ радикальными польскими кандидатами.

Вторымъ послѣ поляковъ народомъ, на счетъ котораго расширилась Пруссія, была Данія. Еще задолго до войны 1864 г. смежныя датскія провинціи были вполнѣ „онѣмечены“; но, захватывая эти уже онѣмеченныя части, Пруссія для округленія границъ прихватила и сѣверную часть Шлезвига. Населяющіе ее чистокровные датчане до сихъ поръ тяготятся прусскимъ подданствомъ и упорно посылаютъ въ депутаты рейхстага своего родного человѣка. До 1898 г. этимъ единственнымъ представителемъ „датской партіи“ былъ горячій патріотъ Іогансенъ, въ 1903 г. его смѣнилъ Іессенъ.

Для политики „моральныхъ завоеваній“, которую оффиціальная Пруссія практикуетъ въ пресоединенныхъ земляхъ,

характерно, между прочимъ, что она систематически посылаетъ туда въ высшіе администраторы самыхъ завѣдомыхъ „держимордъ“ изъ среды прусскихъ юнкеровъ. Такъ, напр., много лѣтъ правитъ поочередно въ Шлезвигъ-Гольштиніи и Эльзасъ-Лотарингіи грубый патронъ фонъ-Келлеръ, одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей той „сильной власти“, которую другой извѣстный юнкеръ однажды возвелъ въ принципъ и кратко формулировалъ словами: „глупъ, но твердъ!“

Пруссія не стѣснялась и съ чисто-нѣмецкими государствами. Въ 1866 г. она, кромѣ курфюрства Гессена, герцогства Нассау, вольнаго города Франкфурта, присоединила къ себѣ и цѣлое Ганноверское королевство, лишивъ престола слѣпого короля Георга V, потомка знаменитыхъ германскихъ князей „Вельфовъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ было конфисковано и громадное состояніе короля, такъ называемый „вельфскій фондъ“, изъ котораго Бисмаркъ впослѣдствіи безцеремонно черпалъ средства для проведенія своихъ „предначертаній“ въ пресмыкающейся печати, для поддержки своихъ друзей и т. п.

Ганноверская аристократія и чиновничество были, конечно, очень недовольны превращеніемъ ихъ королевства въ прусскую провинцію и образовали особую „в е л ь ф с к у ю“ партію, цѣль которой возвратить Ганноверъ „вельфскому“ королевскому роду. Трудно, конечно, предполагать, чтобы вельфская партія (ея оффиціальное названіе: Deutsch-Hannoversche Rechtspartei) могла когда либо оказаться опасной для настоящихъ устоевъ Германской Имперіи: возстановленіе старой династіи возможно развѣ только въ связи съ такимъ же военнымъ переворотомъ, при которомъ совершилось ея исчезновеніе. Но существованіе упорныхъ партикуляристическихъ стремленій въ составѣ Германіи все же явленіе очень безпокойное, тѣмъ болѣе, что вельфская партія, имѣвшая своимъ первоначальнымъ средоточіемъ одинъ Ганноверъ, впослѣдствіи стала распространяться и на Брауншвейгъ.

Основаніе Сѣверо-Германскаго Союза, а затѣмъ и Германской Имперіи не встрѣтило никакого протеста со стороны брауншвейгскаго населенія. Долгіе годы подрядъ три брауншвейгскихъ округа посылали въ рейхстагъ національ-либеральныхъ депутатовъ. Рядомъ съ національ-либералами пользовались извѣстнымъ вліяніемъ въ странѣ еще соціалъ-демократы, но о вельфахъ не было почти и рѣчи. Это положеніе вещей нѣсколько измѣнилось со смертью герцога Браун-

швейгскаго Вильгельма въ 1884 г. Брауншвейгцы очутились безъ собственнаго наслѣдственнаго герцога, но въ то же время не желали признать навязанную имъ династію герцога Кумберлендскаго. Съ другой стороны, и герцогъ Кумберлендскій не можетъ занять брауншвейгскаго престола, потому что упорно отказывается признать statu quo въ Ганноверѣ. Такое „безголовое“ состояніе естественно является источникомъ династическихъ смутъ и аристократическихъ броженій.

Само собою разумѣется, что эти смуты и броженія имѣютъ лишь косвенное значеніе для настроенія широкихъ массъ ганноверскаго и брауншвейгскаго населенія. Мы видимъ, однако, что это въ общемъ индиферентное къ „высшей политикѣ“ населеніе, въ особенности ганноверское крестьянство, славящееся своимъ независимымъ и практическимъ складомъ ума, посылаетъ въ рейхстагъ и въ прусскій ландтагъ вельфскихъ и вообще оппозиціонныхъ представителей. Этимъ вотумомъ оно менѣе всего имѣетъ въ виду проявлять свое недовольство „имперіей“, а лишь протестуетъ противъ того прусско-юнкерскаго духа, который ему пытались навязать начиная съ 1866 г. Если вельфскія тенденціи еще находятся въ силѣ, то въ этомъ виноваты прусскіе бюрократы, которые поровнятъ править гордыми ганноверянами, точно своей челядью на востокъ отъ Эльбы. Изъ Брауншвейгскихъ округовъ только одинъ еще остается за національ-либералами, остальные два перешли къ соціалъ-демократамъ и внѣфракціоннымъ группамъ; изъ 19 округовъ ганноверской провинціи національ-либералы удержали только восемь, остальные распредѣлены между вельфами, соціалъ-демократами, консерваторами и центромъ, съ которымъ вельфскіе протестанты еще до самаго послѣдняго времени были связаны оппозиціонными узами.

Эльзасъ-лотарингскій вопросъ обыкновенно принято разсматривать съ чисто національной, подчасъ даже сентиментальной точки зрѣнія. Между тѣмъ новѣйшая исторія такъ называемой „Имперской области“ (Reichsland) довольно наглядно показываетъ, что, кромѣ національныхъ воззрѣній и шовинистическихъ чувствъ, въ этомъ вопросѣ играютъ большую роль еще другіе мотивы—по преимуществу экономическаго характера.

Еще въ настоящее время многіе, особенно во Франціи, нерѣдко задаются вопросомъ: могъ ли состояться захватъ Эльзасъ-Лотарингіи безъ согласія на то самого населенія этой области, вправѣ ли были нѣмцы сразу „онѣмечить“ эту

страну, не справившись съ волею ея жителей. Извѣстно, что нѣмецкіе соціалъ-демократы въ свое время протестовали противъ присвоенія Германіей французскихъ департаментовъ, подобно тому какъ они и теперь протестуютъ противъ всевозможныхъ колоніальныхъ и тому подобныхъ захватовъ.

Противъ присвоенія Эльзаса и Лотарингіи Германской Имперіей, нѣмецкіе соціалъ-демократы высказывались прежде всего потому, что они предвидѣли всѣ роковыя послѣдствія этого акта, они предвидѣли, что присвоеніе этихъ земель прибавитъ лишь масло въ огонь воинственныхъ настроеній и поведетъ къ тому состоянію „вооруженнаго мира“, который превратилъ теперь всю Европу въ сплошной военный лагерь. Въ настоящее время отношеніе нѣмецкой да и французской соціалъ-демократіи къ эльзасъ-лотарингскому вопросу нѣсколько иное. Она, такъ сказать, освоилась съ фактомъ „присвоенія“, потому что и самая область постепенно сжилась съ своимъ новымъ положеніемъ.

Если въ настоящее время можно говорить объ измѣнившихся условіяхъ и о томъ, что Эльзасъ-Лотарингія фактически превратилась въ нѣмецкую область, то причину этой успѣшной „германизаціи“ слѣдуетъ искать отнюдь не въ германизаторскихъ методахъ, къ которымъ прибѣгали завоеватели. Напротивъ: ужъ одно существованіе въ Эльзасъ-Лотарингіи такъ называемыхъ „Protestler“ не свидѣтельствуетъ о безупречности этихъ методовъ, которые фактически установили для Эльзасъ-Лотарингіи извѣстную исключительность положенія, а различіе въ положеніи должно было вызывать и различіе въ чувствахъ.

Эльзасъ-Лотарингія не имѣетъ правъ равныхъ съ нѣмецкими союзными государствами. Ея исключительное положеніе характеризуется прежде всего тѣмъ, что она считается „имперской областью“, т. е. подчиненной всей Германской Имперіи провинціей и, слѣдовательно, управляется прусскимъ королемъ въ его императорскомъ званіи. Въ самой области императора замѣщаетъ назначаемый имъ „штатгальтеръ“ при помощи особаго министерства, состоящаго изъ одного статсъ-секретаря и четырехъ его товарищей. Въ качествѣ эльзасъ-лотарингскаго парламента дѣйствуетъ введенная въ 1874 г. и нѣсколько видоизмѣненная законами 1877 и 1879 гг. Областная Комиссія (Landesausschuss), постановленія которой подлежатъ утвержденію Союзнаго Совѣта (Bundesrath).

Эта Комиссія состоитъ изъ 58 членовъ, избираемыхъ на три года; изъ нихъ 34 члена избираются тремя окружными сеймами (Bezirkstag) изъ ихъ собственной среды (13 сеймомъ

Нижняго Эльзаса, 10 сеймомъ Верхняго Эльзаса и 11 сеймомъ Лотарингіи). Эти окружные сеймы, соотвѣтствующіе французскимъ генеральнымъ совѣтамъ, кстати сказать, въ свою очередь избираются на основѣ самаго отсталаго классового выборнаго права. Далѣе, управленія четырехъ большихъ городовъ — Страсбургъ, Мюльгаузенъ, Кольмаръ и Мецъ—посылаютъ въ Комиссію по одному члену изъ своей среды. Остальные 20 членовъ Комиссіи назначаются выборщиками, которые избираются прочими городскими управленіями раздѣленной на 20 округовъ области. Таковъ этотъ „образцовый парламентъ“!.. Резиденціей штатгальтера и мѣстонахожденіемъ Областной Комиссіи служитъ Страсбургъ.

Если мы, кромѣ этого парламентскаго строя, примемъ еще въ соображеніе исключительное законодательство о печати въ Эльзасъ-Лотарингіи, репрессивные законы о союзахъ и собраніяхъ, пресловутый § о „диктатурѣ“, жестокости военныхъ и гражданскихъ властей, преслѣдованія французской рѣчи, произволъ полиціи и т. п.,—тогда передъ нами раскроется вся административная метода прусско-нѣмецкой бюрократіи, долгое время питавшей глубокую ненависть къ нѣмцамъ со стороны ихъ „возвращенныхъ братьевъ“. Если тѣмъ не менѣе „Имперская область“ все болѣе утрачиваетъ французскій характеръ и получаетъ нѣмецкій обликъ, то этимъ она обязана не „диктатурѣ“ и осадному положенію, а другимъ факторамъ, оказавшимся достаточно сильными, чтобы парализовать „галицизирующее“ вліяніе „германизаторской“ системы.

Съ окончаніемъ войны 1870—71 г. и съ заключеніемъ мира, цвѣтущая промышленность Эльзасъ-Лотарингіи очутилась передъ проблемой сбыта своихъ продуктовъ. Граница была перемѣщена съ востока на западъ и цѣлый рядъ препятствій сталъ на пути привычныхъ торговыхъ сношеній. Передъ войной эльзасъ-лотарингскіе продукты безпрепятственно вывозились на Западъ, теперь же были созданы таможенныя перегородки. При этихъ обстоятельствахъ громадное число эльзасскихъ семей увидѣло себя вынужденнымъ перекочевать во Францію и тамъ натурализоваться, множество фабрикъ совершенно закрылось, другія основали филіальныя отдѣленія въ восточныхъ департаментахъ Франціи, многія окончательно основались на французской территоріи.

Вслѣдствіе этого населеніе области, несмотря на сильный притокъ въ нее нѣмецкихъ переселенцевъ, отъ 1871 до 1875 г. сократилось съ 1,549,377 на 1,531,804 души, тогда какъ населеніе восточныхъ департаментовъ Франціи быстро возросло. На почвѣ этихъ экономическихъ невзгодъ и политическаго

гнета возникъ „протестъ“. Эльзасъ-лотарингцы ненавидѣли завоевателей, въ которыхъ видѣли источникъ своихъ бѣдствій, страданій, своего матеріальнаго разоренія. Образовавшаяся партія „протестующихъ“ долгіе годы посылала въ рейхстагъ своихъ депутатовъ почти отъ всѣхъ 15 округовъ имперской области.

Но постепенно противоположности между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ сглаживались; узы, соединявшія оставшихся эльзасцевъ съ уже офранцузившимися, все болѣе ослабѣвали, ихъ общность интересовъ сокращалась, между тѣмъ какъ эльзасская промышленность все тѣснѣе сближалась съ нѣмецкой. Сродство интересовъ повело къ сродству чувствъ. Эмиграція вскорѣ пріостановилась, такъ что населеніе областей уже къ 1880 г. значительно возросло (1,566,670), а въ 1895 г. составляло 1,640,986 душъ. Экономическія отношенія принесли съ собою національное согласіе вмѣсто раздоровъ, которые они создали на первыхъ порахъ. Существующая и по сіе время борьба между національностями отступаетъ на задній планъ передъ классовой борьбой, которая какъ во всей Германіи, такъ и въ завоеванной области составляетъ теперь характерную черту общественныхъ отношеній.

Эльзасская буржуазія, поскольку она примыкаетъ къ католицизму, клерикальна; ея протестанская часть—либеральна въ духѣ національ-либераловъ и рихтеровскаго свободомыслія. Католическіе представители въ рейхстагѣ, такъ называемые „эльзасцы“, уже давно перестали быть самостоятельной политической партіей и служатъ лишь безцвѣтной привѣской „правящаго“ центра. Вождемъ эльзасцевъ до выборовъ 1903 г. былъ престарѣлый пасторъ Винтереръ, подъ конецъ утратившій реномэ непримиримаго оппонента, а теперь совершенно оставившій политическую арену. Другіе депутаты имперской области примыкаютъ частью къ свободомыслящимъ, частью къ національ-либераламъ. Есть между ними и два-три консерватора, какъ бывшій французскій кавалеріійскій офицеръ баронъ де-Шмидтъ, которому прежняя принадлежность къ французской арміи не мѣшаетъ быть теперь энтузіастомъ нѣмецкаго милитаризма и маринизма.

Эти буржуазныя группы, вполнѣ отражающія экономическія отношенія, образовали изъ себя одну большую „партію порядка“ (Ordnungspartei), которую мѣстные соціалъ-демократы непочтительно называютъ „охранительной кашей“ (Ordnungsbrei). Цѣль этой организаціи — борьба противъ „враговъ существующаго порядка“, т. е. противъ все болѣе разростающейся въ области соціалъ-демократіи.

Эльзасъ-лотарингскій пролетаріатъ, на которомъ теперь главнымъ образомъ отражается исключительное законодательство о печати, союзахъ, собраніяхъ и т. п., началъ самостоятельное существованіе лишь съ 1890 г., т. е. съ того времени, какъ пересталъ служить орудіемъ „протестантовъ“. Въ 1893 г. соціалъ-демократическая партія собрала въ Эльзасъ-Лотарингіи 46,186 голосовъ и провела въ рейхстагъ двухъ депутатовъ: Бебеля отъ Страсбурга и Бюба отъ Мюльгаузена. При слѣдующихъ выборахъ, въ 1898 г., она получила 51,990 голосовъ, но, несмотря на приростъ голосовъ, потеряла Страсбургъ въ пользу кандидата „партіи порядка“. Два года спустя Бюбъ, вслѣдствіе нарушенія партійной дисциплины, былъ вынужденъ сложить съ себя депутатскія полномочія. Вскорѣ онъ былъ совершенно исключенъ изъ партіи и сталъ интриговать противъ новаго соціалъ-демократическаго кандидата въ Мюльгаузенѣ. Тѣмъ временемъ „партія порядка“ выставила здѣсь кандидатуру одного эльзасскаго старожила, богатаго фабриканта Шлумбергера, который завоевалъ мюльгаузенскій мандатъ, сохранивъ его и на выборахъ 1903 г. Соціалъ-демократіи и въ этотъ разъ не удалось провести своихъ кандидатовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, хотя число поданныхъ за нее голосовъ снова возросло болѣе чѣмъ на 16,000. За ея кандидатовъ было подано въ 1903 г. въ Эльзасъ-Лотарингіи 68,267 голосовъ изъ общаго числа 282,413 голосовъ, поданныхъ во всей области.

А. Ковровъ.

ГОЛЛАНДІЯ.

I.

Народно-хозяйственная жизнь и государственный строй.

Голландіей мало интересуются, и она мало извѣстна заграницей. Причиной этого является, быть можетъ, ея языкъ. А между тѣмъ эта маленькая страна, которую Наполеонъ презрительно назвалъ простымъ „наносомъ французскихъ рѣкъ“, не только имѣетъ свою чрезвычайно интересную и богатую исторію, но и въ новѣйшее время, когда она давно позабыла свои героическія попытки оспаривать у Англіи гегемонію на морѣ, представляетъ наблюдателю много поучительныхъ чертъ. До послѣдняго времени она казалась единственной страной, гдѣ распространеніе избирательнаго права на сравнительно широкіе слои населенія не доставило (по крайней мѣрѣ, на первое время) власти реакціоннымъ и клерикальнымъ партіямъ. Два раза голландскій либерализмъ съ честью выходилъ изъ этого испытанія, отстоявъ свои позиціи отъ клерикальныхъ нападеній. И только выборы 1901 г. отняли у Голландіи право претендовать на это почетное исключеніе изъ общаго правила. Власть, вѣроятно надолго, перешла въ руки реакціонно-клерикальной коалиціи.

Чтобы понять нѣкоторыя особенности политической эволюціи Голландіи и чтобы дать себѣ точный отчетъ во взаимномъ отношеніи борющихся партій, необходимо хотя въ нѣсколькихъ словахъ коснуться нѣкоторыхъ чертъ экономической жизни страны.

Уже въ первой половинѣ 17-го вѣка Голландія была владычицей морей,—и съ этого времени датируетъ ея колоніальное могущество. Но зачатки промышленнаго капитализма не успѣли развиться, будучи подавлены преобладаніемъ торговыхъ интересовъ, — и именно неподвижность

промышленнаго развитія подала поводъ назвать Голландію того времени „капиталистическимъ Китаемъ“. Первый ударъ экономическому могуществу Голландіи былъ нанесенъ войнами съ Англіей, вызванными навигаціоннымъ актомъ Кромвеля. За этимъ ударомъ послѣдовали другіе. Торговый и мануфактурный капитализмъ Голландіи 17 и 18 вв. глубокой пропастью отдѣленъ ею отъ современнаго. Война съ Англіей 1780—84 гг. окончательно погубила голландскую торговлю и промышленность. Когда въ 1795 г. страна была завоевана французскими революціонными войсками, побѣдители нашли тамъ классъ денежныхъ капиталистовъ и рантье, съ одной стороны, и нищенство народныхъ массъ, съ другой. Подобное состояніе отчасти тянулось и черезъ все 19 столѣтіе, несмотря на новый расцвѣтъ торговли и индустріи. И даже теперь въ старыхъ культурныхъ центрахъ народъ носитъ слѣды вырожденія и нищеты. До сихъ поръ благосостояніе во всѣхъ классахъ ниже, чѣмъ въ Бельгіи, Франціи или Англіи.

Отличительной чертой эпохи 1815—1870 гг. является застой въ экономической, а, значитъ, и въ умственной жизни страны. Соединеніе съ Бельгіей, оказавшееся столь кратковременнымъ, имѣло для Голландіи болѣе печальные, чѣмъ для первой, результаты: отдѣленіе южныхъ провинцій толкнуло сѣверные Нидерланды въ лагерь реакціи. Только послѣ 1870 г. снова начинается развитіе промышленнаго капитализма, главнымъ образомъ, благодаря отмѣнѣ государственной барщины въ колоніяхъ, открытыхъ такимъ образомъ для голландскаго капитала, и сильному промышленному расцвѣту въ Германіи. Но, какъ мы ниже увидимъ, это усиленное развитіе капиталистической индустріи, центрами которой сдѣлались въ особенности Амстердамъ и Роттердамъ, повело къ усиленію реакціонныхъ партій и къ ослабленію либеральной.

Итакъ, два факта до послѣдняго времени доминируютъ въ экономической жизни Голландіи, объясняя господство въ политической области либеральной партіи: это, во-первыхъ, колоніальное могущество, во-вторыхъ, преобладаніе торговыхъ интересовъ надъ остальными. Голландскія колоніи имѣютъ 33 милліона жителей, т. е. вшестеро больше, чѣмъ метрополія, въ которой промысловая перепись 1899 г. насчитала лишь 5,104,137 душъ. Остъ-Индскія колоніи (нидерландскія) имѣютъ ежегодный бюджетъ въ 300 милліоновъ франковъ, т. е. большій, чѣмъ колоніи какой бы то ни было другой страны, кромѣ Англіи. Торговля Голландіи, особенно усилившаяся со второй половины 19-го вѣка, составляетъ около

5,000 милліоновъ франковъ и относительно является одной изъ самыхъ крупныхъ во всемъ мірѣ: Голландія уже оспариваетъ на всемірномъ рынкѣ четвертое мѣсто у Франціи. Перепись 1899 г. показываетъ намъ, что торговлей занятъ довольно большой процентъ населенія: 6,5% (въ промышленности—12,8%, въ земледѣліи только 11,2%), причемъ относительный ростъ занятаго торговлей населенія съ 1889 по 1899 г. шелъ быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія индустріальнаго и земледѣльческаго: въ сельскомъ хозяйствѣ—8,7% (относительно число сельскаго населенія у м е н ь ш и л о с ь), въ индустріи—22,2%, а въ торговлѣ—23,6%.

Такое преобладаніе колоніальныхъ и торговыхъ интересовъ естественно вело къ тому, что голландской буржуазіи относительно мало приходилось непосредственно сталкиваться съ пролетаріатомъ. Центръ тяжести интересовъ голландскаго капитала находился за границей, и онъ сравнительно слабо чувствовалъ тѣ тренія, которыя неизбѣжно связаны съ развитіемъ капиталистическаго производства въ самой странѣ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что голландскій капиталъ былъ либераленъ и сравнительно легко соглашался на соціальныя реформы, весьма слабо задѣвавшія его жизненные интересы. Это явленіе начало измѣняться, когда въ Голландіи стала развиваться собственная крупная индустрія и когда, вмѣстѣ съ ростомъ безработныхъ на 32% за 1889—1899 гг., стали все чаще разгораться конфликты въ промышленной области. Тогда промышленная буржуазія, голосъ которой пріобрѣлъ большій вѣсъ, рѣшительно высказалась противъ соціально-реформаторской политики.

Съ другой стороны, нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Если оставить въ сторонѣ продукты, которые Голландія только провозитъ черезъ свою страну (напр., колоніальные и чужіе продукты), и принять во вниманіе вывозъ чисто голландскихъ продуктовъ, то мы замѣтимъ, что въ этой цифрѣ вывозъ продуктовъ скотоводства, масла и сыра (почти на 150 милл.), играетъ первостепенную роль. Нисколько неудивительно поэтому, что луга занимаютъ свыше половины всѣхъ голландскихъ земель (50,4%), а изъ общей площади обрабатываемыхъ земель даже немногимъ менѣе двухъ пятыхъ. Эта огромная роль продуктовъ скотоводства, съ одной стороны, и общее буржуазіямъ всѣхъ странъ желаніе имѣть дешевый хлѣбъ, а слѣдовательно, и дешевыя рабочія руки, съ другой, въ связи съ второстепеннымъ значеніемъ земледѣлія и слабымъ до послѣдняго времени развитіемъ обрабатывающей промышленности, — всегда заставляли голландскую буржуазію, а вмѣстѣ съ ней и либеральную партію,

рѣшительно высказываться противъ мысли о введеніи покровительственныхъ пошлинъ. Обложеніе иностранныхъ продуктовъ могло въ видѣ неизбѣжной реакціи вызвать лишь отвѣтное обложеніе голландскаго экспорта, а слѣдовательно стѣснить вывозъ голландскаго скота, масла и сыра.

Но въ послѣднее время въ этой области произошли существенныя измѣненія. Міровой сельскохозяйственный кризисъ отразился и на Голландіи. Положеніе земледѣлія становилось съ каждымъ годомъ все хуже. Цѣны на хлѣбъ за послѣднее тридцатилѣтіе упали, по крайней мѣрѣ, вдвое. Арендная плата понизилась на 30—40%. Бельгійская и германская границы (послѣдняя якобы по санитарнымъ соображеніямъ, а въ сущности чтобы защитить крестьянское хозяйство сосѣднихъ съ Нидерландами провинцій, также занимающихся разведеніемъ скота) — обѣ эти границы были закрыты для вывоза голландскаго скота, а съ другой стороны, Голландіи трудно стало бороться на англійскомъ рынкѣ съ дешевымъ американскимъ и австралійскимъ мясомъ. Кромѣ того, Швеція и Данія явились для Голландіи серьезными конкурентами по сбыту масла и сыра. Ростъ же городского населенія (въ 1830 г. населеніе общинъ съ числомъ жителей свыше 20,000 составляло 26,8%, въ 1899 г.—36,4%) не совершается настолько быстро, чтобы оно могло потребить всѣ продукты скотоводства. Площадь луговъ возрастала, а посѣвная площадь постоянно сокращалась (три четверти потребляемаго въ странѣ хлѣба ввозится изъ-за границы). И тогда протекціонизмъ, носителемъ котораго всегда были въ Голландіи клерикальныя партіи и который раньше какъ будто не имѣлъ въ странѣ никакой почвы (замѣтимъ, что Голландіи не хватаетъ своего хлѣба, угля, дерева, руды), усилился и сталъ играть значительную роль въ борьбѣ политическихъ партій.

Въ основѣ голландскаго государственнаго устройства лежитъ конституція 1815 г. съ измѣненіями, произведенными въ 1840, 1848 и 1887 гг. Въ Голландіи господствуетъ конституціонная монархія, но вся фактическая власть сосредоточена въ рукахъ парламента и зависящаго отъ него министерства, словомъ, это страна парламентарнаго режима, притомъ съ сильно выраженной областной и коммунальной автономіей (въ дѣлахъ административнаго характера). Резиденція царствующей династіи, равно какъ и засѣданія Генеральныхъ Штатовъ (такъ называется въ Нидерландахъ парламентъ, т. е. совокупность верхней, или первой, и нижней, или второй, палатъ) имѣютъ мѣсто не въ столицѣ Гол-

Голландскій парламентъ.

ландіи, Амстердамѣ, а въ провинціальномъ городѣ Южной Голландіи, Гаагѣ.

По органическимъ законамъ Голландіи, личность государя неприкосновенна. Онъ является главой націи, ему принадлежитъ исполнительная власть, но осуществляетъ онъ ее черезъ посредство министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ. Король командуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, торговые договоры, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ обязанъ представлять ихъ на усмотрѣніе Генеральныхъ Штатовъ, если это, по его мнѣнію, не противорѣчитъ интересамъ государственной безопасности. Всякій разъ, когда эти договоры влекутъ за собой измѣненіе національной территоріи или новыя издержки для государственныхъ финансовъ, они вступаютъ въ силу лишь послѣ того, какъ въ обычномъ для всякаго законопроекта порядкѣ обсуждены и приняты палатами. Король имѣетъ право „вето“, но никогда имъ не пользуется.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что фактически исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ министерства, а законодательная—въ рукахъ палатъ. И почти всегда, тамъ, гдѣ голландская конституція говоритъ „король“, нужно читать „министръ внутреннихъ дѣлъ“, „кабинетъ“ или „парламентъ“. Это замѣчаніе необходимо для правильнаго пониманія голландской конституціи не только въ буквальномъ, но и въ дѣйствительномъ смыслѣ.

По конституціи королю принадлежитъ право издавать „общія административныя постановленія“. Каковъ характеръ этихъ административныхъ распоряженій, конституція не разъясняетъ, но она постановляетъ, что они могутъ налагать взысканія лишь на точномъ основаніи закона и въ предусмотрѣнныхъ имъ предѣлахъ. Они могутъ приниматься лишь съ согласія государственнаго совѣта, причемъ публикуются какъ законы въ „Собраніи Законовъ“ и въ „Оффиціальной Газетѣ“, подъ названіемъ „Королевскіе Декреты“. Въ случаѣ, если они противорѣчатъ закону или вторгаются въ его область, они не имѣютъ никакой силы, и рѣшаетъ въ такихъ вопросахъ судебная власть.

Настоящая исполнительная власть, какъ и въ другихъ странахъ парламентарнаго режима, принадлежитъ министерству. Всѣхъ министровъ—восемь (причемъ, какъ и въ Бельгіи, нѣтъ отдѣльнаго министерства народнаго просвѣщенія, которое является лишь департаментомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). Король поручаетъ какому-нибудь извѣстному политическому дѣятелю (принадлежащему къ партіи, имѣющей большинство въ парламентѣ) составить мини-

стерство, но президентовъ совѣта въ Голландіи нѣтъ; каждый министръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ по очереди, хотя принято (главнымъ образомъ, заграницей) называть кабинетъ по имени того лица, къ которому король обратился съ просьбой составить министерство, напр., кабинетъ Пирсона, министерство Куипера и т. п. Часто бываетъ даже, что главную роль играетъ въ кабинетѣ не тотъ министръ, который составилъ министерство: такъ въ кабинетѣ Роеля главную роль игралъ ванъ-Гоутенъ, а въ кабинетѣ ванъ-Тинговена руководящее значеніе принадлежало Таку. До послѣдняго времени было въ обычаѣ, что депутатъ, ставшій министромъ, подаетъ въ отставку, а на его мѣсто выбирается новый депутатъ.

Генеральные Штаты, въ рукахъ которыхъ сосредоточена законодательная власть, состоятъ изъ двухъ палатъ. Первая палата, сенатъ, состоитъ изъ 50 членовъ, назначаемыхъ провинціальными штатами; такимъ образомъ, въ отличіе отъ другихъ конституціонныхъ монарховъ, голландскій король или королева не назначаетъ членовъ верхней палаты. Избраны могутъ быть (по расчету: 1 кандидатъ на 3.000 душъ) голландцы не моложе 30 лѣтъ, внесенные въ особые списки, составленные изъ лицъ, платящихъ высокіе налоги, и изъ высшихъ (настоящихъ или бывшихъ) чиновниковъ. Члены сената выбираются на 9 лѣтъ и возобновляются по третямъ черезъ каждые 3 года. Сенаторы получаютъ жалованье въ размѣрѣ 8 флориновъ ежедневно въ продолженіе сессіи, а тѣ изъ нихъ, которые живутъ внѣ Гааги, получаютъ еще прогоны на проѣздъ въ Гаагу и обратно.

Такимъ образомъ, можетъ случиться, что большинство въ сенатѣ не соотвѣтствуетъ большинству въ палатѣ (это имѣетъ, напр., мѣсто въ настоящій моментъ, когда въ сенатѣ большинство либеральное, тогда какъ въ палатѣ оно принадлежитъ коалиціи конфессіональныхъ партій). Но министерство этимъ мало смущается; только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ сенатъ рѣшается итти противъ палаты депутатовъ. Притомъ права его по отношенію ко второй палатѣ настолько ограничены, что особеннаго значенія его оппозиція не имѣетъ. Первой палатѣ не принадлежитъ ни право иниціативы, ни право дополненій и поправокъ къ законопроектамъ, принятымъ второй палатой. Она можетъ ихъ принять или отвергнуть цѣликомъ. На послѣднее, конечно, можно рѣшиться лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Президентъ верхней палаты ежегодно назначается королемъ изъ среды ея членовъ. Когда въ Верховномъ Судѣ, суду котораго подлежатъ министры, открывается вакансія,

сенатъ представляетъ королю списокъ изъ 5 кандидатовъ, одного изъ которыхъ король и долженъ выбрать.

Естественно, что по самымъ условіямъ своего назначенія голландскій сенатъ состоитъ изъ представителей интересовъ крупнаго землевладѣнія и крупнаго капитала.

Рѣшающая роль въ политической жизни страны принадлежитъ второй палатѣ. Она состоитъ изъ 100 депутатовъ, выбираемыхъ на 4 года и получающихъ 2,000 флориновъ жалованья. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются голландцы не моложе 30 лѣтъ и не лишенные гражданскихъ и политическихъ правъ. Избирателями (по закону 7 сентября 1896 г.) могутъ быть граждане, не моложе 25 лѣтъ, платящіе прямые налоги (поземельный, не менѣе одного флорина, или на капиталъ не меньше 13,000 флориновъ, или на доходъ не ниже 650 фл., или одинъ изъ пяти первыхъ личныхъ налоговъ: квартирный, печной, движимый, съ прислуги, съ лошадей); квартиронаниматели, не внесенные въ списки квартирнаго налога, но платящіе за квартиру извѣстный минимумъ (отъ 0,80 флориновъ до 2,50 фл. въ недѣлю, смотря по мѣстности) и занимающіе эту квартиру не менѣе 6 мѣсяцевъ; лица, жившія въ продолженіе того же срока въ лодкахъ вмѣстимостью не меньше 24 тоннъ (въ качествѣ хозяевъ или арендаторовъ судна); лица, въ продолженіе 13 мѣсяцевъ, предшествовавшихъ составленію избирательныхъ списковъ, находившіяся на общественной или частной службѣ или работавшія въ промыслѣ своего отца, если ихъ доходъ не ниже 280—560 флориновъ, смотря по мѣстностямъ; лица, въ продолженіе такого же періода получавшія пожизненную ренту такого же размѣра отъ частнаго или общественнаго учрежденія; лица, внесенныя въ книгу государственнаго долга на сумму 100 флориновъ, или владѣльцы книжки сберегательной кассы на сумму не ниже 50 флориновъ (не менѣе года до составленія избирательныхъ списковъ); наконецъ, лица, сдавшія извѣстные экзамены, дающія имъ право на общественную службу.

Всѣ вышеуказанныя категоріи лицъ имѣютъ право участвовать въ выборахъ въ палату депутатовъ или въ провинціальные совѣты. Но чтобы быть коммунальнымъ избирателемъ, надлежитъ (для не принадлежащихъ къ первой категоріи плательщиковъ прямого налога) платить прямой налогъ коммунѣ. Такимъ образомъ, коммунальный электоратъ ограниченнѣе законодательнаго и областного. Эта особенность сближаетъ голландскую конституцію съ бельгійской. Въ 1900 году на 100 человѣкъ взрослаго мужского населенія приходилось

избирателей: парламентскихъ 51,8 (всего 609,511), а коммунальныхъ 48,3 (всего 568,206 чел.).

Такимъ образомъ, половина взрослаго мужского населенія лишена избирательныхъ правъ.

Съ 1814 г. палатѣ депутатовъ принадлежитъ право инициативы. Законопроектъ, внесенный депутатомъ, поступаетъ на обсужденіе секцій (бюро, на которыя дѣлится палата); мнѣніе правительства при этомъ не запрашивается, но оно можетъ высказать его при публичномъ обсужденіи законопроекта. Конституція 1848 г. дала депутатамъ важное право вносить поправки, но если предложенная депутатомъ и принятая палатой поправка не принимается министромъ, онъ имѣетъ право цѣликомъ взять назадъ свои законопроекты. Наконецъ, конституція 1887 г. дала нижней палатѣ право посылать одного или нѣсколько своихъ членовъ для защиты принятыхъ ею проектовъ передъ сенатомъ.

Палата депутатовъ можетъ отдавать министровъ подъ судъ, но, какъ и во всѣхъ парламентскихъ странахъ, это право почти никогда не приходится примѣнять на практикѣ. Кромѣ того, она представляетъ королю списокъ кандидатовъ въ члены Счетной палаты, которой принадлежитъ финансовый контроль. Президентъ палаты назначается королемъ по списку изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ палатой. Такимъ образомъ въ Голландіи ни верхняя, ни нижняя палата не выбираютъ сами своихъ президентовъ.

Второй палатѣ принадлежитъ неограниченное право производить всякія анкеты, которыя она находитъ нужными. Бюджетъ долженъ быть ежегодно представленъ второй палатѣ немедленно по открытіи очередной сессіи и непремѣнно до начала года, къ которому этотъ бюджетъ относится. Обсуждается онъ, какъ всякій другой законопроектъ, и сенатомъ онъ можетъ быть лишь принятъ или отвергнутъ цѣликомъ. Отмѣтимъ характерную для Голландіи черту: установился обычай, что именно при обсужденіи бюджета въ нижней палатѣ депутаты и министры высказываются по общимъ и принципіальнымъ вопросамъ. Такъ, при этомъ дебатируются вопросы военной реформы, реформы избирательнаго права и т. п.

Какъ говоритъ конституція, члены второй палаты вотируютъ по убѣжденію: они не могутъ быть связаны никакими императивными мандатами и не отвѣтственны предъ своими избирателями. При вступленіи въ палату они присягаютъ не на вѣрность королю, а на вѣрность конституціи. Они, равно какъ и сенаторы, не могутъ быть преслѣдуемы за мнѣнія, высказанныя въ парламентѣ.

Король имѣетъ право распускать Генеральные Штаты или каждую палату въ отдѣльности. Въ томъ и другомъ случаѣ сессія считается закрытой, и новыя палаты должны собраться не позже, чѣмъ черезъ два мѣсяца.

Всякое измѣненіе въ конституціи вотируется сначала какъ обыкновенный законопроектъ. Но будучи даже принято обѣими палатами и королемъ, оно не имѣетъ еще силы закона. Король долженъ распустить палаты и созвать новый парламентъ, который вторично обсуждаетъ предложеніе, и оно получаетъ силу закона лишь тогда, когда принимается въ каждой палатѣ не менѣе, чѣмъ двумя третями голосовъ.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ голландской конституціи является болѣе широкая сравнительно съ другими странами автономія органовъ мѣстнаго самоуправленія (областного и коммунальнаго). Въ административномъ отношеніи Голландія раздѣляется на 11 провинцій, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой областной совѣтъ, провинціальные штаты, и такъ называемую „постоянную депутацію“, выбираемую изъ своей среды совѣтомъ. Ей-то принадлежитъ большей частью исполнительная власть. Центральное же правительство представлено въ провинціи королевскимъ комиссаромъ.

Несмотря на то, что въ Голландіи не существуетъ всеобщаго избирательнаго права, мѣстное самоуправленіе организовано на демократическихъ началахъ. Члены совѣта, не живущіе въ городѣ, гдѣ послѣдній засѣдаетъ, получаютъ жалованье. Совѣтъ самъ провѣряетъ полномочія своихъ членовъ. Ему принадлежитъ надзоръ за коммунами и частичная исполнительная власть. Члены постоянной депутаціи также получаютъ жалованье. Постоянная депутація имѣетъ исполнительныя функціи и разрѣшаетъ споры между коммунами. Въ общемъ, провинціальные совѣты обладаютъ значительной независимостью по отношенію къ центральной власти. Хотя въ постоянной депутаціи предсѣдательствуетъ королевскій комиссаръ, но провинціальные штаты не могутъ быть распущены центральной властью, и засѣданія ихъ не могутъ быть пріостановлены (въ этомъ отношеніи они пользуются болѣе привилегированнымъ положеніемъ, чѣмъ даже палаты). Провинціальный совѣтъ имѣетъ далѣе право преслѣдовать судомъ членовъ постоянной депутаціи, въ томъ числѣ и королевскаго комиссара, въ случаѣ, напр., превышенія ими утвержденныхъ совѣтомъ расходовъ и т. п. Провинціальные штаты ежегодно представляютъ на утвержденіе короля смѣту расходовъ на администрацію, поскольку послѣдняя входитъ въ

область общегосударственной администраціи. Если король утверждаетъ ихъ, то вноситъ въ общій бюджетъ. Ежегодно провинціальные штаты вотируютъ бюджетъ собственно провинціальныхъ доходовъ и расходовъ, который подлежитъ одобренію центральнаго правительства. Провинціальные налоги, идущіе на покрытіе мѣстныхъ издержекъ, должны быть представлены на утвержденіе короля и разрѣшены закономъ.

Королевскій комиссаръ можетъ пріостановить выполненіе постановленій провинціальныхъ штатовъ и обжаловать ихъ передъ центральнымъ правительствомъ, если считаетъ ихъ противными закону или общественнымъ интересамъ, но если въ теченіе 30 дней король не отмѣнитъ такое постановленіе, оно вступаетъ въ законную силу. Король можетъ, съ своей стороны, остановить на годъ исполненіе постановленія или отмѣнить его. Но если отсроченное постановленіе не отмѣнено въ теченіе года, оно вступаетъ въ законную силу. При этомъ одно и то же постановленіе не можетъ дважды быть отсрочено. Королевскій комиссаръ предсѣдательствуетъ въ провинціальныхъ штатахъ съ совѣщательнымъ голосомъ, а въ постоянной депутаціи съ рѣшающимъ.

Коммунальные совѣты, управляемые муниципальнымъ закономъ 1851 г., вызывающимъ серьезную критику, имѣютъ въ Голландіи много важныхъ исполнительныхъ функцій. Голландскій коммунальный совѣтъ, подобно провинціальнымъ штатамъ, не можетъ быть распущенъ, и засѣданія его не могутъ быть отсрочены. Онъ отличается сравнительно большой самостоятельностью, назначаетъ коммунальныхъ чиновниковъ (кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ), опредѣляетъ количество школъ въ коммунѣ, регулируетъ ихъ программу и назначаетъ учителей—все это съ одобренія провинціальной постоянной депутаціи. Полицейскіе комиссары и агенты, даже составляющіе часть общегосударственной полиціи, находятся (для дѣлъ мѣстной полиціи) въ распоряженіи бургомистра. Совѣтъ выбираетъ изъ своей среды эшевеновъ (отъ 2 до 4 человѣкъ); всѣ они получаютъ жалованье. Бургомистры и эшевены отвѣчаютъ за упущенія по своей администраціи.

Темной стороной голландскаго коммунальнаго режима является способъ назначенія бургомистровъ. Конституція 1887 г., несмотря на многочисленные протесты, сохранила пунктъ, по которому бургомистръ назначается королемъ и является въ коммунѣ представителемъ центральной власти. Мало того, бургомистръ можетъ быть назначенъ не изъ среды членовъ совѣта и даже изъ лицъ, постороннихъ коммунѣ.

Интересной чертой голландской политической жизни яв-

ляется дѣятельное участіе въ ней духовенства. Пасторы и кюре играютъ большую роль во всѣхъ партіяхъ, и либеральной, къ которой примыкаетъ старая реформатская церковь, и въ антиреволюціонной, за которой стоитъ отдѣлившаяся новая голландская церковь, и въ католической,—и даже однимъ изъ основателей соціалистической партіи былъ пасторъ (пасторы имѣются даже среди анархистовъ). Такое явленіе объясняется тѣмъ, что борьба за національную независимость и политическую свободу долго велась подъ религіознымъ флагомъ, результатомъ чего было, съ одной стороны, вліяніе духовенства и его вмѣшательство въ государственную жизнь страны, а съ другой—глубокая религіозность значительной массы народа, которая начинаетъ медленно разрушаться лишь подъ вліяніемъ новой экономической эволюціи.

II.

Конфессіональныя партіи.

Исторія политическаго развитія Голландіи во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ судьбу ея сосѣдки, Бельгіи. Здѣсь и тамъ мы наблюдаемъ сравнительно мирную эволюцію, которая объясняется благоразумной и своевременной уступчивостью правящихъ классовъ. Здѣсь и тамъ группировка политическихъ партій въ значительной мѣрѣ опредѣляется отношеніемъ ихъ къ вопросу объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, въ частности къ школьному вопросу, а въ послѣднія десятилѣтія 19-го вѣка на авансцену политической жизни выдвигается вопросъ о расширеніи политическихъ правъ среднихъ и низшихъ классовъ населенія, вопросъ объ избирательной реформѣ.

Чтобы дать себѣ отчетъ въ образованіи политическихъ партій въ Голландіи, нужно обратиться къ исторіи 1848 г. Испуганный событіями, опрокинувшими тронъ Луи-Филиппа и вызвавшими глубокія потрясенія въ Германіи, Австріи и Италіи, король Вильгельмъ II самъ взялъ на себя иниціативу пересмотра основного закона 1815 г. Онъ призвалъ членовъ Государственнаго Совѣта и сказалъ имъ: „Господа, вы видите передъ собой человѣка, который въ 24 часа изъ консерватора сталъ либераломъ“. Уступки, сдѣланныя либеральной буржуазіи и доставившія ей власть, спасли государство отъ гражданской войны. Этотъ первый пересмотръ конституціи характеризуется тремя основными чертами: введеніемъ въ Голландіи политическихъ свободъ, которыми Бельгія пользовалась съ 1830 г., отмѣной косвен-

ныхъ выборовъ въ нижнюю палату, хотя и съ сохраненіемъ высокаго ценза, и установленіемъ неограниченной отвѣтственности министровъ.

Съ этого времени начинается господство либеральной партіи, только на короткое время прерывающееся назначеніемъ реакціонныхъ кабинетовъ. Голландскій либерализмъ представлялъ съ 1848 г. политическіе интересы торговыхъ круговъ въ крупныхъ портахъ начинавшей развиваться индустріи (особенно въ сѣверной и восточной части страны) и той части сельскаго хозяйства, которая вывозила продукты скотоводства. Это была начинавшая свою карьеру крупная буржуазія, нуждавшаяся въ дешевыхъ и образованныхъ рабочихъ рукахъ и стоявшая за свободу торговли и за распространеніе народнаго образованія. Противъ нея было все мелкое производство въ ремеслѣ, торговлѣ и отчасти въ земледѣліи, т. е. почти вся мелкая буржуазія, и дворянское землевладѣніе, остатки феодализма и аристократической партіи. Либеральная партія опиралась на крупные центры и на провинціи Фрисландію, Гронингенъ, обѣ Голландіи.

Она можетъ гордиться тѣмъ, что сдѣлала Голландію свободной страной. Ея догмой здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, было предоставленіе гражданамъ наиболѣе возможной суммы гражданскихъ и политическихъ свободъ. Либералы, главнымъ образомъ, и вызвали пересмотръ конституціи, имъ же было предоставлено провести свои принципы въ жизнь. Либеральный кабинетъ Торбеке провелъ цѣлый рядъ органическихъ законовъ о свободѣ печати, собраній, о провинціальномъ и коммунальномъ устройствѣ, о свободѣ обученія, свободѣ культовъ и т. д.

Старая Консервативная Партія, видимо исчезнувшая съ политической арены безслѣдно, на самомъ дѣлѣ растворилась въ другихъ организаціяхъ, причемъ одна ея часть вошла въ либеральную партію, а другая слилась съ возникшей впослѣдствіи партіей антиреволюціонеровъ. Опредѣленной политической физіономіи у консервативной партіи не было, и она въ сущности мало чѣмъ отличалась отъ правительственной фракціи либераловъ. Консерваторы не упускали случая время отъ времени протестовать противъ „духа вѣка“ и стремленій демократіи, но ихъ программа дѣятельности была скорѣе отрицательнаго характера и состояла въ посильномъ противодѣйствіи либерально-реформаторскимъ начинаніямъ. Присматриваясь къ составу этой партіи, мы замѣчаемъ, что въ ней представлены были, главнымъ образомъ, два элемента: аристократическо-патриціанскій и старопротестантскій, т. е. тѣ, которые положили впослѣдствіи на-

чало обѣимъ фракціямъ антиреволюціонной партіи. Ихъ образъ дѣйствій сводился естественно къ тому, чтобы при всякомъ случаѣ защищать привилегіи высшихъ классовъ и отстаивать супрематію протестантской церкви.

Организованныхъ конфессіональныхъ партій въ то время еще не существовало. Католики составляли одинъ изъ отрядовъ арміи Торбеке и ограничивались требованіемъ, чтобы всѣ законы о политическихъ свободахъ примѣнялись на практикѣ въ самомъ свободномъ смыслѣ.

Въ 1857 г. при консервативномъ министерствѣ ван-дер-Бруггена былъ проведенъ законъ о народномъ образованіи, который гарантировалъ свободу обученія, но провозгласилъ обязанность государства заботиться объ организаціи народнаго просвѣщенія въ каждой коммунѣ. Для борьбы съ этимъ закономъ, установившимъ нейтральную общественную школу, основалась партія ортодоксальныхъ кальвинистовъ — антиреволюціонеровъ.

Единственнымъ представителемъ „антиреволюціонныхъ“ идей былъ отъ 1848 до 1850 г. въ палатѣ Грунъ ван-Принстереръ. Въ 1850 г. ихъ было трое. Въ 1853 г., съ усиленіемъ антипапистской агитаціи, число кальвинистскихъ депутатовъ дошло до 7. Какъ видно изъ названія этой партіи, она прежде всего ставитъ своей задачей открытый разрывъ съ принципами великой французской революціи. Дѣятели революціи совершили, по словамъ Груна, преступленіе, объявивши источникомъ власти человѣка. Основной идеей революціи, говоритъ онъ въ брошюрѣ, вышедшей въ 1867 г. („Le parti antirévolutionnaire et confessionnel dans l'Eglise Réformée des Pays-Bas“,) было „идолопоклонство передъ человѣчествомъ, состоящее въ томъ, что человѣкъ не признаетъ надъ собой никакой власти, кромѣ себя самого, никакого руководителя, кромѣ своего разума, никакого закона, кромѣ своей воли. Это—расторженіе всѣхъ соціальныхъ узъ, всеобщая распущенность, неслыханный порядокъ вещей, который, вопреки усиліямъ золотой середины, необходимо ведетъ въ религіи къ крайнему скептицизму, а въ политикѣ къ разложенію общества“. Что же касается спеціально Голландіи, то принципы революціи вдобавокъ ко всему находятся въ рѣшительномъ противорѣчіи съ историческими тенденціями страны. Кальвинизмъ создалъ Голландію, и въ кальвинизмѣ она найдетъ свою силу.

Послѣ того, какъ консервативное министерство ван-дер-Бруггена, на которое антиреволюціонеры возлагали всѣ свои надежды, провело законъ 1857 г., Грунъ рѣшилъ порвать всѣ связи съ консервативной партіей, что и было для послѣд-

ней смертельнымъ ударомъ. Изъ школьнаго вопроса онъ сдѣлалъ, по собственному его выраженію, „пробный камень“ политики, и объявилъ безпощадную войну всѣмъ противникамъ конфессіональной школы. Когда лидеръ антиреволюціонеровъ умеръ въ 1875 г., во главѣ ихъ сталъ д-ръ Куиперъ, котораго и можно назвать истиннымъ организаторомъ антиреволюціонной партіи, придавшимъ ей всю ея силу и значеніе. Пасторъ реформатской церкви и профессоръ вольнаго (кальвинистскаго) университета въ Амстердамѣ, Абраамъ Куиперъ представляетъ типъ благочестиваго демагога, прекрасно изучившаго психологію идущей за нимъ массы и ловко сочетающаго самыя реакціонныя тенденціи съ демократическими замашками. Вождь „христіанской части народа“, какъ онъ самъ себя называетъ, лучшій ораторъ голландскаго парламента и самый выдающійся государственный человѣкъ правой, онъ, благодаря своей публицистической дѣятельности въ газетѣ „Standaard“ и благодаря своимъ удивительнымъ организаторскимъ талантамъ, руководилъ всей антиреволюціонной политикой, даже не будучи еще членомъ палаты. Объявивши себя защитникомъ „мелкаго люда“ еще въ то время, когда либералы хозяйничали въ странѣ исключительно въ интересахъ крупнаго капитала, онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону многочисленные слои народа, мелкую буржуазію и часть рабочаго класса, подготовляя такимъ образомъ для своей партіи побѣду въ случаѣ расширенія избирательнаго права, за которое онъ и высказывался съ самаго начала (хотя и въ библейской формѣ—только на главъ семейства). Въ послѣднее время онъ выказалъ себя милитаристомъ, имперіалистомъ и націоналистомъ. Куиперъ основалъ цѣлую школу въ голландской политикѣ; онъ имѣетъ много молодыхъ учениковъ, которые научились у него искусству уловленія „маленькихъ людей“, оставаясь въ то же время реакціонерами.

Какъ мы видѣли, голландскій либерализмъ былъ политическимъ выраженіемъ крупнаго капитала. Только въ послѣднее время, подъ давленіемъ, съ одной стороны, демократическихъ фракцій кальвинистской и католической партій, а съ другой, рабочаго движенія, либеральная партія заговорила о соціальныхъ реформахъ, о расширеніи избирательнаго права и, какъ увидимъ, отчасти провела ихъ на практикѣ. Но не такъ было въ первое время ея существованія, и этимъ удачно воспользовались антиреволюціонеры. Послѣдніе успѣли объединить вокругъ себя почти всю мелкую буржуазію (городскую и деревенскую), часть рабочихъ, находящихся еще подъ вліяніемъ протестантскаго духовенства,

дворянское землевладѣніе въ протестантскихъ провинціяхъ и въ послѣднее время часть промышленной буржуазіи, напуганную соціально-реформаторскими тенденціями прогрессивныхъ либераловъ или же нуждающуюся въ протекціонизмѣ. Столь противоположные элементы невозможно объединить какимъ-нибудь общимъ соціально-политическимъ лозунгомъ, но ихъ можно сгруппировать или вокругъ „патріотическаго“ или вокругъ религіознаго знамени, какъ сдѣлали антиреволюціонеры въ Голландіи и какъ дѣлаютъ католики во всѣхъ странахъ. Антиреволюціонеры ловко воспользовались тѣмъ фактомъ, что либералы начали выступать противъ покушеній ортодоксовъ ограничить свободу мысли; они заявили это выступленіе покушеніемъ на кальвинистскую религію, которая создала единство и свободу Голландіи.

Благодаря иниціативѣ Куппера, партія успѣла уже довольно сильно развиться еще при жизни Груна. Полемика съ враждебной либеральной партіей велась энергично, всюду основаны были мѣстные комитеты и, кромѣ того, было постановлено, что ежегодно делегаты этихъ комитетовъ собираются на съѣзды для обсужденія всѣхъ текущихъ программныхъ и тактическихъ вопросовъ. На первомъ же съѣздѣ делегаты мѣстныхъ комитетовъ приступили къ выбору центральнаго комитета, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ Куперъ. Этотъ комитетъ издалъ 15 января 1878 г. оффиціальную программу антиреволюціонной партіи, въ которой заявлялось: „Антиреволюціонная или историко-христіанская партія представляетъ въ нашей странѣ основную тенденцію нашего національнаго характера, поскольку таковой проявился въ 1572 г. подъ вліяніемъ Оранскаго дома и реформаціи, и она пытается дать этому характеру выраженіе, согласное съ потребностями нашего времени“.

Чтобы бороться съ нейтральной школой, протестанты-реакціонеры стали основывать свои „школы съ библіей“. Ихъ примѣру послѣдовали католики. Это движеніе еще усилилось въ 1878 г., когда либеральное министерство провело законъ, запрещавшій выдачу денегъ изъ общественныхъ суммъ на конфессіональныя школы. Въ странѣ поднялась интенсивная клерикальная агитація; клерикалы взывали къ благочестію вѣрныхъ, собирали пожертвованія, грозили муками ада тѣмъ родителямъ, которые станутъ посылать своихъ дѣтей въ „безбожныя“ школы; широко примѣнялись мѣры экономическаго давленія на рабочихъ и служащихъ, словомъ повторились всѣ тѣ явленія, присущія клерикальной агитаціи, съ которыми мы при аналогичныхъ условіяхъ встрѣчаемся во всѣхъ странахъ. Въ 1879 г. было 2,750 свѣтскихъ школъ

съ 406,604 учениками, въ 1889 г.—2,946 съ 453,083 уч., въ 1899 г.—3,096 школъ съ 503,731 уч. За это же время число клерикальныхъ школъ (протестантскихъ и католическихъ) росло такъ: въ 1879 г.—1,102 съ 128,306 уч., 1889 г.—1,244 съ 184,576 уч. и въ 1899 г. — 1,448 церковныхъ школъ съ 226,057 учениками. Основаніе множества конфессіональныхъ школъ было результатомъ закона 1889 г. о субсидированіи церковныхъ школъ, проведеннаго клерикальнымъ министерствомъ Макая, которое очутилось въ 1888 г. у власти благодаря „чудовищному союзу“ ортодоксальныхъ кальвинистовъ и католиковъ для низверженія либеральнаго правительства.

До 1894 г. антиреволюціонная партія была единой. Скрытыя въ нѣдрахъ ея разногласія, обусловленныя разнопестрымъ ея составомъ, не имѣли повода прорваться наружу. Хотя совершившійся въ 1894 г. разрывъ произошелъ въ формѣ столкновенія между депутатами и внѣ парламента стоящимъ руководителемъ партіи, но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ глубокія основанія въ соціальномъ положеніи входившихъ въ партію элементовъ. Между депутатомъ Саворнинъ-Ломаномъ, съ одной стороны, и докторомъ Куйперомъ, съ другой, давно происходила глухая борьба за вліяніе на тактику партіи. Послѣдній настаивалъ на томъ, что депутаты должны считаться съ мнѣніемъ представившихъ ихъ комитетовъ и особенно съ центральнымъ комитетомъ партіи. Саворнинъ-Ломанъ отрицалъ эту точку зрѣнія. По его мнѣнію, единственные и настоящіе вожди партіи это депутаты, которые, разъ вступивши въ парламентъ, свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ столкновеніи проявилась борьба между демократическимъ и аристократическимъ крыломъ партіи.

Разрывъ былъ вызванъ разногласіями по вопросу о расширеніи избирательнаго права. Фракція Куипера, опиравшаяся на мелкіе слои и надѣявшаяся только выиграть отъ демократизаціи избирательнаго права, защищала радикальный проектъ либеральнаго министра Така. Юнкерская же фракція антиреволюціонной партіи, руководимая дворяниномъ Саворнинъ-Ломаномъ, и слышать не хотѣла ни о какихъ радикальныхъ реформахъ, тѣмъ болѣе въ области избирательнаго права. Она отдѣлилась отъ куперіанцевъ и приняла названіе „Свободной антиреволюціонной партіи“, т. е. свободной отъ воздѣйствія избирательнаго корпуса, и вмѣстѣ съ консервативными либералами и католиками дѣйствовала противъ реформы, предложенной Такомъ. Эта аристократическая фракція никогда не имѣла въ странѣ много сторонниковъ, что совершенно естественно. Куиперъ открылъ противъ нихъ же-

стокую полемику, презрительно называя ихъ „людьми съ двойнымъ именемъ“. На практикѣ Саворнинъ-Ломанъ до послѣдняго времени былъ въ сущности доктринеромъ-либераломъ, однимъ изъ тѣхъ немногихъ въ антиреволюціонной средѣ, которые остались вѣрными манчестерству и противниками протекціонизма. Одно время казалось, что ничто не отдѣляетъ его отъ консервативныхъ либераловъ. Но въ концѣ концовъ обѣ антиреволюціонныя фракціи („организованная“, въ которой вся сила партіи, и „свободная“) столковались и на выборахъ 1897 г. выступали рядомъ, а въ настоящее время дѣйствуютъ совершенно солидарно, послѣ того какъ куперіанцы обнаружили истинный характеръ своего демократизма.

Но передъ выборами 1897 г. казалось иное. Кабинетъ Така долженъ былъ въ 1894 г. уступить мѣсто консервативно-либеральному министерству Роеля, которое, будучи продуктомъ концентраціи умѣренныхъ элементовъ всѣхъ партій, провело реформу избирательнаго права въ весьма неполномъ видѣ и совершенно не вступило на почву соціальныхъ реформъ, которыхъ настойчиво требовала страна. Возникалъ вопросъ, не могутъ ли въ свою очередь объединиться всѣ демократы для проведенія общей программы соціальныхъ реформъ? До такой степени многіе либералы еще обманывались демократическими заявленіями Куипера.

29 апрѣля 1897 г. состоялось общее собраніе делегатовъ антиреволюціонной партіи. На этомъ собраніи обнаружилось воочію, что никакое соглашеніе между демократами и куперіанцами немыслимо и что Куиперъ думаетъ лишь о закрѣпленіи союза обѣихъ большихъ „церковныхъ“ или, какъ они еще называются въ Голландіи, „христіанскихъ“ партій для созданія сплоченнаго и непобѣдимаго реакціоннаго большинства. Несмотря на цѣлый рядъ соціальныхъ требованій (что вошло въ моду у всѣхъ голландскихъ партій и не можетъ служить ихъ отличительнымъ признакомъ), Куиперъ выдвигалъ на первый планъ необходимость соглашенія съ католиками, на которыхъ онъ же въ послѣднее время нападалъ за ихъ консервативныя тенденціи. Онъ объявлялъ новый походъ противъ государственной школы, несмотря на недавнія заявленія антиреволюціонныхъ лидеровъ, что законъ 1889 г. (продуктъ клерикальнаго министерства Макая) далъ имъ удовлетвореніе и внесъ „миръ“ въ школьное дѣло. Программа требовала увеличенія субсидій низшимъ школамъ, а также назначенія субсидій частнымъ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ, чтобы поставить ихъ на равную ногу съ государственными учрежденіями. Въ со-

ціальной области программа требовала учрежденія министерства земледѣлія и труда; обязательныхъ пенсій для всѣхъ живущихъ продажей своего труда съ вспомоществованіемъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, со стороны государства; регламентаціи рабочаго договора; воскреснаго отдыха; покровительства земледѣлію посредствомъ введенія таможенныхъ пошлинъ и т. п. Послѣдній пунктъ вырывалъ непроходимую пропасть между антиреволюціонерами и либералами, но зато сближалъ Куппера съ католиками, которые всегда были протекціонистами.

Вопросъ о союзѣ кальвинистской лѣвой съ либеральными демократами былъ снятъ съ очереди, и Куиперъ могъ теперь повторять въ своей газетѣ „De Standaard“, что злобой дня являются теперь соціальныя реформы, и что ими, главнымъ образомъ, должна будетъ заняться предстоящая сессія парламента. Его соціалъ-реформаторскія тенденціи получали особый смыслъ, такъ какъ онъ ставилъ реформы въ зависимость отъ предварительнаго пересмотра всѣхъ тарифовъ въ протекціонистскомъ духѣ. Онъ доказывалъ, что для проведенія реформъ нужны деньги, а ихъ дастъ только протекціонизмъ. Съ другой стороны, разъ облагаютъ національный трудъ тяжелыми налогами для проведенія реформъ, то обязанность государства защитить его отъ иностранной конкуренціи. Либералы единогласно отвергли эту теорію. Особенно возстали они противъ обложенія хлѣба, такъ какъ подобная мѣра удорожитъ жизнь рабочаго, не помогая сельскому хозяйству. Кромѣ того, либералы упрекали антиреволюціонеровъ за отсрочку военной реформы, за которую они боролись въ продолженіе столькихъ лѣтъ и отъ которой отказались ради привлеченія католиковъ. Либералы рѣзко выступали противъ этого внезапнаго измѣненія фронта, тогда какъ католикъ Сгапманъ заявилъ откровенно, что союзъ между католиками и кальвинистами возможенъ лишь при сохраненіи системы замѣстительства. Съ своей стороны, антиреволюціонная пресса не переставала чернить либеральный режимъ, какъ языческій, отвращающій умы отъ христіанства и проводящій революціонные принципы во все законодательство. Такъ вырыта была пропасть между антиреволюціонерами и либералами.

Иначе, конечно, отнеслись къ антиреволюціонной программѣ конфессіональныя партіи. На съѣздѣ католической партіи, который имѣлъ мѣсто нѣсколькими днями позже, въ Утрехтѣ, Сгапманъ отъ имени всѣхъ своихъ единовѣрцевъ заявилъ, что католики безъ колебаній и заднихъ мыслей принимаютъ лояльно протянутую имъ руку. Братья кальви-

нисты были покрыты хвалами, и имъ была обѣщана поддержка всюду, гдѣ католики не надѣялись провести своихъ собственныхъ кандидатовъ. Это было возобновленіемъ союза, состоявшагося хотя и безъ формальнаго договора, но благодаря совпаденію программъ. Но тотъ же Сгапманъ заявилъ, что католики перестанутъ поддерживать своихъ союзниковъ въ тотъ день, когда послѣдніе вздумаютъ поставить на очередь введеніе личной воинской повинности.

Свободные антиреволюціонеры, которые въ ноябрѣ 1896 г. назначили „постоянную совѣщательную комиссію“ и въ своемъ оффиціальномъ органѣ „Nederlander“ вели непрерывную болѣе или менѣе открытую полемику противъ Куипера, даже не присутствовали на партійномъ съѣздѣ. Но, въ своей газетѣ Ломанъ одобрилъ выработанную конгрессомъ программу и обѣщалъ поддержку кандидатамъ Куипера въ надеждѣ, что организованные антиреволюціонеры не могутъ кандидатамъ правой сохранить свои мѣста. Ломанъ заявилъ, что его партія ничего не имѣетъ противъ сотрудничества съ католиками для побѣды „христіанскаго“ большинства, но не видитъ никакой надобности въ „смѣшанномъ“ кабинетѣ.

Торжеству объединенныхъ партій помѣшало въ 1897 г. поведеніе третьей конфессіональной партіи, такъ называемой христіанско-исторической. Съ середины XIX вѣка въ голландской церкви обнаружилось критическое теченіе, которое примѣнило и къ реформатскому вѣроисповѣданію пріемы научнаго изслѣдованія и отвергло рядъ укоренившихся въ немъ догмъ. Вѣрующіе протестанты жаловались на терпимость церкви и требовали исключенія изъ лона ея свободомыслящихъ членовъ, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько консисторій (въ томъ числѣ амстердамская, въ которой участвовалъ Куиперъ), формально потребовали исключенія диссидентовъ, и когда синодъ и другія церковныя коллегіи отвергли это требованіе, куиперіанцы вызвали расколъ и основали новую церковь, болѣе ортодоксальную и извѣстную подъ именемъ „Doleerende Kerk“. Это произошло въ 1886—87 гг.

Этотъ церковный расколъ имѣлъ весьма реальную политическую подкладку. Далеко не всѣ члены голландской церкви были сторонниками антиреволюціонной политики и многіе изъ нихъ рѣшительно не одобряли рѣзкихъ нападокъ Куипера на либерализмъ. Противъ Куипера, осуждавшаго либерализмъ на основаніи библіи, выступила группа вѣрующихъ протестантовъ, во главѣ которой стоялъ утрехтскій пасторъ Бронсфельдъ, говорившій: „можно быть ортодоксомъ въ религіи и либераломъ въ политикѣ: я таковъ“. Ихъ органомъ былъ „Vaterlander“, открывшій противъ лидера антиреволю-

ціонеровъ жестокую полемику. Они отчасти помогли либераламъ разбить клерикальную коалицію уже въ 1889 г.

Въ декабрѣ 1896 г. они рѣшили организовать политическую партію, которая, оставаясь ортодоксально-кальвинистской, должна была составлять полную противоположность антиреволюціонерамъ и, чтобы отнять у Куипера возможность хвалиться вѣрностью историческимъ традиціямъ кальвинизма, приняла названіе христіанско-исторической. Тогда какъ Куиперъ заигрывалъ съ католиками, новая партія провозгласила себя непримиримымъ ихъ противникомъ и заявила, что всякій добрый протестантъ, если онъ желаетъ защитить свою церковь отъ посягательствъ Рима, долженъ въ большинствѣ случаевъ итти рука объ руку съ либералами. Но новая партія не располагала большой силой: во всей странѣ она имѣла около 10,000 сторонниковъ и могла провести лишь двухъ депутатовъ. Сверхъ того, она рекрутировала своихъ сторонниковъ въ тѣхъ же слояхъ народа, что и обѣ фракціи антиреволюціонеровъ, т. е. главнымъ образомъ, среди протестантскаго крестьянства и мелкой буржуазіи. Поставленная между антиреволюціонерами и либералами, она должна была неизбѣжно склониться на сторону первыхъ, съ которыми ее связывала и общность кальвинистской ортодоксіи, и одинаковость избирателей и представляемыхъ ею матеріальныхъ интересовъ. Свое превращеніе она совершила скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, благодаря ловкой политикѣ Куипера, и уже въ 1901 г. она на выборахъ вотировала за реакціонную коалицію при первомъ-же голосованіи. Въ націонализмѣ и клерикализмѣ она ни въ чемъ, впрочемъ, не уступаетъ куиперіанцамъ, хотя вначалѣ, въ программѣ 1897 г., высказалась за личную воинскую повинность и за отозваніе голландскаго посланника при римской куріи.

Разбитые въ 1897 г., антиреволюціонеры не отказались отъ своихъ надеждъ. Побѣда досталась либераламъ съ большимъ трудомъ. Достаточно было небольшого перемѣщенія голосовъ для того, чтобы сегодняшніе побѣдители превратились завтра въ меньшинство. Антиреволюціонеры ловко воспользовались періодомъ 1897—1901 гг. для того, чтобы подготовить себѣ неминуемое торжество. Обезпечивъ себѣ поддержку мелкой буржуазіи, крестьянъ, рыбаковъ (составляющихъ вмѣстѣ $^7/_8$ его избирателей), части рабочихъ, Куиперъ принялся подготовлять почву среди крупной буржуазіи. Одну ея часть, нуждающуюся въ покровительственныхъ пошлинахъ, онъ привлекъ своимъ протекціонизмомъ, другую—выступленіемъ противъ соціально-реформаторскихъ начинаній либеральнаго министерства Пирсона. Далѣе онъ вычеркнулъ изъ

А. Куиперъ,
вождь консерваторовъ.

своей программы пошлину на ввозную пшеницу, что обезоружило многихъ противниковъ, несогласныхъ съ нимъ, главнымъ образомъ, въ этомъ пунктѣ. Онъ умѣло разжигалъ шовинистическія страсти во время англо-трансваальской войны, протестуя противъ умѣреннаго поведенія либеральнаго правительства по отношенію къ Англіи.

Партія Куппера довольно прочно организована. Если у протестантовъ вообще нѣтъ такой сплоченности, какъ у католиковъ, такъ что среди нихъ могли возникнуть, какъ мы видѣли, цѣлыхъ три партіи, то та наиболѣе важная изъ нихъ фракція, которая группируется вокругъ Куппера, такъ называемая „организованная антиреволюціонная партія“ дѣйствительно соотвѣтствуетъ своему названію и проникнута удивительной дисциплиной. Во главѣ ея стоитъ центральный комитетъ. Ежегодные конгрессы партіи, состоящіе изъ депутатовъ, вырабатываютъ партійную программу, или вѣрнѣе, принимаютъ программу, выработанную центральнымъ комитетомъ. Мѣстные комитеты, существующіе во всѣхъ мало-мальски важныхъ центрахъ, представляютъ кандидатовъ, которые утверждаются общимъ собраніемъ партіи, т. е. собраніемъ делегатовъ отъ всѣхъ мѣстныхъ комитетовъ. Партія всюду старается создать организаціи изъ ремесленниковъ, крестьянъ („Народный Союзъ“), рабочихъ („Patrimonium“). Она господствуетъ надъ ними посредствомъ пасторовъ, которые составляютъ одинъ изъ наиболѣе значительныхъ и дѣятельныхъ элементовъ партіи, и старается дѣйствовать на ихъ воображеніе и религіозныя чувства. Всѣ собранія начинаются и кончаются, какъ и у католиковъ, молитвами. Куиперъ устраиваетъ, напр., свое собраніе изъ 700 крестьянъ, подъ Амстердамомъ, ночью при свѣтѣ факеловъ въ открытомъ полѣ (при пасущихся здѣсь же стадахъ). Послѣ пѣнія молитвъ онъ начинаетъ при разгоряченныхъ крестьянахъ обличать либеральное нечестіе и взывать на защиту поруганной религіи.

Основанный Куипером въ 1880 г. рабочій союзъ „Patrimonium“ насчитываетъ около 12,000 членовъ. Находясь подъ руководствомъ пасторовъ, одинъ изъ которыхъ, докторъ Тальма, и редактируетъ его органъ „Patrimonium“, это общество, центръ котораго находится въ Амстердамѣ, имѣетъ свыше 60 отдѣленій въ провинціи. Оно ставитъ своей цѣлью „осуществленіе христіанскаго закона“.

Антиреволюціонная партія заявляетъ себя демократической (фракція Куппера), но политика ея не можетъ не быть реакціонной. Она создалась и развилась, какъ протестъ мелкой буржуазіи противъ крупной, но самая сущность современной экономической эволюціи ставитъ мелкую буржуазію въ дву-

смысленное положеніе и дѣлаетъ ее классомъ, который, желая защищать свои интересы, служитъ реакціоннымъ силамъ и совершенно чуждымъ интересамъ. Таково, напр., его отношеніе къ протекціонизму антиреволюціонной партіи, который можетъ быть выгоденъ лишь нѣкоторымъ слоямъ крупныхъ промышленниковъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, подъ руководствомъ и идейнымъ вліяніемъ которыхъ (съ помощью пасторовъ) и находится мелкая буржуазія, пополняющая кадры куперіанской партіи. Вотъ почему, судорожно цѣпляясь за призракъ экономической самостоятельности и протестуя противъ либеральнаго капитализма, она осуждена служить опорой для реакціонной политики и поневолѣ поддерживать наиболѣе отсталые въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ слои крупнаго капитала. „Христіанско-демократическое“ правительство Куппера не сможетъ быть серьезнымъ противникомъ крупнаго капитала, ибо оно въ такомъ случаѣ не просуществовало бы и одной недѣли. Напротивъ, оно будетъ неизбѣжно его вѣрнѣйшимъ слугой, гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ могла даже быть либеральная партія. Толкаемое силой вещей, оно является не противникомъ капитализма, а лишь его современной формой, національнизма и имперіализма. И недаромъ одной изъ первыхъ мѣръ кабинета Куппера было усиленіе военнаго бюджета метрополіи (40 милліоновъ фл.) на 1 милліонъ флориновъ и колоніи (48 мил. фл.) на $2^1/_2$ мил. флориновъ. Другой его характерной чертой было открытіе кампаніи противъ профессіональныхъ синдикатовъ, завершившейся всеобщей стачкой и принятіемъ (послѣ суровыхъ репрессій) закона, значительно увеличившаго наказанія за стачки.

Католическая партія, какъ мы видѣли, вначалѣ поддерживала либераловъ. Пока католики чувствовали себя слабыми, они довольствовались простой свободой обученія, но скоро они стали гораздо притязательнѣе и энергично выступили противъ общественныхъ школъ, которыя клерикалы называли разсадниками невѣрія за ихъ строгую нейтральность въ религіозной области. Однако, несмотря на протесты католиковъ и антиреволюціонеровъ, ванъ-деръ-Бруггенъ сохранилъ систему смѣшанныхъ нейтральныхъ школъ, и законъ прошелъ въ палатѣ, благодаря поддержкѣ либераловъ. Въ результатѣ этого вотума, антиреволюціонеры, какъ мы видѣли порвали съ консерваторами, а католики, съ своей стороны, разсыпались въ горькихъ упрекахъ по адресу либераловъ и начали угрожать имъ разрывомъ. Эти угрозы въ теченіе

нѣсколькихъ лѣтъ не приводили къ практическимъ результатамъ. До около 1859 г. отношенія между католиками и либералами сдѣлались болѣе натянутыми.

Въ это время движеніе въ пользу итальянскаго освобожденія находилось въ полномъ разгарѣ. Въ Голландіи, какъ и во всей Европѣ, имена Виктора-Эммануила и Кавура заполнили прессу и завладѣли трибуной, возбуждая восторгъ среди либераловъ и ненависть среди католиковъ. Европа переживаетъ періодъ реакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденія католицизма. Въ 1872 г. организуются въ Голландіи блестящія національныя празднества въ честь трехсотлѣтія взятія Брѣеля гёзами; католики отказались принять въ нихъ участіе. Это былъ уже открытый разрывъ, — и либеральная пресса называетъ ихъ врагами отечества и ультрамонтанами. А такъ какъ борьба по поводу школьнаго вопроса ведется все время съ возрастающимъ жаромъ, то вражда между прежними союзниками доходитъ до того, что нѣкоторые либералы выдвигаютъ положеніе, въ силу котораго католики, какъ противники конституціи, должны быть устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей.

Католической партіи, сложившейся такимъ образомъ въ самостоятельную организацію, не хватало только вождя и выразителя. Его дали ей въ 1880 г. избиратели округа Бреда, пославши во вторую палату доктора Сгапмана (умеръ въ началѣ 1903 г.). Католическій священникъ, профессоръ Ризенбургской семинаріи, ораторъ и поэтъ, писатель, богословъ и выдающійся журналистъ, государственный человѣкъ и дипломатъ, человѣкъ, одаренный замѣчательной силой воли и организаторскимъ талантомъ, Сгапманъ (Schaepman) былъ для католической партіи тѣмъ, чѣмъ протестантскій священникъ Куиперъ для антиреволюціонной. Ему скоро удалось придать католикамъ огромное политическое значеніе. Ему удалось внушить католикамъ ту мысль, что, во-первыхъ, имъ нѣтъ никакого расчета поддерживать ни одну изъ двухъ борющихся правительственныхъ партій, а особенно либераловъ, которые охотно будутъ пользоваться ихъ услугами, но всегда будутъ противодѣйствовать ихъ стремленіямъ, а во вторыхъ, что такъ какъ антиреволюціонеры и католики имѣютъ нѣкоторые общіе интересы, то между этими двумя партіями возможно соглашеніе относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, въ частности школьнаго вопроса; причемъ ни одна изъ двухъ договаривающихся сторонъ не должна отрекаться отъ своихъ основныхъ принциповъ. Такъ подготовлялась почва для союза между столь, повидимому, непримиримыми элементами, какъ кальвинисты и ультрамонтаны, союза, который обще-

ственное мнѣніе заклеймило названіемъ „чудовищнаго“. Но самый фактъ этого союза показалъ, что религіозные лозунги обѣихъ клерикальныхъ партій составляютъ просто внѣшнее знамя, служащее для группированія различныхъ соціальныхъ элементовъ, и что на первомъ планѣ обѣ конфессіональныя партіи преслѣдовали защиту чисто матеріальныхъ интересовъ и борьбу съ ненавистными имъ принципами либерализма. Въ то же время Сгапманъ опубликовалъ въ журналѣ „Onze Wachter“ программу, которая, хотя и не была оффиціально признана ни одной католической организаціей, оказала тѣмъ не менѣе на партію огромное вліяніе. Въ этой программѣ требовалось, главнымъ образомъ, свобода обученія, какъ „естественное право родителей“, и провозглашался принципъ, что „государственная школа должна существовать лишь какъ дополненіе къ частной школѣ“.

По своему характеру, составу и цѣлямъ голландская католическая партія напоминаетъ католическую партію въ Бельгіи, отъ которой нидерландскія католическія провинціи отдѣлены лишь искусственными границами. И соціальныя отношенія, и власть кюре, и вліяніе крупнаго землевладѣнія здѣсь тѣ же, что и тамъ, съ той разницей, что, составляя меньшинство населенія и вдобавокъ живя среди враждебной имъ по историческимъ традиціямъ массы протестантовъ, голландскіе католики не могутъ разсчитывать на исключительный захватъ ими государственной власти, а принуждены удовлетвориться ролью пособника реакціонно-кальвинистской партіи. Въ теченіе долгаго времени католическая партія не могла даже мечтать о томъ, чтобы ея представителямъ были предоставлены нѣсколько портфелей въ кабинетѣ въ случаѣ побѣды клерикальной коалиціи; до того казалась неискоренимой ненависть кальвинистскихъ массъ къ наслѣдникамъ испанской инквизиціи. И только Куперъ рѣшился пригласить въ свое министерство трехъ католиковъ: общность матеріальныхъ интересовъ и желаніе окончательно сплотить силы всѣхъ консерваторовъ, чтобы сдѣлать возвратъ либераловъ къ власти навсегда невозможнымъ, взяли верхъ надъ традиціонными чувствами народа и сентиментальными соображеніями наивныхъ политиковъ.

Какъ и во всякой партіи, которая включаетъ въ себѣ противоположные соціальные элементы, въ католической партіи мы замѣчаемъ два крыла, значительно расходящіяся и по составу, и по стремленіямъ, но благодаря желѣзной дисциплинѣ и политической несамостоятельности демократическихъ элементовъ, дѣйствующія почти всегда солидарно. Консервативная часть католической партіи, состоящая глав-

нымъ образомъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія и высшаго клира, представляетъ двѣ католическія провинціи юга, Сѣверный Брабантъ и Лимбургъ. Здѣсь католики составляютъ подавляющее большинство населенія и являются господами положенія настолько, что въ 1897 г., напр., семеро ихъ кандидатовъ были выбраны безъ оппозиціи. Въ этихъ провинціяхъ, которыя, благодаря своему исключительно земледѣльческому характеру, остались въ сторонѣ отъ развитія современной жизни, духовенство сохранило все свое вліяніе, и родовая аристократія, опирающаяся на него, всемогуща. Эта фракція рѣшительно возстаетъ противъ какихъ бы то ни было уступокъ духу времени и всегда упорно высказывалась и противъ распространенія народнаго образованія, и противъ личной воинской повинности (въ чемъ, впрочемъ, солидарны всѣ католики), и противъ подоходнаго налога, и противъ расширенія избирательнаго права, и вообще противъ какихъ бы то ни было прогрессивныхъ реформъ. Она же не сочувствуетъ и союзу съ антиреволюціонерами, которые являются партизанами многихъ соціальныхъ реформъ, и предпочла бы соглашеніе съ правымъ крыломъ либераловъ и „свободными“ антиреволюціонерами (т. е. аристократической фракціей кальвинистовъ), если бы созданіе такой чисто консервативной партіи изъ всѣхъ умѣренныхъ элементовъ было возможно. Передъ выборами 1891 г. 11 католическихъ депутатовъ праваго крыла издали манифестъ къ избирателямъ, въ которомъ они настаивали на необходимости разрыва союза съ антиреволюціонной партіей. Консервативная фракція желала подражать германскому центру и составить силу, которая, не связывая себѣ рукъ, могла бы по желанію склонять чашку парламентскихъ вѣсовъ въ сторону то либераловъ, то антиреволюціонеровъ. Такъ какъ къ этому времени вражда между обѣими фракціями католической партіи достигла крайнихъ предѣловъ, то въ Гаагѣ былъ созванъ съѣздъ съ цѣлью добиться соглашенія. Но столковаться по всѣмъ вопросамъ католикамъ не удалось, и они рѣшили только устраивать періодическія собранія депутатовъ для обсужденія общей тактики въ дѣлахъ, интересующихъ вѣрныхъ католиковъ. Органами консервативной фракціи являются газеты „Tijd“ (Время) и „Maasbode“, послѣдній болѣе популярный и рѣзкій. Ея шефами были Бальманъ и Вермейленъ.

Демократическая фракція католической партіи, во главѣ которой стоялъ Сгапманъ, рекрутируется въ городахъ и протестантскихъ провинціяхъ, гдѣ католики, будучи въ меньшинствѣ, должны подчиняться вліянію общественнаго мнѣнія и готовы дѣлать уступки современному обществу. Здѣсь

имъ приходится имѣть дѣло не съ полудикими фламандскими крестьянами южныхъ провинцій, не знающими никого, кромѣ своихъ кюре и помѣщиковъ, а съ сравнительно развитой мелкой буржуазіей, доступной воздѣйствію либераловъ, и съ рабочими, до которыхъ такъ или иначе доходитъ пропаганда рабочей партіи. Рабочія общества (католическія), организованныя въ главныхъ городахъ, оказываютъ свое вліяніе на идеи представителей этой фракціи, которая является такимъ образомъ голландской разновидностью „христіанской демократіи". Руководители ея (ихъ органъ „Hed Centrum", вых. подъ ред. Сгапмана) поняли, что они рискуютъ потерять своихъ приверженцевъ въ пользу либеральной и соціалъ-демократической партій, если они, по примѣру антиреволюціонеровъ-демократовъ, не выставятъ программы соціальныхъ реформъ.

И дѣйствительно, широкія массы народа привлекаются къ католической партіи именно благодаря дѣятельности и заявленіямъ христіанскихъ демократовъ. И когда нужно было открывать избирательную кампанію (какъ въ 1901 г.), устраивать агитаціонныя поѣздки по странѣ или выступать на большихъ народныхъ собраніяхъ въ городахъ (Гаагѣ, Утрехтѣ и пр. въ 1897 г.), то это поручалось популярному среди народныхъ массъ Сгапману, этому enfant terrible католической партіи. Аристократическіе вожди консервативной фракціи враждебно относились къ соціальнымъ реформамъ, но они принуждены были согласиться на внесеніе въ программу реформаторскихъ требованій въ надеждѣ, когда дойдетъ до дѣла, вотировать противъ подобныхъ законопроектовъ, что они систематически и дѣлаютъ. И они съ тѣмъ болѣе легкимъ сердцемъ могутъ согласиться на такія предложенія, что въ такихъ партіяхъ, какъ католическая, гдѣ соединяются въ пестрый аггрегатъ столь противоположные элементы, какъ землевладѣльцы и арендаторы, фабриканты и рабочіе, кюре и юристы, — общее руководство партійной тактикой всегда попадаетъ въ руки богатыхъ, образованныхъ, независимыхъ и вліятельныхъ верховъ, демократическіе же элементы должны всецѣло подчиняться гегемоніи командующихъ элементовъ.

Вотъ почему, несмотря на народолюбивыя заявленія христіанскихъ демократовъ, католическая партія здѣсь, какъ и всюду, является партіей ультрареакціонной, въ которой интересы ея демократической арміи приносятся въ жертву интересамъ ея штабъ-офицерскаго корпуса. Она не только не даетъ народнымъ массамъ, слѣдующимъ за нею, никакого политическаго воспитанія, но, наоборотъ, эксплуатируетъ ихъ

невѣжество, раздуваетъ религіозный фанатизмъ и вступаетъ защитникомъ всѣхъ предразсудковъ католическаго крестьянства. Нечего и говорить, что она пользуется эгоистическими стремленіями крупной буржуазіи, чтобы тѣмъ сильнѣе привязать ее къ реакціонному знамени. Хотя въ ея программѣ есть много реформаторскихъ требованій, какія вообще приняты католическими партіями, но религіозный и реакціонный элементъ въ ней преобладаетъ: она нападаетъ на свѣтское образованіе, отвергаетъ личную воинскую повинность, льститъ протекціонистскимъ предразсудкамъ деревни и промышленныхъ городовъ, чтобы привлечь на свою сторону всѣ реакціонныя силы.

Передъ выборами 1897 г. всѣ партіи поторопились выработать полныя программы, сулящія избирателямъ всевозможныя реформы, такъ какъ въ этомъ году впервые пришлось обращаться къ широкому сравнительно избирательному корпусу. Первой вышла программа католиковъ, выработанная 25 католическими депутатами второй палаты. Хотя не всѣ сочувствовали программѣ цѣликомъ, но принята она была въ интересахъ единства. Въ соціальной области она требуетъ воскреснаго отдыха, ограниченія „чрезмѣрнаго“ рабочаго времени даже для взрослыхъ рабочихъ, покровительства національному земледѣлію и индустріи путемъ пересмотра ввозныхъ пошлинъ, страхованія (не упомянуто, обязательнаго или нѣтъ) отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, неспособности къ труду и старости. Въ области школьнаго дѣла программа выражаетъ пожеланіе, чтобы церковная школа стала по возможности общимъ правиломъ, и требуетъ субсидій для конфессіональныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Далѣе программа высказывается противъ обязательной воинской повинности, требуетъ болѣе энергичнаго покровительства для миссіонеровъ, освобожденія отъ пошлинъ наслѣдствъ въ прямой линіи и высказывается противъ увеличенія податного бремени, т. е. противъ усиленія прогрессивно-подоходнаго налога.

Католики прекрасно организованы (можно сказать, лучше всѣхъ остальныхъ партій) и удивительно дисциплинированы. Такъ какъ безъ организаціи католики естественно находились бы въ исключительной власти духовенства, которое одно въ такомъ случаѣ служило бы связью между ними, то первоначально высшее духовенство относилось враждебно къ Сгапману за его попытки дать католикамъ самостоятельную политическую организацію съ помощью избирательныхъ ассоціацій. Но теперь всѣ согласны, что партія отъ широко развѣтвленной и сплоченной организаціи сильно выиграла.

Такъ напримѣръ, въ Гаагѣ существуетъ центральный комитетъ изъ 11 членовъ, который стоитъ во главѣ мѣстной организаціи; подъ нимъ стоятъ окружные комитеты (для каждаго избирательнаго округа), комиссары для каждаго квартала и помощники комиссаровъ для каждой улицы города. Имѣя въ своихъ рукахъ такую организацію, католики, такъ сказать, владѣютъ городомъ: подчиняясь распоряженіямъ центральнаго комитета, которыя быстро передаются во всѣ стороны комиссарами и ихъ помощниками, они могутъ двинуть всѣ свои силы туда, гдѣ въ данный моментъ въ этомъ чувствуется необходимость, распространить по всѣмъ домамъ нужное извѣстіе, слѣдить за ходомъ выборовъ и за участіемъ въ нихъ избирателей и т. д.

Всѣ мѣстныя организаціи въ свою очередь безпрекословно подчиняются велѣніямъ вожаковъ и партійныхъ съѣздовъ (у католиковъ нѣтъ центральнаго комитета партіи), которые суть не что иное, какъ собранія депутатовъ. На этихъ собраніяхъ вырабатывается въ т а й н ы х ъ засѣданіяхъ программа, которая безъ разсужденій навязывается избирателямъ. Въ партіи господствуетъ самая строгая дисциплина, и ни одинъ голосъ обыкновенно не раздается противъ общихъ постановленій. Даже Сгапманъ, несмотря на свое положеніе въ партіи, долженъ былъ подчиняться этимъ рѣшеніямъ и, несмотря на оговорки относительно протекціонизма, долженъ былъ итти рядомъ съ самыми ярыми реакціонерами. Что же касается избирателей, то они безпрекословно подчиняются рѣшеніямъ католической партіи. Купперъ не могъ до послѣдняго времени заставить своихъ послѣдователей вотировать за католиковъ не только при первомъ голосованіи, но часто даже и на перебаллотировкахъ. Католическіе-же избиратели голосуютъ за еретиковъ-куперіанцевъ всюду, гдѣ сами они не на столько сильны, чтобы провести своихъ кандидатовъ. Голландцы были свидѣтелями такихъ невѣроятныхъ компромиссовъ, что въ округѣ, гдѣ католическихъ избирателей насчитывалось до 3,000, а антиреволюціонеровъ около 600, католики не выставляли своего кандидата, а вотировали за кальвиниста, который такимъ образомъ и проходилъ, такъ какъ католики имѣли основаніе предполагать, что если ихъ кандидатъ попадетъ въ перебаллотировку съ либераломъ, то кальвинисты будутъ вотировать за послѣдняго, и округъ будетъ потерянъ для клерикаловъ [1]). Такъ матеріальные инте-

[1]) Въ Голландіи перебаллотировка допускается лишь между двумя кандидатами, получавшими наибольшее число голосовъ при первомъ голосованіи.

ресы реакціонеровъ берутъ верхъ надъ ихъ религіозными вѣрованіями.

II.

Либеральная партія.

Упадокъ либерализма, замѣчающійся во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, началъ проявляться и въ Голландіи. Расширеніе избирательнаго права, которое въ значительной степени было дѣломъ рукъ либеральной партіи, повело, въ концѣ концовъ, къ ея паденію. Оказалось, что либерализмъ не съумѣлъ завоевать симпатіи широкихъ массъ народа, и въ то время, какъ сознательные слои населенія стали пополнять ряды рабочей партіи, остальные пошли къ клерикаламъ А между тѣмъ, въ сравненіи съ либералами другихъ европейскихъ странъ, голландскій либерализмъ, особенно лѣвое крыло его въ послѣднее время, былъ окрашенъ значительнымъ демократизмомъ. Одной изъ основныхъ причинъ упадка либеральной партіи (кромѣ тѣхъ, которыя мы указали въ главѣ о конфессіональныхъ партіяхъ) былъ ея разношерстный составъ, преобладаніе въ ея политической дѣятельности умѣреннаго крыла (доктринеровъ), колебанія и нерѣшительность ея прогрессивнаго крыла, которое, даже добившись власти, дѣлало слишкомъ большія уступки не только своей собственной консервативной фракціи, но даже реакціонерамъ, и такимъ образомъ компрометировало либерализмъ въ глазахъ народа.

Въ своемъ активѣ либеральная партія имѣетъ пересмотръ конституціи 1848 и 1887 г. Къ моменту второго пересмотра конституціи старое единство либеральной партіи уже отошло въ область преданія. Лѣвое крыло, извѣстное подъ названіемъ прогрессистовъ, требовало болѣе рѣшительной антиклерикальной политики, особенно болѣе полнаго отдѣленія церкви отъ государства, и расширенія избирательнаго права на среднюю и мелкую буржуазію. Школьный законъ 1878 г., усиливавшій свѣтское образованіе путемъ назначенія болѣе широкихъ субсидій коммунамъ, открывающимъ нейтральныя школы, и лишавшій совершенно субсидій частныя школы, долженъ былъ послужить средствомъ для удовлетворенія прогрессистовъ и возстановленія нарушеннаго единства.

Но этого показалось недостаточнымъ передовой фракціи, которая требовала не только антиклерикальной, но и демократической политики. И тутъ-то стало ясно, что, если доктринеры, поглотившіе часть старой консервативной партіи и

представлявшіе интересы наиболѣе богатыхъ слоевъ буржуазіи, легко соглашались на антиклерикальныя мѣры, то они вовсе не хотѣли серьезныхъ демократическихъ реформъ. Трудность привести къ соглашенію умѣренные и передовые элементы либеральной партіи обнаружилась съ особенной ясностью въ 1885 г., когда былъ основанъ „Либеральный Союзъ", задачей котораго было сгруппировать вокругъ себя всѣ либеральныя силы. Ванъ-Гамель, президентъ новой ассоціаціи, заявилъ въ своей привѣтственной рѣчи, что бюро не предлагаетъ большинству никакой опредѣленной программы изъ опасенія вызвать новые раздоры. Такого рода заявленіе было признаніемъ безсилія. Но событія дѣлали свое дѣло; ростъ недовольства среди устраненныхъ отъ участія въ политической жизни страны мелкой буржуазіи и рабочихъ, начало соціалистической агитаціи и растущіе успѣхи антиреволюціонеровъ, которые удачно пользовались консервативной политикой либераловъ въ соціальной области, — все это заставляло „Либеральный Союзъ" склоняться къ опредѣленной демократической программѣ и сдѣлали его въ концѣ концовъ оффиціальнымъ органомъ прогрессистовъ.

Къ начинающейся такимъ образомъ дифференціаціи старой либеральной партіи подоспѣлъ пересмотръ конституціи. Конституція 1848 г. ввела систему ценза, размѣры котораго были опредѣлены закономъ 1850 г. отъ 20 до 40 флориновъ въ разныхъ провинціяхъ. Эта система оставалась въ силѣ до 1887 г. Но движеніе въ пользу расширенія избирательнаго права все усиливалось въ странѣ, и въ 1883 г. королевскимъ указомъ назначена была комиссія изъ 16 членовъ для „разсмотрѣнія постановленій основного закона, которыя было бы полезно и въ настоящее время удобно измѣнить". Послѣ всевозможныхъ затрудненій и проволочекъ комиссія черезъ четыре года представила слѣдующую совершенно неопредѣленную редакцію новаго закона: „Члены второй палаты непосредственно выбираются урожденными голландцами мужского пола, удовлетворяющими условіямъ образованія и благосостоянія, которыя будутъ опредѣлены избирательнымъ закономъ, и достигшими возраста, который будетъ установленъ этимъ закономъ, во всякомъ случаѣ не ниже двадцати трехъ лѣтъ". Эта формулировка, показывавшая, что авторы ея не могли прійти ни къ какому опредѣленному соглашенію, вызвала горячіе споры. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, принято было временное постановленіе, въ силу котораго избирателями считались всѣ голландцы, достигшіе 23-лѣтняго возраста, пользующіеся всѣми гражданскими и политическими правами и представляющіе свидѣ-

тельство объ уплатѣ личнаго квартирнаго налога, размѣръ котораго измѣняется смотря по коммунѣ, или же поземельнаго налога въ 10 флориновъ. Такимъ образомъ цензитарная система была сохранена, но цензъ съ 20 пониженъ до 10 фл., и число избирателей сразу поднялось съ 138,107 (цифра внесенныхъ въ списки къ выборамъ 1886 г.), до 292,545 (къ выборамъ 1888 г.).

Расширеніе избирательнаго корпуса, охватившее только часть мелкой городской и сельской буржуазіи и совершенно исключавшее рабочихъ, пошло на пользу только клерикальнымъ партіямъ. Либеральная партія, такимъ образомъ, сама себя наказала, и тенденція къ введенію всеобщаго избирательнаго права стала усиливаться среди прогрессистовъ. На выборахъ 1891 г. либералы выставили своимъ главнымъ требованіемъ реформу избирательнаго права. Этотъ вопросъ естественно выдвинулся на первый планъ, и о немъ только и говорили въ либеральныхъ газетахъ, манифестахъ и собраніяхъ.

Правая, разъединенная и деморализованная, была разбита (въ палату вошли: 53 либерала, 2 радикала, 21 антиреволюціонеръ и 24 католика), и власть перешла въ руки либеральнаго кабинета ванъ-Тинговена; портфель министра внутреннихъ дѣлъ, самый важный въ этотъ моментъ, достался прогрессисту Таку-ванъ-Портвлиту, а финансовъ Пирсону. Программой министерства стала программа съѣзда либеральныхъ ассоціацій, собравшагося въ маѣ въ Амстердамѣ: – избирательная, финансовая и военная реформа.

Прежде всего предстояло замѣнить временный законъ 1887 г. постояннымъ. Такъ внесъ дѣйствительно демократическій проектъ: какъ гарантію образованія онъ признавалъ умѣнье читать и писать, а какъ гарантію благосостоянія— возможность содержать себя и свое семейство. Первое доказывалось тѣмъ, что избиратель собственноручно подписывалъ просьбу о внесеніи его въ избирательные списки, а второе— удовлетвореніемъ слѣдующихъ трехъ условій: не перемѣнять мѣстожительства въ теченіе трехъ мѣсяцевъ или перемѣнить его только разъ въ годъ, не прибѣгать къ общественной благотворительности и уплатить свою долю прямыхъ налоговъ, если таковые вообще причитаются съ избирателя. Проектъ этотъ вызвалъ бурю негодованія среди умѣренныхъ всѣхъ направленій (либераловъ, антиреволюціонеровъ и католиковъ) и повелъ къ раздорамъ внутри всѣхъ партій. За проектъ Така стояли прогрессисты, радикалы, фракція Куппера и послѣдователи Сгапмана; противъ—доктринеры, аристократиче-

скіе антиреволюціонеры (Ломанъ и другіе) и католическая правая.

Въ рядахъ самой либеральной партіи произошло охлажденіе между умѣренными (доктринерами) и прогрессистами. Радикалы еще раньше отдѣлились отъ нея. Они находили, что либеральный союзъ слишкомъ считается съ доктринерами и не дѣйствуетъ съ достаточной рѣшительностью, почему онъ и не соотвѣтствуетъ больше демократическому движенію въ странѣ. Радикалы хотѣли основать самостоятельную демократическую партію, рѣшительно добивающуюся всеобщаго избирательнаго права и широкихъ соціальныхъ реформъ. Они находили, что демократы должны представлять не только среднюю и мелкую буржуазію, но и рабочій классъ, который иначе цѣликомъ уйдетъ къ рабочей партіи. Поэтому они требовали полнаго разрыва съ доктринерами, союзъ съ которыми только компрометируетъ прогрессистовъ, не принося имъ никакой пользы. Прогрессисты-же не хотѣли отдѣлиться отъ доктринеровъ, надѣясь со временемъ обратить ихъ на свою сторону. Тогда радикалы отдѣлились отъ либеральнаго союза и образовали особую радикальную партію. Они сразу добились крупнаго успѣха на коммунальныхъ выборахъ въ Амстердамѣ и за время своего господства въ столицѣ привели въ порядокъ городское хозяйство посредствомъ уничтоженія монополій. Ихъ органомъ былъ „Amsterdammer“, выходившій подъ редакціей Коо. Они пытались организоваться по всей странѣ, выставивъ широкую программу демократическихъ реформъ. Сторонниковъ они имѣли, главнымъ образомъ, въ Амстердамѣ и въ сѣверныхъ провинціяхъ (Гронингенѣ, Фрисландіи), издавна извѣстныхъ демократическимъ духомъ своей мелкой буржуазіи и крестьянства. Въ палатѣ они были представлены де-Буромъ, Тиденсомъ и Герритсеномъ, президентомъ „Радикальной Федераціи“. Они, конечно, горячо поддерживали Така.

Казалось, что старыя партійныя дѣленія исчезнутъ и что всѣ депутаты разобьются на двѣ группы: такистовъ и антитакистовъ. Дебаты тянулись долго въ необыкновенно повышенной атмосферѣ. Нидерландскій парламентъ, который въ обычное время по тону рѣчей и спокойствію обсужденій напоминалъ скорѣе какое нибудь ученое общество, сдѣлался свидѣтелемъ бурныхъ преній и яростныхъ діатрибъ. Долго исходъ борьбы казался сомнительнымъ. Наконецъ, 10 марта 1894 г. палата приняла поправку Мейера, съ которой Такъ не соглашался, и министръ взялъ назадъ свой проектъ. Палата была распущена, и на 10 апрѣля назначены новые выборы, кончившіеся побѣдой умѣренной коалиціи. Избран-

ными оказались: 55 антитакистовъ (24 умѣренныхъ либера-ла, 24 католика, 7 антиреволюціонеровъ группы Ломана) и 45 такистовъ (34 либер.-такиста, 3 радикала, 7 куперіанцевъ и 1 католикъ-демократъ). Составился новый кабинетъ Роеля, опиравшійся на коалицію умѣренныхъ элементовъ всѣхъ партій и преимущественно на доктринеровъ и католиковъ. Программа министерства обѣщала расширеніе избирательнаго права въ предѣлахъ, допускаемыхъ конституціей, реформы въ государственныхъ и коммунальныхъ финансахъ, но ни словомъ не упоминала ни объ обязательномъ обученіи, ни о личной воинской повинности. Это было сдѣлано для того, чтобы не раздражать новыхъ союзниковъ-католиковъ, но зато усилило разногласія среди либераловъ (доктринеровъ и прогрессистовъ).

Все болѣе выяснялось, что либеральная партія состоитъ изъ непримиримо противоположныхъ элементовъ. Часть такистовъ (чистые прогрессисты) хотѣли не только демократическаго избирательнаго закона, но и соціальныхъ реформъ въ демократическомъ духѣ. Умѣренные либералы, представлявшіе интересы крупнаго капитала, помнили фразу Торбеке, что въ борьбѣ классовъ государству лучше всего воздержаться отъ всякаго вмѣшательства. Консерваторы въ родѣ Рутгерса, депутата отъ Сѣверной Голландіи, называли такистовъ радикалами и даже соціалистами, но болѣе умѣренные и дальновидные доктринеры, какъ Мееръ, склонялись къ необходимости нѣкоторыхъ не-радикальныхъ реформъ. Въ виду раздора въ либеральномъ лагерѣ среди радикаловъ снова заговорили о возможности соединенія съ прогрессистами.

Законопроектъ новаго министерства отвергалъ основной принципъ проекта Така и предлагалъ дать избирательное право только плательщикамъ прямыхъ налоговъ. Этотъ проектъ, увеличивавшій число избирателей съ 302 до 580 тысячъ, былъ принятъ обѣими палатами и получилъ силу закона.

Хотя министерство Роеля и провело еще нѣсколько мелкихъ реформъ, напр. законъ о санитарномъ надзорѣ надъ фабриками, увеличивавшій число фабричныхъ инспекторовъ, назначило комиссію для подготовленія вопроса о введеніи рабочихъ пенсій, къ чему оно было принуждено запросомъ депутата Гельдта (представителя либеральнаго рабочаго союза) и сильной агитаціей въ странѣ, но въ общемъ его пребываніе у власти было банкротствомъ умѣреннаго либерализма. Доктринеры обнаружили, что они не желаютъ считаться съ интересами и запросами народныхъ массъ и предпочитаютъ пользоваться поддержкой католическихъ и кальвинистскихъ реакціонеровъ, чѣмъ дѣлать серьезныя уступки лѣвому крылу

своей собственной партіи, компромитируя такимъ образомъ будущее либерализма въ цѣломъ.

Но банкротство доктринеровъ не было еще банкротствомъ либерализма. Оставалась еще прогрессистская фракція, на которую стали возлагать надежды друзья свободы и прогресса. До сихъ поръ прогрессисты не имѣли власти въ своихъ рукахъ, хотя отдѣльные ихъ представители иногда попадали въ министерства. Имъ, поэтому, приходилось ограничиваться ролью оппозиціи, толкающей въ сторону смѣлыхъ реформъ господствующую въ правительствѣ фракцію умѣренныхъ. Теперь прогрессисты стали дѣятельно готовиться къ избирательной кампаніи 1897 г. Мы уже говорили, что „Либеральный Союзъ хотѣлъ объединить всѣ либеральныя силы на основѣ демократической программы, проектъ которой онъ разослалъ мѣстнымъ ассоціаціямъ. Въ ноябрѣ 1896 г. состоялся въ Амстердамѣ съѣздъ (общее собраніе) либеральной партіи, на которомъ и была принята новая программа, содержащая, между прочимъ, слѣдующія требованія:

„Регламентація рабочаго договора въ цѣляхъ лучшаго обезпеченія взаимныхъ правъ и обязанностей; ограниченіе чрезмѣрнаго рабочаго времени, даже для взрослыхъ мужчинъ, и установленіе одного дня отдыха въ недѣлю, по возможности въ воскресенье;

„Введеніе системы обязательнаго страхованія отъ потерь, грозящихъ рабочему вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, болѣзней, неспособности къ труду и старости, съ участіемъ государства, по крайней мѣрѣ, въ страхованіи отъ старости и неспособности къ труду;

„Проведеніе законовъ, имѣющихъ цѣлью улучшить состояніе училищнаго вопроса, и необходимый для сего пересмотръ законовъ объ отчужденіи;

„Пересмотръ закона о бѣдныхъ съ цѣлью согласованія дѣятельности всѣхъ приказовъ призрѣнія и провозглашеніе обязанности общественныхъ властей предупреждать ростъ пауперизма;

„Введеніе обязательнаго образованія, также для послѣшкольнаго и повторнаго образованія, и улучшеніе положенія учительскаго персонала;

„Улучшеніе правового положенія женщины какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи, а особенно обезпеченіе права замужней женщины на продуктъ ея труда или на заработную плату; призрѣніе безпризорныхъ дѣтей, а гдѣ нужно, ограниченіе или отмѣна родительскихъ правъ;

„Мѣропріятія, имѣющія цѣлью содѣйствовать развитію

земледѣлія, скотоводства, торговли и промышленности, не посредствомъ покровительственныхъ пошлинъ, а, между прочимъ, посредствомъ улучшенія путей сообщенія, распространенія профессіональнаго образованія, централизаціи сельскохозяйственнаго дѣла въ одномъ министерствѣ и посредствомъ пересмотра законовъ объ охотѣ;

„Урегулированіе военнаго дѣла путемъ введенія личной воинской повинности и уничтоженія гражданской стражи въ ея теперешнемъ видѣ".

Приблизительно такія-же программы приняли и либеральныя ассоціаціи, отдѣлившіяся отъ Либ. Союза.

Противники упрекали эту программу за то, что она якобы проникнута „государственнымъ соціализмомъ". Но доктринерскій либерализмъ въ своемъ старомъ непримиримомъ видѣ отжилъ въ Голландіи, и идея „государственнаго невмѣшательства" въ своей безусловной формѣ уже не имѣли открытыхъ сторонниковъ. Однако, многіе либералы, даже изъ тѣхъ, которые тоже называли себя прогрессистами, не приняли протянутой руки Либеральнаго Союза, звавшаго ихъ объединиться вокругъ программы соціальныхъ реформъ. Они упрекали его за поддержку, оказанную имъ проекту Така, и за его кампанію противъ консервативно-доктринерской коалиціи Роеля. Они не хотѣли вступить въ союзъ съ фракціей, которая добивается болѣе рѣшительной избирательной реформы. Оппозиція шла, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ городовъ (Амстердамъ, Утрехтъ, Гаага, Роттердамъ), гдѣ вожаки либерализма желали удержать въ своихъ рукахъ руководство партіей и не допускать разногласій, подавляя ихъ въ самомъ зародышѣ.

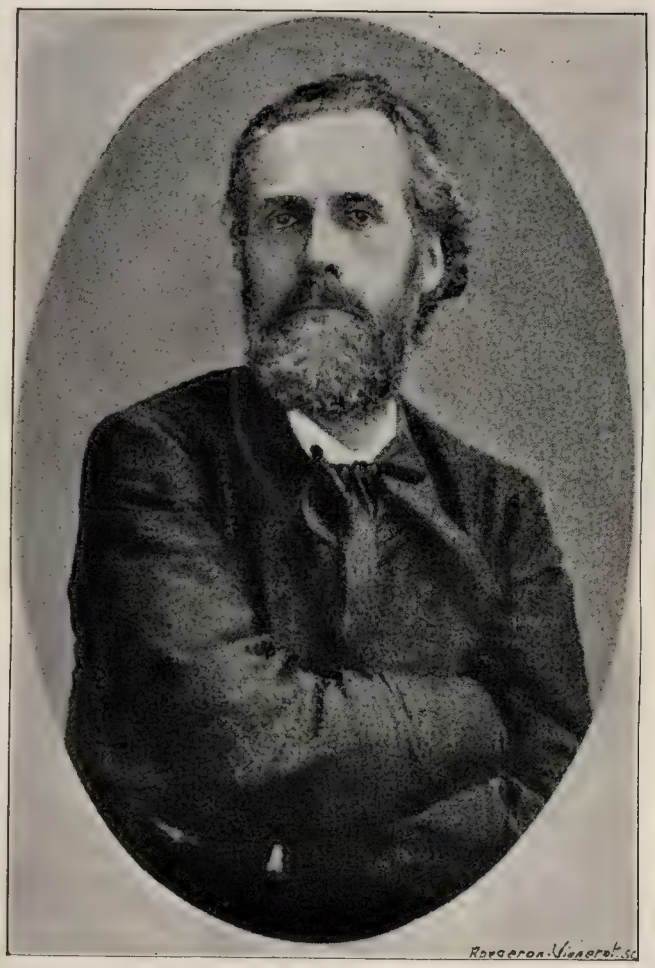
Радикалы, съ своей стороны, пытаются сойтись съ прогрессистами. Радикальная федерація вырабатываетъ программу, которая въ принципѣ не отличается отъ программы Либеральнаго Союза [1]), тогда какъ фракція съ соціалистическими тенденціями, вѣрнѣе фракція сторонниковъ національзаціи земли, остается въ меньшинствѣ. Шефы этой группы скоро замѣтили, что имъ не удалось пріобрѣсти симпатіи массъ, а вѣчные раздоры, которые повели къ гибели единственной газеты, защищавшей ихъ взгляды, еще болѣе ослабляли эту партію. Не желая присоединиться къ соціалистамъ,

[1]) Радикальная программа требуетъ новаго пересмотра конституціи съ уничтоженіемъ верхней палаты, полнаго примѣненія всеобщей подачи голосовъ, полнаго отдѣленія церкви отъ государства, передачи общественной благотворительности и призрѣнія въ вѣдѣніе государства. Партія насчитывала 34 общества съ 2,300 членовъ. Чтобы бороться съ нею, прогрессисты усиливали свои демократическія требованія.

радикалы поняли, что ихъ депутаты смогутъ быть переизбраны только съ помощью прогрессистовъ, съ которыми они въ сущности стояли на одной почвѣ. Голландскіе радикалы хотѣли одновременно представлять интересы мелкой буржуазіи и пролетаріата, но это оказалось невозможнымъ. Съ одной стороны, сознательный пролетаріатъ выдвинулъ свои теоріи, которыя шли въ разрѣзъ съ основными принципами радикализма, съ другой—голландское мѣщанство, поскольку оно не было завербовано конфессіональными партіями, удовлетворялось программой прогрессистовъ. Такимъ образомъ, радикалы, какъ оказалось, не имѣли подъ собой твердой почвы. Впослѣдствіи они вмѣстѣ съ крайними прогрессистами составили свободомыслящую партію.

Прогрессисты, съ своей стороны, также склонялись къ союзу съ радикалами. Еще въ концѣ 1896 г. лидеръ прогрессистовъ, Кердикъ, совѣтовалъ своимъ сторонникамъ окончательно порвать съ доктринерами и вступить въ союзъ съ радикалами. Но когда стало извѣстно, что Куиперъ возобновляетъ „чудовищный“ альянсъ, тогда примирительно настроенные элементы прогрессистской и доктринерской фракцій стали искать почвы для соглашенія между противниками. Умѣренные очень хотѣли бы ограничиться снова однимъ лозунгомъ: „война клерикализму и протекціонизму!“, но либеральный союзъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Тѣмъ временемъ появился „манифестъ 80-ти“, названный такъ потому, что онъ былъ подписанъ 81 либеральной знаменитостью обѣихъ фракцій. Манифестъ настаивалъ на необходимости объединенія въ виду общаго врага и пытался затушевать пункты разногласія. Послѣ долгихъ переговоровъ обѣ стороны согласились дѣйствовать сообща тамъ, гдѣ раздоръ могъ бы принести пользу только клерикаламъ, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ въ первый разъ должны были происходить одноименные выборы (раньше они производились по спискамъ). Но чувствуя свою силу, прогрессисты заявили претензію на большинство мѣстъ и добились своего.

1 іюня начались избирательныя операціи, которыя должны были привести къ кампаніи, еще невиданной въ Голландіи. 15 іюня имѣло мѣсто первое голосованіе; это былъ день разгрома для либеральной партіи. Изъ 50 мѣстъ клерикалы взяли 35 (22 кат. и 13 антирев.); либералы потеряли пять мѣстъ, изъ нихъ одно въ Гаагѣ и одно въ Лейденѣ. Изъ 25 выходящихъ католиковъ 22 было переизбрано въ первый же день. Либералы были поражены, и въ прессѣ сравнивали эти выборы съ бельгійскими выборами 1894 г., гдѣ расширеніе избирательнаго права повело къ разгрому либераловъ



Домела-Ньювенчейсъ,
бывшій вождь соціалистовъ.

и къ торжеству реакціонеровъ. Участники конфессіональнаго картеля громко праздновали побѣду и уже дѣлили портфели въ будущемъ клерикальномъ министерствѣ.

Но предстояло еще 50 перебаллотировокъ. Когда первый моментъ оцѣпененія прошелъ, либералы удвоили усилія, и всѣ—доктринеры, прогрессисты, радикалы, соціалисты—соединили свои силы, чтобы воздвигнуть плотину клерикальному потоку. По даннымъ перваго голосованія видно было, что неудача прогрессивныхъ партій была вызвана отчасти раздробленіемъ ихъ силъ, и всѣ возлагали надежды на перебаллотировки. Даже христіанскіе историки забили тревогу, взывая ко всѣмъ протестантамъ сгрудиться вокругъ либеральнаго знамени. Тщетно антиреволюціонные шефы приглашали своихъ сторонниковъ остаться вѣрными принятымъ на себя обязательствамъ и во время перебаллотировокъ вотировать за католиковъ: они были покинуты своими войсками, которыя въ рѣшительную минуту голосовали за либераловъ вездѣ, гдѣ былъ выборъ между ними и католиками. Даже лидеры „свободной антиреволюціонной партіи“ совѣтовали своимъ партизанамъ вотировать за „такихъ талантливыхъ людей, какъ Глейхманъ, Меесъ и Пирсонъ“, т. е. за либераловъ, противъ католиковъ. Либералы удачно воспользовались тѣмъ фактомъ, что реакціонная коалиція выкинула протекціонистскій флагъ, и яростно напали на партизановъ „дорогого хлѣба“. Въ послѣдній разъ ярко вспыхнулъ старый антипапистскій духъ голландскихъ протестантовъ, и перебаллотировки 25 іюня были сюрпризомъ для обѣихъ сторонъ. Клерикалы были разбиты. Ихъ противники взяли 40 мѣстъ изъ 50-ти. Честь побѣды, равно какъ и плоды ея по справедливости принадлежали прогрессистамъ. Роель подалъ въ отставку, и прогрессисту Пирсону, бывшему министру въ кабинетѣ Тинговена-Така, поручено было составить новое министерство. Составить чисто-прогрессистскій кабинетъ оказалось невозможнымъ.

Прогрессисты далеко не имѣли въ палатѣ абсолютнаго большинства (даже если прибавить къ нимъ радикаловъ и соціалистовъ). При консервативномъ духѣ доктринеровъ прогрессистское министерство, которое захотѣло бы дѣйствовать энергично, долго бы не просуществовало. Такимъ образомъ политика либеральной концентраціи была единственно возможной. И, дѣйствительно, въ министерствѣ Пирсона мы видимъ трехъ не-демократовъ, а одинъ изъ нихъ, министръ иностранныхъ дѣлъ де-Бофоръ, принадлежалъ къ самымъ умѣреннымъ либераламъ. Сверхъ того, благодаря дополнительнымъ выборамъ, число либераловъ вмѣстѣ съ радикалами

упало до 50 чел., такъ что они не составляли, уже даже всѣ вмѣстѣ, абсолютнаго большинства. Имъ приходилось опираться или на депутатовъ рабочей партіи, или на правую. Они предпочли послѣднее. Такимъ образомъ прогрессисты, вслѣдъ за доктринерами, обнаружили склонность къ компромиссамъ съ клерикалами. Въ послѣднихъ министерство не обрѣло друзей, но зато оно съ самаго начала возстановило противъ себя часть прогрессистовъ. Прежде всего оно заявило, что въ настоящій моментъ оно не думаетъ о реформѣ избирательнаго права, но зато прибавило, что солидарно въ вопросахъ соціальной реформы, а одинъ изъ министровъ даже назвалъ его „министерствомъ соціальной справедливости“. И дѣйствительно, оно энергично взялось за дѣло и успѣло провести законъ о личной воинской повинности, котораго страна ждала 25 лѣтъ, законъ объ обязательности первоначальнаго образованія и объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, не говоря о болѣе мелкихъ законодательныхъ актахъ, какъ законъ о пересмотрѣ уголовныхъ процессовъ, техническое улучшеніе избирательнаго закона и пр.

Раньше въ Голландіи можно было за 500-600 гульденовъ откупаться отъ военной службы. Противъ такого порядка раздавались протесты не только во имя попранной справедливости, но и въ интересахъ болѣе дѣйствительной защиты страны. Большинство военныхъ также было за личную воинскую повинность, и уже въ 1891 г. палата въ принципѣ рѣшила отмѣну системы замѣстительства. Вопросъ этотъ вполнѣ назрѣлъ, и однако министерство провело его не вполнѣ. Военный законъ Эланда освобождаетъ отъ службы не только бѣлое духовенство, но и членовъ всѣхъ религіозныхъ орденовъ и миссіонеровъ. Католики были пріятно удивлены этой неожиданной уступкой, тѣмъ болѣе, что защита законопроекта была поручена (кромѣ Эланда) еще министру внутреннихъ дѣлъ, Боргезіусу, ярому антиклерикалу.

Когда-то Боргезіусъ стоялъ во главѣ движенія въ пользу обязательнаго народнаго образованія. Съ этимъ вопросомъ въ глазахъ демократовъ связанъ былъ рядъ другихъ требованій, напр., снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей и одеждой, за которое высказывались, между прочимъ, и „Союзъ нидерландскихъ учителей“, имѣющій 6,000 членовъ, и ферейны директоровъ народныхъ школъ. Но при обсужденіи этого закона правительство протянуло руку реакціи. Первоначальный проектъ министерства предлагалъ сдѣлать образованіе обязательнымъ отъ 6 до 13 лѣтъ, т. е. къ традиціоннымъ 6 классамъ прибавить седьмой, но клерикалы стали горячо протестовать противъ этого, такъ какъ имъ пришлось бы увеличить свои

школьныя зданія и прибавить учителей. Боргезіусъ, несмотря на протесты своихъ друзей, поспѣшилъ сдѣлать реакціи уступку. Зато онъ внесъ предложеніе, что дѣти до 15 лѣтъ обязаны посѣщать дополнительные курсы (по вечерамъ зимой 8 часовъ въ недѣлю). Оппозиція нашла эту мѣру покушеніемъ на „свободу и нравственность". Министръ уступилъ клерикаламъ и въ этомъ пунктѣ. Поправка соціалистовъ, требующая снабженія дѣтей пищей и одеждой на общественный счетъ, была отвергнута министерствомъ и палатой.

Въ февралѣ 1899 г. былъ готовъ законопроектъ объ обязательномъ страхованіи. Промышленный міръ заволновался. Посыпались петиціи противъ проекта, протестовавшія якобы не противъ принципа страхованія, а противъ централизаціи всего дѣла и обязательнаго страхованія въ государственномъ банкѣ. Во главѣ движенія стояли даже партизаны министерства, крупные фабриканты и др. Палата отослала проектъ министерству, отказываясь при такихъ условіяхъ приступить къ его обсужденію. Тогда министерство представило докладъ, въ которомъ удержало существенныя черты прежняго проекта (обязательное страхованіе). Снова возобновилась агитація. Купперъ взялъ дѣло фабрикантовъ въ свои руки и внесъ рядъ прибавокъ, составлявшихъ въ цѣломъ контръ-проектъ, по смыслу котораго уничтожалось обязательное страхованіе въ государственномъ банкѣ, и фабрикантамъ предоставлялось для организаціи страхового дѣла соединяться въ синдикаты изъ 5 человѣкъ, занимающихъ не менѣе 5,000 рабочихъ. Палата снова вернула проектъ министерству, которое продолжало настаивать на своемъ, ссылаясь на интересы мелкихъ промышленниковъ. Наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, законъ о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ принятъ былъ въ нижней палатѣ 79 голосами противъ 14 [1]). Онъ не распространялся на земледѣліе, рыболовство и торговое мореплаваніе. На этомъ настояло министерство, но обѣщало вскорѣ внести другіе законопроекты, чтобы заполнить пробѣлъ.

Сенатъ, который 33 голосами противъ 16 принялъ законъ объ обязательномъ образованіи, отвергъ законъ объ обязательномъ страхованіи 29 голосами противъ 20. Уже во время февральскихъ дебатовъ въ палатѣ бургомистръ Роттердама, коммерческаго центра, обязаннаго своимъ процвѣтаніемъ системѣ свободной торговли, высказался противъ соціальной политики правительства, которая, подъ предлогомъ защиты

[1]) Рабочій при полной неспособности къ труду получаетъ 70% заработной платы, при неполной—соотвѣтственно меньше. Вдовы получаютъ 30% платы мужа, на каждаго ребенка по 20%, но въ общемъ не больше 70%. Издержки падаютъ исключительно на предпринимателя.

рабочихъ, дезорганизуетъ національный трудъ и повлечетъ за собой протекціонизмъ. Со стороны крупной буржуазіи это было для кабинета первымъ предостереженіемъ. Капиталисты открыли энергичную кампанію и требовали, чтобы сенатъ отвергъ законопроектъ министерства, такъ какъ хозяева сами устроятъ дѣло страхованія безъ государственнаго банка съ меньшими издержками. Сенатская группа фабрикантовъ, въ которую входили три самые крупные промышленника въ странѣ, ванъ-Гекъ, Ланъ и Регоутъ, стояла во главѣ агитаціи. Она привлекла на свою сторону группу сельскихъ хозяевъ, опасавшихся предстоящаго распространенія закона на земледѣліе, и группу юрисконсультовъ, которые осуждали законъ, переносящій предметъ „частнаго права“ въ область „публичнаго права“, и предлагали просто расширить отвѣтственность предпринимателя въ случаѣ небрежности и неосторожности. Послѣднее мнѣніе возобладало. Усилія министровъ отстоять законъ въ первоначальномъ видѣ не привели ни къ чему, и Пирсонъ внесъ дополненіе, по смыслу котораго фабриканты могли организовать страхованіе и безъ государственнаго банка, и имъ предоставлено право участвовать въ слѣдствіи и въ установленіи размѣра вознагражденія. Въ этомъ видѣ проектъ былъ принятъ сенатомъ.

На всемъ, что ни предпринимало министерство, лежала печать колебаній и компромисса. Въ послѣднюю сессію Пирсонъ представилъ новый тарифный проектъ, который онъ до сихъ поръ все откладывалъ. По этому проекту всѣ ставки повышались на 20%. Правда это повышеніе было невелико, но сторонники свободной торговли протестовали, такъ какъ это былъ первый шагъ въ сторону протекціонизма. И это нарушеніе принципа не могло быть оправдано чисто фискальнымъ характеромъ этой мѣры, какъ говорило министерство, потому что дефицитъ, еще довольно спльный въ первомъ бюджетѣ Пирсона, уже исчезъ. Опять-таки, это была уступка, которая должна была примирить капиталистовъ съ политикой соціальныхъ реформъ. Но тогда исчезало различіе между прогрессистами и куперіанцами, да и реакціонная буржуазія съ министерствомъ не примирялась. Неменьшія колебанія проявило министерство во время дебатовъ по поводу предложенія Трульстра въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Меесъ отъ имени умѣренныхъ либераловъ высказался противъ; Кердикъ отъ имени прогрессистовъ—за (въ принципѣ); Купперъ, осуждая современную избирательную систему и высказываясь за распространеніе избирательнаго права на семейныхъ мужчинъ, выступилъ противъ всеобщей подачи голосовъ, какъ противорѣчащей

антиреволюціоннымъ принципамъ. За эту реформу въ принципѣ вотировали соціалисты, радикалы и прогрессисты (изъ нихъ два министра). Прогрессистскій элементъ въ кабинетѣ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ умѣренными либералами, и какъ говорили, де-Боforъ съ помощью Пирсона сковывалъ Боргезіуса. Когда при обсужденіи послѣдняго бюджета Кердикъ, по обычаю, произнесъ программную рѣчь, въ которой доказывалъ, что для успѣха соціально-реформатской политики необходимо всеобщее избирательное право, то Меесъ отъ имени доктринеровъ далъ понять, что они порвутъ съ прогрессистами, если тѣ пойдутъ за Кердикомъ. Многіе прогрессисты боялись разрыва съ доктринерами и союза съ крайней лѣвой, такъ какъ это могло бы повести къ побѣдѣ клерикаловъ. И министерство рѣшилось только на техническій пересмотръ избирательнаго закона. Оно предложило, чтобы домовладѣльцы и фабриканты, подъ угрозой штрафа, обязаны были доставлять списки своихъ жильцовъ и рабочихъ (что облегчило бы внесеніе въ избирательные списки), чтобы книжка частной сберегательной кассы приравнивалась къ книжкѣ государственной кассы и т. п. Но министерство отказалось предложить единственное серьезное средство, а именно понизить минимумъ квартирной и заработной платы, главнымъ образомъ въ городахъ, гдѣ этотъ минимумъ особенно несправедливъ и исключаетъ массу рабочихъ [1]). Палата вычеркнула единственный пунктъ, который могъ бы увеличить число избирателей тысячъ на сто, а именно тотъ, по которому квартиранты и рабочіе освобождались отъ личнаго заявленія для внесенія въ списки, а обязанность дѣлать это заявленіе возлагалась на домохозяевъ и предпринимателей. Министерство не отстояло этого пункта, и такимъ образомъ пересмотръ ничего существеннаго не далъ.

Немудрено, что къ началу избирательной кампаніи 1901 года всѣ фракціи клерикальной и консервативной партіи заявляли, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ нѣтъ надобности свергать либеральное министерство, а что необходимо лишь увеличить число депутатовъ оппозиціи такъ, чтобы министерство всецѣло отъ нихъ зависѣло. Либеральный Союзъ (къ которому принадлежало 35 депутатовъ и 5 министровъ) видѣлъ, что движеніе попадаетъ въ тупой переулокъ. На годичномъ собраніи въ январѣ 1901 г. главный комитетъ предложилъ, чтобы Либ. Союзъ выставилъ и под-

[1]) Чтобы сдѣлаться избирателемъ, нужно въ Амстердамѣ и Роттердамѣ, напр., платить 2,50 гульдена ежедневно за квартиру или зарабатывать въ годъ не менѣе 550 гульденовъ.

держивалъ только такихъ кандидатовъ, которые заявятъ себя сторонниками пересмотра конституціи и введенія всеобщаго избирательнаго права. 49 голосами противъ 29 союзъ рѣшилъ принять какъ первый пунктъ программы: „всеобщее избирательное право для мужчинъ и женщинъ“. Но другое предложеніе не соединяться на выборахъ съ консервативными либералами, а выставить повсюду собственныхъ кандидатовъ было отклонено 44 голосами противъ 38. Тогда произошелъ разрывъ. Главный комитетъ, оставшись въ меньшинствѣ на общемъ собраніи Союза, основалъ новую прогрессистскую партію изъ части Либ. Союза, искреннихъ прогрессистовъ, и изъ радикальныхъ группъ, разсѣянныхъ по странѣ. Такъ создалась „свободомыслящая демократическая партія“, искренно желающая демократическихъ реформъ и поставившая на первый планъ пересмотръ конституціи съ цѣлью провозглашенія всеобщаго избирательнаго права. Съ другой стороны, различіе между доктринерами и оставшимися въ Либер. Союзѣ прогрессистами, выбравшими новый главный комитетъ, сильно сгладилось.

Свободомыслящая партія, которая думала, что къ ней перейдетъ значительная часть либеральныхъ избирателей, а также и много рабочихъ, ошиблась въ своемъ расчетѣ. Эта реформаторская партія, стоящая подъ руководствомъ стараго радикала, амстердамскаго профессора Трейба, въ своей программѣ выставила положеніе „смягченіе классовой борьбы“ и пропагандировала взгляды германскаго „ревизіониста“ Бернштейна. Между ней и рабочей партіей шла очень рѣзкая принципіальная борьба, и послѣдняя, если судить по цифрамъ, имѣла большой успѣхъ. Несмотря на то, что къ свободомыслящей партіи примкнуло много извѣстныхъ прогрессистскихъ и радикальныхъ депутатовъ, имѣющихъ за собой широкіе слои избирателей, новая партія собрала всего 27,000 голосовъ, изъ нихъ 15,000 въ шести округахъ, гдѣ выставили свою кандидатуру выходящіе депутаты этой партіи. Можно сказать, что попытка организовать промежуточную буржуазно-демократическую партію пока не удалась.

Что касается либераловъ, то они не могли съ такимъ удобствомъ, какъ въ 1894 г., взять лозунгомъ „противъ протекціонизма!“, ибо Куперъ благоразумно вычеркнулъ изъ своей программы пошлину на пшеницу. Не могли они выставить пароль „противъ клерикализма!“, такъ какъ правительство всегда опиралось на клерикаловъ противъ лѣваго крыла собственной партіи. И либераламъ пришлось пойти въ избирательный бой безъ единства, безъ энтузіазма, деморализованными компромиссами, страхомъ передъ правой и лѣвой, неудачей,

постигшей ихъ за 2 недѣли до выборовъ, такъ какъ на провинціальныхъ выборахъ они потерпѣли пораженіе и потеряли большинство въ провинціальныхъ штатахъ Южной Голландіи (а значитъ черезъ нѣсколько лѣтъ и въ Сенатѣ [1]). Либеральная партія не сумѣла привлечь къ себѣ народныя массы широкими соціальными реформами, прямотой и послѣдовательностью, но она оттолкнула отъ себя реакціонную часть крупной буржуазіи даже тѣми реформами, которыя она провела. Опирающаяся на все, что есть реакціоннаго и невѣжественнаго въ странѣ, конфессіональная коалиція побѣдила при первомъ-же голосованіи. Всего было избрано: 25 католиковъ, 23 антиреволюціонера, 8 свободныхъ антиреволюціонеровъ, 2 члена историко-христіанской партіи -итого реакціонеровъ 58 (изъ нихъ 33 кальвиниста); 26 либераловъ (изъ нихъ 15 прогрессистовъ), 9 свободо-мыслящихъ демократовъ, 7 соціалъ-демократовъ—итого 42 депутата оппозиціи, изъ нихъ 28 сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права.

Либеральная партія потеряла власть, должно быть, надолго, и Голландія перестала быть исключеніемъ изъ общаго правила.

Единой организаціи у либеральной партіи теперь не существуетъ. До послѣдняго времени центральнымъ ея учрежденіемъ былъ Либеральный Союзъ, носившій до отдѣленія свободомыслящихъ демократовъ опредѣленно прогрессистскій характеръ. Либеральныя ассоціаціи, главнымъ образомъ, избирательные комитеты, существуютъ по всей странѣ и устраиваютъ выборы на свой счетъ. Конгрессъ партіи, вырабатывающій избирательную платформу, состоитъ изъ депутатовъ и делегатовъ мѣстныхъ ассоціацій. До послѣдняго времени тонъ партіи задавалъ Либеральный Союзъ, постоянное бюро котораго, главный комитетъ, игралъ роль центральнаго комитета.

IV.

Рабочая партія.

Мы уже говорили, что Голландія была одной изъ первыхъ странъ, гдѣ уже въ 17-мъ вѣкѣ сталъ развиваться современный способъ производства. Но затѣмъ въ этомъ развитіи наступилъ продолжительный перерывъ и только съ

---

[1]) Изъ 50 членовъ Сената депутаты Зеландіи, Брабанта, Лимбурга, Гельдры, Утрехта (всего 19) — антилибералы, 31 сенаторъ остальныхъ провинцій—либералы. Провинція Южная Голландія, наиболѣе населенная, имѣетъ 10 сенаторовъ, а значитъ, когда она возобновитъ свою делегацію, то либералы потеряютъ большинство въ Сенатѣ.

середины 19-го столѣтія капиталистическое производство начинаетъ снова усиливаться.

Уже въ 1848 г. въ Голландіи существовали хотя и немногочисленныя соціалистическія группы. Уступки, которыя монархія благоразумно и во время сдѣлала буржуазіи, спасли страну отъ политическихъ потрясеній и отняли возможность у крайнихъ элементовъ проявиться и усилиться. Рабочее движеніе въ собственномъ смыслѣ появляется лишь вмѣстѣ съ Интернаціоналомъ, но существовавшія въ голландскихъ городахъ секціи Международнаго Общества всегда были очень слабы. Послѣ паденія Интернаціонала основана была Всеобщая Федерація нидерландскихъ рабочихъ, которая по своимъ тенденціямъ до сихъ поръ осталась частью либеральной партіи. На конгрессѣ федераціи въ 1878 г. произошелъ расколъ изъ-за программы, и часть членовъ выступила изъ федераціи и основала первое соціалъ-демократическое общество.

Вскорѣ послѣ своего основанія небольшая организація пріобрѣла выдающагося вождя въ лицѣ гаагскаго пастора Фердинанда Домелы Ньювенгейса. Молодой и образованный энтузіастъ, состояніе котораго дѣлало его вполнѣ независимымъ, отдалъ всѣ свои богатыя силы на пропаганду по всей странѣ новыхъ идей, нашедшихъ въ немъ убѣжденнаго и даровитаго прозелита. Въ 1881 г. четыре небольшія мѣстныя организаціи, которыя существовали тогда въ Амстердамѣ, Роттердамѣ, Гаагѣ и Гаарлемѣ, объединились въ соціалъ-демократическій Союзъ, а въ 1883 г. Союзъ, насчитывавшій уже 11 секцій, принялъ программу, которая въ теоретической части была почти буквальнымъ переводомъ программы германской партіи.

Въ томъ же году движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права стало охватывать рабочій классъ и мелкую буржуазію. Въ начавшейся агитаціи ораторы и публицисты Союза вскорѣ заняли выдающееся мѣсто, что отчасти увеличило сопротивленіе этой реформѣ со стороны крупной буржуазіи. Въ 1884—86 гг. это движеніе приняло широкіе размѣры и вылилось въ форму бурныхъ манифестацій. Съ этого времени датируетъ анархическое настроеніе части голландскихъ рабочихъ, питавшееся упорнымъ противодѣйствіемъ правящихъ элементовъ избирательной реформѣ и рабочему законодательству. Столкновеніе народа съ полиціей въ Амстердамѣ (25—26 іюля 1886 г.) послужило поводомъ къ началу эпохи крайней реакціи. Ньювенгейсъ былъ посаженъ въ тюрьму за оскорбленіе величества. Преданный оранскому дому народъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на піонеровъ

новаго движенія, которыхъ буржуазная пресса представляла ему какъ враговъ исторической династіи. Въ февралѣ 1887 г. толпа напала на пропагандистовъ, грабила ихъ дома, разгоняла собранія и избивала ихъ участниковъ или продавцовъ газетъ. За исключеніемъ большихъ городовъ, въ странѣ невозможно было устраивать собраній, да и тамъ, гдѣ это удавалось, приходилось итти по улицамъ вооруженными кучками. Выпущенный изъ тюрьмы Ньювенгейсъ, желавшій устроить собраніе въ Роттердамѣ, спасся отъ смерти только потому, что не былъ узнанъ толпой. Всѣ эти событія развили въ голландскихъ рабочихъ ту озлобленность и ожесточеніе, которыя впослѣдствіи сказались въ антиполитическомъ направленіи части партизановъ новыхъ идей.

Въ это время въ парламентѣ прошелъ пересмотръ конституціи. Анархическія идеи уже начали развиваться въ партіи, но въ первое время онѣ встрѣтили противника въ лицѣ Ньювенгейса. Послѣдній поставилъ свою кандидатуру во Фрисландіи и былъ избранъ, но во время новыхъ выборовъ 1891 г. онъ перезбранъ не былъ и, будучи всегда въ большей или меньшей степени антипарламентаристомъ, постепенно сталъ склоняться все больше въ сторону анархическихъ идей; въ своемъ органѣ „Право для всѣхъ“ онъ съ яростью нападалъ на германскую и бельгійскую партіи, и вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же направленіи неуклонно эволюціонировалъ соціалъ-демократическій Союзъ. Ограниченность избирательнаго корпуса и безнадежность одержать сколько-нибудь серьезныя побѣды на выборахъ; неудача стачечнаго движенія сельскихъ рабочихъ, охватившаго въ 1890—91 гг. провинціи Гронингенъ и Фрисландію и сломленнаго союзомъ фермеровъ и поземельныхъ собственниковъ, а съ другой стороны, ростъ и нѣкоторые успѣхи синдикальнаго движенія въ городахъ, породившаго надежды на рѣшеніе всѣхъ вопросовъ посредствомъ чисто профессіональнаго движенія,— всѣ эти причины толкали партію къ антиполитическимъ взглядамъ, и, наконецъ, на конгрессѣ 1893 г. въ Гронингѣ, была принята резолюція, гласившая: „Партія никогда не станетъ принимать участія въ выборахъ и даже не считаетъ ихъ агитаціоннымъ средствомъ“.

Послѣ этого положеніе немногихъ соціалъ-демократовъ сдѣлалось въ Союзѣ невозможнымъ. Въ іюлѣ двѣнадцать пропагандистовъ партіи, въ томъ числѣ талантливый адвокатъ Трульстра, издали манифестъ, приглашавшій всѣхъ сторонниковъ новыхъ идей объединиться вокругъ ихъ знамени для борьбы съ капитализмомъ и съ анархизмомъ.

26 августа 1894 г. была основана новая партія, принявшая названіе „соціалъ-демократической рабочей партіи".

Борьба между новой организаціей и анархистами велась безпощадная, и старый союзъ, принявшій имя Socialistenbond'a, быстро сталъ приходить въ упадокъ: число его секцій, которыхъ въ 1894 г. насчитывалось 52, понизилось въ 1898 г., въ результатѣ новаго раскола, до 7. Но этотъ упадокъ, съ другой стороны, былъ внѣшнимъ, потому что члены Союза разошлись по синдикатамъ, которые въ первое время почти всецѣло подпали подъ ихъ вліяніе. Въ Союзѣ все-же оставались члены, не отрицательно относившіеся къ участію въ политической жизни страны, и споры по этому вопросу вызвали новые расколы, пока въ іюнѣ 1900 г. остатки Союза не соединились съ рабочей партіей.

Начавши въ 1894 г. съ самыми скромными силами, рабочая партія успѣла достигнуть довольно высокаго развитія. Въ 1895 г. было всего 19 секцій съ 700 чл., а въ 1902 г. партія насчитывала уже 89 секцій съ 4,500 чл. Но не только числомъ непосредственныхъ участниковъ, платящихъ членскіе взносы, опредѣляется сила партіи. Она успѣла заручиться значительнымъ вліяніемъ на довольно широкіе слои народа, что видно изъ быстраго роста полученныхъ ея кандидатами голосовъ. На выборахъ 1897 г. партія выставила кандидатовъ въ 29 округахъ, провела 3 депутатовъ и собрала 13,500 голосовъ. Во время избирательной кампаніи 1901 г. она выставила кандидатовъ уже въ 51 округѣ (изъ 100), устроила 500 народныхъ собраній, распространила около 700,000 экз. газетъ, брошюръ и листковъ, провела 7 депутатовъ (одинъ прошелъ позже на дополнительныхъ выборахъ) и получила на этотъ разъ 38,500 голосовъ, т. е. почти втрое больше, чѣмъ въ 1897 г.

Въ тотъ и другой разъ крупные города обнаружили отрицательное отношеніе къ партіи; напр., въ Амстердамѣ въ 1897 г. партія въ 7 округахъ получила 1,151 голосъ, въ 1901 г.—3,354; въ Роттердамѣ—307 и 878 голосовъ и т. п. Кромѣ Эншеде, голландскаго Манчестера, всѣ округа, выбравшіе соціалъ-демократовъ, это сельскіе округа въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ. Этотъ оригинальный фактъ, противорѣчащій, повидимому, опыту остальныхъ европейскихъ странъ, объясняется характеромъ голландскаго избирательнаго закона, который исключаетъ изъ пользованія политическими правами почти всѣхъ рабочихъ въ городахъ. Тогда какъ въ сельскихъ округахъ имѣютъ право голоса отъ 11 до 20% населенія, въ Амстердамѣ—всего 7,5%, а въ Роттердамѣ и того меньше—6,5%.

Полагая, что до тѣхъ поръ, пока политическія права рабочей массы будутъ ограничены, вліяніе рабочей партіи на общественную жизнь страны останется минимальнымъ, партія добивается въ настоящее время всеобщаго избирательнаго права. Въ ноябрѣ 1899 г. обѣ рабочія партіи (тогда еще существовалъ Союзъ), радикальная партія, почти всѣ женскія организаціи и главные профессіональные синдикаты составили лигу всеобщаго избирательнаго права.

Программа партіи, кромѣ пересмотра конституціи и введенія всеобщаго избирательнаго права для мужчинъ и женщинъ, требуетъ пропорціональнаго представительства; рабочихъ пенсій на счетъ государства; распространенія страхованія отъ несчастныхъ случаевъ на всѣхъ рабочихъ безъ исключенія; перехода въ руки государства всѣхъ желѣзныхъ дорогъ (свыше половины ихъ ему уже принадлежитъ), телефоновъ, горнаго дѣла, публичныхъ зданій; всесторонней охраны труда; свободы печати и слова также для военныхъ и чиновниковъ; самостоятельности коммунъ въ дѣлѣ обложенія, особенно обложенія абсентеистовъ-помѣщиковъ; наслѣдованія государствомъ въ боковой линіи; сильнаго прогрессивнаго налога на наслѣдства, имущества и доходы; отмѣны налоговъ на съѣстные припасы; отмѣны всѣхъ законовъ, ставящихъ женщину въ худшее положеніе сравнительно съ мужчиной; отмѣны запрещенія отыскивать отца и провозглашенія обязанности отца содержать дѣтей; энергичной борьбы съ пьянствомъ и т. д. Кромѣ того, программа включаетъ рядъ требованій, относящихся къ управленію колоніями и къ улучшенію участи туземцевъ.

Аграрная часть программы заключаетъ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: лучшая регламентація арендnаго договора въ интересахъ крестьянъ и рабочихъ; болѣе широкое примѣненіе тѣхъ статей гражданскаго кодекса, которыя освобождаютъ арендатора отъ уплаты части арендной суммы въ случаѣ неурожая; право уходящаго фермера на вознагражденіе за улучшенія, произведенныя его трудомъ или капиталомъ; внесеніе въ арендный договоръ обязательства для фермера держать въ продолженіе всего года извѣстный минимумъ рабочихъ, опредѣляемый соотвѣтственно характеру и размѣрамъ хозяйства и мѣстнымъ условіямъ; учрежденіе во всѣхъ коммунахъ арендныхъ комиссій, выбираемыхъ помѣщиками, фермерами и рабочими, и недѣйствительность всякаго договора, не утвержденнаго этими комиссіями; обязанность общины снабжать живущихъ въ ней рабочихъ землей и орудіями труда по самой дешевой цѣнѣ и въ количествѣ, достаточномъ для снискиванія пропитанія; бо́льшая само-

стоятельность коммунъ въ области обложенія; право облагать налогами землевладѣльцевъ, живущихъ внѣ общины; распространеніе дѣйствующаго рабочаго законодательства на сельское хозяйство.

Рабочая партія состоитъ изъ секцій и „примыкающихъ“ обществъ. Секціи, числомъ около ста, съ 5,000 приблизительно членовъ, представляютъ пропагандистскіе кружки, которые во время выборовъ превращаются въ избирательные комитеты. Существуетъ еще нѣсколько рабочихъ обществъ, принимающихъ программу партіи, значительная часть членовъ которыхъ непосредственно входитъ въ партію, а остальные признаютъ, по крайней мѣрѣ во время выборовъ, ея тактику. Исполнительный комитетъ партіи состоитъ изъ 7 членовъ; четыре изъ нихъ назначаются конгрессомъ, который созывается ежегодно и является верховной инстанціей партіи, а остальные трое, составляющіе „постоянный комитетъ“ (президентъ, секретарь и казначей) каждый годъ назначаются одной изъ секцій по указанію конгресса. Такой порядокъ установленъ съ той цѣлью, чтобы общее управленіе партіей находилось въ рукахъ гражданъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ страны, а завѣдываніе текущими дѣлами въ рукахъ людей, живущихъ въ одномъ мѣстѣ и могущихъ часто встрѣчаться. Такъ какъ въ Голландіи 11 провинцій, а семь членовъ комитета могутъ представлять самое большее 5 провинцій, то секціи остальныхъ 6 провинцій выбираютъ по делегату, которые съѣзжаются два раза въ годъ для совмѣстнаго обсужденія дѣятельности въ провинціи.

Въ 1896 г. центральнымъ органомъ партіи была еженедѣльная газета „De Socialdemokraat“, а съ 1 апрѣля 1900 г. стала выходить подъ редакціей Трульстры ежедневная газета „Het Volk“ (Народъ) въ Амстердамѣ, имѣющая около $6^1/_2$ тысячъ абонентовъ. Научный органъ партіи, журналъ „De Nеuwe Tijd“ (Новое Время), выходитъ подъ редакціей ванъ-деръ-Гоеса, Гортера и Генріетты Роландъ Гольстъ. Кромѣ того, существуетъ 8 мѣстныхъ еженедѣльныхъ газетъ. Синдикальная пресса представлена 16 органами, изъ которыхъ два еженедѣльные, а остальные выходятъ разъ и два въ мѣсяцъ.

Синдикаты постепенно освобождаются отъ вліянія анархистовъ и начинаютъ примыкать къ рабочей партіи или, по крайней мѣрѣ, проникаться ея идеями. Наиболѣе крупные союзы находятся подъ руководствомъ соціалъ-демократовъ (какъ брилліантщики, желѣзнодорожные рабочіе и т. п.). Но въ „Національномъ Рабочемъ Секретаріатѣ“, который въ

концѣ 1899 г. насчитывалъ 44 центральныя и мѣстныя организаціи съ 13,500 членовъ, большинство еще принадлежитъ анархистамъ, потому что многіе мелкіе синдикаты придерживаются этого направленія, и потому что союзы брилліантщиковъ, папиросниковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ, насчитывающіе вмѣстѣ около 11,000 человѣкъ, не входятъ въ секретаріатъ. Партія привлекаетъ къ себѣ синдикаты путемъ агитаціи по вопросамъ, интересующимъ рабочую массу съ матеріальной и моральной стороны. Такъ, партія и синдикаты соединялись для того, чтобы составить „національные комитеты“ рабочихъ пенсій, народнаго образованія, всеобщаго избирательнаго права и т. д. И такимъ путемъ профессіональное и политическое движеніе начинаютъ проникать другъ друга и оказывать одно другому взаимную поддержку.

Ю. Стекловъ.

ГРЕЦІЯ.

I.

Общія свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи.

По своему географическому положенію, Греція является въ полномъ смыслѣ слова морскимъ государствомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ она обладаетъ относительно самой длинной береговой линіей, и, за исключеніемъ отдаленныхъ центровъ ѳессалійской провинціи, въ Греціи нѣтъ мѣста, которое находилось бы отъ морского берега дальше, чѣмъ на сорокъ верстъ. Къ сожалѣнію, экономическое положеніе современной Греціи не позволяетъ ей использовать цѣликомъ свои географическія преимущества. Обрабатывающая промышленность находится въ Греціи въ зачаточномъ состояніи; земледѣліе, вслѣдствіе неудобствъ почвы и условій внѣшняго рынка, переживаетъ критическое положеніе,— и въ результатѣ всего этого торговые обороты Греціи, несмотря но то, что она существуетъ въ качествѣ независимаго королевства уже около семидесяти лѣтъ, не превышаютъ торговыхъ оборотовъ даже такой страны, какъ сравнительно недавно освободившаяся Болгарія.

Послѣ этого предварительнаго замѣчанія мы перейдемъ къ изложенію статистическихъ данныхъ, рисующихъ экономическое положеніе Греціи. Къ сожалѣнію, греческій департаментъ статистики одинъ изъ наиболѣе плохо организованныхъ. Греческое правительство рѣшило было произвести въ 1904 г. общую хозяйственную перепись, но, какъ теперь оказывается, она по нѣкоторымъ соображеніямъ откладывается на неопредѣленный срокъ. Поэтому намъ придется прибѣгать къ цифрамъ сравнительно старымъ, пополняя ихъ частичными статистическими данными послѣдующаго времени.

По свѣдѣніямъ 1879 г. на сто жителей Греціи 55 занимаются земледѣліемъ (въ томъ числѣ 9 пастуховъ и 7 зем-

ледѣльческихъ рабочихъ), $8^1/_2$—торговлей, $8^1/_2$—промышленностью, 4—морскимъ транспортомъ, 4—свободными профессіями, остальные 20% разными другими промыслами, среди которыхъ рыбнымъ промысламъ принадлежитъ главное мѣсто. Цифра $8^1/_2$% занимающихся обрабатывающей промышленностью охватываетъ и ремесла, такъ что въ сущности крупною промышленностью въ Греціи живетъ очень ничтожный процентъ. Въ этомъ легко убѣдиться по количеству фабрикъ. Такъ, въ 1885 г. въ Греціи насчитывалось 108 промышленныхъ заведеній съ паровыми двигателями; въ 1889 г. такихъ заведеній было 145, а въ 1896 г.—211. Главное мѣсто среди нихъ занимаютъ паровыя мельницы: 144 въ 1885 г. и 79 въ 1889 г. Среди промышленныхъ заведеній, по даннымъ 1896 г., слѣдуетъ отмѣтить 14 бумаго-прядильныхъ и 14 ткацкихъ фабрикъ, 37 мыловаренъ, 29 пороховыхъ заводовъ, 6 спиртныхъ, 3 кожевенныхъ, 8 оливковаго масла и 6 машиностроительныхъ. Общее количество занятыхъ рабочихъ не превышаетъ 3,000 человѣкъ, что, въ сравненіи съ цифрой народонаселенія (2,430,000 въ 1896 г.), составляетъ самый ничтожный процентъ За исключеніемъ обработанныхъ кожъ и мыла, служащихъ и предметомъ вывоза, всѣ другіе фабрикаты остаются для мѣстнаго потребленія. Почти вся греческая промышленность сосредоточена въ Пиреѣ,—извѣстная гавань Аѳинъ, — отстоящей отъ греческой столицы на тридцать верстъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни относительно оборотныхъ капиталовъ этихъ заведеній, ни относительно размѣровъ ихъ производства.

Прежде, чѣмъ перейти къ земледѣльческой статистикѣ, слѣдуетъ упомянуть объ эксплуатируемыхъ минеральныхъ богатствахъ Греціи. Они состоятъ, главнымъ образомъ, въ желѣзной рудѣ и въ мраморѣ. Руда находится въ мѣстности Камареса (область Лавріонъ). Въ 1896 г. эти залежи дали 328,210 тоннъ и доставляли заработокъ 3,000 рабочимъ. Минералы вывозятся за границу для дальнѣйшей обработки. Изъ мраморныхъ каррьеръ самыя знаменитыя находятся въ Пароссѣ.

Мы видѣли выше, что по статистическимъ даннымъ 1879 г. воздѣлываніемъ земли и хлѣбопашествомъ въ Греціи живутъ 55% ея населенія. Но въ наше время эта пропорція несомнѣнно выше, на что указываетъ увеличеніе площади обрабатываемой земли. Въ 1885 г. было засѣяно 400,000 гектаровъ, въ 1895 г.—449,000; виноградниками—100,000 въ 1885 г. и и 122,000 гектаровъ въ 1895 г. [1]); оливковыми деревьями

[1]) Въ 1832 г. площадь греческихъ виноградниковъ занимала всего 3,000 гектаровъ.

140,000 въ 1885 и 174,000 въ 1895 г. Изъ другихъ культуръ отмѣтимъ виноградники съ особымъ коринѳскимъ виноградомъ, покрывавшіе въ 1895 г. площадь въ 67.000 гектаровъ, фиговыя деревья, занимавшія въ 1895 г. площадь въ 21,000 гект. (а въ 1885 г. всего 6,000 гект.). Наконецъ, въ 1895 г. было засѣяно 5,900 гект. хлопкомъ и 4,800 табакомъ. Самое важное значеніе изъ всѣхъ этихъ земледѣльческихъ культуръ имѣетъ виноградъ. Такъ, въ 1896 г. Греція вывезла въ одну лишь Россію 23 милліона окъ [1]) сухого винограда.

Съ точки зрѣнія распредѣленія, въ Греціи господствуетъ мелкая земельная собственность. Исключеніе представляетъ Ѳессалія, въ сущности единственная настоящая земледѣльческая провинція Греціи (въ остальной части страны обрабатываются главнымъ образомъ виноградники), гдѣ вся земля находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Они сдаютъ крестьянамъ землю исполу, т. е. крестьяне отдаютъ имъ половину всего своего сырого продукта. Если принять въ соображеніе, что крестьянинъ долженъ отдавать еще и государству, въ формѣ поземельнаго налога, 15% своего продукта, то ему остается всего на всего 35%, которые даже не покрываютъ его издержекъ. Отсюда и крайняя бѣдность крестьянина. Не разъ палата депутатовъ какъ во время министерства Трикуписа, такъ и при министерствѣ Деліанниса, принимала различные проекты для выкупа крупныхъ латифундій и распредѣленія ихъ среди крестьянъ, но всѣ эти законы, за отсутствіемъ денегъ въ государственной казнѣ, остались и до сихъ поръ мертвой буквой.

Скотоводствомъ, какъ мы видѣли, живетъ 7% греческаго населенія. Въ сущности, въ Греціи, за исключеніемъ Ѳессаліи, крупный скотъ отсутствуетъ. Работы производятся или руками или съ помощью ословъ и муловъ, которые болѣе подходятъ къ холмистой поверхности Греціи. Главное животное богатство Греціи заключается въ мелкомъ скотѣ, котораго статистика 1895 г. насчитываетъ $4^1/_2$ милліона штукъ (2,520,000 овецъ и 1,950,000 козъ).

Посмотримъ теперь на цифры греческой торговли. Ввозъ въ Грецію за періодъ 1893-1897 г. равняется, въ среднемъ, 109 милл. драхмъ (франковъ); вывозъ за тотъ-же періодъ достигаетъ цифры 76 милл. драхмъ. Такимъ образомъ Греція ввозитъ въ годъ на 33 милліона больше, чѣмъ вывозитъ. Эта разница въ торговомъ балансѣ пополняется отчасти доходами греческаго торговаго флота, который исполняетъ

[1]) Око—греческая или вѣрнѣе турецкая мѣра, равняющаяся 1 кило 280 граммамъ.

почти всю каботажную службу турецкой имперіи, отчасти-же заработками эмигрирующихъ за границу грековъ, которые изъ Турціи, Румыніи и Болгаріи поддерживаютъ свои семейства, оставшіяся на родинѣ.

Несмотря на такіе ограниченные рессурсы, греческій бюджетъ одинъ изъ самыхъ обремененныхъ. Не соображаясь съ экономическимъ положеніемъ страны, руководители греческой политики всегда увлекались и увлекаются еще теперь такъ называемой „мегали-идеей“, т. е. мечтой о возстановленіи старой византійской имперіи съ Константинополемъ въ качествѣ столицы. Въ результатѣ получился громадный государственный долгъ въ 872 милліона франковъ, по которому Греція выплачиваетъ ежегодно въ видѣ процентовъ $13^1/_2$ милліона фр. [1]).

Бюджетъ расходовъ Греціи въ 1899 г. достигалъ 107 милліоновъ драхмъ, изъ которыхъ на армію и флотъ уходило 25 мил. Чтобы отыскать соотвѣтствующія средства, греческое правительство должно было повышать пошлины на хлѣбъ, который ввозится, главнымъ образомъ, изъ-за границы. Поэтому хлѣбъ въ Греціи стоитъ дороже, чѣмъ во Франціи (греческое око стоитъ 60 сантимовъ), и бѣдный грекъ видитъ его рѣдко. Онъ питается, главнымъ образомъ, зеленью и рыбой. По этой же причинѣ государственныя монополіи получили такое развитіе, какъ ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Кромѣ монополіи на табакъ, спички, папиросную бумагу, игральныя карты, греческое правительство ввело еще монополію на продажу соли, керосина и даже всѣхъ учебниковъ.

II.

Политическія учрежденія.

Со времени Адріанопольскаго мира, заключеннаго между Россіей и Турціей въ 1829 г., Греція считается независимымъ государствомъ. Этотъ годъ и положилъ конецъ греческому возстанію, начавшемуся въ 1821 г. Носителями освободительной греческой идеи являлся классъ коммерсантовъ и горные пастушескіе роды, фактически остававшіеся полунезависимыми и во время турецкаго владычества. Изъ этихъ племенъ выходили знаменитые „клефты“—полуразбойники, полу-повстанцы, создававшіе постоянныя затрудненія турецкому правительству. Что касается греческаго купече-

[1]) Эта сумма понизилась вслѣдствіе банкротства. Если бы банкротства не было, Греція должна была-бы платить 40 милл. въ годъ.

скаго класса, то онъ, благодаря своему исключительному положенію, сыгралъ въ современной исторіи Греціи важную политическую роль. Собственно говоря, сила греческихъ купцовъ была не внутри самой страны. Еще съ незапамятныхъ временъ греческія купеческія колоніи населяли побережья Чернаго и Адріатическаго морей; въ ихъ рукахъ находилась почти вся торговля Балканскаго полуострова, Малой Азіи и даже русскаго черноморскаго побережья, и наиболѣе значительная часть морскихъ транспортовъ въ этихъ областяхъ совершалась греческимъ торговымъ флотомъ. Особенно благопріятной эпохой для развитія греческаго купеческаго класса была эпоха континентальной системы Наполеона I, когда легкія ладьи грековъ, обманывая бдительность наполеоновской полиціи, развозили англійскіе колоніальные товары по всѣмъ городамъ Средиземнаго моря. Вмѣсто старинныхъ аристократическихъ родовъ, такъ называемыхъ, „фанаріотовъ“, которые посредствомъ греческаго патріархата раздѣляли вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ власть не только надъ греками, но и надъ всѣми православными христіанами Балканскаго полуострова, теперь въ самой Греціи выступаетъ на сцену новый классъ—купеческая буржуазія. Она и начала борьбу за освобожденіе, которая велась одновременно и противъ фанаріотовъ, и противъ турецкаго владычества. Противъ первыхъ борьба приняла, въ силу историческихъ условій, нѣсколько странный характеръ,—это была борьба между ново-греческимъ языкомъ и старо-греческимъ. Трудно себѣ представить тѣ горячіе споры, которые происходили въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ между сторонниками одной грамматики и другой. Защитники первой обвиняли послѣднихъ въ измѣнѣ отечеству, презрительно называя ново-греческій языкъ „языкомъ лавочниковъ изъ Загоры“ [1]). Объясненія этой вражды между сторонниками старо-греческаго и ново-греческаго языка не нужно искать ни въ литературныхъ вкусахъ, ни въ грамматическихъ познаніяхъ однихъ и другихъ, а въ той особой политической роли, которую долженъ былъ сыграть ново-греческій языкъ въ современной Греціи. Читатель уже могъ замѣтить выше, что сторонниками ново-греческаго языка являлись „лавочники“, и это само собою понятно. Для политическаго освобожденія Греціи нужно было обратиться къ массѣ и говорить съ ней на знакомомъ ей языкѣ. Ново-греческій языкъ былъ, поэтому, орудіемъ революціоннымъ. Наоборотъ, замкнутое аристократическое

[1]) Загора—городъ въ Θессаліи.

общество фанаріотовъ, наряду съ другими привилегіями, хотѣло сохранить и привилегію пользоваться письменнымъ языкомъ, недоступнымъ массѣ. Подобно тѣмъ языческимъ жрецамъ, которые совершали свои священодѣйствія на неизвѣстномъ для массы языкѣ, который они часто сами-же придумывали, чтобы такимъ образомъ усилить свой авторитетъ, фанаріоты аристократы, съ тою же цѣлью сохраненія своей власти, защищали непонятный для современнаго грека старогреческій языкъ. Вотъ почему мы и видимъ, что торжество греческаго возстанія было одновременно и торжествомъ ново-греческаго языка надъ старо-греческимъ. Съ другой стороны, еще во временной такъ называемой „трезенской" конституціи 1827 г. провозглашалось полное политическое равенство всѣхъ гражданъ и уничтоженіе дворянскихъ титуловъ. Въ первой оффиціальной греческой конституціи 1830 г., кромѣ палаты депутатовъ, предполагалась еще верхняя палата, но послѣ низверженія короля Оттона (1862 г.) за его абсолютистскія тенденціи, была составлена новая конституція (1864 г.), остающаяся въ силѣ и до нашихъ дней и признающая лишь одну палату депутатовъ, выбираемую прямой всеобщей подачей голосовъ. Избирателемъ является каждый совершеннолѣтній и не лишенный по суду правъ гражданинъ; но избираемый въ депутаты долженъ имѣть не меньше тридцати лѣтъ отроду и владѣть какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ. Срокъ полномочій палаты четырехлѣтній. Депутаты получаютъ за время законодательной сессіи по двѣ тысячи драхмъ. Одинъ депутатъ приходится на 10,000 жителей. Исполнительная власть находится въ рукахъ министерства, которое назначается королемъ изъ среды большинства палаты депутатовъ. § 31 конституціи даетъ право королю смѣнять министровъ, но они не могутъ оставаться у власти, если не пользуются довѣріемъ большинства палаты. Способъ депутатскихъ выборовъ опредѣляется особымъ закономъ, въ которомъ характернымъ является то обстоятельство, что каждый кандидатъ долженъ внести въ государственную казну 200 франковъ на покрытіе расходовъ по выборамъ и быть представленнымъ, по крайней мѣрѣ, 12 избирателями. § 14 греческой конституціи обезпечиваетъ каждому греческому гражданину свободу слова и печати. Цензуры не существуетъ, и печатныя произведенія не могутъ быть конфискуемы, если они не содержатъ оскорбленія короля и христіанской религіи. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ прокуроръ, налагая предварительное запрещеніе на номеръ газеты, долженъ представить дѣло суду въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и рѣшеніе постановляется

судомъ. Рѣшеніе суда подлежитъ обжалованію, но этимъ правомъ можетъ пользоваться лишь обвиняемый, а отнюдь не прокурорская власть.

Въ силу греческой конституціи, народное образованіе даровое и обязательное. Впрочемъ, народное образованіе—въ особенности средняя школа—пользовалось у грековъ всегда большимъ вниманіемъ. Во время турецкаго ига народныя школы сыграли важную политическую роль, какъ для сохраненія греческой національности, такъ и для подготовленія греческаго возрожденія. И эти школы существовали не только въ провинціяхъ, гдѣ греки составляли большинство населенія, но даже тамъ, гдѣ находились только ничтожныя греческія колоніи, какъ это было въ большинствѣ балканскихъ и мало-азійскихъ городовъ. Наряду съ церквами воздвигались и такъ называемые „синогосы". Если, съ одной стороны, благодаря своимъ школамъ, греки господствовали надъ славянскимъ крестьянскимъ населеніемъ, то нужно признать, что эти школы являлись въ то время единственными разсадниками просвѣщенія, и что большинство дѣятелей, боровшихся за болгарское освобожденіе, получили свое первоначальное и среднее, а нѣкоторые и высшее образованіе въ греческихъ школахъ. Другое замѣчательное и симпатичное явленіе изъ греческой жизни—точно также унаслѣдованное отъ эпохи возрожденія—заключается въ живомъ участіи, которое принимаетъ частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. Множество богатыхъ купцовъ грековъ, живущихъ въ большихъ заграничныхъ торговыхъ центрахъ,—а ихъ можно встрѣтить въ такихъ отдаленныхъ отъ Греціи мѣстахъ, какъ Марсель, Лондонъ, Калькута—оставляли послѣ смерти свои крупныя богатства школамъ, больницамъ, музеямъ и другимъ культурнымъ учрежденіямъ. Въ самой Греціи, по частной иниціативѣ, еще въ 1836 г. было основано въ Аѳинахъ Общество распространенія народнаго просвѣщенія, которое теперь располагаетъ ежегоднымъ доходомъ въ 300,000 франковъ. Это общество съ помощью суммъ, завѣщанныхъ однимъ богатымъ грекомъ, по имени Апостолосъ Арсакисъ, основало одну изъ лучшихъ греческихъ женскихъ гимназій, въ которой въ настоящее время 37 учителей и 39 учительницъ обучаютъ 1,500 ученицъ. Объ участіи грековъ изъ-за границы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Греціи можно судить и по подпискѣ для постройки новаго зданія для Аѳинскаго Университета. Тогда какъ греки свободной Греціи подписали всего 308,000 фр., греки изъ Турціи прислали 422,000. Недавно же умершій грекъ, турецкій подданный, Циниглоссъ, оставилъ все свое крупное состояніе

въ 30 милліоновъ фр. городу Аѳинамъ и греческой общинѣ въ Константинополѣ. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, въ современной Греціи 35 гимназій, 300 прогимназій, 1,569 первоначальныхъ школъ для мальчиковъ и 332 для дѣвочекъ. Въ сравненіи съ многими болѣе богатыми странами, число безграмотныхъ въ Греціи гораздо меньше. Этимъ объясняется широкое распространеніе газетъ. Уже въ 1892 г. въ Греціи издавалась 191 газета, изъ нихъ въ Аѳинахъ—51, а остальныя въ провинціи. Изъ этихъ газетъ 9 выходили ежедневно, 9 нѣсколько разъ въ недѣлю, а остальныя разъ въ недѣлю. Кромѣ того, внѣ Греціи издается 37 различныхъ газетъ, въ томъ числѣ нѣкоторыя выходятъ въ Константинополѣ, Бухарестѣ и Тріестѣ ежедневно.

Въ административномъ отношеніи Греція дѣлится на 16 номархій, соотвѣтствующихъ французскимъ департаментамъ, 70 эпархій (французскіе arrondissements) и, наконецъ, 442 демы, соотвѣтствующія французскимъ коммунамъ. Во главѣ номархіи находится номархъ, во главѣ эпархіи—эпархъ, которые являются представителями центральной административной власти. Что же касается общинъ, то ихъ дѣлами завѣдуютъ общинные совѣты, избираемые на четыре года всеобщей подачей голосовъ; они, въ свою очередь, выбираютъ изъ своей среды мэровъ. Аналогичное выборное учрежденіе находилось и въ эпархіяхъ, но недавно оно было отмѣнено вмѣстѣ съ отмѣненіемъ самаго дѣленія на эпархіи, такъ что въ настоящее время номархіи дѣлятся прямо на демы.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить одну особенность греческой конституціи, которая не встрѣчается въ конституціяхъ другихъ балканскихъ государствъ, а именно право офицеровъ, находящихся на дѣйствительной службѣ, не только голосовать при законодательныхъ выборахъ, но и ставить свои кандидатуры.

III.

Партіи и политическая борьба.

Хотя Греція имѣетъ одну изъ самыхъ демократическихъ конституцій, но въ ней отсутствуетъ настоящая, въ западноевропейскомъ смыслѣ слова, демократія. Фактически политическая власть находится въ рукахъ городской и деревенской плутократіи. Масса играетъ роль старо-римскихъ кліентовъ, живущихъ подъ покровительствомъ того или другого знатнаго и богатаго рода. Съ другой стороны, въ Греціи, какъ и въ другихъ балканскихъ государствахъ, громадное

преобладаніе въ общественно-политической жизни находится на сторонѣ профессіональныхъ политиковъ, т. е. того громаднаго интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго пролетаріата, который, вслѣдствіе слабо развитой экономической жизни, долженъ искать въ чиновничьей карьерѣ,—а къ ней ведетъ политика,—единственный источникъ своего существованія. Въ Греціи выработался особый типъ, такъ называемые „политикаре“, т. е. краснорѣчивые болтуны, которые говорятъ по кофейнямъ о будущемъ величіи Греціи и ожидаютъ лишь паденія министерства, чтобы получить мѣсто въ какой-нибудь канцеляріи. Политическая борьба лишена всякаго принципіальнаго значенія. Бѣдность страны такова, и классовая дифференціація настолько еще не развита, что вся внутренняя жизнь Греціи держится въ неподвижныхъ рутинныхъ формахъ. Мѣстные интересы, интересы деревни или города въ современной Греціи, какъ и въ античной, преобладаютъ надъ всеобщими національными или классовыми интересами. Но и эти мѣстные интересы охватываютъ не интересы всего населенія данной мѣстности, а лишь интересы богатыхъ семействъ или вновь народившихся кулаковъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого преобладанія мѣстныхъ интересовъ надъ общими является то фактическое безсиліе центральной власти, на которое сами греки указываютъ, какъ на одно изъ основныхъ золъ ихъ страны. Неудивительно, въ виду всего сказаннаго, что греческія политическія партіи лишены всякихъ опредѣленныхъ принципіальныхъ программъ. Тамъ даже отсутствуетъ та политическая классификація, которая придаетъ политическимъ партіямъ другихъ балканскихъ странъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, характеръ западно-европейскихъ партій. Въ Греціи нѣтъ ни либераловъ, ни демократовъ, ни консерваторовъ, а деліанисты, трикуписты, называющіеся теперь послѣ смерти Трикуписа теотокистами, ралистами, занистами и т. д. Доктринальныхъ отличій между этими различными партіями и политическими фракціями нѣтъ. Только при сильномъ желаніи можно найти среди нихъ различные оттѣнки просто потому, что партія въ оппозиціи должна же отличаться хоть чѣмъ-нибудь отъ партіи, находящейся у власти. Однако стоитъ лишь оппозиціи занять мѣсто правящей партіи, какъ тотчасъ же обнаруживается, что онѣ, въ сущности, вполнѣ тождественны.

При такихъ условіяхъ политическая борьба принимаетъ характеръ личныхъ ссоръ и интригъ и ведется всѣми средствами, какими располагаютъ какъ обладающіе уже властью, такъ и тѣ, которые могутъ ее получить въ скоромъ времени. Различныя министерства падали вслѣдствіе самыхъ незна-

чительныхъ инцидентовъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ иностранной политикѣ даннаго правительства. Лишь въ послѣднее время, послѣ греко-турецкой войны 1897 г., экономическіе вопросы начали больше волновать руководящія сферы Греціи, но,—и это свидѣтельствуетъ о промышленной бѣдности жизни Греціи,—этотъ интересъ къ экономическимъ вопросамъ сводился исключительно къ организаціи вывоза сухого винограда, съ которымъ такъ тѣсно связано самое существованіе страны.

О политическихъ нравахъ въ странѣ, о тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ политическія партіи въ борьбѣ между собою, можно судить по тому, что происходитъ во время выборовъ. Это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ жалобъ, которыя неизбранные кандидаты посылаютъ королю. Такъ напр., ѳессалійскій кандидатъ Тріандифило Аргиропуло, изъ города Алмиро, жалуется въ петиціи къ королю отъ 18 декабря 1891 г., что, кромѣ обыкновенныхъ средствъ давленія, агенты правительства не постѣснились, чтобы провалить его кандидатуру, войти въ соглашеніе съ нѣкіимъ Цулосомъ, вожакомъ одной разбойничьей шайки. Этотъ Цулосъ захватилъ въ плѣнъ девять самыхъ вліятельныхъ сторонниковъ Аргиропуло и продержалъ ихъ въ горахъ до окончанія выборовъ. Другимъ же сторонникамъ его онъ послалъ предупрежденіе, что если они не будутъ голосовать за правительственнаго кандидата Панагопуло, то ихъ постигнетъ та же участь послѣ выборовъ. Этотъ трогательный союзъ между разбойниками и представителями властей—одно изъ обыкновенныхъ явленій греческой жизни. Такъ напр., въ той же жалобѣ разсказывается, что находящійся въ тюрьмѣ нѣкій Дмитрій Константинъ подавалъ голосъ за правительственнаго кандидата черезъ подставное лицо. Посредствомъ такихъ же подставныхъ лицъ за правительственнаго депутата, счастливаго Панагопуло, подавали голоса два избирателя изъ Ферской общины, которые умерли за нѣсколько лѣтъ до выборовъ. Тамъ же говорится еще, что нѣкоторые избиратели при благосклонномъ участіи властей, голосовали одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Однимъ изъ характерныхъ отличій греческой политической жизни является громадное преобладаніе вопросовъ иностранной политики надъ чисто внутренними политическими или экономическими вопросами. Въ общемъ, это является особенностью всѣхъ восточныхъ христіанскихъ народовъ, которые слѣдятъ съ увлеченіемъ за тѣмъ, что происходитъ за границей, и даже за такими событіями, которыя вовсе не непосредственно связаны съ судьбою ихъ собственныхъ

странъ. Эта привычка, унаслѣдованная отъ эпохи борьбы противъ турецкаго ига, когда какъ греки, такъ и другіе балканскіе народы должны были разсчитывать на иностранную поддержку. Вслѣдствіе этого явилась необходимость слѣдить за внутренними перемѣнами, происходящими въ жизни великихъ державъ. Съ другой стороны, ежедневныя газеты, печатающіяся въ Аѳинахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія даже два изданія въ день, чтобы пополнять свои столбцы, должны удѣлять много мѣста иностранной жизни. Тѣмъ сильнѣе развитъ интересъ у грека къ иностранной политикѣ его собственнаго правительства. Можно сказать, что она какъ-бы исполняетъ роль внутренней борьбы Греціи. Впрочемъ, это извѣстная истина, что вся политика Греціи проникнута такъ называемымъ „эллинизмомъ“, но менѣе извѣстны причины, вызвавшія греческій націонализмъ—одинъ изъ самыхъ, если не самый острый изъ всѣхъ извѣстныхъ формъ націонализма. Для его объясненія недостаточно ссылаться на воспоминанія объ античной Греціи, точно также нельзя объяснить этотъ крайній шовинизмъ естественнымъ стремленіемъ возстановить греческое національное единство византійской имперіи. Причины этого шовинизма болѣе близкія и болѣе реальныя. Читатель долженъ вспомнить то, что мы упомянули выше, а именно, что константинопольская греческая аристократія—съ одной стороны, и купеческая греческая буржуазія—съ другой, занимали на балканскомъ полуостровѣ привилегированное положеніе. Благодаря константинопольскому патріарху, они господствовали надъ остальнымъ христіанскимъ населеніемъ славянскаго происхожденія. Послѣ освобожденія Румыніи и Болгаріи они потеряли свое вліяніе въ этихъ странахъ, но сохранили его еще въ Македоніи, въ Адріанопольской области, въ Албаніи и въ Эпирѣ, гдѣ и теперь многочисленные славянскіе и другіе элементы входятъ по оффиціальной статистикѣ въ „территорію греческаго языка“. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ то время, какъ оффиціальная турецкая статистика говоритъ, что въ Македоніи всего 260,000 грековъ, ихъ число по греческой статистикѣ поднимается до 650,000. Правда, въ борьбѣ за освобожденіе греческая буржуазія изъ Греціи входила въ столкновеніе съ патріархатомъ и аристократіей; греческое правительство даже конфисковало недвижимыя имущества монастырей, владѣвшихъ тогда четвертой частью всей греческой обрабатываемой земли; сама греческая церковь была объявлена независимой отъ константинопольскаго патріарха. Но эта борьба между Аѳинами и Константинополемъ превратилась въ тѣсный союзъ, какъ только

было окончательно учреждено греческое королевство. Существованіе вселенской греческой церкви, усиленіе ея власти надъ различными православными элементами Балканскаго полуострова стало тогда выгоднымъ и для самой Греціи. Греческія церковь и школа являлись передовыми отрядами территоріальнаго и политическаго расширенія самой Греціи. Борьба между старо-греческой и ново-греческой культурой потеряла свое историческое значеніе, и всѣ партіи Греціи стали теперь поддерживать консервативныя требованія вселенской церкви вплоть до запрещенія переводить библію на ново-греческій языкъ.

Греческія колоніи по берегамъ Чернаго и Адріатическаго морей и Дуная очень много способствовали и способствуютъ утвержденію и усиленію греческаго національнзма. Вдали отъ своей родины и отъ картины внутренней бѣдности, они, въ силу своего положенія богатыхъ людей, старались всегда навязывать Греціи политику широкаго размаха. Результатомъ этой политики явились непомѣрное для страны вооруженіе, огромный долгъ, приблизительно въ 900 милліоновъ франковъ, сдѣланный для покрытія совершенно непроизводительныхъ расходовъ (въ Греціи всего 930 километровъ желѣзныхъ дорогъ), и въ концѣ-концовъ, постыдное банкротство.

Чтобы покончить съ различными факторами политическаго и общественнаго развитія Греціи, мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношеніи королевской власти къ политическимъ партіямъ. По конституціи, король не отвѣтственъ ни передъ однимъ учрежденіемъ за свои политическія дѣйствія. Отвѣтственными передъ палатой депутатовъ являются лишь одни министры. Однако, какъ мы уже упомянули выше, говоря о греческой конституціи, король, въ силу § 31, назначаетъ министровъ. Но если, съ одной стороны, практика парламентскихъ странъ требуетъ, чтобы министры назначались изъ среды большинства парламента, потому что, въ противномъ случаѣ, они не могли бы управлять, если, съ другой стороны, король имѣетъ право распускать, по предложенію министровъ, палату, то бывали и такіе случаи, когда король смѣщалъ министерства, пользовавшіяся довѣріемъ парламента. Такъ поступилъ теперешній король Георгъ I съ министерствомъ Делianиса въ 1892 г. Но это единственный случай отступленія отъ духа конституціи. Въ общемъ, греческій король держится болѣе корректно, чѣмъ другіе балканскіе государи. Въ первые годы своего царствованія Георгъ, несмотря на несчастный конецъ его предшественника Оттона I, низвергнутаго съ престола за антиконституціонное управленіе, изъявилъ претензію на прямое

вмѣшательство въ управленіе страной. Но тогда же между вожаками партіи было заключено соглашеніе, чтобы не допустить короля выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ ему конституціей. Тѣмъ не менѣе время отъ времени въ греческомъ парламентѣ поднимаются протесты противъ злоупотребленій короля своею властью. Примѣромъ можетъ служить инцидентъ, поднятый по поводу королевской яхты „Бурбулина“. Въ 1892 г., по предложенію морского министра Скулидиса, палата голосовала кредитъ въ 50,000 фр. для ремонта упомянутой яхты, но оказалось, что сверхъ этой суммы было израсходовано свыше двухъ милліоновъ франковъ. По поводу этого нѣкоторые депутаты сдѣлали запросы въ палатѣ въ 1896 г. Это не понравилось королю, и онъ одному изъ депутатовъ, именно Мавроматису, во время пріема во дворцѣ, даже сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе. Тогда, на засѣданіи 25 февраля 1896 г., Мавроматисъ поднялъ по этому случаю инцидентъ, что послужило поводомъ и другимъ депутатамъ выразить свое неудовольствіе королю. Одинъ изъ нихъ, Петропулакисъ, упрекалъ, напр., короля въ томъ, что онъ каждый годъ ѣздитъ за границу, между тѣмъ какъ его предшественникъ, Оттонъ, за все свое царствованіе покинулъ страну лишь одинъ разъ. Еще болѣе рѣзкія обвиненія сыпались на королевскую семью въ концѣ 1896 г. въ связи съ событіями на о. Критѣ. Ралли, бывшій впослѣдствіи министромъ-президентомъ, обвинялъ министерство Деліанниса и королевскую семью въ томъ, что они своей политикой хотятъ превратить Грецію въ русскую провинцію. „Послѣ же пораженія грековъ въ 1897 г. въ войнѣ съ Турціей греческіе органы взваливали на короля всю отвѣтственность за это національное бѣдствіе, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ сыновей короля былъ главнокомандующимъ греческой арміи. Нѣкоторые доходили даже до обвиненія короля въ томъ, что онъ желалъ пораженія грековъ, чтобы потомъ свалить вину за это пораженіе на отличающееся демократическими тенденціями націоналистическое общество Гостинки Гетеріи, подготовившее и поднявшее на островѣ Критѣ войну съ Турціей. Какъ-бы то ни было, но послѣ этой войны личная власть короля упрочилась. Въ самой странѣ среди извѣстной части греческой буржуазіи раздаются теперь голоса въ пользу пересмотра конституціи, съ цѣлью усиленія королевской власти и возстановленія уничтоженнаго въ 1864 г. сената. Недавнее торжество деліанистовъ, отличающихся нѣкоторымъ демократическимъ оттѣнкомъ, на законодательныхъ выборахъ уменьшило шансы на успѣхъ сторонниковъ личной политики короля, но, съ другой стороны,

характерно, что самъ Деліанисъ въ конфликтѣ съ королемъ по вопросу о главнокомандующемъ арміи, — имъ долженъ былъ быть одинъ изъ сыновей короля, — потерпѣлъ пораженіе. Нѣсколько его сторонниковъ депутатовъ, поддавшись вліянію двора, перешли на сторону Теотокиса, и министерство оказалось въ меньшинствѣ.

Изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей самое большое вліяніе на внутреннюю жизнь Греціи оказывалъ Трикупись. Онъ, въ общемъ, дольше всѣхъ другихъ удержался у власти. Родился Трикупись въ 1832 г. въ Науплѣ, высшее образованіе получилъ сначала въ Аѳинахъ, затѣмъ въ Парижѣ. Въ 1865 г. онъ былъ уже выбранъ депутатомъ, въ 1867 г. получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а въ 1875 г. сдѣлался министромъ президентомъ. Съ тѣхъ поръ начинается и партія трикупистовъ, существовавшая до смерти ея вождя (1896 г.). Въ теченіе своей министерской карьеры Трикупись возвращался къ власти шесть разъ. Самыми долгими періодами его министерства являются годы 1882—1885 и 1886—1890. Можно, слѣдовательно, сказать, что онъ управлялъ Греціей съ небольшими перерывами въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ. Какъ въ 1885 г., такъ и въ 1890 г. Трикупись былъ побѣжденъ на законодательныхъ выборахъ оппозиціей Деліаниса. Но въ началѣ 1886 г. Трикупису удалось низвергнуть Деліаниса на почвѣ вопроса о соединеніи южной Болгаріи (бывшей Восточной Румеліи) съ болгарскимъ княжествомъ,—фактъ, котораго Деліанисъ не сумѣлъ предупредить. Дабы читатель могъ понять, почему такое отдаленное отъ греческой территоріи событіе могло оказать вліяніе на внутреннія отношенія этой страны, мы должны напомнить, что восточная Румелія—какъ и въ настоящее время Македонія—входила въ „территорію греческаго языка“, несмотря на то, что тамъ насчитывалось всего 40,000 грековъ.

На законодательныхъ выборахъ 1890 г. Деліанисъ снова получилъ большинство. Но въ началѣ 1893 г., послѣ того какъ король смѣстилъ Деліаниса и назначилъ временное министерство Константинопуло для производства выборовъ. Трикупись снова получаетъ большинство и становится во главѣ министерства. Къ этому времени надъ Греціей уже надвигался финансовый крахъ. Министерства, безсильныя его предупредить, смѣнялись одно за другимъ, оставаясь у власти всего лишь по нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ паденія только что составленнаго министерства Трикуписа, власть перешла въ руки кабинета Сатиропуло-Ралли, бывшихъ сторонниковъ Деліаниса. Но это министерство продержалось около пяти мѣсяцевъ. 30 октября 1893 г. Трикупись снова

появляется у власти и уже 11 декабря издаетъ декретъ, которымъ въ Греціи оффиціально объявляется крахъ и предлагается кредиторамъ 67% суммы, выплачивавшейся имъ ежегодно до тѣхъ поръ [1]). Въ началѣ января 1895 г. Трикуписъ долженъ былъ выйти въ отставку послѣ бурныхъ, враждебныхъ демонстрацій аѳинскихъ гражданъ. Вновь составленное министерство подъ предсѣдательствомъ Никона Деліаниса,—брата извѣстнаго дѣятеля,—назначило законодательные выборы, на которыхъ сторонники Деліаниса получили 150 мѣстъ изъ 207. Партія Трикуписа потерпѣла полное пораженіе, а онъ самъ, не будучи выбранъ въ Миссолонгахъ, гдѣ до тѣхъ поръ его кандидатура постоянно имѣла успѣхъ, отказался отъ политической жизни и покинулъ Грецію. Онъ умеръ въ слѣдующемъ году въ южной Франціи. На Трикуписа падаетъ главная отвѣтственность за громадную задолженность Греціи. Онъ былъ типичнымъ представителемъ политики стремленія къ Константинополю и расширенія греческой территоріи на счетъ Албаніи, Македоніи и Восточной Румеліи. Во время правленія Трикуписа предметы первой необходимости, въ особенности пшеница (1894 г.), были обложены громадными пошлинами, а продажа керосина сдѣлана государственной монополіей. Поэтому—въ концѣ его управленія, въ 1895 г., онъ сдѣлался самымъ ненавистнымъ политическимъ дѣятелемъ для греческой массы, такъ долго увлекавшейся его націоналистической политикой. Для характеристики самой партіи трикуписовъ, продолжателями которой являются теперешніе теотокисты, нужно замѣтить, что главная сила Трикуписа заключалась въ поддержкѣ, во-первыхъ, аѳинскихъ и заграничныхъ греческихъ банкировъ, получившихъ за займы громадныя коммиссіонныя, во-вторыхъ, въ поддержкѣ заграничныхъ колоній, видѣвшихъ въ немъ „греческаго Бисмарка“, который объединитъ греческія земли, и, наконецъ, въ поддержкѣ короля, благоволившаго къ партіи трикуписовъ, какъ оплоту противъ вліянія отличающихся демократическими тенденціями деліанистовъ.

Мы упомянули выше, что на министерство Трикуписа пала печальная участь объявить оффиціальную несостоятельность Греціи. Это было въ концѣ 1893 г., а всего нѣсколько недѣль до этого, во время выборной агитаціи, съ балкона своего дома въ Аѳинахъ, Трикуписъ обращался къ гражданамъ со словами: „Прошу васъ объ одномъ: не прерывайте моей политической карьеры, чтобы я могъ еще увидѣть,

[1]) Впослѣдствіи эта сумма была уменьшена до 33%.

какъ греческое знамя будетъ гордо развѣваться на берегахъ Средиземнаго моря. Греціи суждено жить, и она будетъ жить и торжествовать.“ Эти слова показываютъ тотъ общій политическій духъ, которымъ проникнуто все краснорѣчіе греческихъ политическихъ дѣятелей. Они свидѣтельствуютъ и о политическомъ легкомысліи руководителей судебъ греческаго народа.

Греческіе публицисты приписываютъ Трикупису одну идею, которая, можетъ быть, являлась у него, когда отрезвившись отъ націоналистическаго опьяненія, онъ могъ видѣть всю глубину несчастнаго положенія своей страны,— мы говоримъ о балканской конфедераціи. Говорятъ, что въ 1891 г., во время своей поѣздки на Западъ, проѣзжая черезъ Софію и Бѣлградъ, Трикуписъ предлагалъ болгарскимъ и сербскимъ руководящимъ кругамъ соединиться для общаго дѣйствія противъ Турціи. Цѣлью этого союза должно было быть освобожденіе и раздѣленіе Македоніи между тремя балканскими государствами. Нѣкоторые авторы обвиняютъ Стамбулова, что онъ выдалъ этотъ проектъ вождя тогдашней греческой оппозиціи турецкому правительству, чтобы снискать его расположеніе къ Болгаріи.

Теодоръ Деліанисъ, вождь другой дѣйствующей теперь въ Греціи партіи, вышелъ изъ семьи, сыгравшей извѣстную роль въ греческомъ освобожденіи. Онъ родился въ 1826 г., воспитывался въ Греціи и, прежде чѣмъ выступить на арену политической жизни, былъ долгое время чиновникомъ, а потомъ дипломатическимъ представителемъ Греціи за границей; между прочимъ, онъ представлялъ Грецію на берлинскомъ конгрессѣ. Въ первый разъ въ качествѣ министра-президента Деліанисъ выступилъ въ 1885 г. послѣ паденія министерства Трикуписа. Какъ мы уже упомянули выше, деліанисты отличались отъ трикупистовъ нѣкоторымъ болѣе демократическимъ оттѣнкомъ своей программы. Но не нужно забывать, что въ Греціи эти различія совсѣмъ не существенны. Послѣ шумнаго паденія Трикуписа, въ январѣ 1895 г., партія деліанистовъ, находившаяся тогда на вершинѣ своей популярности, попробовала было ввести политику финансовой экономіи. И дѣйствительно, въ бюджетѣ были произведены нѣкоторыя сокращенія, но въ слѣдующемъ же году началось критское возстаніе, кончившееся злосчастной греко-турецкой войной со всѣми ея послѣдствіями: уплатой Турціи тяжелой военной контрибуціи и паденіемъ политическаго престижа Греціи на Балканскомъ полуостровѣ. Отвѣтственность за эту войну должно было нести отчасти министерство Деліаниса. Оно вышло въ отставку. Во главѣ правительства появились

Т. Деліанисъ,
вождь либеральной партіи.

Занимисъ и Ралли, которые представляли ничтожныя группы и могли управлять лишь благодаря поддержкѣ деліанистовъ, къ которымъ они въ сущности принадлежали раньше. Потомъ, въ началѣ 1903 г., власть перешла въ руки трикупистовъ, во главѣ которыхъ находился Теотокисъ. Въ концѣ 1903 г. и въ началѣ 1904 г. на законодательныхъ выборахъ деліанисты, хотя и съ ничтожнымъ большинствомъ, снова одержали побѣду, и Деліанисъ опять вернулся къ власти. Мы уже отмѣтили выше, при какихъ условіяхъ онъ очутился въ меньшинствѣ, и власть перешла снова къ Ралли, а затѣмъ къ Теотокису. Чтобы номенклатура греческихъ партій была полна, мы должны упомянуть еще о существованіи такъ называемой „тритонъ-кома“, третьей партіи, представителемъ которой является Константинопуло. Именно эта партія требовала и требуетъ усиленія королевской власти, возстановленія сената и организаціи независимаго отъ политическихъ вліяній суда. Эта консервативная партія имѣетъ за собою пока не много сторонниковъ.

О партіяхъ, представляющихъ въ Греціи болѣе передовыя идеи запада, не приходится говорить, такъ какъ ихъ нѣтъ, если не считать таковыми существовавшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, соціалистическія организаціи въ Пиреѣ, о которыхъ теперь уже не слышно.

Д. Григорьевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Пропорціональное представительство.

I.

Роль численно незначительныхъ группъ въ современномъ парламентѣ, даже когда онѣ находятся въ рядахъ меньшинства, гораздо важнѣе, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. По существу, такія группы лишены лишь возможности осуществлять свои соціально-политическія программы въ положительныхъ законодательныхъ актахъ. Во всѣхъ же другихъ отрасляхъ дѣятельности парламента меньшинство можетъ въ широкой степени проявлять свою инициативу и составляетъ необходимое условіе нормальнаго функціонированія государственнаго механизма.

Но даже и въ законодательной функціи парламента меньшинство играетъ весьма важную роль. Если въ финальномъ актѣ—въ голосованіи законовъ—рѣшительное слово принадлежитъ большинству, то во всей подготовительной работѣ меньшинство можетъ не только осуществлять дѣйствительный и послѣдовательный контроль, но и оказывать вліяніе на редактированіе законовъ. Въ современномъ обществѣ рѣдко издаются законы, которые не были бы болѣе или менѣе благопріятны однимъ слоямъ населенія и не задѣвали бы въ большей или меньшей степени интересы другихъ слоевъ. Но очень часто даже въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ слоевъ имѣются различные элементы, интересы которыхъ не всегда совпадаютъ. Естественно, въ виду этого, что почти каждый новый законъ вызываетъ къ себѣ различное отношеніе не только со стороны различныхъ политическихъ партій, но весьма часто даже въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ же партій. Окончательная редакція закона неизбѣжно является, поэтому, слѣдствіемъ компромисса между различными сталкивающимися интересами. Если однѣ группы стараются такимъ образомъ формулировать законъ, чтобы его выгодное для нихъ значеніе было возможно опредѣленнѣе выражено,

то другія группы, интересы которыхъ онъ задѣваетъ, пытаются путемъ ряда поправокъ смягчить его. И если прослѣдить исторію почти любого современнаго закона въ процессѣ предварительной подготовительной работы и его окончательнаго голосованія, то легко констатировать, что очень часто меньшинству удается провести тѣ или другія выгодныя для него поправки. И во всякомъ случаѣ меньшинству настолько удается выяснить групповой характеръ новаго законодательнаго акта, что онъ становится благопріятной почвой для пропаганды и агитаціи и дальнѣйшаго выясненія дѣйствительнаго характера общественно-политическихъ отношеній данной страны.

Но парламентъ не только вырабатываетъ и голосуетъ законы,—онъ слѣдитъ и за способомъ ихъ примѣненія, и въ этомъ выражается его контроль надъ исполнительной властью. Контроль этотъ, если оставить въ сторонѣ отдѣльныя частныя объясненія съ соотвѣтствующими министрами (хотя и такія объясненія имѣютъ огромное практическое значеніе и часто приводятъ къ значительнымъ уступкамъ со стороны администраціи), контроль этотъ осуществляется, главнымъ образомъ, путемъ запросовъ и интерпелляцій. Къ такому способу контроля меньшинство прибѣгаетъ даже гораздо чаще, чѣмъ большинство. Иногда оно, такимъ образомъ, добивается ограниченія произвола или отмѣны неправильныхъ дѣйствій администраціи, иногда оно имѣетъ лишь въ виду аппеллировать къ общественному мнѣнію страны и сдѣлать его судьею дѣйствій парламентскаго большинства и составленнаго изъ его представителей министерства.

Роль меньшинства и, въ особенности, небольшихъ группъ его этимъ не ограничивается. Каждое новое политическое теченіе имѣетъ на первыхъ порахъ своей задачей выяснить передъ широкими кругами населенія свои основныя соціально-политическія требованія и выдѣлить себя изъ другихъ политическихъ теченій. Одной устной и письменной пропагандой эта цѣль не достигается, тѣмъ болѣе, что враждебныя партіи всегда стараются „замолчать“ новое теченіе, и пресса послѣдняго, даже если оно обладаетъ достаточными средствами для ея созданія, обыкновенно мало вліятельна. Лучшимъ средствомъ для выполненія такой задачи является, поэтому, добиться представительства въ парламентѣ. Теченіе, представленное въ парламентѣ хотя бы весьма незначительнымъ числомъ депутатовъ, замолчать уже нельзя, въ особенности, если послѣдніе принимаютъ участіе въ парламентскихъ комиссіяхъ, обсуждающихъ текущіе законопроекты, если они достаточно талантливы, чтобы подвергать ясной и

рѣзкой критикѣ дѣятельность господствующихъ партій и министерства, если они умѣютъ своевременными запросами и интерпелляціями плодотворно осуществлять принадлежащее имъ право контроля. Талантливая, сильная рѣчь хотя бы единственнаго представителя зарождающагося политическаго теченія, когда онъ говоритъ съ „національной трибуны“, ясно и точно мотивированное предложеніе его становятся извѣстны самымъ широкимъ кругамъ общественнаго мнѣнія. Съ новымъ политическимъ теченіемъ знакомится, такимъ образомъ, вся страна, за нимъ начинаютъ слѣдить всѣ, кто только интересуется политической жизнью, съ нимъ считаются. И что для него всего важнѣе—оно обращаетъ на себя вниманіе тѣхъ слоевъ населенія, выразителемъ интересовъ которыхъ оно является, и получаетъ, слѣдовательно, возможность расширять свою пропагандистскую и агитаціонную дѣятельность, привлекать новыхъ членовъ, а старыхъ членовъ—пріучать къ болѣе активному участію въ общественныхъ дѣлахъ страны.

Наконецъ, бываютъ моменты, когда роль численно небольшихъ парламентскихъ группъ значительно болѣе расширяется. Система двухъ большихъ историческихъ партій, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга у власти, начинаетъ отживать свое время даже въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, въ особенности въ первой, она просуществовала долгое время. Въ парламентахъ континентальной Европы она, за небольшими временными исключеніями, не имѣла мѣста. Здѣсь различіе группъ и интересовъ всюду приводило къ тому, что какъ большинство, такъ и меньшинство составлялось въ парламентахъ изъ разныхъ элементовъ. Съ усложненіемъ общественныхъ отношеній во многихъ странахъ замѣчается, почти какъ общее правило, два параллельныя теченія: дифференціація общественно-политическихъ интересовъ и обособленіе группъ—съ одной стороны, съ другой—сближеніе группъ съ болѣе или менѣе продолжительными однородными интересами. Во Франціи и, отчасти, въ Италіи этотъ процессъ обособленія и сближенія группъ сопровождался болѣе или менѣе острыми политическими кризисами, въ Англіи и, отчасти, въ Америкѣ онъ проявляется въ цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ симптомовъ, составляющихъ предметъ наблюденій всѣхъ тѣхъ, кто интересуется политической эволюціей современныхъ обществъ, въ Австріи онъ усложнялся національной борьбою, и потому за нимъ не всегда легко было услѣдить, въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ онъ идетъ болѣе медленно и, поэтому, менѣе бросается въ глаза.

Но при такой перегруппировкѣ общественно-политическихъ силъ даже и незначительныя по своему численному составу парламентскія группы могутъ играть иной разъ очень вліятельную роль. Всѣмъ памятно, какую рѣшающую роль играла въ англійскомъ парламентѣ группа Парнелля между обѣими большими историческими партіями. Могутъ, впрочемъ, замѣтить, что это была группа числомъ довольно значительная,—она насчитывала свыше 80-ти членовъ. Но легко представить себѣ, что если трэдъ-юніоны и другія рабочія организаціи приведутъ въ исполненіе свое, все болѣе опредѣляющееся, стремленіе—организовать самостоятельное представительство въ парламентѣ, то, въ случаѣ вѣроятнаго прехода власти, послѣ ближайшихъ законодательныхъ выборовъ, въ руки либераловъ, новая парламентская группа, численно даже незначительная, будетъ имѣть большое политическое значеніе, и либеральное министерство вынуждено будетъ съ нею считаться, какъ со своей необходимой опорой. Во Франціи въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ парламентское большинство состоитъ изъ прежде обособившихся отъ другихъ партій, а затѣмъ сблизившихся на почвѣ извѣстнаго круга однородныхъ интересовъ пяти группъ—отъ умѣреннаго „Республиканскаго Союза“ до рабочей партіи фракціи Жореса, которая едва насчитываетъ 30 членовъ, а между тѣмъ пользуется огромнымъ вліяніемъ на парламентское большинство и правительственную политику. Въ Италіи парламентское большинство, созданное покойнымъ Цанарделли, также, какъ извѣстно, состояло изъ разнообразныхъ группъ, въ томъ числѣ и очень небольшихъ — отъ умѣренныхъ либераловъ до республиканцевъ и соціалистовъ, а Джолитти, въ своей измѣнчивой, слишкомъ ловкой, колеблющейся политикѣ, вынужденъ въ разныхъ вопросахъ считаться съ мнѣніями самыхъ различныхъ группъ, безъ поддержки которыхъ онъ не могъ бы удержаться у власти. Въ Бельгіи, въ случаѣ провала католическаго большинства, что, по общему мнѣнію, должно осуществиться въ близкомъ будущемъ, новое парламентское большинство можетъ быть составлено лишь при дѣятельномъ участіи трехъ (изъ четырехъ) группъ теперешней оппозиціи: доктринеровъ и прогрессистовъ (въ послѣднее время вновь возсоединившихся, но состоящихъ, въ сущности, изъ разнородныхъ элементовъ, которые врядъ ли долго смогутъ ужиться въ единой партійной организаціи), соціалистовъ, можетъ быть, дансистовъ, и каждая изъ этихъ группъ, въ особенности первыя три, сами по себѣ незначительныя, будутъ, каждая въ отдѣль-

ности, пользоваться большимъ вліяніемъ на политику парламентскаго большинства.

Да и въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ же партій замѣчается дифференціація отдѣльныхъ группъ, которыя составляются, оставаясь въ то же время въ рядахъ партіи, на почвѣ мѣстныхъ, групповыхъ и профессіональныхъ интересовъ. Почти въ каждомъ парламентѣ имѣются въ настоящее время группы, спеціально заинтересованныя колоніальной политикой, группы винодѣльческія, текстильныя, банкирскія, земледѣльческія, желѣзодѣлательныя и пр., и пр., и съ интересами каждой изъ этихъ группъ правительству, а слѣдовательно и всему парламентскому большинству, приходится серьезно считаться. Бальфуру въ Англіи, Комбу во Франціи, Джолити въ Италіи надобно проявлять поистинѣ престидижитаторскую ловкость и гибкость, чтобы удерживать въ должномъ равновѣсіи всю эту сложную сѣть сталкивающихся и переплетающихся интересовъ. Политика coups de tête окончательно вытѣснена въ наше время въ парламентскихъ странахъ политикой реальныхъ интересовъ. Малѣйшее невниманіе къ такимъ реальнымъ интересамъ со стороны министерства выдѣляетъ изъ парламентскаго большинства группы недовольныхъ, которыя увеличиваютъ собою ряды оппозиціи.

Указанный процессъ усложненія общественно-политическихъ отношеній обусловливаетъ, между прочимъ, и бо́льшую зависимость исполнительной власти отъ парламентовъ, и постепенное фактическое расширеніе сферы компетенціи народнаго представительства, хотя и не зарегистрированное еще формальнымъ конституціоннымъ правомъ. Пуристы парламентаризма, вѣрные завѣту о строгомъ раздѣленіи властей, рѣзко порицаютъ такое явное нарушеніе традиціонныхъ нормъ, но жизнь, какъ всегда, оказывается сильнѣе установленныхъ юридическихъ рамокъ и фактически ихъ расширяетъ.

Взвѣсивъ отмѣченную роль меньшинства, а также и значеніе, иногда рѣшающее, даже незначительныхъ по численному составу группъ, мы легко поймемъ, что вопросъ о наиболѣе вѣрномъ и точномъ представительствѣ въ парламентѣ существующихъ въ странѣ политическихъ теченій является вопросомъ первостепенной важности. Мы видимъ, что даже прочно стоящія министерства, сталкиваясь въ парламентѣ съ противоположными интересами представленныхъ въ немъ партій, получаютъ иногда весьма незначительное большинство даже по очень важнымъ вопросамъ. Незначительное измѣненіе въ численномъ составѣ даже небольшихъ группъ какъ большинства, такъ и меньшинства, можетъ, по-

этому, имѣть крупное значеніе. Помимо того, для каждой парламентской группы въ отдѣльности чрезвычайно важно, чтобы она была представлена въ парламентѣ возможно большимъ числомъ своихъ членовъ. Болѣе значительное представительство даетъ возможность ея депутатамъ организовать между собою правильное раздѣленіе функцій; отдѣльные депутаты могутъ при этомъ специализироваться въ сложныхъ вопросахъ государственнаго управленія, могутъ оказывать болѣе существенное вліяніе на выработку, критику и окончательное редактированіе законовъ и осуществлять болѣе дѣйствительный контроль надъ дѣйствіями министерства; другіе депутаты могутъ больше времени посвящать на дальнѣйшее распространеніе въ общественномъ мнѣніи политической и соціальной программы этой группы; всѣ депутаты ея вмѣстѣ, своей разнообразной дѣятельностью, тѣснѣе привлекаютъ избирателей къ сознательному участію въ общественной жизни страны; и, наконецъ, все это расширяетъ роль и значеніе данной группы или данной партіи, какъ бы незначительна она ни была.

На этой почвѣ и усилилось одинаково во всѣхъ парламентскихъ странахъ замѣчаемое стремленіе къ установленію всеобщаго, прямого и равнаго для всѣхъ избирательнаго права. Но это не единственный институтъ, при помощи котораго можетъ быть достигнута отмѣченная цѣль. Въ этомъ же направленіи можетъ оказывать вліяніе и рядъ другихъ, менѣе важныхъ, но все-же имѣющихъ крупное значеніе, учрежденій. Къ ихъ числу принадлежатъ: тайное голосованіе; періодическое перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ, дабы число депутатовъ соотвѣтствовало измѣняющемуся количеству населенія; производство выборовъ въ праздничные дни [1]), пропорціональное представительство.

Въ странахъ съ слабо развитымъ парламентаризмомъ, гдѣ парламентское большинство состоитъ постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе весьма продолжительнаго времени изъ однѣхъ и тѣхъ же партій, а оппозиція пользуется крайне слабымъ вліяніемъ на правительственную политику, осуществленія перечисленныхъ сейчасъ реформъ требуютъ обыкновенно лишь оппозиціонныя теченія. Господствующія партіи упорно отказываются ихъ реализовать, потому что всякое измѣненіе партійнаго состава парламента для нихъ невыгодно, а давленіе общественнаго мнѣнія въ такихъ странахъ

---

[1]) Изъ очерка А. Коврова: „Германія“, помѣщеннаго въ этомъ томѣ (см. главу „Всеобщее избирательное право“), читатель могъ убѣдиться, какое крупное практическое значеніе имѣютъ эти требованія.

не имѣетъ еще большого значенія. Наоборотъ, въ странахъ, гдѣ парламентскій режимъ господствуетъ во всей полнотѣ, почти всѣ партіи въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы въ томъ, чтобы избирательное право осуществлялось возможно болѣе полно. Партія, сегодня находящаяся въ рядахъ оппозиціи, завтра, въ той или иной мѣрѣ, переходитъ въ лагерь парламентскаго большинства. Что касается Англіи, то извѣстно, какъ послѣдовательно смѣняютъ другъ друга у кормила власти обѣ большія историческія партіи. Оппозиція всѣми одинаково считается тамъ необходимой составной частью парламента, безъ участія которой весь государственный механизмъ пришелъ бы въ невозможность нормально функціонировать. Но даже и во Франціи, при республиканскомъ режимѣ, такія, по существу, оппозиціонныя партіи, какъ монархическая и клерикальная, были въ теченіе двухъ лѣтъ, во время министерства Мелина, въ правительственномъ большинствѣ, а радикальная и соціалистическая партіи, которыя при правившемъ до Мелина министерствѣ Леона Буржуа составляли правительственное большинство, превратились въ это время въ объектъ постоянныхъ преслѣдованій, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало имъ получить власть въ свои руки послѣ законодательныхъ выборовъ, вынудившихъ кабинетъ Мелина подать въ отставку. Въ Италіи республиканская и рабочая партіи преслѣдовались цѣлымъ рядомъ антиконституціонныхъ законовъ при министерствахъ Криспи, Рудини и, въ особенности, Пеллу, а во время министерства Цанарделли онѣ вошли въ составъ правительственнаго большинства. Словомъ, во всѣхъ дѣйствительно парламентскихъ странахъ почти всѣмъ партіямъ, какъ бы малочисленны онѣ ни были, приходится въ разное время — и въ разной мѣрѣ — быть то въ рядахъ оппозиціи, то въ рядахъ правящаго большинства. Неудивительно, поэтому, что въ такихъ странахъ за правильность выборовъ и точное представительство существующихъ въ странѣ политическихъ теченій послѣдовательно, а иногда и одновременно, выступаютъ всѣ партіи — не во имя отвлеченной справедливости, а во имя своихъ реальныхъ интересовъ, которые, однако, можно отстаивать, лишь отстаивая одновременно интересы всѣхъ партій. Даже и тогда, когда господствующія партіи пытаются проводить такія реформы исключительно въ свою пользу, это имъ не всегда удается. Такъ, въ Бельгіи министерство Вандерпеереребома хотѣло осуществить въ 1899 году пропорціональное представительство въ такомъ видѣ, чтобы оно выгодно было одной лишь католической партіи („мошенническій законо-

проектъ"—какъ его окрестили тогда въ оппозиціонной печати), но упорная обструкція въ парламентѣ, поддержанная грозившимъ превратиться въ революцію уличнымъ движеніемъ, заставила Вандерпееребома выйти въ отставку, и пропорціональное представительство было реализовано съ соблюденіемъ интересовъ всѣхъ партій.

Сказанное выше относится и къ спеціально интересующему насъ въ этой статьѣ пропорціональному представительству. Если въ странахъ съ слабо развитымъ парламентаризмомъ введеніе пропорціональныхъ выборовъ требуется почти исключительно оппозиціонными теченіями, то въ дѣйствительно парламентскихъ странахъ за эту реформу высказываются въ настоящее время представители самыхъ различныхъ партій. Въ Бельгіи въ „Реформистской ассоціаціи пропорціональнаго представительства" (Association réformiste pour la représentation proportionnelle) принимали участіе какъ представители католическаго большинства, такъ и члены либеральнаго и соціалистическаго меньшинства. Во Франціи еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія образовалось „Общество для изученія пропорціональнаго представительства" (которое издало обстоятельный трудъ объ этомъ вопросѣ [1]); въ 1898 г. составилась „Лига пропорціональнаго представительства" (Ligue pour la représentation proportionnelle), которая въ 1903 г. внесла въ палату депутатовъ соотвѣтствующій законопроектъ,—и оба эти общества, въ особенности послѣднее, насчитывали среди своихъ дѣятельныхъ членовъ представителей самыхъ различныхъ партій; въ правленіи послѣдняго мы, напр., встрѣчаемъ имена монархистовъ, націоналистовъ, „прогрессистовъ" мелиновскаго толка, радикаловъ и соціалистовъ [2]). Въ Англіи, во время обсужденія Reform Bill (расширеніе избирательнаго права) въ 1867 г., за представительство меньшинства высказывались, съ одной стороны, такой демократъ, какъ Милль, съ другой—такой упорный тори, какъ Кранборнъ. Въ Швейцаріи, наконецъ, пропорціональное представительство введено и въ нѣкоторыхъ кантонахъ съ радикальнымъ большинствомъ, и въ нѣкоторыхъ консервативныхъ кантонахъ.

Это не значитъ, однако, что институтъ пропорціональнаго представительства не имѣетъ противниковъ—и очень стра-

---

[1]) Сборникъ: „La représentation proportionelle. Etudes" и пр., Paris, 1888.

[2]) „Подобныя-же общества образовались въ Женевѣ (1865), Нью-Іоркѣ (1867), Лондонѣ (1868), Чикаго (1869), Римѣ (1872), Лозаннѣ (1875), Бернѣ (1877), Мадридѣ (1878) и Базелѣ (1882)". Вар. С. А. Корфъ: „Избирательное право". „Вѣстникъ Права", 1904 г., январь, стр. 165, примѣч.

стныхъ. Если тотъ-же Милль говорилъ по поводу предложенной однимъ англичаниномъ (Геромъ, Hare) системы пропорціональнаго представительства, что „это великое открытіе въ области политическаго искусства дало мнѣ новыя и болѣе горячія надежды на лучшее будущее человѣчества“, [1]) то нѣкоторые теоретики государственнаго права отвергаютъ этотъ институтъ, какъ крайне вредный и опасный. Ниже мы разберемъ главные доводы его противниковъ, а теперь перейдемъ къ изложенію сущности вопроса.

II.

За исключеніемъ небольшого числа государствъ, въ которыхъ уже введено пропорціональное представительство, во всѣхъ остальныхъ странахъ выборы производятся по системѣ абсолютнаго или относительнаго большинства, или по мажоритарной системѣ. Абсолютное большинство голосовъ, т.-е. половина поданныхъ голосовъ + 1, требуется для избранія при первомъ голосованіи тамъ, гдѣ существуютъ перебаллотировки (Германія, Франція и пр.), причемъ на перебаллотировкахъ считаются уже избранными получившіе хотя бы только относительное большинство; въ тѣхъ же странахъ, гдѣ перебаллотировокъ нѣтъ (Англія, Болгарія и пр.), избранными признаются тѣ, кто при первомъ-же голосованіи получаетъ относительное большинство.

Выборы по мажоритарной системѣ могутъ быть двоякаго рода: выборы одноименные (Einerwahl, scrutin uninominal) и выборы по спискамъ (Listenwahl, scrutin de liste). Въ первомъ случаѣ страна дѣлится на столько избирательныхъ округовъ, сколько нужно выбрать депутатовъ, и каждому избирателю приходится голосовать только за одного кандидата; во второмъ случаѣ назначаются болѣе обширные избирательные округи (обыкновенно совпадающіе съ большими административными дѣленіями—напр., департаменты во Франціи, провинціи въ Бельгіи и пр.), на каждый изъ которыхъ приходится отъ 3 до 20-ти, а иногда (напр., для Сенскаго департамента во Франціи) и до 40 депутатовъ,—и тогда каждому избирателю даннаго округа приходится подавать голоса за столькихъ кандидатовъ, сколько депутатовъ данный округъ посылаетъ въ парламентъ. За небольшими исключеніями, одноименные выборы существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ не введено пропорціональное представительство.

При одноименныхъ выборахъ распредѣленіе избиратель-

[1]) Цитир. у M. Ostrogorski: „La Démocratie et l'organisation des partis politiques“, Paris, 1903, т. I, стр. 72.

ныхъ округовъ связано съ болѣе или менѣе широкимъ произволомъ. Въ однѣхъ странахъ число депутатовъ, приходящихся на округъ, устанавливается послѣ каждой всеобщей переписи населенія, въ другихъ—оно остается неизмѣннымъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Во Франціи практикуется первый способъ, и каждыя пять лѣтъ, послѣ всеобщей переписи, прибавляется по одному депутату на каждый округъ, въ которомъ населеніе превышаетъ 100.000 человѣкъ (ибо, по закону, каждые 100.000 человѣкъ или фракція 100.000, какъ бы незначительна она ни была, посылаютъ въ парламентъ по одному депутату; такъ, 100.001 чел. имѣютъ уже право на два полномочія). Въ Германіи, наоборотъ, съ самаго введенія всеобщаго избирательнаго права не было еще перераспредѣленія избирательныхъ округовъ. И въ очеркѣ А. Коврова читатель найдетъ рядъ цифровыхъ данныхъ, показывающихъ, насколько фальсифицируется партійный составъ народнаго представительства такимъ порядкомъ вещей, который искусственно создаетъ преобладаніе болѣе консервативнаго сельскаго представительства надъ городскимъ. Но даже и во Франціи, гдѣ число депутатовъ устанавливается, какъ мы сейчасъ видѣли, почти автоматически, бываютъ случаи, когда искусной прирѣзкой нѣсколькихъ деревень къ городскому округу радикально мѣняется направленіе избираемаго этимъ округомъ представителя [1]). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ цѣлая масса населенія остается фактически непредставленной въ парламентѣ.

При одноименныхъ выборахъ улучшеніе избирательнаго права, въ смыслѣ точности представительства, невозможно.

---

[1]) „При избраніи представителей по большинству голосовъ, меньшинство можетъ получить представителей больше, чѣмъ большинство, просто въ силу случайно неравномѣрнаго распредѣленія партій по избирательнымъ округамъ. Но можно и намѣренно придать округамъ очертанія, обусловливающія сосредоточеніе извѣстной партіи въ небольшомъ числѣ округовъ, вслѣдствіе чего она совершенно обезсилится. Это и практикуется въ дѣйствительности въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ даже сложился особый терминъ для обозначенія подобной избирательной геометріи: „gerrymander". Законодатель[illegible] собранію штата Индіана былъ какъ-то представленъ нѣкимъ мистеромъ Герри планъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ, причемъ одинъ округъ, окрашенный зеленой краской, извивался по всей территоріи штата. „Что это за саламандра?" — спросили составителя плана. — „Нѣтъ, это не саламандра, а герримандра."—послышалось въ отвѣтъ. Острота имѣла успѣхъ, и съ тѣхъ поръ „герримандеръ" сталъ терминомъ для обозначенія искусственнаго распредѣленія округовъ съ цѣлью искаженія результатовъ выборовъ въ пользу той или другой партіи". Н. Коркуновъ: „Пропорціональные выборы". С.-Пб., 1896? стр. 16—17.

Здѣсь выборы могутъ производиться исключительно лишь по системѣ большинства—абсолютнаго или относительнаго. Если въ данномъ округѣ подано 10,000 голосовъ, то въ первомъ случаѣ избраннымъ считается получившій 5,001 голосъ, во второмъ случаѣ—получившій какое бы то ни было число голосовъ, превышающее число, полученное каждымъ другимъ кандидатомъ въ отдѣльности (напр., получившій 3,400 голосовъ, въ то время какъ за другихъ двухъ подано 3,350 и 3,250). Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, 4,999, во второмъ—6,600 избирателей остаются непредставленными. Къ какимъ результатамъ приводитъ такой способъ выборовъ, видно, напр., изъ слѣдующихъ данныхъ, приводимыхъ Анри Авенелемъ въ его этюдѣ „Какъ голосуетъ Франція?“ и показывающихъ, съ одной стороны, число голосовъ, полученныхъ избранными депутатами, съ другой — оставшихся непредставленными въ парламентъ:

Годы.	Получено депутатами голосовъ.	Голоса непредставленные.
1881	4.776.000	5.600.000
1885	3.042.000	6.000.000
1889	4 526.000	5.800.000
1893	4.513.000	5.930.000
1898	4.906.000	5.633.000
1902	5.159.000	5.818.000

Это значитъ, что на послѣднихъ двухъ всеобщихъ выборахъ, когда число голосовъ, полученныхъ депутатами, сильно возросло, число непредставленныхъ въ парламентѣ избирателей все же достигло 53% [1]).

Выборы 1885 г. были произведены во Франціи не по одноименной системѣ, а по системѣ списковъ (scrutin de liste), и однако мы видимъ, что они дали такіе же неблагопріятные, съ точки зрѣнія точнаго представительства населенія, результаты, какъ и одноименные выборы другихъ годовъ. Одинъ сторонникъ пропорціональнаго представительства подвергъ подробному анализу результаты выборовъ 1885 г., и выводы, къ которымъ онъ пришелъ, настолько характерны, что на нихъ стоитъ остановиться. 87 департаментовъ Франціи должны были избрать 568 депутатовъ. Число депутатовъ и голосовъ распредѣлилось слѣдующимъ образомъ: [2])

---

[1]) См. „Proposition de loi ayant pour objet l'application de la représentation proportionnelle aux élections législatives“. Ch. des Députés, 1903, № 967, p. 5.

[2]) Séverin de la Chapelle: „Réforme électorale. de la vraie représentation politique“. Saint-Brieuc, 1898, p. 18.

	Число департаментовъ.	Запис. избирателей.	Голосовавшихъ.	Воздержавшихся.	Республиканскіе.		Консервативные.		Непредставленное меньшинство.	
					Голоса.	Мѣста.	Голоса.	Мѣста.	Республ.	Консерват.
Департ. съ республик. большинствомъ. . .	53	6.141.174	4.596.159	1.545.215	2.769.869	343	—	—	—	1.814.712
Департ. съ консерват. большинствомъ. . .	26	3.099.322	2.426.742	674.580	—	—	1.365.125	173	1.040.765	—
Департ. со смѣшаннымъ большинств. .	8	1.003.867	838.390	165.477	418.637	23	427.813	29	—	—
Всего. . . .	**87**	**10.244.363**	**7.861.291**	**2.385.272**	**3.188.506**	**366**	**1.792.938**	**202**	**1.040.765**	**1.814.712**

И такъ, въ 53 департаментахъ съ республиканскимъ большинствомъ 2,769,869 или 60% избирателей получили 343 полномочія, а 1,814.712 или 40% избирателей не получили ни одного мандата. Еще болѣе несправедливо распредѣленіе мандатовъ въ департаментахъ съ консервативнымъ большинствомъ, гдѣ 56% избирателей посылаютъ въ парламентъ 173 депутата, а 44% — ни одного. Ни республиканское, ни монархическое меньшинство въ парламентѣ не представлено, и 4,596,159 или 61% общаго числа голосовавшихъ избирателей, которые могли получить всего 346 мѣстъ, получаютъ 568, т. е. 222 лишнихъ мѣста, между тѣмъ какъ голосовавшему меньшинству (2,855,477 или 39%), которое имѣло право на 222 мѣста, не предоставлено ни одного. Не представлены въ парламентѣ также и 2,385,272 воздержавшіеся избиратели, изъ которыхъ многіе воздерживаются лишь потому, что не разсчитываютъ, чтобы ихъ голосъ могъ оказать какое-нибудь вліяніе на конечный результатъ выборовъ.

Таковы результаты прямого всеобщаго избирательнаго права. Не болѣе точное представительство партій даютъ и двустепенные выборы. Тотъ же Северенъ-де-ла-Шапелль даетъ анализъ выборовъ во французскій сенатъ (сенаторы избираются выборщиками, назначаемыми муниципальными и генеральными совѣтами и пр.), и въ результатѣ этого анализа получается слѣдующая картина—для 1885 г. Записанныхъ избирателей было 37,430. Изъ нихъ подали голосъ 36,796 человѣкъ. Избранные получили 22,537 голосовъ, т. е. 61%; остальные 14,259 или 39% избирателей были лишены всякаго представительства. Далѣе. Тѣ 22,537 избирателей, которые одни получили представительство, подраздѣлялись, въ свою очередь, на 16,349 республиканцевъ и 6,188 консерваторовъ. Но такъ какъ дѣйствительное большинство составляло 18,399 [(36,796:2)+1], то избранные республиканскіе сенаторы, составившіе большинство въ сенатѣ, не представляли абсолютнаго избирательнаго большинства, потому что они получили на 2.050 голосовъ меньше этого большинства.

Можно было бы подумать, что приведенные выше результаты законодательныхъ выборовъ обусловливаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что масса избирателей воздерживается отъ голосованія. Приведемъ, поэтому, еще два—три примѣра другого рода. Въ Бельгіи голосованіе было обязательно еще до введенія пропорціональнаго представительства, - однако и тамъ выборы давали не болѣе благопріятные, съ интересующей насъ точки зрѣнія, результаты. Если сложить число голосовъ, полученныхъ разными партіями въ 1896 и 1898 годахъ, когда поочередно возобновлялись обѣ половины палаты представителей, то получится слѣдующая таблица:

	Число голосовъ.	% общей суммы поданныхъ голосовъ.	Число мѣстъ.	% общаго числа мѣстъ.
Клерикалы	848.000	47,1	112	74
Христ. демократы . . .	59.000	3,3	0	0
Либералы и прогрессисты.	361.000	20,0	12	8
Соціалисты	534.000	29,6	28	18

Такимъ образомъ, клерикалы, не получившіе и половины всей суммы поданныхъ голосовъ, имѣли почти втрое больше полномочій, чѣмъ вмѣстѣ всѣ оппозиціонныя партіи, за которыя голосовали 52,9% избирателей. Объясняется это крайне неравномѣрное распредѣленіе полномочій не только плюральными голосами, болѣе благопріятными клерикаламъ, чѣмъ оппозиціоннымъ партіямъ (къ тому-же, въ приведенныя цифры входятъ уже плюральные голоса), но преимущественно способомъ распредѣленія избирательныхъ округовъ, а главное, недостатками, свойственными мажоритарной системѣ вообще. Это, какъ нельзя рельефнѣе, доказывается напр., слѣдующимъ фактомъ. Въ Брюссельскомъ округѣ за соціалистовъ вмѣстѣ съ либералами было подано въ 1898 году 115,000 голосовъ, между тѣмъ какъ клерикалы вмѣстѣ съ христіанскими демократами и „независимыми“ получили лишь около 90,000 голосовъ. Такъ какъ либералы и соціалисты выставили отдѣльные списки кандидатовъ, то ни одна партія не имѣла при первомъ голосованіи абсолютнаго большинства. Перебаллотировка происходила между клерикалами и соціалистами, и такъ какъ больше половины либеральныхъ голосовъ перешло на сторону клерикаловъ, то послѣднимъ достались всѣ 18 полномочій столицы. Другими словами, 90,000 голосовъ были представлены въ парламентѣ 18-ю депутатами, между тѣмъ какъ 115,000 избирателей были лишены всякаго представительства [1]).

Въ Англіи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ перебаллотировокъ, обычные недостатки мажоритарной системы проявляются еще въ болѣе рѣзкой степени. Тамъ не только меньшинство, какъ бы ни было оно значительно, остается непредставленнымъ,— тамъ новыя теченія не всегда рѣшаются выставлять собственныхъ кандидатовъ, потому что рискуютъ, такимъ образомъ, содѣйствовать торжеству наиболѣе враждебнаго направленія. Извѣстно, напр., какимъ препятствіемъ къ созданію самостоятельнаго рабочаго представительства служило опасеніе,

[1]) Auguste Dewinne: „Le nouveau régime électoral belge,“ „Mouv. Soc.“ 1900, V, p. 526.

что, благодаря рабочей кандидатурѣ, побѣда достанется консервативной партіи.

А вотъ относительно Сѣверной Америки показаніе генерала Гарфильда [1]): „Въ моемъ округѣ имѣется около 10,000 демократовъ, и за послѣднія 40 лѣтъ они всегда принимали участіе въ выборахъ, имѣя столько же надежды послать депутата въ свой парламентъ, какъ и въ англійскую палату общинъ... Когда я въ первый разъ былъ избранъ членомъ конгресса, въ концѣ 1862 г., въ штатѣ Огіо было республиканское большинство въ 25,000 голосовъ; но распредѣленіе полномочій и избирательная система доставляли имъ только 5 мѣстъ изъ 19-ти. Ни одинъ человѣкъ не можетъ, по справедливости, защищать систему, которая... приводитъ къ такимъ результатамъ".

Какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ, всѣ депутаты даннаго парламента получаютъ, при мажоритарной системѣ, обыкновенно меньше половины голосовъ общаго числа записанныхъ избирателей. Но въ парламентѣ эти депутаты снова дѣлятся на большинство и меньшинство, причемъ новые законодательные акты, даже и первостепенной важности, могутъ приниматься лишь однимъ большинствомъ (извѣстно, что французская конституція 1875 г., установившая республиканскій режимъ, была принята большинствомъ одного голоса). Другими словами, законодательные акты, связывающіе все населеніе страны, принимаются лишь большинствомъ меньшинства этого населенія. Такъ напр., въ 1898 г. было во Франціи 10,729,283 записанныхъ избирателей. Въ голосованіи приняли участіе 8,057,040 избирателей (2,672,193 или около 25% воздержались). За избранныхъ депутатовъ было подано 5,018,350 голосовъ, неизбранные кандидаты получили 3,038,690 голосовъ. Колебавшееся правительственное большинство представляло отъ 2,800,000 до 3,000,000 избирателей. И вотъ, эти то 2,800,000—3,000,000 (изъ $10^3/_4$ милліоновъ) избирателей правили страной, выражая якобы подлинную волю народа.

III.

Естественно, что партіи, интересы которыхъ страдали отъ такого порядка выборовъ, старались изыскивать способы устранить явную нераціональность и несправедливость мажоритарной системы. Въ разное время предлагались различные способы, которые, одни за другими, признавались

[1]) A. Béchaux: „Scrutin de liste proportionnel", p. 10.

недѣйствительными, и только въ 80-хъ и 90-хъ гг. истекшаго столѣтія предложены были теоретически выдержанныя и технически разработанныя системы пропорціональнаго представительства, и среди нихъ, главнымъ образомъ, система бельгійскаго юриста Виктора д'Ондта, которая въ настоящее время, съ нѣкоторыми усовершенствованіями, признается всѣми сторонниками пропорціональныхъ выборовъ и которая, дѣйствительно, обезпечиваетъ болѣе или менѣе точное представительство если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, маломальски вліятельныхъ политическихъ теченій.

Но прежде, чѣмъ д'Ондтъ предложилъ свою систему, было предложено много другихъ, которыя въ простомъ или смѣшанномъ видѣ принимались въ разныхъ странахъ, отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи или отдѣльныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Французскій противникъ пропорціональныхъ выборовъ, Бонфуа, насчитываетъ цѣлыхъ 152 системы, и въ этомъ видитъ одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ нежелательной ему реформы [1]),—какъ будто не тѣмъ же путемъ, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, идетъ прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія! Мы, наоборотъ, склонны видѣть въ этой поспѣшности примѣненія даже самыхъ несовершенныхъ системъ доказательство сильной потребности въ замѣнѣ мажоритарныхъ выборовъ болѣе раціональными выборами. Мы увидимъ ниже, что формальный аргументъ другого противника пропорціональности, тоже француза, проф. Эсмена [2]), который думаетъ, что безъ „трактатовъ по математикѣ“ нельзя понять нѣкоторыя системы пропорціональнаго представительства,—есть не больше, какъ простая бутада ученаго.

Прослѣдимъ-же главныя предложенія [3]).

Въ 1854 г. лордъ Джонъ Руссель предложилъ, чтобы въ тѣхъ 8 городахъ, которые въ то время посылали въ парламентъ по три депутата (three cornered constituencies), избира-

---

[1]) Bonnefoy: „La représentation proportionnelle.“ Paris, 1902, p. 61.

[2]) Esmein: „Eléments de droit constitutionnel français et comparé“, 3-e édition, Paris, 1903, p. 702. —Въ третьемъ изданіи своего труда Эсменъ посвящаетъ цѣлую главу (стр. 689—714) пропорціональному представительству.

[3]) Въ цитированной выше статьѣ бар. С. А. Корфа приведена почти полная библіографія вопроса. Мы прибавимъ къ ней только три новѣйшія изданія: названное выше большое изслѣдованіе Bonnefoy: P. S. la Chesnais: „La Représentation proportionnelle et les partis politiques. Paris, 1904; Rudolf Springer: „Mehrheits—oder Volksvertretung?“ Wien u. Leipzig, 1904. Нѣкоторыя системы изложены у послѣдняго очень ясно и мы пользовались имъ при составленіи 3-й главы предлагаемой статьи.

тели могли вотировать лишь за двухъ кандидатовъ, дабы, такимъ образомъ, дать возможность меньшинству провести одного своего кандидата. Этотъ способъ голосованія получилъ названіе ограниченнаго вотума (vote limité). Онъ ничего общаго не имѣетъ съ принципомъ пропорціональныхъ выборовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ идея относительнаго представительства партій. Это есть просто искусственное ослабленіе большинства. Помимо того, онъ навѣрное достигаетъ своей цѣли лишь тогда, когда меньшинство имѣетъ не менѣе 40% избирателей. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ данномъ округѣ имѣется 1,000 избирателей, которые должны избирать трехъ депутатовъ, причемъ они могутъ голосовать за двухъ различныхъ кандидатовъ или только за одного. Нормальный случай былъ бы таковъ. На сторонѣ большинства, напр., 510 голосовъ, на сторонѣ меньшинства—490. Голоса распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 510 A, 510 B, (большинство) и 490 C (меньшинство). Избранными оказываются A, B, C,—меньшинство имѣетъ одного депутата. Но возможенъ и другой случай. На сторонѣ большинства 610 голосовъ, на сторонѣ меньшинства—390. Если большинство хорошо организовано, оно распредѣляетъ своихъ сторонниковъ на три группы, которыя голосуютъ слѣдующимъ образомъ:

1-ая группа :	200 A	200 B	
2-ая „ :		200 B	200 C
3-ья „ :	200 A		200 C
	400 A	400 B	400 C

Меньшинство голосуетъ только за D, который получаетъ 390 голосовъ. Такимъ образомъ, большинство получило всѣ три мандата, меньшинство—ни одного. Цѣль оказывается недостигнутой.

Точно также не всегда достигаетъ своей цѣли и другое предложеніе, сдѣланное Маршалемъ въ 1853 г. и имѣющее своимъ результатомъ усиленіе, такое же искусственное, меньшинства. Оно состоитъ въ томъ, что въ округахъ, посылающихъ нѣсколько депутатовъ, каждому избирателю предоставляется столько голосовъ, сколько нужно избрать депутатовъ, но онъ имѣетъ право отдать ихъ, по желанію, всѣмъ кандидатамъ или только одному кандидату. Этотъ способъ голосованія извѣстенъ подъ названіемъ собирательнаго вотума (vote cumulatif). Нормальный случай, при сохраненіи прежнихъ условій, былъ бы, напр., если бы большинство, обладая 740 голосами, подало 740 за A, 740 за B и 720 за C (двад-

цать голосовъ распредѣляется между посторонними кандидатами); меньшинство изъ 260 избирателей, имѣющихъ по 3 голоса, отдаетъ всѣ голоса D, который получаетъ, такимъ образомъ, 780 голосовъ;—избранными оказываются: D (780 голосовъ), A (740) и B (740). Когда же на сторонѣ большинства 760 избирателей, то избранными окажутся A, B и C, т. е. всѣ кандидаты большинства, между тѣмъ какъ D можетъ получить лишь $240 \times 3 = 720$ голосовъ и оказывается неизбраннымъ; въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, меньшинство остается непредставленнымъ. Наконецъ, возможенъ случай, когда меньшинство, прочно организованное, получаетъ больше полномочій, чѣмъ большинство. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что на сторонѣ большинства 599 голосовъ, на сторонѣ меньшинства 401 голосъ. Большинство голосуетъ: 599 A, 598 B, 598 C. Меньшинство дѣлится на двѣ группы и вотируетъ:

1-ая группа :	200 D	200 D	200 E
2-ая „ :	200 D	200 E	200 E
	600 D	600 E	

Избранными оказываются D, E (меньшинство) и A (большинство).

Третья система той-же категоріи состоитъ въ соединеніи обѣихъ указанныхъ системъ, но и она, при примѣненіи аналогичныхъ комбинацій, не всегда достигаетъ цѣли.

Эти три системы примѣняются или примѣнялись въ слѣдующихъ странахъ:

1) Система ограниченнаго вотума принята была въ Англіи при обсужденіи Reform Bill 1867 г. для 12-ти городовъ, посылавшихъ въ парламентъ 3-хъ депутатовъ, и для Лондона, избиравшаго 4-хъ. Она примѣнялась до 1884 г., когда третья избирательная реформа (Representation of the People Act) окончательно ее отвергла.—Кромѣ того, она существуетъ на о. Мальтѣ—съ 1861 г.; при коммунальныхъ выборахъ въ кантонѣ Невшатель—съ 1888 г.; въ кантонѣ Бернъ—съ 1887 г.; въ кантонѣ Валлисъ она примѣняется при выборахъ присяжныхъ засѣдателей—съ 1867 г. и въ коммунальныхъ выборахъ штата Пенсильваніи—съ 1873 г.; въ Бразиліи она была принята въ 1855 г. при выборахъ избирательныхъ бюро, а затѣмъ была введена и для законодательныхъ выборовъ (1873—1881), послѣ чего замѣнена была пропорціональнымъ представительствомъ.—Въ Испаніи она была введена для законодательныхъ выборовъ въ 1878 г., причемъ въ окру-

гахъ, посылающихъ 3 депутатовъ, каждый избиратель можетъ голосовать на одномъ бюллетенѣ за двухъ кандидатовъ, въ округахъ съ 4-5 депутатами—за 3-хъ, съ 6 депутатами—за 4-хъ, съ 8 депутатами—за 6-хъ. Помимо того, ст. 115 конституціи гласитъ, что конгрессъ объявляетъ депутатами тѣхъ кандидатовъ, которые, хотя и не будучи избраны ни въ одномъ округѣ, требуютъ своего допущенія на томъ основаніи, что на общихъ выборахъ получили въ различныхъ избирательныхъ округахъ, въ общемъ, не меньше 10,000 голосовъ. Та-же система примѣняется въ Испаніи при провинціальныхъ и коммунальныхъ выборахъ.—Она существовала въ Италіи въ періодъ съ 1882 по 1891 годъ, послѣ чего снова была замѣнена одноименными выборами съ мажоритарной системой.—Наконецъ, въ Португаліи она существуетъ съ 1884 года.

2) Система собирательнаго вотума примѣняется въ Канландѣ съ 1853 г., въ штатахъ Иллиойсъ и Утахѣ съ 1872 г. и просуществовала въ теченіе двадцати лѣтъ въ Гондурасѣ.

Всѣ эти системы, какъ мы уже отмѣтили, имѣютъ цѣлью или искусственно ослабить большинство, или столь же искусственно усилить меньшинство. Онѣ исходятъ изъ желанія предоставить хоть-какое нибудь представительство меньшинству и совсѣмъ не задаются намѣреніемъ организовать на раціональныхъ началахъ возможно болѣе точное представительство существующихъ политическихъ теченій въ парламентѣ, который, такимъ образомъ, получилъ-бы возможность болѣе вѣрно выражать дѣйствительную коллективную волю народа. Это первыя, далеко не совершенныя, чисто эмпирическія рѣшенія вопроса, важность котораго все болѣе даетъ себя чувствовать всѣмъ политическимъ партіямъ.

Совсѣмъ изъ другихъ положеній исходитъ принципъ пропорціональнаго представительства. Онъ имѣетъ цѣлью создать именно раціональное представительство партій. Его идеалъ,—чтобы *всѣ* партіи имѣли своихъ представителей въ парламентѣ, чтобы каждое теченіе могло высказывать свое мнѣніе по интересующимъ его вопросамъ, обсуждаемымъ народнымъ представительствомъ, и чтобы затѣмъ, послѣ такого всесторонняго обсужденія, большинство принимало рѣшеніе, которому меньшинство обязано тогда подчиниться, въ то же время оставляя за собою право пытаться дальнѣйшей пропагандой, агитаціей и организаціею своихъ сторонниковъ повліять на измѣненіе общественнаго мнѣнія страны. Его формула—меньшинство обсуждаетъ, большинство рѣшаетъ. А мы видѣли выше, что даже въ этихъ границахъ роль меньшин-

ства въ парламентскихъ странахъ достаточно широка и плодотворна.

Основныя положенія пропорціональнаго представительства сводятся къ слѣдующему.

Представимъ себѣ, что въ данномъ избирательномъ округѣ 10,000 избирателей, которые должны избрать 10 депутатовъ. Представимъ себѣ дальше, что вся эта масса избирателей собрана на какой-нибудь площади. Мнѣнія у нихъ и насчетъ важнѣйшихъ вопросовъ текущей государственной жизни, и насчетъ того, кому быть депутатомъ, различны. Кандидаты разставлены въ разныхъ мѣстахъ площади. Предсѣдатель этого огромнаго собранія приглашаетъ избирателей подходить къ тому кандидату, за котораго они высказываются. Если собраніе раздѣлилось ровно на десять частей, по числу кандидатовъ, то къ каждому изъ нихъ подходить по 1,000 человѣкъ. Всѣ кандидаты избраны. Итакъ, когда есть 10,000 избирателей, которые должны выбрать 10 депутатовъ, то каждому кандидату, чтобы быть избраннымъ, нужно получить 1,000 голосовъ, т. е. $\frac{10{,}000}{10}$. Если обозначить число избирателей буквой S, а число депутатскихъ мѣстъ буквой m, то каждому кандидату нужно получить $\frac{s}{m}$ голосовъ.

Примѣненіе этого простого положенія совершенно мѣняетъ способъ и характеръ выборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при мажоритарной системѣ, если выборы производятся по спискамъ, за каждаго выбраннаго должно быть подано $\frac{10{,}000}{2} + 1 = 5{,}001$ голосъ, или, употребляя принятыя сейчасъ обозначенія, $\frac{s}{2} + 1$, что совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному раздѣленію нашего гипотетическаго собранія. Чтобы ясно представить себѣ, къ какимъ различнымъ результатамъ приводятъ эти различныя системы выборовъ, предположимъ, что наши 10,000 избирателей дѣлятся на 6,000 консерваторовъ и 4,000 либераловъ. Тогда при мажоритарной системѣ консерваторы получатъ всѣ 10 мѣстъ, и либералы будутъ лишены всякаго представительства. между тѣмъ какъ пропорціональные выборы дадутъ 6 полномочій консерваторамъ и 4—либераламъ. Обѣ партіи будутъ представлены пропорціонально своей численности.

Второе основное положеніе пропорціональной системы состоитъ въ слѣдующемъ. Мы уже знаемъ, что программы нашихъ избирателей различны. Допустимъ, какъ въ сейчасъ приведенномъ примѣрѣ, что они дѣлятся на двѣ партіи: консерваторовъ и либераловъ. Предсѣдатель, прежде всего,

приглашаетъ избирателей сгруппироваться по партіямъ. Когда они раздѣлились, оказывается, что консерваторовъ 7.000, а либераловъ 3.000. Слѣдовательно, должны быть избраны 7 консерваторовъ и 3 либерала. Сперва голосуютъ консерваторы Предсѣдатель вызываетъ каждаго избирателя по одиночкѣ. Всѣ голосуютъ за консерватора А, какъ наиболѣе популярнаго въ ихъ партіи. Когда за него высказалось уже 1,000 человѣкъ, онъ объявленъ избраннымъ. Если слѣдующіе избиратели тоже будутъ высказываться за него, то ихъ голоса пропадутъ, потому что онъ все равно уже избранъ. Тогда они начинаютъ подавать голоса за В, тоже консерватора, хотя и менѣе популярнаго, но зато вѣрнаго выразителя интересовъ консервативной партіи. Когда В получилъ 1.000 голосовъ и тоже объявленъ избраннымъ, избиратели начинаютъ подавать голоса за С и т. д., пока всѣ 7 тысячъ консервативныхъ голосовъ не поданы за 7 консервативныхъ кандидатовъ. Точно такимъ-же образомъ поступаютъ либералы и выбираютъ трехъ либеральныхъ кандидатовъ.

Къ чему сводится эта операція? Къ тому, что голоса одной и той-же партіи переносятся отъ одного кандидата къ другому, какъ только первый избранъ, отъ второго къ третьему, когда второй избранъ, и т. д.

Эти-то два простыя положенія, во 1-хъ, что число голосовъ, необходимыхъ для избранія, равняется $\frac{s}{m}$, во 2-хъ, что голоса одной и той-же партіи переносятся отъ одного кандидата къ другому, составляютъ основныя положенія системы пропорціональнаго представительства.

Переведемъ эти два положенія на языкъ дѣйствительныхъ выборовъ. Что означаетъ право перенесенія голосовъ отъ однихъ кандидатовъ къ другимъ, и при какихъ условіяхъ оно можетъ быть осуществлено? Это значитъ, что въ каждомъ избирательномъ округѣ каждая партія представляетъ свой списокъ кандидатовъ, причемъ въ этомъ спискѣ выставляется столько кандидатовъ, сколько данная партія надѣется провести, и такъ какъ больше шансовъ быть избранными имѣютъ кандидаты, поставленные во главѣ списка, то они распредѣляются въ порядкѣ убывающей ихъ желательности для партіи. Избиратели голосуютъ за списокъ своей партіи, и всѣ голоса распредѣляются затѣмъ въ количествѣ, необходимомъ для избранія, между кандидатами, въ порядкѣ ихъ записи. Въ нашемъ, приведенномъ выше, гипотетическомъ случаѣ, когда за консервативную партію подано 7,000 голосовъ, а для избранія депутата нужна 1,000, поданные голоса распредѣляются между семью кандидатами спи-

ска,—и всѣ они избраны. Если бы въ спискѣ было не 7, а 10 именъ, то остальныя три оказались бы неизбранными.

Но дѣло въ томъ, что такое правильное дѣленіе въ дѣйствительности не бываетъ. Голоса могутъ раздѣлиться такъ: 6,550 за консерваторовъ, 3,450—за либераловъ. Вопросъ еще болѣе усложняется, когда на лицо имѣется нѣсколько конкурирующихъ партій. Тогда голоса могутъ распредѣлиться, примѣрно, слѣдующимъ образомъ: 3,33[illegible] за консерваторовъ, 2,760 за радикаловъ, 1,420 за соціалистовъ, 1,150 за либераловъ, 940 за аграріевъ, 300 за антисемитовъ. Если мы по прежнему примемъ, что для избранія нужно $\frac{10,000}{10}$ = голосовъ, то избранными окажутся 3 консерватора, 2 радикала, 1 соціалистъ и 1 либералъ. Всего, слѣдовательно, 7 депутатовъ, а нужно выбрать 10. Какъ распредѣлить остальныя мѣста? Кому ихъ отдать? Другими словами, каково число голосовъ, необходимыхъ для избранія въ данномъ округѣ, число, которое позволило-бы распредѣлить мѣста такимъ образомъ, чтобы каждая партія была представлена дѣйствительно пропорціонально своей реальной численности?

Этотъ вопросъ, составляющій, какъ легко замѣтить, центральный вопросъ пропорціональныхъ выборовъ, долгое время занималъ умы людей, понимавшихъ всю необходимость точнаго представительства политическихъ партій въ парламентѣ. Мы уже упомянули, что его рапіонально разрѣшилъ д'Ондтъ. Но еще до него былъ предложенъ рядъ попытокъ его рѣшенія, которыя оставили слѣды въ избирательномъ правѣ разныхъ странъ. Намъ необходимо, поэтому, хотя бы вкратцѣ прослѣдить эти первыя попытки.

Системы Гера (Hare) и Андре (Andrea) [1].—Въ

---

[1] Творцомъ системы пропорціональнаго представительства является французскій фурьеристъ, Викторъ Консидеранъ, изложившій свой планъ въ появившемся въ 1846 году открытомъ письмѣ къ женевскому большому совѣту подъ заглавіемъ: „De la sincerité du gouvernement représentatif ou exposition de l'élection veridique“ (перепечатано въ 1892 г. въ Цюрихѣ). Существеннымъ недостаткомъ работы Консидерана является то, что онъ мало останавливается на опредѣленіи условій осуществимости пропорціональныхъ выборовъ. Принявъ, что избирательное число (число голосовъ, необходимое для избранія) является частнымъ числа поданныхъ голосовъ и числа полномочій (указанная выше формула $\frac{s}{m}$), онъ совсѣмъ не задается вопросомъ о томъ, какъ поступать тогда, когда, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ, не всѣ мѣста являются распредѣленными.

Въ 1850 г. бразильскій публицистъ Наборъ Кавальканти предложилъ технически болѣе разработанную систему, которая, въ общемъ и главномъ, совпадаетъ съ приводимой въ текстѣ системой Андре.

1857 г. появилась книга англичанина Гера, въ которой авторъ предложилъ опредѣленный планъ пропорціональныхъ выборовъ. Но еще за два года раньше датскій юристъ-министръ Андре ввелъ въ своей странѣ приблизительно ту-же систему, которая потомъ, самостоятельно отъ него, предложена была Геромъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Избиратель пишетъ на спискѣ имя желательнаго ему кандидата, а подъ нимъ нѣсколько другихъ именъ. Записки вынимаются изъ урны одна за другою. Какъ только первый кандидатъ получилъ число голосовъ, необходимое для избранія, его имя на слѣдующихъ спискахъ зачеркивается, и голоса считаются поданными за второго кандидата, В. Когда и В. избранъ голоса считаются за С и т. д. Эта система примѣняется въ Даніи и по настоящее время.

Главный недостатокъ этой системы состоитъ въ томъ, что въ ней большую роль играетъ случайность. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ списки кандидатовъ предлагаются не партіями, а отдѣльными избирателями, и имена кандидатовъ расположены не въ одномъ и томъ же порядкѣ, то можетъ случиться такъ, что, напр., въ первой тысячѣ списковъ вторымъ кандидатомъ былъ В, между тѣмъ какъ всѣ эти списки, считались за А, а на спискахъ, вынимаемыхъ послѣ избранія А, можетъ вторымъ кандидатомъ стоять С,—тогда избраннымъ окажется С, а не В, хотя за послѣдняго, можетъ быть, подано, въ общемъ, больше голосовъ, чѣмъ за перваго.

Эта система въ своихъ основаніяхъ почти тождественна съ системой Гера. Разница между ними лишь та, что, по мысли Гера, вся страна провращается въ одинъ избирательный округъ, между тѣмъ какъ Андре ее примѣнялъ лишь въ тѣхъ округахъ, которые посылаютъ въ парламентъ нѣсколькихъ депутатовъ [1]).

Система конкурирующихъ списковъ. — Это именно та система, которую мы имѣли въ виду выше, въ нашемъ гипотетическомъ случаѣ. Каждая партія составляетъ свой списокъ кандидатовъ. Избиратели голосуютъ за списки— и только за нихъ. Они лишены возможности выразить своимъ вотумомъ предпочтеніе тому или другому изъ кандидатовъ. Голоса распредѣляются между кандидатами въ порядкѣ ихъ расположенія въ спискѣ:

Эта система предполагаетъ слишкомъ строгую организа-

[1]) У насъ въ Россіи, гр. М. А. Корфъ предложилъ систету Гера-Андре для избранія гласныхъ въ губернскія земскія управы. Предложеніе было отвергнуто. См. объ этомъ у Н. Коркунова: „Пропорціональные выборы", стр. 50—53.

цію партій и предоставляетъ партійнымъ правленіямъ или избирательнымъ комитетамъ слишкомъ обширныя полномочія въ ущербъ необходимой самостоятельности отдѣльныхъ членовъ. Система эта въ такомъ видѣ нигдѣ, впрочемъ, не примѣняется.

Въ измѣненномъ видѣ она примѣняется въ Бельгіи. Тамъ избиратели могутъ голосовать или за весь списокъ, предоставляя партійному правленію расположить имена въ извѣстномъ порядкѣ, но могутъ, голосуя за весь списокъ, въ то же время отмѣтить, что такому-то кандидату отдаютъ предпочтеніе. Ихъ голоса принимаются во вниманіе при подсчетѣ, и кандидаты, получившіе достаточное число индивидуальныхъ голосовъ, могутъ оказаться избранными предпочтительнѣе передъ другими кандидатами, занимавшими болѣе выгодное мѣсто въ партійномъ спискѣ. Ниже мы увидимъ такой примѣръ.

Списки составляются слѣдующимъ образомъ [1]):

№ I	№ II	№ III
0	0	0
Либералы:	Католики:	Соціалисты:
1) Пьеръ . . 0	1) Базиль . . 0	1) Жюль . 0
2) Жанъ. . . 0	2) Леонъ. . . 0	2) Луи. . . 0
3) Морисъ. . 0	3) Ксавье . . 0	3) Шарль. 0
	4) Люсьенъ . 0	4) Эмиль . 0
	5) Грегуаръ . 0	

Избиратель, желающій голосовать только за весь списокъ, зачеркиваетъ карандашемъ или черными чернилами бѣлое пространство кружочка надъ спискомъ той партіи, къ которой онъ принадлежитъ (списки пронумерованы, и каждый избиратель знаетъ номеръ своего списка); если же онъ желаетъ подать голосъ не только за всю свою партію, но и за спеціально ему желательнаго кандидата, онъ заполняетъ не

[1]) На оффиціальныхъ спискахъ названіе партіи не обозначается, на нихъ ставится только номеръ. Мы поставили названія для ясности.—Въ Бельгіи, кромѣ депутатовъ, избираются еще кандидаты, которые замѣщаютъ умирающихъ или выходящихъ, по какимъ-нибудь причинамъ, въ отставку депутатовъ Такимъ образомъ, совершенно устраняются частичные выборы. Имена такихъ кандидатовъ (suppléants) также выставляются въ спискахъ и выбираются одновременно съ депутатами. Въ другихъ странахъ кандидатами считаются тѣ изъ неизбранныхъ въ депутаты, которые получили наибольшее число голосовъ. Въ Бельгіи каждый списокъ долженъ быть представленъ 100 избирателями.

только верхній общепартійный кружочекъ, но и тотъ, который стоитъ сбоку желательнаго ему имени; онъ можетъ, наконецъ, голосовать только за желательнаго ему кандидата, и тогда онъ заполняетъ только кружочекъ, стоящій съ боку его имени.

Такъ какъ большинство противниковъ пропорціональнаго представительства высказываются противъ этой системы выборовъ именно на томъ основаніи что она, молъ, совершенно уничтожаетъ индивидуальную инпціативу избирателя, который, такимъ образомъ, лишенъ возможности опредѣленно высказать свое мнѣніе, то мы тутъ-же, чтобы потомъ не возвращаться къ этому вопросу, приведемъ два разнородныхъ случая изъ бельгійской избирательной практики, ясно показывающихъ, что избиратели имѣютъ полную возможность цѣликомъ проявить свою волю и оказать вліяніе на результатъ выборовъ.

Въ Брюсселѣ къ католической партіи принадлежитъ значительное число рабочихъ католическихъ кружковъ, которые враждебно относились къ усиливавшимся милитаристскимъ тенденціямъ партіи. Эти кружки хотѣли быть представлены въ парламентѣ своимъ депутатомъ, который, въ случаѣ надобности, могъ-бы выступать противъ милитаризма вожаковъ партіи. Партійное правленіе не хотѣло выставлять этого кандидата (Кольфса), но, вынужденное уступить давленію рабочихъ, помѣстило Кольфса въ своемъ спискѣ десятымъ (послѣднее мѣсто), увѣренное, что на долю партіи десяти мѣстъ не достанется, и Кольфсъ, такимъ образомъ, въ парламентъ не попадаетъ. И дѣйствительно, на долю католиковъ досталось въ Брюсселѣ, по распредѣленіи, только 8 мѣстъ, и Кольфсъ долженъ былъ-бы остаться внѣ парламента. [1]). Но рабочіе, предвидя такой исходъ, голосовали лично за Кольфса, который собралъ, вслѣдствіе этого, 10,430 индивидуальныхъ вотумовъ, и восьмое мѣсто досталось ему, между тѣмъ какъ раньше его стоявшіе въ спискѣ два кандидата оказались неизбранными.

Другой случай имѣлъ не политическія, а мѣстныя причины. Онъ произошелъ въ провинціи Люксембургъ. Три небольшихъ округа были соединены въ одинъ. Прежде они посылали трехъ католическихъ депутатовъ. Когда было введено пропорціональное представительство, одно мѣсто, несомнѣнно, должно быть достаться оппозиціи. Поэтому расположеніе именъ въ партійномъ спискѣ католиковъ имѣло большое

[1]) Какъ производится самое распредѣленіе мѣстъ, мы увидимъ ниже.

значеніе. Правленіе партіи расположило имена такъ: въ первую очередь кандидата округа Маршъ, затѣмъ—кандидата округа Арлонъ, наконецъ—кандидата округа Бастонъ. Но избиратели послѣдняго горой стояли за своего кандидата и, почти какъ одинъ человѣкъ, голосовали лично за него, а не за партійный списокъ, и онъ былъ избранъ.

„Конечно,—говоритъ по этому поводу одинъ видный бельгійскій политическій дѣятель,—конечно, въ огромномъ большинствѣ округовъ избиратель не пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ, и почти повсюду кандидаты были избраны въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были представлены въ партійныхъ спискахъ, потому что избиратели партіи одобрили открыто или implicite предложенные имъ списки; но когда достаточно серьезныя причины вызывали волненіе въ рядахъ значительной части [1]) избирателей, послѣдніе очень легко разстраивали комбинаціи политическихъ комитетовъ.“ И дальше: „Опытъ, слѣдовательно, ясно показалъ, что избирательный механизмъ, установленный бельгійскимъ законодателемъ, не нарушаетъ свободы гражданъ и позволяетъ имъ, когда они того желаютъ, обезпечить избраніе каждаго кандидата, пользующагося симпатіями значительной группы избирателей“ [2]).

Система смѣшанныхъ списковъ.—Приведенные способы представленія списковъ кандидатовъ допускаютъ лишь списки партійные, или-же представленные извѣстнымъ чи-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Hermann-Dumont (secrétaire général du parti progressiste belge): „Les élections en Belgique“, „Revue pol. et parlementaire,“ авг. 1900 г., pp. 326—329. Курсивъ нашъ.—Нѣкоторые критики пропорціональнаго представительства, обобщая такіе единичные случаи, высказываются противъ всей системы на томъ основаніи, что послѣдняя обезпечивала бы за всякимъ оттѣнкомъ партійнаго теченія возможность имѣть свое представительство и тѣмъ поддерживала бы политику группъ и нюансовъ, препятствуя образованію большихъ политическихъ партій. Эти критики забываютъ, что группы избирателей, настолько значительныя, чтобы отвоевать себѣ мѣсто при пропорціональныхъ выборахъ съ большими избирательными округами, еще легче отвоевали бы мѣсто въ небольшомъ округѣ съ мажоритарной системой; что-же касается выборовъ по спискамъ съ большими округами, но тоже съ мажоритарной системой, то тамъ не получаютъ представительства не только нюансы и оттѣнки, но и „большія партіи.“ Вообще, опытъ, довольно значительный уже, пропорціональныхъ выборовъ совершенно не оправдалъ опасенія дробленія партій. Это дробленіе обусловливается не той или другой системой выборовъ, а цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ, въ числѣ которыхъ крупную роль играетъ общее политическое положеніе страны и внутреннія отношенія въ каждой данной партіи. Значительная группа избирателей, при какой угодно системѣ выборовъ, все равно легко добьется представительства.

сломъ избирателей. Значительная группа членовъ можетъ, какъ мы видѣли, заставить—конечно, морально, политически заставить—партійное правленіе внести въ списокъ желательнаго ей кандидата, можетъ своими вотумами обезпечить его выборы. Но всѣ избиратели могутъ голосовать только за опредѣленные—партійные—списки, и въ большинствѣ странъ, гдѣ введено пропорціональное представительство даже воспрещается быть выставленнымъ въ двухъ различныхъ спискахъ. Есть, однако, сторонники пропорціональныхъ выборовъ, которые желали бы еще болѣе расширить частную инціативу избирателей, предоставить имъ болѣе широкую свободу. Они предлагаютъ, чтобы избиратели могли голосовать за смѣшанные списки (listes panachées) изъ наиболѣе выдающихся въ ихъ глазахъ кандидатовъ различныхъ списковъ. Такое смѣшеніе (panachage) не допускается въ Бельгіи, но признаётся кое-гдѣ въ Швейцаріи. Намъ представляется, что бельгійцы поступаютъ болѣе раціонально. Одно изъ основныхъ золъ нѣкоторыхъ парламентскихъ странъ (особенно Франціи—до недавняго времени) состоитъ именно въ отсутствіи прочно организованнаго общественнаго мнѣнія. Конечно, ни одна избирательная система не можетъ, сама по себѣ, дать такую организацію,—послѣдняя обусловливается цѣлымъ рядомъ очень сложныхъ причинъ, каковы: степень дифференціаціи общественныхъ классовъ, важность выдвигаемыхъ общественно-политической жизнью вопросовъ и т. д. Но, при прочихъ равныхъ условіяхъ, та или другая система выборовъ имѣетъ большое значеніе въ этомъ отношеніи. Одноименные выборы съ мелкими избирательными округами даютъ преобладаніе мѣстнымъ интересамъ, мѣстнымъ вліяніямъ, легче допускаютъ подкупъ и пр. Выборы по спискамъ (scrutin de liste) съ болѣе обширными избирательными округами придаютъ избирательной борьбѣ болѣе общественный и политическій характеръ и содѣйствуютъ болѣе тѣсному сближенію однородныхъ въ политическомъ отношеніи элементовъ. Пропорціональные выборы, при которыхъ конкурентами выступаютъ только партійные списки, при которыхъ почти всѣ избиратели голосуютъ не за тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ, а за опредѣленныя политическія партіи, которыя совершенно устраняютъ всякую надобность въ избирательныхъ междупартійныхъ коалиціяхъ, связанныхъ не только съ интригами, обманомъ и закулисной борьбой, но и съ затушевываніемъ порою самыхъ важныхъ пунктовъ партійныхъ программъ,—пропорціональные выборы еще болѣе содѣйствуютъ прочной организаціи конкурирующихъ партій. Система же смѣшанныхъ списковъ можетъ, при такихъ усло-

віяхъ, внести лишь путаницу въ партійныя отношенія, можетъ воскресить въ замаскированномъ видѣ избирательныя коалиціи, составляющія иногда одно изъ худшихъ золъ избирательныхъ кампаній. Впрочемъ, фактически въ странахъ съ здоровымъ и сильнымъ пульсомъ политической жизни правомъ panachage будетъ пользоваться лишь очень незначительное число избирателей.

И з б и р а т е л ь н ы е о к р у г и.—Практика показала, что такъ называемая „избирательная геометрія", т. е. болѣе или менѣе искусственное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, препятствуетъ полному установленію реальной пропорціональности представительства. Въ небольшомъ избирательномъ округѣ случайное сосредоточеніе сторонниковъ данной партіи можетъ имѣть такое большое значеніе, что совершенно устранитъ представительство другихъ партій. Въ большихъ избирательныхъ округахъ это обстоятельство уже не можетъ имѣть такого значенія, и, въ общемъ, сторонники различныхъ партій распредѣляются въ нихъ болѣе равномѣрно. Поэтому въ Бельгіи, напр., католики—въ тѣхъ мѣстахъ страны, гдѣ сосредочены ихъ силы—постарались оставить довольно значительное число округовъ, посылающихъ въ парламентъ только 3-хъ или 4-хъ депутатовъ и, въ виду этого, не дающихъ возможности точно распредѣлять представительство между тремя или четырьмя борющимися партіями. Въ 1900 г. либералы, получившіе значительное число голосовъ въ 7 фламандскихъ округахъ, не провели тамъ ни одного своего депутата; въ другихъ мѣстахъ то-же явленіе имѣло мѣсто по отношенію къ соціалистамъ. Поэтому въ Бельгіи однимъ изъ требованій въ области избирательной политики является установленіе болѣе обширныхъ избирательныхъ округовъ.

Какое большое практическое значеніе имѣетъ это требованіе, показываютъ данныя выборовъ 29-го мая 1904 г. Голоса и мѣста распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

	Число голосовъ.	Мѣста.	На 1 деп. приходится голосовъ.
Соціалисты . . .	303.000	18	16.8 тыс.
Либералы	265.000	22	12.0 „
Хр. демократы .	17.000	—	-
Картель либ-овъ и соц-овъ [1]) . .	22.000	—	— „
Вся оппозиція .	607.000	40	15.1 тыс.
Клерикалы . . .	506.000	38	13.3 „

[1]) Въ ... округѣ либералы и соціалисты выставили общій списокъ, чтобы ... побѣдить католиковъ. Опытъ этотъ не принесъ желаннаго результата.

Вы видите, что католики находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ оппозиція, а въ предѣлахъ оппозиціи либералы находятся еще въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ соціалисты. Напрасно нѣкоторые русскіе публицисты приписываютъ это „множественному" вотуму. Отмѣна послѣдняго значительно уменьшила бы число голосовъ католиковъ, въ нѣсколько меньшей степени — число голосовъ либераловъ, въ еще меньшей степени—число голосовъ рабочей партіи.—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, но не объ этомъ намъ говоритъ приведенная таблица. Въ данномъ случаѣ важно то, что, какимъ бы образомъ ни составились приведенныя суммы голосовъ,—при ихъ наличности распредѣленіе мѣстъ неравномѣрно: клерикалы получаютъ депутата на каждые 13,3 тыс. голосовъ, между тѣмъ какъ оппозиція только на 15,1 тыс., а соціалисты на 16,8 тыс. Эта неравномѣрность обусловливается исключительно системой распредѣленія избирательныхъ округовъ и тѣмъ, что оппозиція выставляетъ нѣсколько отдѣльныхъ списковъ, и клерикалы—только одинъ. И именно въ виду этого господствующая клерикальная партія упорно отказывается установить болѣе обширные округи.

Такъ какъ каждая реформа тѣмъ легче принимается и примѣняется, чѣмъ меньше она ломаетъ реформируемое учрежденіе, то нѣкоторые сторонники пропорціональнаго представительства предлагаютъ такіе планы организаціи выборовъ, которые, сохраняя теперешніе избирательные округи, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваютъ пропорціональность представительства. Такъ, Гагенбахъ и Зигфридъ предлагаютъ такъ называемую с и с т е м у о б ъ е д и н е н н ы х ъ с п и с к о в ъ. При этой системѣ сохраняются теперешніе избирательные округи, но результаты голосованій по всей странѣ концентрируются въ столицѣ, гдѣ, на основаніи этихъ общихъ данныхъ, вычисляется число мѣстъ, приходящихся на долю каждой партіи; послѣдніе, въ свою очередь, распредѣляютъ полномочія по избирательнымъ округамъ, гдѣ совершается уже послѣдній актъ—распредѣленіе между кандидатами.

Другіе вполнѣ основательно находятъ такой планъ слишкомъ сложнымъ и предлагаютъ болѣе упрощенные планы. Такъ, Рудольфъ Шпрингеръ предлагаетъ для Австріи также сохранить голосованіе за отдѣльныхъ кандидатовъ по округамъ въ ихъ теперешнемъ видѣ, но результаты голосованій концентрируются въ каждомъ данномъ городѣ, и распредѣленіе мѣстъ между партіями происходитъ по системѣ пропорціональности. Такъ, напр., въ Вѣнѣ, посылающей въ рейхстагъ 19 депутатовъ, кандидатуры, по его плану, выста-

вляются въ каждомъ изъ этихъ округовъ отдѣльно, голосованіе производится, какъ и въ настоящее время, отдѣльно за каждаго кандидата, но затѣмъ результаты голосованій концентрируются въ городской ратушѣ, гдѣ распредѣленіе мѣстъ между партіями происходитъ по системѣ пропорціональности.—Нѣсколько аналогичную систему предлагаетъ и французская „Лига пропорціональнаго представительства“ для Франціи, но съ замѣной одноименныхъ выборовъ выборами по департаментскимъ спискамъ.

Словомъ, пропорціональность представительства, то, что составляетъ ея основу, вполнѣ достигается, какъ мы уже видѣли выше, опредѣленной системой подсчета голосовъ и распредѣленія мѣстъ. Всѣ-же остальныя детали избирательной техники могутъ быть очень разнообразны, могутъ приспособляться въ каждой отдѣльной странѣ къ нынѣ дѣйствующему избирательному праву, къ мѣстнымъ традиціямъ и привычкамъ. И это обстоятельство въ значительной степени облегчаетъ осуществленіе пропорціональныхъ выборовъ.

Мы разсмотрѣли главныя предложенія сторонниковъ пропорціональнаго представительства въ отношеніи представленія кандидатовъ, распредѣленія избирательныхъ округовъ и пр. Теперь намъ остается разсмотрѣть главный вопросъ пропорціональныхъ выборовъ—вопросъ о распредѣленіи мѣстъ между партіями, а затѣмъ и между кандидатами.

Мы уже видѣли, что числа голосовъ, распредѣляющихся между партіями, почти никогда не являются кратными избирательныхъ чиселъ, т. е. чиселъ, необходимыхъ для избранія каждаго кандидата, и что, поэтому, при точномъ распредѣленіи полномочій, на долю партій достаются дроби полномочій. Но въ парламентъ нельзя посылать дроби депутатовъ—$^1/_2$, $^1/_3$ или $^1/_4$ депутата. Въ виду этого нѣсколько мѣстъ всегда должны оставаться нераспредѣленными. Какъ же рѣшается этотъ вопросъ?

Выше мы видѣли, что Геръ принимаетъ формулу распредѣленія полномочій $\frac{s}{m}$, т. е. если въ данномъ округѣ подано 10,000 голосовъ, то при двухъ депутатахъ каждый кандидатъ долженъ получить 5,000 голосовъ, при четырехъ —2,500 и т. д. Слѣдовательно, при одномъ депутатѣ, кандидатъ долженъ получить всѣ 10,000 голосовъ. Вопросъ объ остаткахъ, о дробныхъ числахъ этой формулой не разрѣшается.

И вотъ, съ одной стороны—Эдуардъ Геръ, съ другой—Гагенбахъ-Бишофъ, проанализировавъ эту формулу, нашли.

что она совершенно не соотвѣтствуетъ всѣмъ нашимъ понятіямъ объ избирательномъ началѣ. Въ основу своего анализа они кладутъ принципъ абсолютнаго большинства. Они разсуждаютъ такъ. Когда нужно выбрать одного депутата, кандидатъ, чтобы быть избраннымъ, долженъ получить половину поданныхъ голосовъ+1, т. е. въ нашемъ случаѣ, $\frac{10.000}{2}+1=5{,}001$. Почему именно это число? Потому что никакой другой кандидатъ при этомъ уже не можетъ быть избранъ, такъ какъ онъ можетъ получить только меньшее число голосовъ. Если мы положимъ въ основаніе тотъ же принципъ, когда нужно выбрать двухъ депутатовъ, то окажется что оба кандидата, чтобы быть избранными, должны получить по одной трети поданныхъ голосовъ+1, т. е. $\frac{10{,}000}{3}+1=3{,}334$. Оба вмѣстѣ получатъ тогда 6,668 голосовъ, и никакой третій кандидатъ уже не можетъ быть избранъ потому что онъ можетъ получить меньше голосовъ, чѣмъ каждый изъ избранныхъ въ отдѣльности (остается только 3,332 голоса). При трехъ депутатахъ каждый избранный долженъ получить одну четверть поданныхъ голосовъ+1, т. е. $\frac{10.000}{4}+1=2{,}251$ и т. д. Словомъ формула избирательнаго числа (Walhzahl, quotient électoral) будетъ $\frac{s}{m+1}+1$. „Такой выводъ, — говоритъ по этому поводу Рудольфъ Шпрингеръ,—долженъ на первый взглядъ поражать своей неожиданностью. Онъ означаетъ, однако, только то, что пропорціональные выборы являются лишь послѣдовательнымъ и вѣрнымъ примѣненіемъ нынѣшней мажоритарной системы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-нибудь округѣ нужно избрать больше, чѣмъ одного депутата“ [1]).

Формула Керна и Гагенбаха-Бишофа имѣла цѣлью, значительно понизивъ избирательное число, облегчить распредѣленіе полномочій. Но эта цѣль часто ею не достигается. Предположимъ, что наши 10,000 избирателей раздѣлились слѣдующимъ образомъ: за либераловъ голосовали 3,670, за консерваторовъ 2,217, за соціалистовъ 2,014, за радикаловъ 1,490, за христіанскихъ демократовъ 609. Нужно избрать пять депутатовъ. Слѣдовательно, избирательное число будетъ $\frac{10{,}000}{6}+1=1{,}667$. Либералы получатъ, такимъ образомъ 2 полномочія, консерваторы—1 и соціалисты—1. Пятое мѣсто остается незанятымъ.

[1]) Rudolf Springer: „Mehrheits oder Volksvertretung?“, s. 34.

Прежде этотъ вопросъ рѣшался въ разныхъ странахъ различно.

Въ Тессинскомъ кантонѣ, гдѣ пропорціональное представительство введено было въ 1891 г. для большого совѣта. государственнаго совѣта, коммунальныхъ совѣтовъ и судей, принята формула $\frac{s}{m+1}$, при чемъ всѣ нераспредѣленныя мѣста просто отдаются наиболѣе многочисленной партіи, на томъ основаніи, что партія, которая при мажоритарной системѣ получила бы всѣ мѣста, имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, на тѣ мѣста, распредѣленіе которыхъ вызываетъ сомнѣніе.

Въ кантонѣ Невшатель, гдѣ въ 1891 г. были введены пропорціональные выборы въ видѣ опыта на 3 года, послѣ которыхъ они окончательно были приняты, распредѣленіе полномочій производится по формулѣ Гера $\frac{s}{m}$, а незанятыя мѣста отдаются тѣмъ спискамъ, у которыхъ самые значительные остатки голосовъ. Та-же формула принята въ Женевскомъ кантонѣ (который раздѣленъ на три округа: городъ, лѣвый берегъ и правый берегъ озера) съ 1892 г. и въ кантонѣ Цугъ съ января 1894 г.

Система наибольшихъ остатковъ примѣняется также при коммунальныхъ выборахъ въ кантонѣ Фрейбургъ съ избирательнымъ числомъ $\frac{s}{m}$. Въ кантонѣ Солотурнъ принята формула $\frac{s}{m+1}$, а незанятыя мѣста отдаются, какъ и въ Тессинѣ, наиболѣе многочисленной партіи. Въ Бернскомъ кантонѣ система ограниченнаго вотума была замѣнена въ 1894 г. пропорціональнымъ представительствомъ съ формулой $\frac{s}{m+1}$.

Въ Сербіи пропорціональные выборы были установлены конституціею 1888 года. Формула распредѣленія полномочій $\frac{s}{m}$, при чемъ незанятыя мѣста достаются тѣмъ спискамъ, которые имѣютъ наиболѣе значительные остатки голосовъ, т. е. избытки сверхъ чиселъ кратныхъ избирательному числу.

Но вполнѣ раціональное рѣшеніе вопроса далъ упомянутый уже бельгійскій юристъ Викторъ д'Ондтъ. Въ основу своего распредѣленія онъ кладетъ слѣдующее простое начало: распредѣляя полномочія, онъ каждое изъ нихъ послѣдовательно отдаетъ той партіи, которая предъявляетъ для его полученія бо̀льшее число голосовъ, и, такимъ образомъ, достигаетъ полной пропорціональности.

Возьмемъ примѣръ. Допустимъ, что въ данномъ округѣ нужно избрать 10 депутатовъ. Подано было 37.871 голосъ, которые распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Католики.	15.385
Соціалисты	11.216
Либералы	9.427
Хр. демократы . .	1.843

Для перваго мѣста католики имѣютъ наибольшее число голосовъ,—поэтому оно отдается имъ. Если число католическихъ голосовъ раздѣлить на два, получимъ 7.692. Поставимъ рядомъ числа голосовъ другихъ партій,—тогда окажется, что для второго мѣста наибольшее число голосовъ имѣютъ соціалисты,—оно отдается имъ. Раздѣливъ теперь число соціалистическихъ голосовъ на 2 (получится 5,608) и снова поставивъ рядомъ числа голосовъ всѣхъ партій, мы увидимъ, что для третьяго мѣста католики имѣютъ 7,692, соціалисты 5,608, а либералы 9,427 голосовъ,—третье мѣсто отдается либераламъ. Раздѣливъ число либеральныхъ голосовъ на два и снова поставивъ рядомъ числа голосовъ всѣхъ партій, мы увидимъ, что для четвертаго мѣста католики имѣютъ наибольшее число голосовъ. Дѣля затѣмъ числа голосовъ на 3, 4, 5 и т. д. и каждый разъ сравнивая голоса конкурирующихъ партій, мы каждое мѣсто послѣдовательно отдаемъ той партіи, которая для его полученія предъявляетъ наибольшее число голосовъ. 5-е мѣсто достается соціалистамъ, 6-е—католикамъ, 7-е—либераламъ, 8-е—католикамъ, 9-е—соціалистамъ, 10-е—либераламъ. Число голосовъ, нужное для полученія послѣдняго — десятаго — мѣста (3,142) называется числомъ-распредѣлителемъ (chiffre repartiteur).

Изобразимъ всю эту операцію въ числахъ:

	Католики:	Соціалисты:	Либералы:	Хр.-дем.:
Дѣл. на 1 =	15.385 (1)	11.216 (2)	9.427 (3)	1.843
„ „ 2 =	7.692 (4)	5.608 (5)	4.713 (7)	
„ „ 3 =	5.128 (6)	3.735 (9)	**3.142** (10)	
„ „ 4 =	3.846 (8)	2.802	2.356	
„ „ 5 =	3.077			

Эта операція обыкновенно продѣлывается самымъ простымъ образомъ: ставятся рядомъ числа полученныхъ партіями голосовъ, дѣлятся на 2, 3, 4 и т. д., и затѣмъ берутся наиболѣе крупныя числа, пока не распредѣлены всѣ мѣста. Для этого нужно только знаніе четырехъ правилъ ариѳметики. Можно послѣ этого судить, насколько основательно утвержденіе противниковъ пропорціональнаго представитель-

ства относительно необыкновенной сложности и запутанности подсчета, для усвоенія котораго нужны „трактаты по математикѣ“. Еле грамотный школьникъ легко справится съ такой задачей.

Итакъ, въ нашемъ примѣрѣ католики получили 4 полномочія, соціалисты и либералы—по 3. Христіанскіе демократы не получили ни одного. Вотъ и еще доказательство, что мелкіе нюансы и оттѣнки вовсе не такъ легко получаютъ представительство при пропорціональныхъ выборахъ. Если же такіе оттѣнки собираютъ столько голосовъ, что могутъ самостоятельно получить представительство, то каждая партія, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, предпочтетъ внести ихъ кандидата въ свой списокъ, чтобы не создать опасныхъ преній и не вызвать раскола въ своей средѣ. Значительная группа избирателей, все равно, добьется представительства — при всякой избирательной системѣ.

Мы предположили въ нашемъ примѣрѣ, что всѣ избиратели голосовали только за партійные списки, не высказывая при этомъ предпочтенія отдѣльнымъ кандидатамъ. Но мы уже знаемъ, что избиратель имѣетъ право, голосуя за партійный списокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что онъ отдаетъ предпочтеніе такому-то кандидату, можетъ даже совсѣмъ не голосовать за списокъ, а подать свой голосъ только за желательнаго ему кандидата. Поэтому приведемъ еще одинъ примѣръ, гдѣ избиратель пользуется принадлежащимъ ему правомъ.

Возьмемъ приведенный выше примѣръ съ Кольфсомъ въ Брюсселѣ. Католики получили всего 89.964 голоса и имѣли право, по распредѣленіи вышеуказаннымъ способомъ, на 8 мѣстъ. Ихъ голоса распредѣлились такъ:

за партійный списокъ		72.580
вотумы за отд. кандидатовъ —	Ворейкса	438
„ „ „ „	Дежара	217
„ „ „ „	Вандерлиндена	328
„ „ „ „	Ренкена	[illegible]
„ „ „ „	Віара	[illegible]
„ „ „ „	Лантсерра	810
„ „ „ „	Бонтриде	1.111
„ „ „ „	Вовермана	[illegible]
„ „ „ „	Декостера	[illegible]
„ „ „ „	Кольфса	[illegible]
	всего	89.964.

Число-распредѣлитель было установлено (опять-таки указаннымъ выше способомъ) въ 10.794 голоса. На общепартійные голоса кандидаты имѣли право въ томъ порядкѣ.

въ какомъ они были расположены въ партійномъ спискѣ, потому что избиратели голосовали именно за этотъ списокъ— и именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имъ былъ предложенъ. Естественно, поэтому, что голоса были распредѣлены между ними въ порядкѣ ихъ расположенія. Каждому изъ нихъ прибавляли къ полученнымъ имъ индивидуальнымъ вотумамъ столько обще-партійныхъ голосовъ, сколько нужно было для его избранія. Такъ, первому изъ нихъ, Неренксу, было отдано 10,356 голосовъ, второму—10,577 и т. д. Такимъ образомъ, первымъ семи кандидатамъ было отдано 71,839 голосовъ. Оставалось 741 голосъ; восьмой кандидатъ не можетъ быть избранъ, потому что онъ получилъ всего 393 индивидуальныхъ вотума, 9-й тоже не можетъ быть избранъ, потому что онъ имѣетъ 2,842 индивидуальныхъ вотума,— поэтому 8-е мѣсто было отдано Кольфсу. Если бы значительная группа избирателей дѣйствительно желала, чтобы 8-й кандидатъ, Воверманъ, былъ избранъ, ей нужно было бы только не подать свои голоса за партійный списокъ, а отдать ихъ индивидуально Воверману. Тогда не хватило бы обще-партійныхъ голосовъ для избранія 7-го кандидата Бонтриде, и избраннымъ оказался бы Воверманъ.

Чтобы упростить распредѣленіе мѣстъ въ томъ случаѣ, когда въ какомъ-нибудь округѣ нужно избрать большое число депутатовъ (напр., свыше десяти), Гагенбахъ-Бишофъ предлагаетъ слѣдующій планъ. Сперва онъ распредѣляетъ полномочія по своей формулѣ избирательнаго числа $\frac{s}{m+1}+1$. Если же при этой системѣ не всѣ мѣста являются распредѣленными, онъ продолжаетъ операцію уже по системѣ д'Ондта, сосчитавъ, сколько каждая партія могла бы предъявить голосовъ, чтобы получить лишнее полномочіе сверхъ уже полученныхъ ею. Та партія, которая для полученія этого послѣдняго полномочія предъявляетъ наибольшее число голосовъ, получаетъ полномочіе, и предъявленное ею число является числомъ-распредѣлителемъ.

Возьмемъ тотъ-же примѣръ, который мы взяли для системы д'Ондта и продѣлаемъ операцію по Гагенбаху-Бишофу.

Избирательное число $= \frac{s}{m+1} + 1 = \frac{37,871}{11} + 1 = 3,444.$

[illegible]	11,[illegible]5 : 3,444	= 4
соціалисты	11,216 : 3,444	= 3
[illegible]	[illegible] : [illegible]	= 2.

[illegible] 9 мѣстъ, а нужно выбрать 10 депутатовъ. Тогда мы, слѣдуя Гагенбаху-Бишофу, должны сосчитать, сколько голосовъ каждая партія можетъ

предъявить для полученія лишняго полномочія сверхъ уже полученныхъ со:

католики. . 15,385 : 5 = 3,077
соціалисты 11,216 : 4 = 2,802
либералы. . 9,427 : 3 = 3,142.

Либералы предъявляютъ наибольшее число голосовъ (3,142—и это число является числомъ-распредѣлителемъ), и 10-е полномочіе отдается имъ. Результатъ получился тотъ-же, что и по системѣ д'Ондта.

Читатель видитъ, какъ поразительно простъ механизмъ пропорціональныхъ выборовъ даже и въ изложеніи. Но какъ я ни старался ясно и просто его изложить, въ дѣйствительности онъ неизмѣримо проще. Въ изложеніи необходимо расчленять каждую часть процесса и отдѣльно объяснять ее. Въ дѣйствительности всѣ эти части связываются въ одно цѣлое и, при нѣкоторомъ навыкѣ, весь подсчетъ голосовъ и распредѣленіе мѣстъ требуютъ никакъ не больше времени, чѣмъ тѣ-же операціи при мажоритарной системѣ. Эсменъ цитируетъ въ своемъ трудѣ показаніе сотрудника парижской газеты „Temps“, что въ 1900 г. въ день выборовъ счетчики поздно ночью еще не закончили своей работы. Но французскій противникъ пропорціональнаго представительства упускаетъ изъ виду, что брюссельскій округъ имѣетъ огромное число секцій для голосованія и что сконцентрированіе результатовъ этихъ многочисленныхъ секцій въ одномъ мѣстѣ требуетъ много времени. Пропорціональное распредѣленіе мѣстъ здѣсь не причемъ. Если бы во Франціи, какъ многіе требуютъ, было возстановлено голосованіе по департаментскимъ спискамъ, сконцентрированіе результатовъ разбросанныхъ по всему департаменту секцій въ главномъ городѣ департамента потребовало бы еще больше времени и окончательные результаты выборовъ становились бы извѣстными еще позже [1]).

Во всякомъ случаѣ, политическіе дѣятели тѣхъ странъ, гдѣ введено пропорціональное представительство, одинаково, независимо отъ ихъ принадлежности къ той или другой партіи, считаютъ эту реформу полезной и необходимой, и если пропорціональные выборы встрѣчали въ этихъ странахъ горячихъ противниковъ до ихъ введенія, то послѣ ихъ осуществленія они имѣютъ только сторонниковъ.

---

[1]) Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то, что при пропорціональныхъ выборахъ нѣтъ перебаллотировокъ, между тѣмъ какъ при мажоритарной системѣ вся операція выборовъ производится снова обыкновенно въ 25—35% избирательныхъ округовъ.

IV.

Излагая системы пропорціональнаго представительства, мы мимоходомъ отмѣтили уже главныя преимущества такихъ выборовъ и разобрали и которыя возраженія ихъ противниковъ. Теперь намъ нужно хотя-бы вкратцѣ остановиться на другихъ возраженіяхъ [1]).

Присматриваясь внимательно къ этимъ возраженіямъ, мы замѣчаемъ, что они часто противорѣчатъ другъ другу даже у однихъ и тѣхъ-же авторовъ. Систему пропорціональнаго представительства обвиняютъ и въ томъ, что она чрезчуръ централизуетъ политическія партіи, лишая гражданъ возможности проявлять свою частную инціативу въ выборахъ народныхъ представителей, и въ томъ, что она слишкомъ децентрализуетъ партіи, создавая всепоглощающее вліяніе мѣстныхъ избирательныхъ комитетовъ, т. е. „ихъ наиболѣе низменныхъ органовъ": ей приписываютъ и созданіе неограниченной тиранніи партій, и содѣйствіе проявленію мелкихъ нюансовъ и оттѣнковъ, мѣшающихъ организаціи партій; ея осуществленіе внушало опасенія, что излишнее усиленіе партійныхъ группировокъ затруднитъ необходимую свободу дѣйствій исполнительной власти, и въ то же время утверждали, что слишкомъ большое дробленіе политическихъ партій создастъ анархію въ парламентахъ, сдѣлавъ невозможнымъ составленіе прочнаго правительственнаго большинства; съ одной стороны—не видѣли теоретическаго оправданія пропорціональныхъ выборовъ, съ другой—допускали ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности—при извѣстныхъ условіяхъ.

Пропорціональную систему обвиняли и въ томъ, что она нарушаетъ единство народнаго представительства, возвращая насъ къ отжившимъ уже собраніямъ съ сословнымъ представительствомъ, которое она замѣняетъ представительствомъ партій. Въ ней видѣли, наконецъ, простое стремленіе къ удовлетворенію личныхъ „аппетитовъ," къ раздѣлу почестей и власти...

Намъ кажется, что противники пропорціональнаго представительства приписывали ему слишкомъ большое значеніе, какого оно ни въ какомъ случаѣ имѣть не можетъ. Пропорціональные выборы являются однимъ изъ институтовъ,—и только однимъ изъ нихъ, и вовсе не наиболѣе важнымъ,—

[1]) Болѣе общія соображенія объ избирательномъ правѣ вообще—см. въ III томѣ настоящаго изданія.

для раціональной организаціи представительства въ парламентѣ существующихъ въ странѣ политическихъ теченій. Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи всеобщее избирательно право. Противники послѣдняго тоже не скупились на цѣлый рядъ еще болѣе пессимистическихъ предсказаній. „теоретики" не находили ему оправданія, но допускали его, при извѣстныхъ условіяхъ, съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Мы уже указывали въ первой главѣ, что рядомъ съ институтомъ пропорціональнаго представительства, и въ томъ-же направленіи, оказываютъ свое дѣйствіе и равное для всѣхъ избирательное право, и производство выборовъ въ праздничные дни, и періодическое перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ, и тайная подача голосовъ, и т. д. Только всѣ эти институты, вмѣстѣ взятые, могутъ дать дѣйствительно раціональное представительство.

Но даже всѣ они вмѣстѣ не могутъ имѣть того всесильнаго значенія, какое приписываютъ пропорціональному представительству его противники. Пропорціональные выборы могутъ только болѣе точно, чѣмъ мажоритарная система, регистрировать процессъ разложенія или усиленія политическихъ партій, процессъ, который не ими вызывается, не ими можетъ быть пріостановленъ. Будетъ ли введена въ Англіи система пропорціональнаго представительства или нѣтъ,—это не остановитъ [illegible] процесса разложенія либеральной партіи, не предотвратитъ недавно обнаружившагося разложенія юніонистской и консервативной партіи, не остановитъ неизбѣжной выработки новыхъ формъ партійныхъ организацій, не помѣшаетъ и не будетъ содѣйствовать образованію самостоятельнаго рабочаго представительства. И это потому, что всѣ указанныя явленія находятся внѣ всякаго вліянія мажоритарной или пропорціональной системы выборовъ. Имперіализмъ и анти-имперіализмъ, протекціонизмъ или свободная торговля, какъ слѣдствіе ослабѣвшаго господства Англіи на всемірномъ рынкѣ, отражающіяся на [illegible] интересахъ [illegible] почвѣ, на которой [illegible] образомъ [illegible]. Мажоритарная система можетъ менѣе точно, пропорціональная болѣе точно ихъ регистрировать—и только. При одной системѣ выборовъ [illegible] политическія группы будутъ имѣть нѣсколько меньше депутатовъ, при другой—нѣсколько больше, но [illegible] эти группы, все равно, будутъ имѣть [illegible] достаточно [illegible] и пропорціональная система не дастъ [illegible] представительства.

Процессъ обособленія партій и отдѣльныхъ группъ внутри партій замѣчается, какъ мы уже отмѣтили въ началѣ нашей статьи, теперь почти во всѣхъ странахъ. И что это нисколько не обусловливается мажоритарной или пропорціональной системой, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Англіи и во Франціи, гдѣ господствуетъ мажоритарная система, такое обособленіе имѣетъ мѣсто, между тѣмъ какъ въ Бельгіи, именно со времени введенія пропорціональнаго представительства, замѣчается какъ разъ обратное явленіе—возсоединеніе прогрессистовъ и доктринеровъ.

Но противники пропорціональныхъ выборовъ могутъ приписать это явленіе „централизирующему" вліянію послѣднихъ. И это объясненіе будетъ такъ-же мало основательно, какъ и предыдущія. Движеніе въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права въ чистомъ видѣ, противъ котораго высказались доктринеры, оттолкнуло отъ либеральной партіи значительную часть ея избирателей, перешедшихъ въ ряды соціалистовъ. У доктринеровъ оказалось достаточно здраваго смысла, чтобы уступить требованіямъ избирателей и прогрессистовъ и выставить на своемъ знамени требованіе широкихъ массъ населенія. Это обстоятельство создало почву для возсоединенія обѣихъ фракцій либеральной партіи, и выборы 1900, 1902 и 1904 гг. вознаградили партію за измѣненіе ея отношенія къ избирательной реформѣ такими успѣхами, на какіе, казалось, она уже не могла разсчитывать. Прогрессистовъ и доктринеровъ раздѣляло еще различное отношеніе къ вопросамъ соціальнаго законодательства, и не нужно быть большимъ пророкомъ, чтобы предвидѣть возможность новаго раскола въ этой партіи, когда, послѣ осуществленія избирательной реформы (установленіе равнаго для всѣхъ права голоса—отмѣна множественныхъ вотумовъ), вопросы соціальнаго законодательства снова станутъ на очереди дня. Слѣдовательно, ни возсоединеніе партіи, ни возможный расколъ нельзя ни въ какомъ случаѣ приписать вліянію пропорціональнаго представительства.

Столь же неосновательно утвержденіе, что пропорціональные выборы содѣйствуютъ появленію мелкихъ нюансовъ и оттѣнковъ, мѣшая образованію большихъ политическихъ партій. На выборахъ 1900 года въ Бельгіи три большія партіи получили 151 мѣсто въ палатѣ представителей (изъ общаго числа 152 мѣстъ), и лишь одно мѣсто досталось въ Апоэлѣ христіанскимъ демократамъ, которые имѣли своего представителя и при мажоритарной системѣ. Разумѣется, въ разныхъ мѣстахъ были небольшія группы, которыя выста-

вляли свои самостоятельные списки кандидатовъ, но избиратели всюду отвергли ихъ, высказываясь за партійные списки. И въ то же самое время мы видимъ, что въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ мажоритарная система, „нюансы и оттѣнки" представлены въ парламентѣ,—стоитъ только посмотрѣть составъ французской палаты депутатовъ, германскаго рейхстага, австрійскаго рейхсрата, итальянской палаты!

Но возраженія противниковъ пропорціональнаго представительства противорѣчивы,—и намъ и въ этомъ случаѣ приходится аргументировать на два фронта. Въ томъ фактѣ, что три большія партіи получили 151 мѣсто изъ 152-хъ, могутъ увидѣть „тиранію" партій. На это возраженіе мы уже отвѣтили въ 3-ей главѣ, сославшись на примѣры Кольфса въ Брюсселѣ и на провинцію Люксембургъ. Мы видѣли, что избиратель сохраняетъ при пропорціональныхъ выборахъ полную свободу выраженія всей своей воли и что тогда, когда онъ этого желаетъ, онъ имѣетъ полную возможность провести своего кандидата. Дѣло только въ томъ, что партіи, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, составляютъ списки кандидатовъ по соглашенію съ мѣстными избирателями. Списки въ томъ видѣ, въ которомъ они выставляются, являются уже выраженіемъ коллективной воли партіи—и, при нѣкоторой дисциплинѣ, предложенные кандидаты всюду избираются. Но если бы въ данной партіи возникли серьезныя разногласія, и солидная фракція избирателей пожелала выбрать своего представителя, она всегда можетъ это сдѣлать.

Сказаннымъ мы отчасти уже отвѣтили на опасеніе, что пропорціональное представительство сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе прочнаго правительственнаго большинства. Новѣйшая практика парламентскихъ странъ показала, что прочность правительственнаго большинства обусловливается вовсе не тѣмъ, что это большинство состоитъ изъ одной лишь партіи или изъ ряда согласившихся между собою группъ. Во Франціи, странѣ министерскихъ кризисовъ par excellence, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда министерства смѣнялись чуть-ли не каждые 6 мѣсяцевъ, правительственное большинство состояло изъ двухъ партій—оппортунистовъ и радикаловъ, вѣрнѣе даже было бы сказать—изъ одной партіи, такъ мало отличались онѣ другъ отъ друга. За послѣднія-же пять лѣтъ, когда министерское большинство отличается прочностью, прежде во Франціи неизвѣстною (мы говоримъ о третьей республикѣ), оно состоитъ изъ ч я т и разнородныхъ группъ. Поэтому, даже если бы было доказано, что пропор-

ціальное представительство неминуемо ведетъ за собою [illegible]-члененіе партіи на группы (а мы видѣли выше, что это не вѣрно), то и тогда отъ этого нельзя было бы умозаключить, что оно сдѣлаетъ невозможнымъ или даже только затруднитъ созданіе прочнаго правительственнаго большинства и повлечетъ за собою анархію.

Что касается того возраженія, что пропорціональные выборы нарушатъ единство народнаго представительства, то это возраженіе могутъ дѣлать люди, которые нарочито закрываютъ [illegible] на то, что передъ ними происходитъ. Пропорціональные выборы въ этомъ отношеніи ровно ничего не мѣняютъ. Постольку, поскольку въ настоящее время можно, вообще, говорить объ этомъ единствѣ, оно вполнѣ сохраняетъ свою силу и при пропорціональномъ представительствѣ. И въ настоящее время депутаты, которыхъ объединяетъ то, что всѣ они являются представителями того цѣлаго, которое называется народомъ, въ то же время являются избранниками рѣзко враждующихъ между собою партій, считающихъ другъ друга самыми злѣйшими врагами, имѣющихъ самые враждебные интересы.

И въ настоящее время тамъ, гдѣ существуютъ дисциплинированныя партіи, кандидатъ не можетъ быть избранъ безъ помощи и поддержки своей партіи. При пропорціональныхъ выборахъ онъ не больше будетъ зависѣть отъ своей партіи, чѣмъ при мажоритарной системѣ.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ сказать, что мы далеки отъ того, чтобы считать пропорціональное представительство панацеей отъ всѣхъ золъ. Пропорціональные выборы— одинъ изъ институтовъ, при помощи которыхъ можно организовать на раціональныхъ началахъ болѣе или менѣе точное народное представительство. И эта система выборовъ не даетъ представительства всѣмъ, безъ исключенія, политическимъ теченіямъ, но она даетъ возможность мало-мальски вліятельнымъ группамъ имѣть представительство въ парламентѣ, а въ послѣднемъ принимать участіе въ томъ или другомъ видѣ,—въ зависимости отъ того, находятся ли онѣ въ рядахъ оппозиціи или въ рядахъ большинства,—въ управленіи страною.

Е. Смирновъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Д. Кавелина.

Четыре тома, XCIII+4914 сор. текста, съ 3 портретами автора исполненныхъ фототипіей худ. *В. Классена*, статьями акад. А. Ѳ. Кони, В. Д. Спасовича, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова, хронологическимъ спискомъ статей и указателемъ литературы о К. Д. Кавелинѣ.

Содержаніе:

Томъ I: Проф. **Д. А. Корсаковъ:** Жизнь и дѣятельность К. Д. Кавелина.—*Монографіи по русской исторіи*: Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси.—Историческіе труды и изслѣдованія М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина.—**Взглядъ на русскую исторію.**—Мысли и замѣтки о русской исторіи.—**Отвѣтъ И. В. Бѣляеву.**— Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи.—„Изслѣдованія о Русской Правдѣ". „Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси".—„Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова".—„О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго".—Рѣчи, рецензіи, замѣтки,—и проч.

Томъ II: **В. Д. Спасовичъ**: Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ.—1. *Крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе*: Записки объ освобожденіе крестьянъ въ Россіи—Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи—**Дворянство и освобожденіе крестьянъ.**—Общественное значеніе дворянства.—Взглядъ на русскую сельскую общину.—Проектъ поземельной реформы.—Землевладѣніе въ Западной Европѣ.— Крестьянскій вопросъ. —19-ое февраля.—Двѣ рѣчи о крестьянской реформѣ. Письмо къ И. П. Иванюкову,—и проч.—II. *Сельскій бытъ и самоуправленіе:* Письма изъ деревни.—**Уставная грамота.** —Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ.—По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій,—и проч.—III. *Общественныя направленія и политическіе вопросы:* **Чѣмъ намъ быть?—Мысли о выборномъ началѣ.** —**Политическіе призраки.** —**Соціализмъ.**—**О 1880—81 г.** —Письмо къ Ѳ. М. Достоевскому. —**Наши недоразумѣнія.** —**Бюрократія и общество.** Чего только у насъ не бываетъ?—О нашихъ вѣдомствахъ.—Инородцы и иновѣрцы.—**О современныхъ вопросахъ,** и проч.) IV. *Воспоминанія и разныя статьи:* —**Изъ дневника** —Три рѣчи —**Записка о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ.**—Съ Волги. Уѣздъ-латышъ. —П. В. Кирѣевскій. —А. А. Ивановъ. —Н. А. Милютинъ. —Вел. Кн. Елена Павловна.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—П. И. Тютчевъ —Н. А. Заблоцкій. Десятовскій —Н. А. Лукинъ —и проч.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

Томъ III: [illegible] **[illegible]** [illegible] К. Д. Кавелина.— I. *Наука и университеты за границей и у насъ:* Свобода преподаванія и ученія въ Германіи.—Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ. [illegible] на проектъ новаго устава Имп. росс. университетовъ. [illegible]—II. *[illegible]*: [illegible] о современныхъ научныхъ направленіяхъ.—Философія и наука въ Европѣ и у насъ.—[illegible] положительной науки.—[illegible]—Возможно ли метафизическое знаніе?—О [illegible].—**Программа исторіи философіи.—Программа ученія о естественной религіи** и проч.—III. *[illegible]*: Нѣмецкая современная психологія.—Задачи психологіи.—[illegible] критика.—[illegible] стр[illegible].—[illegible] *[illegible]*: Идеализмъ и реализмъ.—Задачи этики. [illegible]—V. *[illegible] и искусство:* Т. Н. Грановскій.—**Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ.**—[illegible] движеніе нашей критики.—Московскіе славянофилы 40-хъ годовъ.—О [illegible] искусства.—„[illegible]“—и проч.

Томъ IV: I. *Этнографія:* Бытъ русскаго народа.—Нѣкоторыя извлеченія изъ собраемыхъ И. Р. Геогр. Общ. этнографич. матеріаловъ о Россіи.—Нѣсколько словъ о [illegible].—О [illegible] и вѣдьмѣ.—II. *Исторія русскаго права и законодательства:* Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ.—„Исторія образованія и развитія системы русск. гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г.“. „Исторія судебныхъ учрежденій“.—„Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства“.—Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ“.—и проч. III. *Гражданское право и [illegible] вообще:* О теоріяхъ владѣнія.—О руководствѣ къ россійскимъ законамъ.—Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ, прусскимъ.—Объ ограниченіи гражданской правоспособности въ Россіи по состояніямъ и званіямъ. О неполномъ правѣ собственности по Своду Законовъ.—Объ учетѣ досрочныхъ платежей по обязательствамъ.—О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ.—**Записка о различіи законовъ и постановленій.**—Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?—Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ. Какое мѣсто занимаетъ гражданское право въ системѣ права вообще?—и проч.—IV. *Гражданское Уложеніе:* Чего желательно для Россіи: новаго Свода Законовъ или Уложенія?—Русское гражданское Уложеніе.—Права семейственныя.—Право наслѣдованія.

(Статьи набраны **жирнымъ** шрифтомъ, напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи).

Цѣна за всѣ четыре тома 10 рублей.

Допускается разсрочка платежа: при заказѣ и полученіи I и II т.т. по 3 р., III и IV т.т. по 2 р. или—при заказѣ 3 р. и ежемѣсячные взносы отъ 1 р.—При высылкѣ изданія **наложеннымъ платежомъ въ разсрочку** *необходимо* указать черезъ какіе сроки высылать тома.

Выписывающіе изъ конторы книгоиздательства Н. Глаголева на 1 рубль и болѣе за пересылку *не* платятъ.—Съ требованіями просятъ обращаться ***исключительно*** по адресу ***конторы книгоиздательства Н. Глаголева: С.-Петербургъ. Невскій пр., 92***

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

Только что поступили въ продажу:

Танъ. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

2-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Содержаніе:

Томъ I: 1). Изъ хроники города Пропадинска: На каникулахъ.—Рыбаки.—На красномъ камнѣ.—Елка.—Ожилъ.—На растительной пищѣ.—Возвращеніе. 2). Пашенькина смерть.

Томъ II. По бѣлу свѣту: У входа въ Новый Свѣтъ.—Черный студентъ.—Въ Японіи.—Золотыя утки.—На сѣверѣ дальнемъ.—Море бурное.—Домой.—По Манчжурской дорогѣ.

Томъ III. Чукотскіе разсказы, книга 1-ая: На каменномъ мысу.—Кривоногій.—На мертвомъ стойбищѣ.—Праздникъ.—На рѣкѣ Россомашьей.—У Григорьихи.—Русскій чукча.

Томъ IV: Чукотскіе разсказы, книга 2-ая: Восемь племенъ.—На пьяной ярмаркѣ.—Кто первый пролилъ на землѣ кровь.

Томъ V: Русскіе въ Канадѣ (очерки изъ жизни духоборовъ).

Томъ VI: За океаномъ (повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ).

Цѣна каждаго тома **1** руб.—Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

Томъ III допущенъ Уч. Ком. М. Н. П. въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

1). Полное собраніе повѣстей и разсказовъ.

2-е ИЗДАНІЕ.

Содержаніе:

Томъ I: На краю лѣсовъ.

„ II: Предѣлъ скорби.—Китайскіе разсказы: Янгъ-цунъ-дзы.—Воксеръ.—Куши.

Цѣна каждаго тома **1** рубль. Каждый томъ можно пріобрѣтать отдѣльно.

2). ПУСТЫННЫЙ ОСТРОВЪ.

Разсказъ изъ жизни дѣтей. Иллюстраціи худ. *Горскаго*. Цѣна въ папкѣ **40** к., на веленевой бумагѣ, въ тисненомъ золотомъ переплетѣ—**80** коп

Уч. Ком. М. Н. П. допущенъ въ библіотеки низшихъ училищъ.

Выписывающіе изъ конторы книгоиздательства Н. Глаголева на **1** рубль и болѣе за пересылку *не* платятъ.—Съ требованіями просятъ обращаться *исключительно* по адресу *конторы книгоиздательства Н. Глаголева: С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.*

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.)

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ.

Сочиненія, вып. I:

КЪ ОСВѢЩЕНІЮ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА.

СОЦІАЛЬНЫЯ ПИСЬМА КЪ фонъ-КИРХМАНУ.

Письмо второе и третье.

Переводъ съ нѣмецкаго проф. *М. Н. Соболева.*

XII+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Гансъ Лейссъ.

Въ исправительной тюрьмѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Э. Зиновьевой.*

IV+316 стр. Цѣна 1 рубль.

Е. Войничъ. ОВОДЪ.

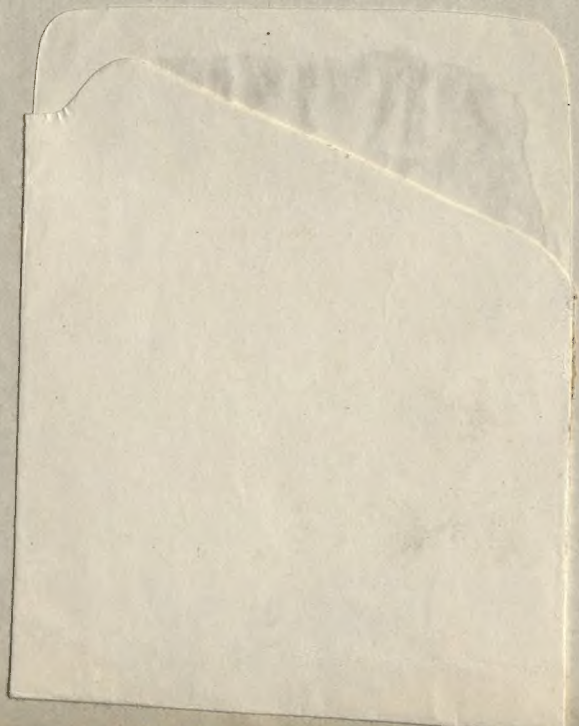
Романъ изъ жизни революціонной Италіи XIX вѣка. Переводъ съ англійскаго *З. Венгеровой.* **2-ое** исправленное и дополненное изданіе. 332 стр. Цѣна **80** коп.

„Яркій, сильный, увлекательный романъ изъ жизни „Молодой Италіи"... заражаетъ тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которымъ были охвачены ея дѣятели. Даже какъ-то странно въ наше время натолкнуться на такую юношеско-свѣжую книгу. Идейное содержаніе романа широко и значительно, его дѣйствующія лица очерчены ясно и опредѣленно увѣренной рукой, но не это дѣлаетъ его такимъ интереснымъ, а его фабула, та художественная выдумка, которою насъ такъ мало избаловала современная литература... Талантливый разсказъ возвращаетъ насъ къ тому общественному настроенію, при которомъ героизмъ становится дѣломъ естественнымъ и обычнымъ. Тѣмъ, кто съ вѣрой въ побѣ[illegible] и съ скорбью о павшихъ чутко прислушивается къ біенію пульса нет оп, сильная книга Войничъ дастъ глубокое духовное и нравственое удовлетвореніе".

(„Русское Богатство").

Выписывающіе изъ конторы книгоиздательства Н. Глаголева на 1 рубль и болѣе за пересылку *не* платятъ.—Съ требованіями просятъ обращаться *исключительно* по адресу *конторы книгоиздательства Н. Глаголева: С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.*

Тип. Б.-М. Вольфа: Разъѣзжая, 15.

Издательское Товарищество
И-я. ТОЛСТОВЪ
въ Москвѣ.

10 Ef 111